

БЕЖИМЪ

ДУКТОП

ALEX BEREST

Попаданец в Великое княжество Финляндское в конец 19 века. Впереди непростое и лихое время, и надо сделать выбор, как помочь своей предыдущей Родине, но и не предать новую...

Глава 1

Голова не просто болела, голова раскалывалась. Раскаленные иглы впивались в мозг, перед глазами летали искры, время от времени трансформирующиеся в поле точек или клеточек. Так продолжалось до тех пор, пока мне на голову не вылили ледяной воды.

Боль как рукой сняло, а в глазах просветлело и стали проступали пока неясные образы. Вскоре я смог различить один из образов. Лицо чумазой девочки лет десяти на вид, которая наклонившись, трясла меня за плечи. При этом несла какую-то тарабарщину, в которой проскакивал откровенный мат.

— Матти! Херата! Миеллутта! — и снова по кругу, как в заезжей пластинке. — Матти! Херата! Миеллутта!

Мне, все эти её неприличные причитания почему-то напомнили ругательства из старого фильма «Самолёт летит в Россию» — свилога, балюна, люзгар, шарам. От подобного сравнения и вспомнившихся мгновенно смешных сцен я засмеялся. Ну как засмеялся? Попытался. В результате просто закашлялся прямо в лицо испуганно дернувшейся девчонке. Которая тут же радостно залепетала на своём матерном.

— Матти! Матти виркеа, елосса! Куни! Куни нейтсут мариа.

Ишь чего захотела! Куни ей подавай. Извращенка малолетняя. Нет, нет, я на такое не подписывался. В протестном жесте я выставил перед собой руки и в удивлении застыл, руки были не мои. Мля! Детские, жутко грязные ручонки, чуть ли не младенца.

Пошевелил пальцами перед глазами. Сгибаются и разгибаются по моему хотению, а значит они теперь мои. И какой отсюда вывод? Моё сознание находится в теле ребёнка. Так, стоп, а что ты помнишь последнего? Ну, кроме вот этого непонятно леса. Лес? Вокруг лес? Точно, он, смешанный, хвойный с лиственным.

И девочка. В грязной клетчатой юбке или платье, потому что верх её одежды тоже был клетчатым. И грязно-красная налобная повязка. Зачем? На бандану и хатимаки не похоже. Да и сама девочка была явно европейка. Соломенные волосы и голубые глаза, почти арийка. А чего это она кулак прикусила и подвывать стала? Неужто я такой страшный? Даже матюкаться перестала, сердешная.

О! Еще один абориген нарисовался. Мальчишка, лет десяти, тоже соломенноволосый. В длинных шортах и косоворотке, а на голове тубетейка. Что у него на ногах, не вижу, неудобно лежу.

— Мика ханта вайва? — спросил он на своем тарабарском у девчонки, которая продолжала грызть свой кулак и подвывать. — Тю, васта! — Но девочка никак не отреагировала на его волшебные слова, и тогда он, подойдя ко мне, стал поднимать меня с земли со словами. — Нут Матти, нут. Вин синут котин.

Последние слова были чем-то похожи на латынь. Или он мне про какого-то кота рассказывал? Пока я предавался размышлениям, мальчишка поднял меня на руки и куда-то потащил. Пришлось, чтобы не сверзиться со своего носителя, обхватить его своими ручонками за шею.

Своими? Я уже признал их своими? Стоп, а о чём я хотел недавно вспомнить? А! Чтс было до этого всего, детского-лесного?

Помню! А что я помню? Был в магазине. В каком? А оно важно? Нет, наверное. Вышел на улицу и спустился по ступенькам, а на последней поскользнулся. И стал падать назад. А

потом головная боль и мельтешение перед глазами. Ну, неудивительно, ступеньки с металлическими уголками. Если ты затылком о такой уголок со всей своей дури приложился, то вариантов всего два.

Первый, я выжил и лежу под наркотой в коме, а все вокруг меня, просто глюки.

Второй, я помер и попал в тело какого-то ребёнка. Судя по лесу кругом и непонятному языку, может даже и не в наш мир. К эльфам, например. Хотя нет, уши у детей вполне нормальные, только довольно грязные. Одно такое я сейчас и наблюдаю, положив свою голову на плечо мальчика. Значит, какое-то средневековье.

Плохо что не в СССР. Я, как раз вчера, закончил читать книгу про попаданца в прошлое. Как он лихо писал книги и песни, зарабатывая многие тысячи рублей. Здесь это точно не получится. Сначала надо будет выучить этот матерно-тарабарский язык.

А что я вообще умею? Петь? Нет, только если в караоке. Вряд ли здесь подобное есть. Могу неплохо печатать на клавиатуре, после многих сотен тысяч комментариев оставленных мной по различным форумам и социальным сетям. Даже несмотря на свои громадные и грубые пальцы. Но вряд ли этот навык здесь востребован.

Я покосился на свою нынешнюю, детскую лапку и непроизвольно скривился, нет, не то. Своими большими и сильными пальцами я запросто откручивал гайки на двигателях. О! Я разбираю двигатели? Точно! Вспомнил! Большущий цех с кучей станков и массой людей, работающих на них. Я разбираю и собираю двигатели. Автомобильные, тракторные, лодочные. Много-много разных. Сливал масло, а потом заливал новое. Менял прокладки и регулировал зазоры в клапанах. Но вот что это за работа, как называется и где находится, я не помню.

— Олеме мелкиен перила, — прохрипел мне почти в самое ухо несущий меня мальчишка, чем и отвлек от самокопания.

Опаньки, почти цивилизация. Пацан шуровал по хорошо укатанной дороге, местами даже с щебёночным покрытием. Пошли какие-то строения, а вокруг нас заскакали два собакена, дворовой наружности и вроде бы настроенные дружелюбно, вон как хвосты крутятся.

Так как несли меня тылом вперёд, а лицом назад, то появление новых строений и персонажей воспринимал, как говориться, пост-фактум. Так что, когда меня вырвали из рук мальчишки, я испуганно дёрнулся, голову прострелила вспышка боли, и моё сознание уплыло в темноту.

.....

Очнулся я от тряски. Долго не мог сообразить, что происходит, где я и что со мной. Но затем мозг подкинул воспоминаний, а неведомо кто, поправляя что-то подо мной, приподнял меня, и я узрел часть крупа лошади. Которая тащила наше транспортное средство в неведомую даль. На передней лавке, спиной ко мне, сидел водитель. Лавка? Или облучок? Какая, впрочем, нахрен, разница? Меня больше занимало, что там вокруг. Судя по тряске и цокоту подкованных копыт лошади, мы ехали по брусчатке. Я сделал попытку приподняться, но кто-то, сидевший позади меня, не дал мне этого сделать, придержав рукой.

— Оле керсивалинен пойка, — мягко, но настойчиво, произнес неизвестный, прокуранным и грубым голосом.

Ну и ладно, не очень и хотелось. Или, очень? То, что хотелось, это точно. А что он сказал? Пойка? Знакомое какое-то слово.

Тем временем наш тарантас въехал на мост, что легко было определить по появившейся

сверху стальной ажурной конструкции. О! Это точно цивилизация. А когда вдальеке раздался гудок и явно паровозное пыхтение, я окончательно успокоился, решив, что мне не грозит средневековье. Осталось только выяснить, куда же я попал?

Ответ на этот вопрос я получил уже минут через десять, когда меня, закутанного в какой-то плед, вынули из нутра повозки и понесли к массивному каменному двухэтажному дому. На входе были вывески, но прочитать или даже рассмотреть я их не смог. Как и флаг, который ветром замотало на наклонном древке так, что было видно только грязно-белую ткань.

— Куда прёте? Не видите, вымыто! — внезапно заорали на нас женским голосом, на чистейшем русском языке. — Ой, это у вас ребёночек? Давайте его сюды. Кладите сюды. Головка пробита? Охти матушки мои. Откуда вы?

— Яали, — ответил женщине более молодой голос. Наверное, это тот мужик, что на облучке сидел.

— И выдержал? Не помер? Значит и еще подождёт. Дохтур на операции. Освободится, посмотрит мальчика. Раз пятнадцать вёрст пережил, то и сейчас дождётся. Мне записать надо ребетёнка. Кто он, как звать, откуда, кто отец. Только на русском, я плохо по вашему ещё говорю.

После минутных эмоциональных переговоров на местном, тарабарском языке между моими возчиками, я наконец узнал как меня сейчас зовут, возраст и место жительства, и многое тут же стало на свои места.

— Матти Маттипойка Хухта, — произнёс молодой мужской голос, а женский, тут же всё перевел на русский:

— Ага, значиться Матвей Матвеевич Хухта. Или, Хухты?

— Хухта!

— Записала. Год рождения какой и дата.

— Одна тысяча восемьсот девяносто второй год, июнь месяц, десятое число.

— Два годика значится. Отец кто?

— Вот он, — явно не понял отвечающий вопроса и, видимо, указал на второго мужчину.

— Я не об этом. Звать как?

— А! Матти Каукопойка Хухта.

— Матвей, пусть будет Николаевич, Хухта. Живёте где?

— Гимна Яали.

— Ясно. Село Яали, Уалеоборгского уезда, Уалеоборгской губернии, Великог княжества Финляндского. Всё. Ждите. Дохтур к вам выйдет.

Попал, так попал. В девятнадцатый век, пусть и в последнее его десятилетие, да еще и в Финляндию. Вот, оказывается, на каком со мной пытались общаться. Теперь придётся молчать и учить. Ну, с молчанием все очень просто, возраст еще не шибко тот, когда взахлёб разговаривают. Да и вообще, пусть на травму головы думают, если я буду чудачить. Главное, выжить и повзрослеть, а там примем решение, что делать и кто виноват.

Доктором оказался лысоватый мужик, выглядевший лет на шестьдесят. Хотя, они тут рано стареют, так что ему может быть и пятьдесят, и даже сорок. Осмотрев мою рану, он набулькал чего-то в мензурку и дал мне выпить, из-за чего через минуту глаза мои закрылись, и я уснул.

Тюуне лежала на лавке и жалобно постанывала, скорее напоказ, чем действительно от боли. Ведь на соседних лавках сидели почти все её братья и сестра Аня. Самый старший из

присутствовавших братьев, Эса, молча покуривал свою трубочку и с непонятым выражением лица рассматривал стонущую Тюуне.

Тринадцатилетний Ахти с завистью косился на пыхающего табачным дымом Эса, но попыток попросить затануться даже и не делал. У него еще была свежа в памяти порка, которую устроил ему отец, когда поймал его за курением. И порол он его посильнее, чем эту стонущую дуру, которую порол дед Кауко, явно жалея любимую внучку. Ахти тогда неделю стоял ел и на животе спал.

— Кауко с отцом приехали, — влетела в детский дворик, где они все после ужина и собрались, Анья. Которая, услышав скрип открываемых ворот, метнулась узнать, что происходит.

Испуганно замолчала стонущая Тюуне, не ожидавшая ничего хорошего от приезда старшего брата и отца. Пороть-то родитель её уже не будет, но за уши оттягать, как матушка недавно, вполне может. Отвлеклась на малинку, уронила братика. Как он там, интересно? Жив? А вдруг он помер? Тело обдало холодком, сердечко забухало, но Тюуне нашла в себе силы спросить у сестрёнки:

— Ань, а Матти с ними?

— Матти в больнице, — неожиданно, ответил ей голос отца. — Я смотрю, дед тебя уже наказал! — подошедший мужчина бесцеремонно задрал рубаху ей на голову, явно оценивая сделанное своим старым отцом. — Пожалел тебя дед, — он грубо задернул рубаху назад, на поротую спину и задницу, и присев, заглянул в испуганные глаза дочери. — Ты виновата не в том, что не удержала брата. А в том, что вообще потащила его в лес. Был запрет?

— Да, папа, — пропищала испуганная девочка.

— Значит, виновата. Месяц без ужина, — обозначил он своё наказание. — Ты поняла?

— Да, папа, да! Я поняла! — зачастила Тюуне.

— Легко отделалась, — вынес вердикт Эса, дождавшись, пока родитель покинет детский дворик. — Значит, с Матти всё не так плохо как рассказывал Ахти. — И он покосился на возмущенно вскинувшегося младшего брата.

— Да у меня половина рубахи его кровью залито было, — неожиданно тонко просипел мальчишка, голос которого стал ломаться и временами выкидывал подобные коленца. — Баба Ютта сказала, что уже не отстирать.

— А ну, цыц, мелочь! — пробасил новый персонаж, появившийся в их дворике. — С Матти всё хорошо. Ему сделали операцию и зашили голову, сказали забрать через два дня. Мама завтра повезет продукты ему.

Самый старший из братьев, Кауко Хухта, оглядел притихших детей и, достав из принесенного с собой узелка крынку со сметанной, направился к лежащей на лавке Тюуне.

— Ну, что, Тю? Получила урок? Сейчас я тебя малость подлечу. — И опустившись перед ней на колени, вновь задрал рубаху девочки ей на голову, принялся наносить и размазывать густую сметану по красным следам от ударов розг на спине и ягодицах.

Тюуне было временами больно из-за прикосновений пальцев брата к шрамам от розг, но холодная сметана приятно гасила боль, и девочка терпела, понимая, что это нужно сделать. Рано или поздно. Уж лучше руки брата со сметаной, чем жгучий скипидар от бабулек.

.....

Очнулся я после операции только на следующее утро от диких стонов чуть ли не на ухо. С трудом разлепив глаза, осмотрелся. Какая-то каморка с половинкой окна и на три кровати. На соседней сидел мальчик лет десяти-одиннадцати и, под довольно громкое подвывание,

баюкал культю левой руки. Сквозь кулёк намотанных бинтов у него уже проступила кровь. А сам виноват, не надо ею махать и её же теревить. Больно, понимаю, но так фиг у него шов на культе заживёт.

Интересно, а откуда я это знаю? Ну, про швы и культю? Может, читал где? Ладно, потом повспоминаю, сейчас только пить хочется. Во рту дикий сушняк, как после похмелья или приёма антибиотиков. Не иначе меня вчера усыпили при помощи какой-то наркоты. Интересно, какой? Но поразмышлять на эту тему, а тем более попытаться найти воды, я не успел. Увидев, что я очнулся и смотрю на него, соседский мальчишка зло оскалился и почти выплюнул в мою сторону непонятную фразу, очень смахивающую на ругань.

— Хуорапэнникка, хае ветта!

— Кхрр, кха, шшс! — попытался я не остаться в долгу, но пересохшее горло и непослушный язык трансформировали моё «кисс май асс» в неведомую хрень. Ну, хоть руки меня слушаются, и я смог показать ему средний палец на правой руке.

Пацан удивленно на меня вытаращился, потом осклабился и уже набрал в грудь воздуха, чтобы продолжить наше, явно высококультурное, общение, но ничего сделать не успел. В комнату вошли две женщины и боевой запал соседа моментально сдулся.

— Ой, ты уже проснулся, а тут матушка к тебе приехала, — радостным тоном проворковала мне женщина в белом платье с красным крестом на груди. — Ты опять перевязку трогал? — при виде мальчишки с кровью на бинтах она, тут же забыв про меня и про приведенную ею женщину, схватила его за здоровую руку и куда-то поволокла.

— Мита куули пойка? — спросила у меня оставшаяся женщина, а до меня только сейчас дошло, что услышанное ещё вчера слово «пойка», переводиться на русский как «сын». Вот только откуда я это знаю? Я, что? В Финляндию ездил?

Моя новая мама тем временем напоила меня водой, обула в вязанные тапочки и за руку сводила к отхожему месту. И все это время продолжала говорить, говорить и говорить. Я в ответ только глупо улыбался, не понимая ни единого слова. При моих улыбках женщина тоже начинала улыбаться, ерошить мне волосы выбивающиеся из под бинтов и радостно вздыхать. Похоже, мне досталась неплохая мама, и это радовало. Так как вспомнить своих родителей из прошлой жизни я так и не смог. Помнил только кладбище и три гранитных памятника, маме, отцу и брату. Как в тумане, никаких надписей и фотографий.

С семьёй было получше. Помнил жену Веру и двух сыновей-близнецов, Толика и Тошку. А еще в нашей большой четырехкомнатной квартире на последнем этаже семнадцатизэтажной свечки, построенной в самом конце СССР, жила чёрная кошка по имени Мышь. А также три персональных компьютера, один ноутбук и неучтённое количество мобильной электроники. Сыновей помнил. Супругу тоже. Даже кошку по имени Мышь, которая каждую ночь спала у меня в ногах. Но вот, себя, нет. Ни внешности, ни имени, отчества и фамилии, ничего. Правда, я не знал имени и финской мамы моего нынешнего тела. Да и красотой она, на мой взгляд, не блистала, но и откровенной уродиной тоже не была.

Пока я копался в своей памяти и пытался «вспомнить всё», моя новая мама меня накормила вкуснейшей ухой и кусочками явно озёрной рыбы, очищенной от косточек. А на десерт была калитка с творогом и малиновый морс.

Фух. Объялся. Прилёг на кровать. И не заметил, как уснул. Правда, поспать мне удалось не долго, пришла сестра милосердия и повела меня на перевязку, запретив матери идти вместе с нами.

Снятие присохшего к ране тканевого тампона, то еще развлечение. А потом еще и выдергивание присохших ниточек, обработка, новое бинтование. Я терпел, тем более меня отвлекал монолог врача, который на русском языке, диктовал медицинской сестре что со мной делали и рекомендации для дальнейшего лечения.

Так я и узнал, что кожные повреждения не обширны, хватило всего четырёх швов, свод черепа не повреждён и всякое прочее, на непонятном мне медицинском языке девятнадцатого века. Радовало одно, что завтра меня выпишут и приехать будет нужно только через неделю для снятия швов.

Глава 2

— Эх, дождём разрушит эту красоту скоро. Вон, правая башня уже поплыла, — сокрушался Ахти глядя на песчаную крепость, которую построил малыш Матти.

— Можно навес сделать, — внес предложение Эса. — Только вряд ли отец досок на это даст. — И он вопросительно посмотрел на старшего брата Кауко, который частенько приходил в их детский дворик, скрываясь от своей беременной жены.

— Точно не даст, — разрушил он все надежды. — Но Матти построит еще лучше. Правда, братик?

— Угу, — проворчал я, пытаясь согреть озябшие ступни под рогожкой порванного мешка.

За прошедшее лето, я выучил много финских слов и уже почти полностью понимал о чём говорят аборигены. Отвечал на вопросы правда коряво, с неправильными ударениями или даже совсем неправильно составляя слово. Но меня быстро поправляли и заставляли произносить правильно до тех пор пока не запомню.

Пасли теперь меня, после того несчастного случая, очень строго. Со двора выпускали только в большой компании, а так предпочитали запирать в детском дворике. Местные отделили часть двора, поставили там лавки, насыпали кучу песка и содержали там детишек моего примерно возраста, когда все взрослые были заняты на работах. Такого рода, большой манеж. Видимо, все отпрыски семьи Хухта прошли через это место, и теперь в нём они собирались ежедневно. Посидеть, полежать, поболтать, а старшие и покурить. И никто из взрослых не покушался на это детское место, по крайней мере, по вечерам точно.

Чаще всего присматривать за мной оставляли младшую из девочек, восьмилетнюю Анью, имя которой я сразу переключил в Аню, а затем, за мной, так стали её звать и остальные. Аню была девочкой тихой и не конфликтной в отличие от старшей сестры Тюуне, в сокращении, Тю.

Эта та, которая отвлеклась на малину и, оступившись, уронила себя и моё нынешнее тело вместе со старым владельцем на камень в кустах. Когда меня привезли из больницы, она первая бросилась ко мне, упала на колени и стала что-то эмоционального говорить, видимо просила прощения. А я ни хрена не понял из её речи кроме многочисленного повторения своего нового имени, но всё равно обнял её и поцеловал в щёку, что и было расценено ею и окружающими как знак прощения.

И именно она чаще всего выступала в роли моего учителя, когда исправляла неправильно произнесенный мной слова или поставленные ударения, а так как я воспринимал это на полном серьёзе, то часто, вместе с Аню, становился учеником импровизированной школы одной одиннадцатилетней учительницы.

Но, в основном, проводил время только с молчуньей Аню и, чтобы не закуснуть от скуки, придумывал себе развлечения. Так, одним из них стала песчаная крепость. В прошлой жизни я со своими мальчишками каждый год ездил на Чёрное море в Анапу. И вот именно там научился возводить настоящие города из песка чтобы развлечь детей и себя.

Вот и здесь. Сначала построил одну квадратную башню с бойницами и зубчиками, затем стену и вторую башню. И так увлёкся, что за месяц возникла целая фантастическая

цитадель, на которую приходили пялиться не только все местные хуторские дети, но и почти все взрослые. Хотя, на мой искушённый взгляд, получилось так себе, все-таки ручки двухлетнего ребенка еще не обладают нужной моторикой.

Единственным минусом всего этого лета было то, что оно холодное. Температура не поднималась выше плюс восемнадцати, иногда двадцати градусов. А все местные, включая иногда и взрослых, ходили босиком. Ну и мне приходилось. Бррр.

Грязи особой не было, так как земля, на которой стоял хутор, была песчаной, но и прогревалась не очень. Из-за чего мои лапки постоянно мерзли, и я пытался их спрятать погреться хоть куда. Зато в доме все носили вязанные тапочки, да и печь топили частенько.

— И как он это только придумал? Где он это всё увидел? — удивлялся моим способностям братец Ахти.

— В книжках Эса, Ахти, — влезла в разговор мальчишек Тю. — Я у него спрашивала, а он показал на книжку, где про двух рыцарей.

— А, Дон Кихот, — понял мальчишка. — Да, там много картинок с замками. Но всё равно, очень хорошо у него крепость получилась, — похвалил он мои таланты.

— Магги у нас красивый и умный, — изрек старший Кауко, названный так в честь деда, отца нашего отца.

И неожиданно подскочив к моей лавке, сгрёб меня в охапку, куда-то себе под мышку и принялся ерошить мне волосы, теревить за щечки и щекотать рёбра. Я сначала возмущенно пищал, а потом от щекотки расхохотался, дернул ногами и рогожка, каким-то чудом державшаяся на моих ступнях, улетела точно на голову Тю. От чего та испуганно вскрикнула, дернулась и свалилась прямо в старое деревянное корыто, в котором была вода для моего строительства. И к моему звонкому и залиvistому смеху, примешались её возмущенные вопли и дружное ржание старших братцев.

.....

Хутор ОнкиниEMI находится рядом с одноименным озером и в ста метрах от села Яали, в Северной Похьяньмаа, что звучало для меня почти как северный Пхеньян... Всё это я выяснил уже в конце лета, когда мне немного ослабили режим содержания и меня стали водить по округе, показывая интересные места. Конечно, интересные в первую очередь тем, кто в данной прогулке меня сопровождал.

Пацаны таскали меня на озеро и в село, играть с местными в прятки, и в странную разновидность городков, «Кююккя». Естественно, я не играл, а сидел где-нибудь в сторонке чтобы меня не затоптали или не прибили битой и был полностью предоставлен сам себе.

Девчонки водили меня к своим подружкам, где мне приходилось играть роль живой игрушки. Что мне категорически не нравилось, и я старался всеми правдами и неправдами избежать прогулок с ними. Вплоть до того, что садился на землю и отказывался с ними идти. После того как Тю меня уронила, она даже притрагиваться ко мне боялась. Аню же была маленькой и щуплой чтобы поднять меня и куда-либо тащить.

А взрослые женщины водили меня только в церковь. Вместе со всеми остальными детьми. Хорошо хоть не каждый день, а только по воскресеньям. Оказывается, финны евангелисты-лютеране, а не католики, как я считал раньше. При помощи бабушки Тейи, мамы моей новой мамы, я даже смог выучить наизусть символ веры, хотя две трети слов так и не понял.

Отец каждую субботу брал меня на посиделки с местными мужиками. Они там бухали пиво и нечто под названием «коскенкорва», закусывая это рыбой и салом. Стреляли из своих

винтовок по разным мишеням и обсуждали политику и женщин. И я там был не один такой мелкий.

Местный кузнец приводил своего сына Тойво, который был на год меня старше, но по росту такой же маленький, как и я. Плюс, дядя Каарло, младший брат отца, иногда приводил своего первенца и моего погодка, Армаса. А местный сельский полицейский, констебль, дядя Раймо, приводил десятилетнего сына Мартти.

Нашим основным развлечением, был сбор стрелянных гильз и шишек для костра. Старшему, Мартти, было откровенно скучно с нами возиться, и он постоянно терся возле взрослых, которые, наоборот, прогоняли его к нам.

От нечего делать я показал пацанам как можно использовать стрелянные гильзы вместо свистулек. Это развлечение очень понравилось мелким, но не понравилось нашим отцам. Тогда я придумал игру в гильзы. Как мы в детстве играли в колпачки от зонтиков, ставя каждый по одному колпачку к подъездным ступенькам и кидали по очереди в этот ряд колпачок-биту, старая выбить как можно больше. Так и здесь, раздал каждому по одинаковому количеству гильз и показал что делать.

Игру мелкие не поняли, хотя она и напоминала местную разновидность игры в бабки, которую здесь называли «перуна», то есть картошка. Ну, понятно что покидать куда-то гильзы прикольно, но саму идею, выбивать и так выигрывать, понял только Мартти, с которым мы и играли в гильзы. Впрочем, нашим отцам игра тоже понравилась. Правда, прилично подвыпив, они чаще промахивались, чем попадали, но от этого изрядно веселились и прикалывались друг над другом. Очень скоро об игре в гильзы узнали все окрестные мальчишки, а через год в неё играли уже по всему уезду.

Вот именно на подобных мероприятиях я из разговоров мужиков и узнал местные названия и социальное положение моей семьи.

Наша семья Хухта, что в переводе означало лесную поляну, была податными крестьянами, владеющими землёй, а самое главное, во владении моей семьи было и небольшое озеро «ОнкиниEMI». И вообще, все в той компании охотников пострелять были людьми уважаемыми и обеспеченными, хоть и ходили иногда босиком.

Кроме всего прочего оказалось, что вся эта компашка являлась ещё и местной ячейкой «Финской партии», что бы это не значило. Но мало этого, все они считали себя «младофиннами». «Младотурков» я помнил, а вот про «младофиннов» не знал вообще ничего. Может, это всё-таки не мой мир?

Ну, а мои деды, дед Кауко, отец моего отца и дед Хейди, отец моей матушки, при любой возможности тащили меня в баню, париться и мыться. От чего я даже и не подумывал отказываться. В бане было тепло, в отличие от финского лета. На верхние полки, в самую жару, меня не пускали, но мне и внизу было хорошо. К тому же, в предбаннике всегда был вкусный ягодный морс.

Сказать по правде, я ожидал увидеть классическую финскую сауну, а попал в классическую русскую баню, правда топившуюся по-белому. С неизменными дубовыми вениками и шайками для воды.

Большую баню, которая была пристроена к дому, топили раз в неделю, по субботам. А вот маленькую, рядом с небольшим домиком, где когда-то жили родители отца, топили каждый день. Потому что бизнес нашей семьи основывался в основном на выращивании, ловле и продаже озёрной рыбы. Как свежей, так и солёной, копчёной и даже тухлой, которую, как я понимаю, брала шведская община Улеаборга.

И вообще, мне досталась какая-то неправильная Финляндия. Здесь все строили заборы вокруг своих участков. А некоторые, как моя семья и наши родственные семьи, огораживали свои участки домом, баней и хозяйственными постройками с несколькими внутренними дворами. Как у нас, общий двор, детский дворик и за большим и длинным дровняком, еще и скотный двор. Больше всего, это напоминало небольшой форт.

Насколько я помнил из своего времени, наши финны заборов не строили, а если и строили, то не выше колена. Ну, не могут же народные традиции поменяться за сто лет! Или могут?

Головные уборы, которые здесь все носили повсеместно, ничуть не напоминали те вязанные шлемы с ушами в которых всегда представляют современных финнов в моём мире. Девочки и девушки носили налобные повязки, а все остальные женщины, платки. Мальчики и парни щеголяли, кто в картузах, а кто и в самых натуральных тубетейках или кипах.

Мне тоже такую пытались навязать, но я специально, постоянно, её где-нибудь забывал, и вскоре от меня отстали.

Мужчины носили картузы, а те, кто побогаче, непонятные шляпы, напоминавшие приплюснутые котелки, и почти все носили на поясе ножны с ножом. Эти ножи у всех были разные. Мужчины клана Хухта носили ножи с очень небольшим лезвием, специально для разделки рыбы.

.....

В августе пошли дожди, и мне, наконец, выдали долгожданную обувь. Маленькие кожаные сапожки были, правда, на пару размеров больше моей лапки, но это решалось наматыванием толстых портянок.

Самое обидное, что самому мне обуваться не разрешили. Меня всегда обували или матушка, или сестрички с бабками. Вязали портянки на ноге тоже очень странным способом. Вроде бы и конвертом, как меня научили в советской армии, но, в тоже время, мою ногу ставили не с края портянки, а по центру.

После долгих размышлений, я пришёл к выводу, что это немецкий способ, отлично подходивший для ботинок, но не для сапог. Практика показала, что так оно на самом деле и есть. Через часик активного гулянья, портянка в сапожке съезжала в сторону и начинала натирать ногу. Приходилось уже самому перевязывать её по самой надёжной советской системе.

То, что меня обувают женщины, очень не понравилась моему отцу, и он решил научить меня самообслуживанию в данном вопросе.

— Матти, иди сюда, — позвал он меня в один из дней. — Матти, ты мужчина и должен сам одеваться и обуваться, а не надеяться на женщин. Ты меня понял?

— ... — я на всякий случай кивнул и одновременно пожал плечами. Чего он хочет от двухлетнего малыша? Или все мои братья и сёстры были настолько вундеркиндами, что сами одевались и обувались в этом возрасте?

— Значит, смотри, — он поставил мою ножку на портянку и завязал её немецким способом. — А теперь сам в сапог ногу вставь, — и дождался когда я это выполню, командовал, — Разувайся, снимай портянку и завяжи её сам, как я показал.

Разулся, развязался, но завязывать так, как он показал, я не спешил. Раздумывал как поступить. Протупить как и протупил бы любой двухлетний малыш или сделать по-своему? Мою задумчивость, отец интерпретировал по-своему.

— Что? Уже забыл? А мне все вокруг говорят, Матти — умный. А ты даже ничего

запомнить не можешь.

Так и хотелось спросить его, что он помнит из своего двухлетия и когда дед Кауко его научил завязывать портянки? Но вместо этого, зло зыркнул на папашу и, поставив ногу на край портянки, завязал её по-своему, после чего и вбил ногу в сапожок. Точно также поступил и со второй ступнёй.

— Не понял. Ты сейчас, что сделал? Ты как её завязал?

Я в ответ пожал плечами и пропищал:

— Так лучше, — и подняв вверх свою мордашу, нагло уставился в глаза папахена.

Так мы и стояли, плясь друг на друга наверное с полминуты, пока сзади к отцу не подкрался дед Кауко и не отвесил ему тяжёлый подзатыльник. Отец от неожиданности подпрыгнул и, развернувшись назад, с явным намерением покарать обидчика, споткнулся об злой взгляд своего родителя.

— Яялио! Инва! Ты чего из Матти хельмё делаешь?

Слово хельмё я уже знал, это значит дурак по русски, а первые два мне слышать еще не доводилось, и явно они были тоже ругательствами. Надо будет запомнить.

— Ты сам в каком возрасте научился портянки завязывать? А? Чего молчишь? — как будто прочитав мои мысли, дед по полной наехал на сына.

— Да я, это. Не помню, — явно смутился и покраснел мой здоровяк отец.

— Зато я помню! В шесть лет! Я тебя два раза порол, пока ты не запомнил! — продолжал орать дед, на крики которого сбежались все обитатели дома. — А ему, — он ткнул в мою сторону пальцем. — Всего два года! Тоже будешь пороть, или ты полная паскапя?

О! Еще одно новое слово и тоже, видимо, ругательное. И его в копилку.

— Да он умеет! — неожиданно в ответ заорал на деда, отец. — Завязал только непонятно.

— Умеешь? — спросил повернувшись ко мне дед Кауко.

— Да, — не оставалась мне ничего другого как признаться.

— Показывай, — скомандовал он, и вокруг нас столпились уже все домочадцы.

Пришлось разуться и показать. Деда один показ не устроил, и он заставил меня медленно завязывать портянки несколько раз. А потом и сам повторил мой способ. Походил по дому в сапогах и завязанных по моему способу портянках, не обращая внимание, на ворчание невестки и супруги.

— Слушай! А ведь удобно, — обратился он к сыну. — Так, а ну-ка все учатся завязывать как Матти показал, — скомандовал он, и начался бардак на полчаса, как минимум.

А дед принялся допрашивать, откуда я знаю такой способ. На что я только пожал плечами и ответил:

— Не знаю, видел где-то, — большего от меня добиться не смогли и отстали.

Но уже через пару дней дотошный дед выяснил, что такой способ очень похож на тот, каким вяжут портянки русские солдаты. И я был подвергнут новому допросу. Мне было стрёмно что-либо объяснять, да и в этом возрасте, ребёнок на моём месте и не мог бы ничего толком объяснить. Поэтому плюхнулся на задницу и разревелся как белуга. Тем более и настроение такое было, жутко болели задние десны, где на свет начали вылезать моляры.

.....

А еще через неделю я узнал, что не рыбой единой богат клан Хухта. Мы всей семьёй

отправились на картошку. Копать никому ничего было не нужно, картофель добывался из грунта при помощи агрегата, который принадлежал нашему полицейскому капралу. Двигателем к немецкой картофелекопалке «Круппа» выступала пара лошадей, а в качестве оператора был уже знакомый мне по стрелковым посиделкам десятилетний Мартти.

Эта бандура, довольно шустро копала картошку, единственным минусом её было то, что клубни улетали по непредсказуемой траектории, и их приходилось искать. Первый день великого картофелекопания провел со всеми, по мере сил выискивая улетевший овощ. А на второй день меня сдали в импровизированный местный детский садик, вместе с полутора десятком таких же мелких, как и я, спиногрызов разного пола. Присматривать за нами поставили двух бабулек очень почтенного возраста. Хорошо, что там тоже был песок, и я занял себя уже привычным градостроительством.

Глава 3

— Матти, спасибо тебе огромное! Я этого никогда не забуду. Если тебе будет что нужно, обращайся, я всегда с радостью помогу, — тут Кауко сбился и почесал затылок, что-то вспоминая или даже сомневаясь, что ребенок двух с половиной лет вообще понимает о чём идёт речь.

Я молча кивнул и, подойдя к стоящему на коленях брату, обнял его. За что сразу поплатился, так как был схвачен и затискан.

Всё началось с того, что в Великое Княжество Финляндское пришла осень с дождями, а потом и со снегом. И меня окончательно заперли в доме, выпуская на улицу лишь для того, чтобы всей семейной толпой сходить в церковь.

А всё остальное время я проводил дома. Правда, и дом у нас был большой, кирпичный и почти двухэтажный. Новый. Построили его всего за два года до рождения моего нового тела. Почему почти двухэтажный? Ну, деревянная жилая мансарда при моём-то нынешнем росте вполне себе тянула на второй этаж.

На первом этаже была большая гостиная, она же столовая и она же кухня, три спальни, библиотека и куча подсобных помещений, а также коридор, ведущий в пристроенную к дому баню и к зимнему туалету. Но у меня личный и индивидуальный горшок с крышкой, так что топтать ночью со свечкой в туалет мне пока не надо.

Жил я в мансарде, в комнате мальчиков, а напротив была комната девочек. Правда, называть эти громадные ангары комнатами было не совсем корректно. Вот под нами, на первом этаже в площадь комнаты мальчиков могла бы влезть половина гостиной, гостевая спальня и библиотека.

Уж что-что, но библиотеку в сельском доме в глухой Финляндии я никак не рассчитывал увидеть. Тем не менее, она была. И книг там было больше двух сотен. Правда, на русском языке не более полутора десятков томов. Щедрин, Крылов, Пушкин и двенадцать томов Лескова. Все остальные книги были на финском и шведских языках.

Как оказалось, моя новая мама, шведка. Как и жена старшего брата. И они активно пользовались библиотекой, постоянно обсуждая книги Минны Кант. Фиг её знает кто это такая, но её книг было в два раза больше чем книг на русском.

Была в библиотеке и знаменитая финская «Калевала» Элиаса Лённрота, с которой почти в обнимку ходил братец Ахти, заучивая, заданную в школе, первую руну. По идее, он должен был закончить четырёхлетнюю школу год назад, но пропустил один год из-за болезни. Когда он неосмотрительно, вечером, попадался отцу, вслух заучивая заданное, то батя начинал читать ему нудную лекцию, что надо учить «Кантелетар» как исконно финский эпос, а не эту карельскую чушь.

И если про «Калевалу» я краем уха что-то слышал в своём мире, то что такое «Кантелетар» даже и не знал. Но, надеюсь, скоро узнаю. Сестрёнки основательно взялись за игру в школу, в которой единственным учеником был я. Тю на полном серьёзе взялась за обучение меня алфавитам, финскому и русскому. Так что к Рождеству я, зажав в правом кулачке свинцовый карандаш, выводил кривыми и косыми, но спокойно читаемыми каракулями слова — мать и отец, а также своё имя. Как на финском так и на русском,

правда, без ятей и прочих ижиц на последнем.

Смотреть на это чудо сбежались все обитатели дома. Я опять был зацелован, заласкан и затискан. А маман объявила, что раз я в таком возрасте освоил два языка, то справлюсь и с шведским. И начала каждый день учить меня еще и шведскому алфавиту. Моего согласия никто не спрашивал, да и я понимал, что шведский язык мне очень пригодится, если я захочу свалить из Финляндии до начала её гражданской войны.

.....

После Рождества долбанули сильные морозы с обильными снегопадами. И опять я ни у кого не узрел вязанных финских шлемов с ушами, все носили простые треухи. А на ногах вполне себе русские валенки. На меня нашёлся полный комплект зимней одежды и, причём, не один, как хорошо быть самым младшим в многодетной семье. Всегда есть что носить. Пусть оно и не новое, но главное есть.

Есть в многодетности и отрицательные стороны. В этом я убедился, когда мы всей семьёй поехали в село на посленовогодние соревнования по бегу на лыжах. Летнее происшествие со мной уже малость подзабылось. И надзор за мной ослабел. Отец запрят пару лошадей в большие сани, и мы всей толпой набились в них. А я, чтобы лучше видеть, вообще уселся на спинку задних сидений и на одном из ухабов улетел из саней в сугроб.

Пока вылазил из него, отплевывался от снега, мои, не заметив потери бойца, умчались вдаль. Благо, происшествие случилось недалеко от хутора, и я потопал домой, костеря себя и родственников за нарушение техники безопасности при перевозке детей. Хорошо, что дома оставались дед с бабушкой, которые меня раздели и напоили горячим чаем.

Мою пропажу родственники обнаружили только в селе и то не сразу, а когда батя купил всем детям карамельные звезды на палочке. При раздаче выяснилось, что Матти с ними нет. Потом искали меня по деревне, пока Аню не вспомнила, что я с ними, вроде, и не приезжал. Рванули искать меня по дороге и обнаружили мою варежку на краю дороги. Я даже и не помню когда её потерял, наверное, когда летел в сугроб.

— Его Хийси утащил, — предположила Тю, добавив паники в сердца предков.

— Ты дура? — окрысился на неё братец Ахти. — Лешие зимой спят, и следов в снегу нет.

Хорошо, отец решил всех младших детей домой отвезти, а потом уже устраивать поиски и поднимать людей в хуторе и селе для этого. А дома они обнаружили меня. Я как раз решил возвести египетскую пирамиду Хеопса из кубиков.

Эти кубики отец заказывал у плотника для каждого родившегося ребёнка, в итоге их скопилось на целый сундук. Который мне в гостиную и выволок дед Кауко. Но не судьба, только успел фундамент выложить, как налетела толпа родни и принялась меня радостно тискать.

А ночью у меня начали верхние моляры резаться и, видимо из-за этого, температура поднялась, и я стал замерзать несмотря на тёплое одеяло. Лежу, дрожу, замерзаю и неожиданно чувствую, сзади теплом повеяло. Ну, думаю, класс, внизу тоже замерзли и решили дров подкинуть, вот труба, возле которой и стоит моя кровать, и нагрелась.

И я поближе к трубе подался и вдруг, спиной, во что-то мягкое и тёплое уперся. Кота что ли кто-то не выгнал ночью из дома? У нас во дворе живет две серых кошки и рыжий кот, но в доме, на ночь, их не оставляют. Обязательно выскивают и выпроваживают на двор. Хоть и холодно, но, видимо, такие традиции здесь. А кто-то из них у нас в комнате спрятался и ко мне в постель залез? Ну и хорошо, пусть меня греет. Это я и прошептал.

— Согрей меня.

И чувствую я, как сначала одна лапа моей спины коснулась, затем вторая, третья, четвертая, пятая, шестая. Уже на пятой я понял, что что-то тут не так, а на шестой у меня от страха зашевелились волосы на голове и по телу забегали тысячи мурашек. И я понял, что ко мне в гости пришел Котихальтия, местный домовый. Старшие периодически рассказывали всякие страшилки про местную нечистую силу, про банного старичка Саунатонтту, про Накки, которые живут в пруду, ну и прочую мифологию. Соседские пацаны рассказывали про проказы их Котихальтия, а мне было не страшно, а непонятно. Почему такие странные названия, почти как в Южной Америке?

А в нашем новом доме пока никто не поселился. И бабушка Ютта периодически ругала отца, за то, что он, ломая старый дом перед строительством нового, забыл о переносе старого семейного Тонтту.

И вот теперь, кто-то или что-то подобное лежало у меня за спиной, прижав к ней аж целых восемь лапок и тархтело, как громадный кот, попутно обдавая меня волнами тепла. Мурашки убежали, вздыбленные волосы опали, а мне стало так хорошо и приятно, что было откровенно пофиг кто меня согревает.

Но вместо страха на меня вдруг накатило любопытство. Кто же там сзади меня? И я поворочавшись развернулся лицом в обратную сторону и наткнулся взглядом на светящуюся белым точку. Как какой-нибудь светодиод в моё время на работающем приборе, в темноте. Глаз? Но почему один? И в ответ никакой агрессии, из-за чего я смело протянул вперёд руку и коснулся чьего-то мягкого, кучерявого бока. Точно не кошачьего.

Коснулся, погладил и сказал:

— Ты такой прикольный и чёрный. Давай я тебя буду звать Мышь?(по фински Хиири) — на что получил, как мне показалось, утвердительное тархтение.

Опять перевернулся к существу по имени Хиири спиной, и опять был обвит восьмью лапками. Снова повеяло теплом, и я со счастливой улыбкой на губах уснул крепким сном.

А на утро, на завтраке, братец Ахти ехидно поинтересовался у меня, с кем я там ночью разговаривал?

— Я ночью замерз, — начал я рассказ, прожевав кашу. — И ко мне пришёл Тонтту, большой такой, мягкий, кучерявый, с одним глазом. И я попросил его меня согреть. Он меня обнял, и мне стало тепло, и я заснул.

Все вокруг меня сидели с открытыми ртами. А матушка и жена брата крестились и явно шептали молитвы. И только бабушка Ютта сидела и улыбалась, а потом спросила:

— Кучерявый? Матти, ты сказал, что он был кучерявый! Ты, что, его касался?

— Да. Погладил. И имя дал.

— Имя? Ты дал имя домовому? — подал голос дедуля

— Ага. Я его Хиири назвал.

Тут уже и у бабули ложка выпала из рук. И она истово закрестилась и стала возносить молитву какой-то святой Люсии, за то, что она послала в их дом хранителя и хозяина. Я сидел и офигивал. Благодарить святую за появление в доме потустороннего существа? Чокнутые они все здесь.

Тем временем бабуса, закончив молиться, подорвалась из-за стола и притащила на блюдечек кусочек мямми, полила его мёдом и протянула мне.

— Матти, иди поставь это за печь и позови Хиири, скажи что для него.

Пожал плечами и, подхватив блюдечко обеими руками, отправился на задание. А я даже

и не знал, что мямми ещё остался. Вообще-то это пасхальное блюдо, но по какой-то древней семейной традиции, его у нас пекут и на Новый год. С мёдом и сметаной очень даже ничего.

Ну и куда мне его ставить? За печью было небольшое пространство, я бы сказал ниша, где стояли кочерга, ухват и печные вилы. Кое-как втиснул блюдечко и громко произнёс:

— Хири, это тебе. Немного вкусенького, спасибо, что согрел меня ночью, — и развернувшись, направился к столу.

За спиной звякнуло, брякнуло, и мимо меня пронеслись бабушка и дед. Явно любопытствовать, кто там питается. Я даже приостановился и развернулся вслед родственникам, заглядывающим за печь.

— Великий Укко! Что это? — удивленно вскрикнул дед Кауко.

— Ты чё, слепой, старый? Яблоко это!

— Да вижу я, что яблоко! Но откуда оно здесь? Дай-ка я... Ай... Ты чего дерешься?

— Совсем свои мозги пропарил? Кто угощение подавал, тот отдарок и забирать должен. Матти, не стой столбом, иди сюда.

Но вместо меня, вперёд успел отец. Заглянул, охнул и тут же получил по плечам полотенцем от бабули.

— Я не того Матти звала. И уж коли ты это увидел, то должен знать, что это значит!

— Чего я должен знать, мама? — опешил батя.

— Старый! — рявкнула она деду. — Объясни сыну, что это значит. — И выглянув из-за отца, крикнула уже мне, — Матти, неслух этакий, чего встал там столбом, иди сюда. Забери то, чем тебе там твой Хири отдарился.

Подошёл и с опаской заглянул за угол. Ух ты! Яблоко! Здоровое! Красное! У нас тут точно такие не растут. Круто, мистика и фэнтези в одном флаконе. Присел на корточки и потянул к себе блюдце с подарком. Тяжёлое. Уже собрался вставать и нести подарок на показ всем, как вспомнил о вежливости и прошептал, глядя в пустой угол:

— Спасибо, Хири, — в ответ, на краткий миг, сверкнула яркая белая точка, а я от неожиданности чуть не выронил прижимаемое к груди яблоко. Блин. Предупреждать же надо.

Кое-как встал и отнёс его на стол, где и водрузил на свою тарелку для общего лицезрения. И обведя всех взглядом, попросил отца, который с пришибленным видом стоял в сторонке и чесал в затылке:

— Па, порежь его. Чтобы всем хватило.

.....

А на следующий день неугомонный дед Кауко собрал семейный совет. На который, кроме него, отца и двух его братьев, младшего, дяди Каарло, и, среднего, дяди Тапио, притащили еще и нас. Нас, это меня и моего старшего брата Кауко.

Сначала я думал, что будут обсуждать что делать с моим Хири, который, к слову, и на эту ночь пришел ко мне в кровать. Но, как выяснилось, речь шла о смене старшего наследника семьи. По какой-то там древней легенде, если кто-то в семье подружился с домовым, то он должен стать или наследником, или хозяином.

— Зачем мне это делать? — отец выглядел несколько удивленно.

— Потому что так положено! — в который раз пояснил ему дед. — Хватит уже! Я устал тебе по десятому кругу объяснять одно и то же.

— Может мне проще новый дом построить, а этот Матти оставить?! Пусть живет тут вместе со своим дружком.

— Витту, ты что, не понимаешь? Ты тесто сегодня видел?

— Витту? Сукси виттун, козёл старый! Я твоё тесто на палли вертел! — ого, сколько новых слов. И все явно матерные. Чего они сцепились-то?

— Брат, а ты чего отца тут такими словами поносишь? — влез в их перепалку дядя Тапио. — Да еще и при своих детях! Мы не посмотрим, что ты старше. Так тебя с Каарло проучим, что неделю спать стоя будешь.

Отец после слов брата бросил быстрый, виноватый взгляд на нас с Кауко. И тяжело вздохнув, обратился к родственникам.

— Тапио, спасибо, что остановил. Отец, извини, вырвалось. Ты тоже хорош. Про тесто какое-то понёс.

— Так тесто здесь самое главное. Оно сегодня в два раза быстрее взошло, и хлеб вкусней получился. Сам же за столом удивлялся. А еще паутина по углам поисчезала, там, где твоя ленивая благоверная не убирала. Ты, наверное, забыл, как это было в нашем старом доме. А ведь это ты обряд отказался выполнить, и мы не сохранили своего Тонтту.

— Ой. Не начинай заново. Мне и так матушка всю плешь проела. Хорошо, хорошо, я понял что Тонтту в доме — это хорошо. Но с какого перепугу, я должен своим наследником Матти делать? А куда Кауко девать прикажешь?

— Так отпусти его! Ты же сам знаешь, что у него к хозяйству душа не лежит. Он в город рвётся. В эти, прости Господи, телехрахисты. Сам же его в гимназию отправил и не уследил.

— Я же по твоему наказу отправил его учиться. Ты же и Матти, небось, заставишь отправить в гимназию.

— И заставлю. Всё, что не делается, всё к лучшему! Ведь Кауко через те курсы свои теле... теле... тьфу, через них со своей Катариной познакомился. А мы сроднились с начальником станции Улеборга. Вон, брат твой, Тапио, теперь все дрова ему продаёт, на станцию. Пусть едет в город, по крайней мере будет где остановиться, в случае чего. Ты же дом для чего покупал в городе? Или для любовницы?

— Отец! Что ты несёшь! Да ещё при детях! Меня же Эмма теперь живьём съест.

— Что? Правда для любовницы? — не выдержал и подколот старшего брата дядя Каарло.

— Тьфу на вас! Для Кауко покупал. Я знал, что правдами или не правдами, он от нас сбежит. Вот и подготавливался.

— Отец? Что, правда? — радостно подскочил мой брат и я с ним заодно, потому, что был зажат у него подмышкой, где он издевался над моими длинными лохмами волос, заплетая их в маленькие косички.

— Хр, — поперхнулся батя. — Ты брата-то отпусти, а то придушишь ненароком.

— Ой, — Кауко поднял руку и я, для того чтобы не упасть ухватился за его одежду и потихоньку слез вниз.

— Отпускаю я тебя, отпускаю. Потом поговорим про твое городское житьё-бытё.

— Спасибо, отец! Я этого никогда не забуду!

— Вон, Матти благодари. Если бы он не подружился со всякой нечистью. Тьфу. Так бы ты на хуторе и сидел.

Кауко развернулся ко мне и, бухнувшись на колени, отчего я испуганно дёрнулся, зачистил:

— Матти, спасибо тебе огромное! Я этого никогда не забуду. Если тебе будет что нужно, обращайся, я всегда с радостью помогу, — тут Кауко сбился и почесал затылок, что-

то вспоминая или даже сомневаясь, что ребенок двух с половиной лет вообще понимает о чём идёт речь.

Я же молча кивнул и, подойдя к стоящему на коленях брату, обнял его. За что сразу поплатился, так как был схвачен и затискан. Ну что за привычка у всех, сразу меня тискать, я им игрушка что ли?

— А нас зачем позвали? — вдруг спросил у деда дядя Тапио. — Или поразвлекаться, наблюдая за вами?

— Нет, сынок, — дед достал из под стола ларь, а из него книгу. — Сейчас, старший Магги принесёт клятву, что делает младшего Магги своим наследником, а вы будете свидетелями.

Книга оказалась довольно ветхой библией, положив руку на которую, отец скороговоркой произнёс какой-то текст, в котором часто упоминалось имя Магги. То ли его, то ли моё. А ещё через минуту дед вручил мне нож в ножнах.

— Батя, а он им не зарежется? Не слишком ли он мал для таких игрушек? — обеспокоился моей безопасностью дядя Каарло.

— Вот сейчас и посмотрим, что он с ним делать будет.

Я же, повертев небольшой нож в руках, развязал свой кожаный плетённый шнурок на домашних штанах. И повесив на него нож, поднял голову и радостно, насколько смог изобразить, улыбнулся родственникам.

— Вот! Видишь! А я тебе говорил!

— И что?

— Да ничего! Вон, твой каравай до сих пор плавает. А значит, и озерные Накки, как и наш Тонтту благоволят твоему младшенькому.

Я слушал перепалку деда с отцом и внутренне ухахатывался, так как знал причину, почему мой каравай пошел на дно нашего озера так быстро. Я его погрыз в нескольких местах до мякиша, вот вода быстро и впиталась внутрь, утащив хлебобулочное изделие на дно. А батя свой не грыз. Невместно, да и дед присматривает. Вот его каравай и плавает.

Внутри мне было весело, а снаружи холодно и спать хотелось. Подняли меня, бедного, не свет не заря. И отправили, как наследника, подносить подарки озёрным Накки. Это что-то вроде наших водяных, но только женского пола и с тремя сиськами. Во у финнов фантазии какие!

— Да он и в прошлом году, минут десять тонул! — пытался остаться материалистом мой батя.

— Вот именно! А каравай Матти Накки уже утащили! О чём это говорит? — не унимался дед.

— Вот! Всё! И мой утащили. Погребли скорее назад.

До этого жертвоприношения жизнь моя текла по зимним временам медленно и размеренно. Днём почти принудительные прогулки во дворе, ну не люблю я такие морозы. Ведь раньше я был человеком южным. Наверное. И, привыкать мне ещё и привыкать к местному климату. Обязательные ежедневные игры в школу с сёстрами и освоение шведского языка с матушкой.

А потом, пришла весна, и отец начал меня таскать с собой, знакомя с делами и хозяйством. А куда ему было деваться от наказа своего отца? Он и так с ним ежедневно ругался по этому поводу. Что, мол, я ещё мал и ничего не запомню.

— Я ему показываю, рассказываю, а он палочку какую-то грызёт и смотрит куда-то в другую сторону.

Ну, а чего он хотел получить от меня? Уточняющие вопросы? Мне приходится каждый день вести себя как Штирлиц, чтобы эти взрослые не заподозрили чего. Так что, как говорил пингвин по прозвищу «Шкипер», «Улыбаемся и машем! Мы белые и пушистые».

— Матти, куда ты с отцом ездил? — решил индивидуально меня допросить дед.

— Картошку смотреть.

— А ещё куда?

— Рыбу смотрели и дрова смотрели. Деда, а почему мне дядя Каарло топор не дал? — решил я обидеться и тем самым дополнительно замаскироваться.

— Да куда ему топор?! Тот колун как он весом и ростом! — возмутился отец на мой наезд на его брата.

— Матти, а что ты понял из поездок с отцом? — не обращая внимания на батины возмущения, задал провокационный вопрос дед.

Посидел, посмотрел на эту парочку и неожиданно даже для себя, выдал:

— Нужно больше денег!

Дед хрюкнул, пытаясь сдержать смех, а отец не сдерживаясь расхохотался, и через

мгновение к нему присоединился сухой, кашляющий смех деда.

Благополучие нашего клана, как я сделал вывод после рассказов отца и ознакомительных с ним наших поездок, держалась на трёх китах. Ну, я так думал. Рыбоводство, картофелеводство и торговля лесом. Причем, именно рыбой занималась наша семья. Картофелем, семья дяди Тапио. А лесом и всеми производными от него, семья младшего брата отца, дяди Каарло. Дед же выступал как глава клана Хухта, ведь именно он владел всей землёй и он же занимался финансами, частенько проезжая по другим населенным пунктам с нашими товарами и заключая торговые договора.

Плюс, на каждом подворье имелось многочисленное поголовье животных и птиц. У кого и сколько, я не знаю, но вот только у нас было шесть коров, бычок, пять лошадей, свиньи и козы с несколькими барашками. А кур и кроликов я даже и считать не пытался.

В нашем хуторе было шесть подворий. Наше, двух дядей по отцу, деда Кауко, деда Хейди и тётки Сусанны Сала, сестры моей матери. Сала, это девичья фамилия моей матушки. Фамилия финская, но на самом деле они шведы. Пусть и всего на четверть, но язык свой и родственников не забывают, как в Швеции, так и в Улеборге. Как и почему они все стали жить на хуторе Онкиниemi вместе с остальными Хухта, то я еще не разузнал, да мне как-то и всё равно пока. Подворье деда Кауко занимает семья моей тётки по отцу, Кайсы Пяккённен. А дед с бабой переехали жить к нам. Вот такая политическая карта моего места пребывания.

И хоть население хутора уже перевалило за четыре десятка человек, взрослого, а значит трудоспособного населения было немного и приходилось постоянно нанимать работников.

.....

Мой ответ про «нужно больше денег» имел для меня почти глобальные последствия. Отец решил, что ответ пророческий и спихнул ознакомление с семейным бизнесом моей тушки на отца. Типа, ты глава семьи, занимаешься торговлей, ездешь везде, вот и передавай ему свой опыт, ибо, что с топором, что с вилами или сетями, Матти, в силу возраста еще рано знакомиться.

Дед свою репу почесал, подумал, и был вынужден согласиться, что такой вариант моего обучения, самый лучший. Хотя я, хоть убейте не понимаю, логику их решений. Что отец, что дед, сами постоянно твердят друг другу, что я мал и ничего не запомню. Ну и оставили бы меня в покое, я бы спокойно пирамиду дома строил и шведский учил.

Несмотря на изначально предвзятое отношение, поездки с дедом мне понравились, хоть и приходилось порой рано вставать и питаться всухомятку. Дед начал ознакомление со своей сферой деятельности с автобиографии. И я, наконец, понял, ему одному просто скучно и хочется поговорить. А я, самый подходящий собеседник. Лишних вопросов не задаю, и родственник к тому же, из-за чего можно и о личном поболтать. С наёмными работниками так не пооткровенничаешь. Да и еще к тому же, я мелкий, и большинство его откровений по его мнению забуду, если не всё. Ха!

Оказывается, наш дед, золотоискатель. Самый-самый настоящий. Родился он в 1830 году в семье третьего сына главы тогдашнего клана Хухта. Ему и так ничего не светило получить по наследству, так он еще и самым младшим был в семье. Ну, как я сейчас, почти. Земля и озеро в те времена принадлежали местному барону, а клан был просто арендатором.

Когда ему исполнилось десять лет, его семья переехала в Улеборг в поисках лучшей доли. Но как-то у них всё сложилось не очень, и через год деда Кауко отдали учеником в рыболовную артель. В шестнадцать лет он обрюхатил какую-то местную девчонку-шведку из

аристократов. Которые даже и не подумали отдать её за простолюдина-финна, а стали угрожать мстью и наказанием. И деду пришлось бежать. Благо, его отец сумел выправить ему паспорт.

В Або дед нанялся матросом на лесовоз, который шёл в Англию. Но в датских проливах его барк посадил на мель неопытный лоцман, на котором, как говорили матросы, сэкономил капитан и он же хозяин этого судна. В Дании, где он оказался после этого происшествия, пришлось наниматься на другое судно. Единственный корабль, который взял его в рейс, был колониальным транспортом.

Датская Вест-Индия, а точнее остров Сент-Томас, сначала очень понравились ему. Он нашёл работу в плотницкой артели и даже успел завести подружку в столице этой колонии, городе Шарлотта-Амалия. Но неожиданно подхватил жёлтую лихорадку и почти два месяца провёл в местном монастыре на излечении. Из-за чего, этот тропический островок ему сильно разонравился, и он его покинул, нанявшись как подменный матрос на один рейс на североамериканский военный транспорт снабжения, идущий в Сан-Франциско.

По прибытию в данный город, он соблазнился рассказами о золоте, валяющемся под ногами вдоль реки Американ-ривер и завербовался в немецкую артель. С этой артелью ему очень повезло. Основной костяк группы состоял из австрийцев, баварцев и саксонцев, которые имели опыт горных работ и к тому же могли за себя постоять, так как большинство успело поучаствовать в боях так называемой «Германской Мартовской революции».

За четыре года старательства дед сумел накопить приличный капитал и при этом его не только сохранить, но и остаться живым. На общем собрании артели было решено прекращать добычу золота и выбираться на восточное или южное побережье САСШ. С большим трудом, они сумели пробиться через индейские территории и вышли к Новому Орлеану, где почти все члены их команды и решили осесть, прикупив по ферме. Уговаривали остаться и его, но дед решил вернуться, надеясь поселиться в южных районах Финляндии.

После долгих мытарств из-за начавшейся Крымской войны, он смог добраться до Аландских островов, где даже поучаствовал в сражении за крепость Бомарсунд, в числе местного финского и аландского ополчения. После сдачи крепости сумел с несколькими местными финнами, ночью, на небольшом рыбацьем баркасе, уйти в Або. Где буквально вечером того же дня дед встретил знакомого из Улеборга, который и поведал ему печальную весть о смерти всей его семьи от чумы.

Оказалось, что чума выкосила не только его семью, но и весь клан Хухта. И он остался единственным представителем этого семейства. Местный барон тоже не уберётся, и дед Кауко выкупил все земли и озеро, которые раньше арендовал его клан, у баронского наследника. Тому никакого дела не было до ведения хозяйства и он, по бросовым ценам распродал всю землю своим бывшим арендаторам.

.....

Познакомил меня дед и с нашими шведскими родственниками. В первую очередь с семьёй Нюбергов, родителями жены моего старшего братца. Ян Магнус Нюберг, её отец, служил начальником железнодорожной станции Улеборг и жил в служебной квартире рядом с зданием вокзала. Он и его жена Лина имели восемь детей, и все они были девочками. Поэтому он и не возражал против брака одной из дочерей с наследником богатого крестьянского семейства. Когда я впервые услышал их фамилию, она показалась мне знакомой. И не зря. Карл Ричард Нюберг, изобретатель паяльной лампы и примуса,

оказался их родственником. Причем, довольно близким, что позволило Ларсу Ньюбергу, младшему брату Яна Магнуса, который имел в Улеборге завод скобяных изделий, выпускать на нём и лампу, и печь, всего за половину положенного патентного роялти.

Другим шведским родственником был Нильс Викстрём. Мой тридцатилетний двоюродный брат и родной внук деда Кауко. От сына, которого родила та шведка, которой по неосторожности надул пузо мой героический дед. Уж не знаю что там приключилось и почему Нильс остался сиротой, об этом дед ещё не рассказывал. Но именно за его деньги, мой великовозрастный братец, окончил Финляндский кадетский корпус. В финскую гвардию не попал, но уже несколько лет поручик Нильс Викстрём командует второй ротой четвёртого Улеборгского финского стрелкового батальона.

И ему еще повезло оказаться в родном городе. По-тому что хоть батальон и называется Улеборгским, но размазан тонким слоем от Ваасы на юге, до Кеми на севере. Выполняя сразу и обязанности пограничной охраны, и вооруженных сил, и даже жандармерии.

У него самого уже было, пара сыновей, четырёх и двух лет. И дед всегда, когда бывал в городе, заезжал проведать своих правнуков. Бабушка Ютта не только знала об их существовании, но и каждый раз передавала чего-нибудь вкусенького. Со старшим своим племянником я познакомился довольно близко. Четырехлетний Андреас углядел на моём поясе чехольчик с ножом и требовательно потянул к нему свои ручки.

— Дай.

— Не дам, — я сумел увернуться от ушлого родственника и с укором посмотрел на взрослых, которые с явным удовольствием следили за нашим знакомством и разборками.

— Хочу! Дай! — пошёл на второй заход мой племянничек, и я, не успев увернуться, оказался им схвачен. А его загребущие лапки стали пытаться дотянуться до ножа.

— Отвали! — я попытался вывернуться из его захвата, но он был не только чуточку крупнее меня, но и тяжелее. Пришлось свободной рукой ухватить его за ухо и попытаться высвободиться.

— Аaaa! — заверещал этот мелкий гадёныш и принялся своим кулачком мутузить меня по плечу.

— Перкеле! — не сдержавшись, ругнулся я и, бросив его ухо, со всей своей детской силой заехал ему по носопырке.

Брызнула кровь и родственничек наконец отстал от моей тушки и, плюхнувшись на задницу, заголосил во всю мощь своих лёгких. К воплям братца тут же присоединился младший его братец Ларс, который до этого спокойно играл в кубики. С чего он решил присоединиться к старшему, мне было совершенно непонятно. Может, он так его поддерживал?

Прибежала руова Викстрём и молча утащила Андреаса, который успел размазать свою кровь вперемешку с соплями и слезами по всему лицу и части одежды. Как только старшего унесла его мать, младший прекратил верещать и, как ни в чём не бывало, продолжил складывать кубики.

— Ну, что, Вяйнямёйнен? Победил? — почему-то недовольно спросил у меня дед Кауко. — Ты только посмотри на его недовольную мордашу, — обратился он к поручику. — Я его даже наказать не могу, ведь он на целый года младше твоего, а сумел отбиться. Ну, шельмец.

— Да нормально всё, дед. Дядя приструнил племянника. А чего вы ему нож доверили? Не боитесь, что покалечится?

— Пф, — фыркнул дед. — Не, Матти не такой, он у нас вообще особый. С тонгту дружит, уже читать и даже немного писать умеет.

— О как! По-фински? — зачем-то уточнил херра Викстрём.

— И по-фински, и по-русски, и даже немного по-шведски.

— Вот как? — удивился его внук и обратился ко мне на шведском, — Матти, ты вправду говоришь на шведском? — чем вывел меня из размышлений.

Когда дед меня назвал Вяйнямёйнен, я сначала удивился почему меня обозвали броненосцем, который ещё даже и не появился. А потом сообразил, что это не только пароход, а еще и финский былинный герой, первочеловек в местном эпосе.

— Да, говорю, — пропищал я на шведском, и удовлетворённый братец от меня отстал.

Моя трёпка, заданная Андреасу, очень скоро принесла плоды. При наших несчастях с дедом приездах к ним в гости, племянник теперь был как шёлковый, таскал мне какие-то свои игрушки, явно стараясь задобрить меня. А когда я сдуру научил его как из кубиков строить правильные и красивые сооружения, вообще таскался всюду за мной хвостиком. Его мелкий братец Ларс полностью косплеил старшего и уже изображал хвостик у него. И я даже не предполагал какие последствия повлечёт это односторонняя дружба.

Я долго потом размышлял над поведением взрослых, которые даже и не подумали вмешаться в наши детские разборки. И пришёл к выводу, что подобный подход в воспитании, который сейчас окружает меня со всех сторон, самый правильный и жизненный. Ребёнок учится сам принимать решения, драться или мимикрировать. А не как у нас, в моём времени — «а я маме скажу», «а я папе», «а у меня брат старший есть». Правда, в той же современной Финляндии моего времени за подобные действия, а тем более за телесные наказания, ребёнка из семьи забрали, а родителям неплохой срок впаяли бы.

.....

Из всех этих поездок я узнал много нового про окружающий меня мир и людей. К моему удивлению, Финляндия конца девятнадцатого века оказалась вполне себе экономически и промышленно развитой. Только в Улеборге было с пару десятков различных промышленных предприятий. Начиная от довольно крупного металлургического завода и заканчивая различными деревообрабатывающими заводиками.

Многие заводы перебрались через реку Оулуйоки в бывшее село Туйра, которое совсем недавно включили в состав города. Видимо, городские власти не захотели терять доход.

В городе была электростанция и электрическое освещение. И даже своя телефонная сеть. По крайней мере, у обоих родственников на стене висели телефонные аппараты, знакомые мне по книжкам и фильмам про революцию. В трубку которых нужно обязательно дуть и орать «алло, барышня, дайте Смольный».

Но самым главным событием всех этих поездок стало то, что меня, наконец, подстригли. Дед отвёл меня к своему знакомому цирюльнику, и мне сделали моднявую стрижку всех времен и народов «под горшок». Да ещё и покороче, как велел дед. Видимо, его тоже достали, впрочем как и меня, мои девчачьи патлы, на которых все кому не лень учились вязать косы, и я вечно ходил с косичками, которые сам развязать не мог. Матушке мои длинные волосы нравились, и она запрещала кому-либо подстригать меня, лично занимаясь моими волосами. Ну, против решения деда не попрёшь.

Он, гад такой, даже мой деревянный меч, который я любовно вытачивал целый месяц, умудрился продать за три марки на летней ярмарке. Только отлучился по его заданию принести еще головку сыра, возвращаюсь, а моей прелести уже нет.

— Деда, где мой меч?

— Покупатели нашлись, и я продал. Гордись, аж за три марки. На, вот, держи, — и протягивает мне, гад такой, монетку в пятьдесят пенни. — Сладости себе купишь.

— Это не честно! — заявил я ему и еле сдержал слёзы. Даже и не ожидал от себя таких эмоций от казалось бы, пустяка.

— Ну ты и, помпо, — обозвал меня дурачком дед. — За твою деревяшку, дали денег, а значит, это выгодно клану. Приедем домой, не забудь показать Эсу как ты это сделал. Он с деревом хорошо обращается, сразу наделает подобных мечей и тебе тоже. Ярмарка ещё неделю продлится, может и найдутся покупатели.

— Если я помпо, то ты — хельмё (полный дурак), это мой меч! Давай две марки! А одну, себе оставь!

— Ах-ха-ха! — рассмеялся дед и стремительным движением схватил мою тушку, и обнял. — Уже торговаться начал учиться? Молодец! А вот ругаться на родного деда нехорошо, — и он отвесил мне легкий подзатыльник. — Понял?

— Да, деда, — пришлось кивнуть мне.

— Тогда подставляй ладошки, — и он отсчитал мне в ручки три, явно серебряных монетки. — Одну за товар, одну за сообразительность и еще одну за острый язычок. Смотри, не потеряй! Дома проверю!

Монетки оказались достоинством в одну маркку. Даже пару раз перечитал. Я-то думал, что местная валюта, как и немецкая марка, с одной буквой «к», а оказалось с двумя. Но в разговорной речи, все произносили название валюты как я привык, с одной «к». Или это специфика языка? Тогда и я не буду заморачиваться.

— Деда, а сколько это рублей? Ну, три наших марки?

— Если серебром, как у тебя, то как раз серебряный рубль.

— А бумажные?

— За бумажные столько же, три марки за один рубль. А если менять наше серебро, то пять марок серебром, это два бумажных рубля выходит. А зачем тебе это? — с подозрением спросил он.

— Просто, интересно, — смутился я.

— Молодец. Раз интересно, то правильный из тебя хозяин будет, — похвалили меня и опять взерошили шевелюру.

Да что же это за привычка такая у взрослых? Издеваться над детскими волосами. Я так со своими сыновьями, по-моему, не поступал. Или поступал?

А вечером случилось несчастье. Я разбил стеклянный плафон у керосиновой лампы. Дед за ужином рассказал о нашей торговле и как я требовал с него деньги. Причем рассказывал в восторженном ключе, мол смотрите какой молодец наш Матти. Но отец всё равно решил изъять у меня деньги.

— Ты ещё мал, Матти, — был его ответ на моё возмущение. — Потеряешь.

— Не потеряю. Я в ящик комода положу и буду копить.

— Нет. Отдавай, — своей категоричностью он мне напомнил моего племянника Андреаса, в нашем противостоянии из-за ножа.

— Не отдам! — побежал из-за стола к себе в комнату.

Но нашла коса на камень, если батя что-то решил, то его уже ничего не остановит. Даже если его будут отговаривать жена и отец с матерью. Короче, меня поймали, забрали три серебряных монетки. И где-то посередине этого действия, когда отец меня тащил назад за

стол, я умудрился зацепить ногой и запулить клубок ниток. Который попал точно по плафону, отчего он упал на пол и разбился.

Меня впервые в этой, новой, жизни, отшлёпали и лишили сладкого на неделю. А на утро заставили белить нижние венцы, старой конюшни. К моему удивлению, дед Кауко не поехал на ярмарку, послав вместо себя деда Хейди, а пришёл помогать мне.

— Эх. Это я, Матти, виноват что тебя наказали. Я же тебе деньги отдал. Значит, наказание мы должны разделить пополам, — пояснил он офигевшему мне.

Я старательно, но очень медленно пробеливал точки, которые пропустил дед, а сам постоянно ломал себе голову. Как сделать так, чтобы стать неприкасаемым и авторитетным в семье, пусть мне только и три года недавно исполнилось. Может, стать писателем или поэтом? А что? Самый молодой литератор Финляндии, это звучит ого-го как. Правда, я сам никогда не писал ничего, но кто мне мешает воровать уже написанное, как многочисленные попаданцы, о которых я читал в интернете? Перкеле, возраст мешает, надо что-то наивно детское, думал я, закрашивая очередной пропущенный дедом участок.

«Дед... красить... я...» Что-то такое вспоминается. Думай, голова, думай, вспоминай. Ведь ты много чего учил в своей жизни. Бинго! Есть! Вспомнил! Хотя и жалко обворовывать великую поэтессу, но она, по-моему, даже не родилась еще. Так что не считается. А мне надо. Очень надо.

Глава 5

Сразу, сходу, выдать удобоваримый перевод стихотворения «Маляр» Агнии Барто у меня не получилось. Промучился пару дней, черкая карандашом по листикам бумаги, которую спёр у сестёр. Благо, никто в эти дни меня особо не напрягал и не отвлекал. Громадным плюсом было то, что освободившуюся после отъезда в город братца Кауко комнату отдали мне.

Вернее, меня просто выселили из мальчиковой спальни из-за жалоб братьев Эса и Ахти на моего Тонтту. Так-то, мой Хири ничего плохого не делал. К ним в кровати не лез и вообще никому из домочадцев на глаза не попадался. Но когда по ночам приходил ко мне в кровать то, то ли урчал, то ли мурчал и делал это довольно громко, что нервировало моих братьев. Вот матушка меня и переселила.

Прочитать честно сворованное стихотворение я решился только на третий день, после покраски сарая, где мне и пришла в голову эта идея. Сразу после обеда с вкуснейшей молочной ухой, которую бесподобно делала бабушка Ютта, вся семья дула чай из медного ведерного самовара. И если в Улеборге почти всё население предпочитало кофе, то у нас на хуторе был только зелёный чай. Любителем которого дед стал ещё в Калифорнии, и он же привил эту любовь всему остальному семейству. К чаю были свежайшие сырники, мёд и сметана.

Как только закончили обедать, и семья собралась расползтись по своим делам, я очень громко стукнул бронзовыми, тяжёлыми щипцами для сахара по столу. Народ замер на своих местах, а я залез с ногами на свой стул и начал толкать речь:

— Я с дедом красил сарай, и мне пришли в голову стихи. Вот! Послушайте!

Мы с дедом красили сарай,
Мы встали с ним чуть свет.
— Сначала стену вытирай, —
Учил меня мой дед. —
Ты ототри ее, очисти,
Тогда смелей берись за кисть...

Дочитал с своего листа и, свернув его в трубочку, застыл на стуле, ожидая реакции моих слушателей. А сам поедом себя ел за то, что своровал еще ненаписанное. Ведь на всех литературных форумах, где я обитал, я всегда критиковал попаданцев, ворующих чужие произведения. И вот сам до этого докатился.

Но доесть себя я не успел, подскочивший ко мне дед схватил меня в охапку и, расцеловав, подкинул вверх. Под потолок. Неожиданно. Я чуть не усрался от страха, особенно когда увидел, что не долетел до потолка всего несколько сантиметров. Вот так бы стукнулся кумполлом и можно нового попаданца заселять. Слава Богу, дед тоже сообразил, что протупил и больше попыток запулить мою тушку в небеса не предпринимал.

Родня тоже, восторженно что-то вопя, вертелась вокруг нас с дедом. Через пять минут я, весь зацелованный и затисканный, с взъерошенной шевелюрой, был установлен отцом,

который выцарапал меня из объятий деда, на стул, и мне было велено читать ещё раз. А потом еще раз. И ещё.

— Сынок? Может, ты ещё что-то написал? — робко и с какой-то затаённой надеждой, спросила мама.

— Оно маленькое, — попытался я отвертеться. — И про лягушат.

— Ничего! Читай! — потребовал отец, и мне пришлось сдаться.

Отдал деду свернутый в трубочку листок с первым стихом и, покопавшись в карманах своих штанов вытащил изрядно помятую и замусоленную бумажку. Прости меня, Агния Львовна, надеюсь, ты еще что-нибудь напишешь.

Пять зелёных лягушат
В воду броситься спешат —
Испугались цапли!
А меня они смешат:
Я же этой цапли
Не боюсь ни капли!

Все дружно посмеялись, и я опять был затискан и захвален.

— Надо его стихи в газету послать, — неожиданно предложила мама. — В Улеборге могут напечатать в ежемесячном литературном альманахе.

— Давай, Эмма, напиши им, — поддержал идею своей супруги отец. — А я в Гельсингфорс отправлю. В «Ежедневную газету». Как-никак, это газета нашей партии, пусть печатают стихи моего сына! — не на шутку разошелся батя.

— Матти, давай я сама им напишу. Там же работает Хултин, Текла. Она, как я читала, стала первой женщиной магистром философии в Финляндии. Она лучше в стихах разбирается. Я так думаю.

— Ты как всегда права, Эмма. Напиши сама, — согласился родитель с матушкой и тут же рявкнул на остальных. — Ну, чего расселись?! Работать пора! Матти, иди с дедом в дровник, помогать ему будешь. Эса, бегом к дяде Каарло, а то он без тебя уедет. Ахти, ты со мной.

Вот вам и благодарность за стихи. Могли бы и выходной семейному поэту дать. А вместо этого поленья деду подавать. Эх, тяжела жизнь крестьянского ребенка...

.....

За неделю, прошедшую с момента моего первого чтения стихов, я успел их прочитать несколько сотен раз, наверное. Сначала в каждом доме и семье нашего клана, куда меня таскали отец с дедом. Затем матушка меня водила сначала в дом викария, а потом и местного пастора, отца Харри. Меня поразило и крайне удивило, что местные священники, как и наши православные попы, могут иметь семью. Как, оказывается, мало я знал про культуру и религию других народов. Привык, что католические священники имеют обет безбрачия, и ровнял всех под одну линейку.

И именно отец Харри объявил после воскресной утренней проповеди, что в селе появился поэт, и пригласил меня выйти к нему, к кафедре, и прочитать перед всеми свои стихи. Стихам про деда долго аплодировали, над лягушатами посмеялись, а я в одночасье стал местной звездой.

Эта звездатость сыграла со мной и плохую шутку. На меня насели мои сестрички с

требованием научить их сочинять стихи. И вот что им сказать? Как мог, простыми примерами объяснил мелодику финской рифмы. Я и сам промучился изрядно, пока в голове что-то не щелкнуло и не произошёл автоперевод. Вот знаю, что надо именно так, а откуда — фиг его знает. Как огромный белый рояль в низкорослых кустах брусники.

Тю ничего не поняла из моих пояснений. Зато Аню явно разобралась в моём лепетании и примерах, и на одной из вечерних посиделок в детском дворике, выдала короткий стих своего сочинения:

Микка шишки собирал
Микка в яму их кидал

Отчего все только и пораскрывали рты от удивления.

— Это какой же Микка? — с чуть ли не ревностью в голосе спросила Тюуне у сестры. — Рантанен? Сын почтмейстера?

— Нет, — покраснела Аню. — Это наш Микка. Младший тётки Сусанны, — стала оправдываться она.

— Тю, чего пристала к сестре? — вмешался в девчачьи распри Эса. — Аню, ты обязательно должна прочесть этот стих за ужином. И как у вас всех это получается? — почесал он в затылке. — Сначала Матти, теперь ты. Я вот, так не могу.

— Да там легко, мне Матти объяснил, и я все быстро поняла, — затараторила сестрёнка. — Хочешь, я тебя научу?

— Ну, давай попробуем, — согласился Эса и, выбив трубочку, спрятал её в кiset.

Я же, привычно возясь в песке и возводя очередную башню, с интересом прислушивался к тому, как Аню учила брата складывать рифмы. Но у того долго ничего не получалось. Они с мелкой склоняли шишки, подушки и прочие игрушки. Во! Я даже сам, невольно, прорифмовал шишки с подушками и игрушками. Даже хотел прийти на помощь всё больше отчаивающейся сестренке, но Эса справился сам, когда перешёл на любимые его топоры:

Кто топор мой уволок?
То мне стало невдомёк.

Выдал Эса и, от радости расхохотавшись, схватил пискнувшую Аню и закружил её с силой по дворику, от чего та радостно-испуганно заверещала. Ну, блин. Семья поэтов. Осталось только еще Ахти научить.

Письма в газеты родные отправили. Теперь оставалось ждать ответа. Со своим попаданием, изучением языка и встраиванием в новую жизнь, я полностью запамятовал о смене императоров. Может что-то подобное взрослые и обсуждали, а вернее, точно обсуждали, ведь им наверное пришлось приносить присягу новому своему монарху. Или нет? Вот, совершенно не знаю, как это всё происходит в Княжестве. Но об этих всех событиях я узнал только летом, когда местные младофинны, включая моего отца, собрались на очередные пострелушки и очень громко обсуждали перевыборы выборщиков.

Я даже специально подкрался поближе к мужикам, чтобы послушать, что они говорят о местной политике. Оказывается, наш дед Кауко избирался в финляндский сейм 1863 года и даже поучаствовал в его заседаниях, чему завидовали все собравшиеся здесь. Ну, кроме их детей малолетних. Которые, решив что я играю в какую-то забавную игру, тоже улеглись в

кустиках рядом со мной и с недоумением на меня посматривали, почему, я просто лежу. Наше малолетние скопище, наконец, заметили и мужики, но не придали ему никакого значения. Ну, лазят дети по земле, сами потом от матерей получают за грязную или порванную одежду, урок будет.

Оказалось, что с того года, когда впервые собрали сейм, его больше и не собирали. А вот по действующей конституции каждые четыре года уезды должны были выбирать выборщиков, которые в случае сбора нового сейма и должны были выбирать народного представителя в сейм. Как по мне, то я полностью согласен с мужиками, что это полный бред. Но для того, чтобы изменить правила выборов, надо сначала поменять и конституцию. А без сборов сейма этого не сделать. Замкнутый круг.

Очень сильно ругали финский сенат, в котором окопались шведы и русские, и тем самым не дают финнам политических свобод. Мне это было уже неинтересно, и я пополз из кустов, а следом за мной и остальные детишки.

.....

Не дождавшись ответа на наши письма в газеты, матушка взяла всё в свои руки и потащила меня по многочисленным нашим родственникам. И себе развлечение придумала и меня с моим «поэтическим даром» решила людям показать. На возмущение отца, что сейчас как раз самый сезон работ, а рук постоянно не хватает, только фыркнула.

Так что в одно прекрасное утро мы с ней покинули хутор на её бричке. Первым моим удивлением, было то, что мы свернули на тракте не налево, к Улеборгу, а направо, в неведомые мне еще земли.

— Ма. А мы куда? — удивился я.

— В гости к моей крёстной. Она живет в Кийминки. Это недалеко. Только сначала на карьер заедем.

Ух ты. Здесь есть какой-то карьер? Круто. Интересно, что там добывают, и зачем нам туда? Это я и спросил у матушки.

— Камень, точнее щебень, ну, мелкие такие камушки, которые используют на стройке и как дорожное покрытие, — попыталась она доступно мне объяснить, хотя я и сам прекрасно знал, что это такое. — Вон, наша дорога ими засыпана. Твой папа поручил мне кое-что передать работникам.

И ведь точно, я как-то раньше и не обращал особого внимания, что дорога от нас и до начала Улеборга, с утрамбованным щебёночным покрытием. В городе почти все улицы замощены брусчаткой, и это воспринималось мной как само собой разумеющееся.

Карьер оказался и вовсе не карьером. Даже не знаю как это назвать. Помнится, в прошлой жизни я наткнулся на фотографии «Патомского кратера» в Сибири.

И вот здесь, среди смешанного леса, между соснами и берёзами, было нечто похожее, но на абсолютно ровной местности. Холм, высотой метров десять и в диаметре метров под двести уже готовой сланцевой щебёнки. Такое ощущение, что неведомый великан или Бог принесли всё это в ведёрке и здесь высыпали.

Пока матушка общалась с тремя мужиками, грузящими камень на подводу, я оббежал вокруг этой непонятной аномалии и пришёл к выводу, что раньше она, была больше в два раза. Видимо, народ очень активно растаскивал отсюда эту щебенку. Этак, лет через десять-двадцать, край, тридцать, от этой горки не останется ничего. По виду камень очень напоминал дробленный сланцевый шифер, но был намного светлее. Встречались среди него и пластины черного цвета с белыми прожилками, напоминавшими шунгит, поделочный

камень, который я видел то ли в Исаакиевском, то ли в Казанском соборе Санкт-Петербурга.

Как выяснилось по дороге, когда я засыпал маму вопросами про эту гору щебня, она принадлежала нашей семье. Вернее, лично матушке. Эта земля с этим карьером, как называли это место аборигены, была её приданым. Но, управлял им, отец. И доходы от продажи камня иногда даже перекрывали доходы от продажи леса. Вот так неожиданно вылез еще один семейный бизнес.

Кийминки был довольно крупным селом, размерами и населением, наверное, с наше Яали. Руова Сари Кокконен оказалась старушкой лет под семьдесят наверное. Очень бойкой старушкой, держащей весь дом и всю свою многочисленную семью в ежовых рукавицах. Нам обрадовались, накормили и заселили в гостевую комнату большого бревенчатого дома, обшитого досками и явно совсем недавно покрашенного в ярко-зелёный цвет.

Вечером состоялась презентация меня как поэта. Местным очень зашли стихи про деда, а мелким про лягушат. Растроганная руови Кокконен даже попыталась подарить мне денежку. Серебряную марку. От которой я отказался со словами:

— Спасибо, руови. Не надо. Отец всё равно у меня её отберёт.

Покрасневшей матери, пришлось рассказать всем присутствующим про случай на ярмарке и действия отца. Народ повозмущался, но как-то вяло, явно для виду. Я думаю, если бы их Йёэл, мой погодка, заимел на руки такие же деньги, то у него их бы тоже отобрали. А зачем они ему? Вон он, с упоением таскает на верёвочке деревянного коня на колёсиках. Да он их просто потеряет, и всё. Он же не гений как Матти Хухта, стихов не пишет и языки не изучает.

На следующий день, по возвращению домой, мать рассказала о моей выходке отцу. Они долго рядили как со мной поступить. Мама настаивала, что я гений и могу уже понимать цену денег и волен их иметь. Отец же, услышав, что я гений и почти всё понимаю, склонялся к мнению, что меня уже можно и выпороть, чтобы не шёл поперёк воли родителей и не подставлял их перед другими семьями. Дед с бабушкой, в попытке меня защитить, утверждали, что я дитя неразумное и не ведаю, что творю. А я же, сидел тихонько в уголке на вязанном половичке и бессмысленно расставлял кубики, и, с самыми дурными предчувствиями прислушивался к их судилищу.

Спас меня появившийся почтмейстер. Отец того самого Микки Рантанена, который очень нравился нашей Тюуне. Пришло письмо из столицы Княжества и херра Рантанен самолично его привез на наш хутор, а не отправил с ним своего помощника.

Письмо было от Ээро Эркко, главного редактора «Вечерней газеты», в котором он сообщал, что вся редакция очень заинтересовалась уникальным ребёнком. И что двадцать пятого августа, он и его коллеги в количестве еще четырёх человек прибудут в Улеборг на вечернем поезде. И просил организовать встречу на вокзале.

Присутствовавший при прочтении письма почтмейстер тут же растворился, надо полагать помчался делиться информацией со всеми остальными жителями села. Неординарное же событие, журналисты из столицы.

Родители схватились за головы из-за, как мне показалось, проблем с приездом гостей. Но с их приемом и размещением проблем не было, в нашем хуторе были экипажи для встречи, а также гостевые домики на берегу озера, для любителей ловли рыбы на уду.

Матушку взволновал вопрос всех женщин, что ей надеть. А отца, оказывается, волновал другой вопрос.

— Эмма! А что если наш Матти и им пожалуется, что я у него деньги отбираю? Это же

какой скандал может получиться!

— Ой. Решай эту проблему сам. Вон с ним, — она мотнула головой в мою сторону. — Сам же эту проблему создал, сам из неё и выходи. А мне в город срочно надо. Мне надеть нечего и шляпка новая нужна.

Тут даже я удивился, никогда не видел маму в шляпке, она всегда была или простоволосая или в платке. Отец на её отповедь, покряхтел, посопел и, поднявшись из-за стола, направился ко мне.

— Магги. Сынок. Пойдём, поговорим, — и он, подхватив мою тушку на руки, поволок меня в мою комнату.

Ясно всё. Или запугивать будет или уговаривать. Но то что произошло, меня очень сильно удивило.

— Вот. Держи, — он выложил передо мной три серебряных марки, как бы не тех самых, которые и отобрал у меня. — Что будешь с ними делать?

— Положу в ящик комода. И буду копить, — я подошёл к тому самому комоду и, с трудом выдвинув ящик, ссыпал туда зазвеневшие монетки.

— И на что будешь копить?

— На винтовку, как у тебя, — решил я на всякий случай подсластить пиллюлю.

— Ай молодца, — развеселился отец и сгрёб меня в объятия.

Глава 6

Столичные гости приехали, как и обещали в письме, через неделю, на вечернем поезде. Их на вокзале встречал отец с дядей Каарло. И на двух экипажах они были доставлены к нам на хутор. Четверо мужчин разместили в рыбацком кемпинге, как я называл про себя это место, а руову Хултин, заселили в мою комнату, временно изгнав меня к братцам на мансарду.

Вернее, там чаще ночевал только один Ахти. Эса, которому уже стукнуло семнадцать лет, ходил на гульки в село и приходил слишком поздно чтобы ломиться в дом, по этому частенько ночевал в дровнике.

Еще по весне отец сговорился с семьёй Хонки, которые владели хутором недалеко от Кийминки, куда меня возила мама, о сватовстве Эса к их средней дочери в сентябре. И если всё сложится удачно, свадьбу сыграют на следующий год, сразу после Юхануса, это местный аналог Купалова дня. А меня переселят на мансарду, так как комнату быстрее всего отдадут молодожёнам. И жить мне там или пока я не вырасту, или пока они не построятся.

Сам поезд пришёл на станцию Улеборга почти в десять вечера, да еще два часа дороги до нашего хутора. Так что гости прибыли к нам почти в полночь. Я их прибытия не видел, так как был загнан спать намного раньше. И только за завтраком познакомился с Теклой Хултин.

Толком позавтракать и не получилось. Взрослые успели полакомиться калакукко (рыбный пирог), а мне уже ничего и не досталось. Только нацелился на оладушки, сметану и брусничное варенье, как руова Хултин начала меня допрашивать. Матушка еще в письме написала, что я знаю три языка и даже пишу на них, вот тётенька и начала меня экзаменовать.

Гостья очень удивилась преподаванием русского языка в нашей сельской школе. И благодаря её любопытству я тоже узнал историю его появления в нашей школе из рассказа матушки. Оказывается, в нашем селе до 1892 года находились продовольственные склады финляндского военного округа и квартировала целая интендантская рота. Именно офицеры этой роты подали прошение генерал-губернатору Гейдену с просьбой организовать обучение их детей на родном, русском языке.

И очень быстро из Гельсингфорса прислали девушку, которая и стала преподавать русский. Ну, а после вывода воинской части преподавание осталось в школе благодаря тому, что эта учительница вышла замуж за нашего пастора, отца Харри, и забывчивости администрации генерал-губернаторства, которая продолжала платить оклад учительнице.

Но долго меня мучить вопросами у руовы Хултин тоже не получилось, так как отец привёл на завтрак мужскую часть гостей. Все четверо мужчин оказались усаты и бородаты, и по возрасту скорее тянули на старофиннов, чем на младофиннов. По очереди представились матушке, и я, наконец, узнал кто из них кто.

Более молодой, круглолицый мужчина, представившийся Ээро Эркко, оказался тем самым главным редактором газеты, чьё письмо мы и получили.

Самый старый среди этих младофиннов оказался Юрьё Коскинен, профессор истории. А два оставшихся мужика, примерно одного возраста с моим отцом, были писателями.

Арвид Ярнефельт и Юхани Ахо. Никогда про них не слышал, но, судя по восторженной реакции матушки, наверное очень знаменитые. В общем, полный дом именитых гостей.

Тут же на стол был выставлен бабулей еще один рыбник, а братец Ахти притащил со двора закипевший самовар. Ну, вот, а я оладьями давился. Впрочем, и этот рыбник мне никто не предложил, а наоборот, выпроводили из-за стола, чтобы освободить гостям стул.

По окончании их завтрака мне устроили повторную экзаменацию. Я читал им свои два стиха, и на финском, и на русском. На шведский я так и не смог их перевести, мой мысленный автоперевод дал сбой и отказывался это делать. Вернее, я-то переводил, но то, что у меня получилось, надо было читать, явно в рэп-стиле, который, наверное, никто из этой компании не оценил бы.

Руова диктовала мне тексты, и я, от усердия высунув язык, записывал их карандашом на бумаге. А ещё она меня мучила вопросами как я сумел написать такие стихи и что меня на это подтолкнуло. Пришлось опять рассказывать про покраску сарая, про лягушек живущих в нашем озере и про красивую цаплю, которая охотилась на лягушек, но улетала, если я близко к ней подкрадывался. Вроде поверили.

Затем читал отрывки каких-то басен из привезенной книги авторства херра Ярнефельта. А херра Коскинен устроил мне экзамен по математике. Простые примеры с сложением и вычитанием я выполнил, а на предложение примеров с умножением и делением искусственно завис. Здесь мне на выручку пришла мама, которая заявила, что Матти этому ещё не учили.

— Ну, что сказать? Ваш мальчик гений, — подвела итог Текла Хултин, обращаясь к моим предкам. — Мне пока еще не попадались дети в возрасте вашего сына, усвоившие подобные знания. Насколько я могу знать, в Финляндии был всего один подобный гений. Это наш великий писатель и поэт Захариас Топелиус, которого вы все прекрасно знаете по его рассказам и басням, — вся родня усиленно закивала головами, один я остался в неведение, кто это такой. А дед Кауко при упоминании этой фамилии почему-то скривился.

— И он, будучи почти вашим земляком, его родители родились и выросли в Оулу, — назвала она Улеборг на финский манер. — Когда узнал, что здесь появился маленький финский гений, поручил нам вручить ему подарок. После проверки, разумеется, которую ваш сын полностью прошёл. Ээро, прошу вас, — обратилась она к редактору газеты.

— Херра и руова Хухта, мы все здесь убедились, что ваше письмо правдиво, и вы смогли вырастить такого замечательного и одаренного сынишку, — толкнул небольшую пафосную речь этот круглолицый господин, предки от его слов непроизвольно встали чуть ли не по стойке смирно, а у матушки даже заблестели слёзы в глазах. — От имени и по поручению господина Топелиуса вручаю вашему сыну четырехтомный сборник «История Финляндии в картинках» с его личными автографами и пожеланиями, — он достал из под стола немаленький сверток в плотной коричневой упаковочной бумаге и вручил его отцу, а матушке протянул какую-то открытку. — А это его личное приглашение посетить его в Гельсингфорсе в любое удобное вам время. Ах да, — спохватился он, когда уже почти уселся на своё место. — Вы же Кауко Хухта? — обратился он к деду. — Депутат народного сейма?

— Да, так и есть, — подтвердил он. — А что? Только не говорите, что это Захарий вам про меня рассказал!

— Именно он, — подтвердил херра Эрко. — И он просил передать вам в качестве примирения, вот эти две бутылочки двойного рома из Вест-Индии. — С этими словами он

опять нырнул под стол и вытащил ещё один сверток, в котором оказались две пузатые бутылки с золотистым содержимым. — Херра Хухта, удвлетворите наше любопытство, расскажите как вы с ним умудрились поссориться?

— Да всё очень просто, — дед принял бутылки, но посмотрел на них с таким отвращением, как будто видел перед собой двухнедельной свежести рыбы потроха. — Мы с ним подрались в таверне «Русалка». Он мне не поверил, что я участвовал в обороне Бормасунда во время крымской войны. И если честно, за такое извинение, — он кивнул на бутылки с ромом. — Я бы опять с ним подрался.

— А что не так? — напрягся Ээро Эркко.

— Меня в датской Вест-Индии лечили два месяца от жёлтой лихорадки хинином и этим ромом. Я с тех пор его видеть не могу. Но, тем не менее, спасибо! Приятно, что хоть кто-то помнит про старика. Мать, сходи в нижнюю клеть, принеси бутылочку коскенкорвы настоящей на бруснике. Надо же мне отдариться, да и на стол прихвати парочку для гостей, — обратился он к бабуле, которая что-то ворча, тем не менее довольно шустро обернулась, принесла три пыльных бутылки из зелёного стекла.

— Матти, а когда ты что-то новое напишешь? — вкрадчиво поинтересовалась у меня руова Хултин, пока мужчины откупоривали принесённые бутылки, а женская часть нашей семьи, лихорадочно метала на стол холодные закуски.

— Ну, — показательно потупился я. — Я уже кое-что сочинил. Когда дед Кауко возил меня на ярмарку, то я видел там человека с очень кривыми ногами.

— Точно, — подтвердил дед, который тоже, оказывается, прислушивался к нашей беседе. — Айво Кривоногий, он таким уже родился.

— А ещё там была кошка, тоже вся какая-то скрюченная, — подводил я базис под спёртую у Корнея Чуковского «Скрюченную песню». — Вот я сначала маленькими стишками записал про них, а потом сложил. И кое-что додумал и придумал. Но пока не знаю как это всё назвать, — постарался я как можно более путано и по детски объяснить гостям, которые уже все слушали мой бред.

— Так прочти нам, — то ли подбодрила, то ли потребовала магистр философии.

Ну, раз просят, чего я ломаюсь? И как на детском утреннике, в детском саду, я прочел этот стих, время от времени подсматривая в бумажку на которой он и был мной, записан.

Жил на свете человек,
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке.

А за скрюченной рекой
В скрюченном домишке
Жили летом и зимой
Скрюченные мышки...

Всем очень понравился этот стих. Ээро Эркко даже предположил, что его можно считать и политическим памфлетом для определённого круга населения княжества. Меня заставили прочитать стих несколько раз чтобы записать его, так как мои карандашные каракули никто из взрослых расшифровать не смог. А матушке поставили на вид, что надо

ребёнка учить писать пером. А годика через два можно и в школу отдать.

Вот не было мне печали! Надеюсь, хоть не гусиным? Я, когда только пошёл в школу в моей прошлой жизни, тоже первые два года писал прописи и тексты чернильным пером. Как вспомню, так содрогнусь от этого чернильного ужаса. Вечно все пальцы и лицо фиолетовые, куча грязных промокашек и испорченных тетрадок. Школа? А в какой я школе учился? Гагаринской? То есть в школе имени Гагарина? А город-то какой? Тишина и пустота. Ну, хоть что-то ещё о себе вспомнил.

А затем, косяком пошли гости. Вернее, первым приехал фотограф, предусмотрительно заказанный отцом, который сделал и групповые фото, и отдельное фото меня, для газеты. А вот после него приехало, наверное, человек пятьдесят. Какие-то местные газетчики, представители финской партии, чиновники и даже уездный полицмейстер. Как и откуда они узнали про визит именитых столичных гостей, так никто понять и не смог. Обед пришлось переносить на улицу, вытащив все столы со всех домов хутора.

Меня время от времени дёргали читать стихи, а в остальное время, я развлекал своего погодку Ялмара Стрёмберга. Отец которого, журналист Улеборского «Вечернего листка», зачем-то притащил его с собой.

Пацан оказал не конфликтным, руки к моему ножу не тянул, а довольствовался выпеканием песчаных куличей. Видимо, в городе он не был знаком с таким видом игр, и ему зашло это на ура. И только вечером, после отъезда его с отцом в город, до меня дошло, что я, быстрее всего, играл с самим «Кровавым Ялмаром», генералом, который был ответственен за блокаду Ленинграда с финской стороны. Может, его прирезать и прикопать где? А рука у тебя на ребёнка поднимется? И тот ли это человек вообще? Вот то-то и оно...

.....

Через неделю после отъезда гостей, вышла большая статья обо мне в «Вечерней газете», с описанием моих знаний, моей фотографией и, конечно, с моими стихами. Сразу после столичной газеты эту статью с небольшими сокращениями перепечатало еще несколько газет.

На фотографии я выглядел как-то непривычно. То ли удивлённым, то ли смущенным, с дебильной, на мой взгляд, улыбкой. Родственникам и знакомым, наоборот, мой фотопортрет очень понравился.

А еще через неделю я и отец получили денежные переводы из столицы. Вернее, получил отец, но в сопроводительном письме из редакции газеты была указана сумма заработанных мной денег. Когда перед отъездом гостей отец с Ээро Эркко подписали два договора, я даже и не был в курсе, о чем именно. Оказалось, что главный редактор вызвался стать моим литературным агентом, и довольно выгодно перепродал статью обо мне в другие газеты. И даже уже договорился о внесении «моих» стихов в планирующийся к печати сборник поэзии для детей. Часть этого дохода полагалась и мне. Целых восемнадцать марок.

Вместе с накопленными мной к этому времени пятью марками получалось приличная сумма. Мой прижимистый отец чуть ли не зубами скрипел, отдавая мне деньги. Его примирял второй перевод, предназначенный лично ему. Как показал подслушанный мною разговор предков, мужчинам-гостям очень понравился отдых, рыбалка и возможность свободно поговорить на политические темы. Поэтому они решили выделить отцу денег из кассы финской партии, на строительство дополнительных домиков и приличных размеров павильона. Который мог бы сразу выполнять функции и столовой, и конференц-зала.

Так что отцу сразу перепало полторы тысячи марок, переведенных в наше, местное

отделение «Консаллес-Осаки панкки». Я когда первый раз услышал название этого банка, подумал, что он японский. Но нет, оказался чисто финским. Причем, именно, финским. Как я позже узнал — это был первый банк, созданный финноманами, и ведущий делопроизводство на финском языке. Мне и раньше на слух попадалось слово «панкки», но только сейчас, в связи с этим денежным переводом, я понял, что это банк по фински.

.....

— А если сверху денежек немножко? — я запустил руку в мешочек с однопенниевыми монетками и выудив штук десять, щедро присыпал леденцы в бумажной обертке, лежащие в широкой тарелке.

У нас тут сватовство идёт. Мой брат Эса сватается к Аннели Хонки. Вернее, согласно местным традициям, наше свадебное посольство должно пробиться в дом невесты через несколько традиционных препятствий-игр. Меня, как самого младшего в семье, послали взламывать первую линию обороны, состоявшую из младших сестёр невесты. Я, сходу, им насыпал в тарелку леденцов в красивых и разноцветных бумажных обертках, но девчонки оказались ушлые и на конфеты не купились.

— Наша сестричка слаще, — заявила мне рыжая и конопатая девица лет пяти, тем самым отвергая мой дар или намекая, что надо бы ещё подкинуть. Хотя по глазам младшей, испуганной мышкой прячущейся за сестрой, было видно, что она согласна отдать за такую кучу сладостей и своих родителей в придачу.

— А мы еще сладостей подложим, — пропищал в ответ я и добавил в тарелку две громадные карамельные восьмиконечные звезды на палочках.

Младшая, под смех окружавших нас взрослых, отпихнула старшую сестру в сторону и попыталась ухватить такое аппетитное угощение, но старшая, в последний момент успела чуть передвинуть тарелку, и жадная лапка промахнулась. Незадачливая охотница за вкусняшками, покраснела и опять спряталась за сестру.

— Нам наша Аннели больше купит, — нагло прошипела мне девчонка и показала язык.

— Ну и ладно. Было бы предложено, — я придвинул к себе тарелку и сделал вид будто собираюсь её содержимое убрать назад в свой мешочек.

Такого поворота не ожидал никто. Девчонки испуганно притихли, а взрослые недоуменно замерли. Ведь если я сейчас сверну торг, то тем самым и прекращу всё сватовство. Первой отмерла самая наглая любительница сладкого. Она с силой отпихнула сестру в сторону, отчего та, за что-то зацепившись, полетела на землю, и ловко выхватив у меня тарелку, унеслась куда-то во двор. Через мгновение взрослые, осознав что произошло, зашлись в гомерическом хохоте, а я, взломав первую линию обороны, уступил место, своей сестрёнке Тюуне, передав ей мешочек с сэкономленными сладостями. Мешочек с пенни я зажал себе, незаметно спрятав его в свой карман. Пусть Тюу сладостями справляется.

Сестрёнка с противостоявшим ей мальчишкой лет десяти справилась быстро, ну, а дальше начались взрослые торги и подношение украшений невесте. Невеста украшения приняла и тем самым, согласно традиции, согласилась стать названной невестой. Теперь ей предстоит в течение нескольких месяцев жить в нашем доме и показывать будущим новым родственникам что она умеет по хозяйству. А новые родственники должны показывать как они относятся к ней. И если обе стороны останутся довольны друг другом, то после Юханусова дня молодым сыграют свадьбу.

Глава 7

Лето 1896 года началось для меня с очень раннего подъёма из-за воплей матушки и бабули. Ночью, вставая в туалет, я оставил приоткрытой дверь в гостевую комнату, куда меня опять переселили с мансарды. Я, как та известная субстанция в проруби, болтаюсь по дому и никак не найду своего угла. Очень надеюсь, что после женитьбы Эса я, наконец, обрету постоянное место обитания. Хорошо хоть бабушка Тейя подарила мне глиняную копилку-бочонок, а то при переездах, потерял бы все свои сбережения.

Надо сказать, что после того как меня признали «гением», у меня отобрали горшок, зато доверили спички и свечную лампу.

И мне теперь приходится ночью, с этим девайсом, ходить в взрослую уборную. А ещё, в моей небольшой комнате на первом этаже довольно душно. Но окна не откроешь, на улице холодно, вот и приходится открывать двери в кухню-гостиную.

Местным финнам не известно такое изобретение человечества, как оконная форточка. По крайней мере нигде, ни в одном из посещенных мной населенных пунктов, я их не видел. Так бы приоткрыл форточки и, счастье. Наверное придётся прогрессорствовать. Даже местные двойные оконные рамы отличаются от тех деревянных, советских, которые я помню из своего первого детства. У нас все они открывались в внутрь комнат. А здесь окна открываются в разные стороны, наружная наружу, а внутренняя, естественно, в комнату.

Слава Укко, что хоть с комарами у меня проблем нет. Может я какой энергии от своего Тонтту нахватался? И поэтому они меня не трогают? Летают вокруг, пищат возмущенно, но не кусают. А может всё дело в бабушкиной мази от комаров. У нас всё-таки озеро под боком, и комарья хватает с избытком в отличие от окружающей местности.

Поэтому бабуля варит какое-то зелье, отпугивающие комаров. Но внутри помещения его использовать нельзя, и его наносят на уличные предметы и наружные части одежды. Наш детский дворик чуть ли не по кругу обработан этим средством. И это зелье готовится на основе черники и морошки. Из воспоминаний Тю, мой предшественник в этом теле слопал половину горшочка этого зелья. Бабуля не досмотрела и оставила его на столе. Все конечно перепугались, но малышу это никак не повредило, а, может, и наоборот, теперь мне помогает.

— Да сколько можно эту старую корону использовать? Ей же, наверное, уже лет больше чем мне! Когда Кауко женили, вы же, мама, обещали, что на свадьбу Эса, новую закажем! — орала на бабулю моя матушка.

— Мало ли, что я обещала! С этой короной еще моя бабка венчалась! Ей же сносу нет! Ну и что, что зеленая! Почистить, и засверкает как новенькая! И чего ты на старших орёшь, совсем вежество потеряла?

— Хочу и ору! Это мой дом! Его мой Матти построил! А у вас свой есть! И Эса — мой сын, а Аннели — его невеста! Значит, это мне выбирать что на свадьбе ей использовать!

— Даже так?! — упёрла в бока свои руки бабуля и почти на грани ультразвука заголосила. — Да что же это делается-то?! Невестка из дома гонит!

Дальнейшей эскалации конфликта я решил не допускать и, подойдя к столу, ухватил свои любимые «поэтические» щипцы да и грохнул ими по столу. Изо всех сил, со всем своим

недовольством из-за ранней утренней побудки.

Женщины испуганно подпрыгнули и, развернувшись, недоуменно уставились на меня.

— Ба! Ты что, совсем уже? Ты же сама эту корону на Рождество в церковь отнесла, для праздничного вертепа. И потом её там потеряли. Или нашли уже? — поинтересовался я ехидно.

Бабушка обалдевшая от моего заявления, пару минут тупо смотрела меня, а потом, рухнув на стул, разрыдалась. В итоге, на весь этот наш самодеятельный перформанс сначала пожаловал дед, а потом и сонный, зевающий отец. Я же, посчитав миссию выполненной, отправился досыпать.

Но не тут-то было. Меня подняли, умыли и, быстренько накормив, отправили в компании с женщинами в город, на поиски новой свадебной короны. Не иначе как бабуля так отомстила за мой ехидный тон. С неё станется.

Тот ужас, что нынче финны считают свадебными коронами, обошёл нас в тридцать марок. Бедная Аннели, бывшая, медная корона хоть и была старой и зеленой, но зато она была легче и меньше новой. Мои женщины чуть не передрались снова во время выбора этого аксессуара. Кое-как взяв себя в руки, решили купить в другой раз, сначала посоветовавшись с мужчинами. Но когда у нас на глазах, купили две из трёх имевшихся в продаже, то, не сговариваясь, выложили требуемую продавцом сумму.

И уже приехав из города домой, я спросил у них, отомстив им обеим и за ранний подъём и за таскание меня в город:

— А липовые дрова у нас есть?

— Паска! — выругалась бабуля.

Это у меня там, где я раньше жил, паска — это пасхальный кулич, а у финнов паска — это дерьмо.

— Ах ты, мелкий засранец! Ты же наверное всё время помнил про них, а нам не сказал! Отомстить мне решил? Да я тебе сейчас уши пооткручиваю! — на что я показал ей язык, и, под смех матушки задал стрекача в сторону озера. Там отец с дедом, те меня в обиду не дадут. Подготовка к свадьбе — дело сейчас сугубо женское. И я здесь никаким боком.

Липовые дрова были нужны для разогрева бани и мытья молодожёнов перед первой брачной ночью, и после. А так как у нас на севере это чудесное дерево почти не росло, то липовые дрова завозились с юга княжества и из России. Стоило это не дёшево, да и, к тому же, был риск, что на все свадьбы в округе завезенного могло не хватить.

Все эти свадебные подробности я буквально выжал из матушки зимой, когда она взялась обучать меня писать пером. Ох я и намучился! Хорошо хоть чернила сейчас в данной местности делают из хвойной канифоли и льняного масла. Отмываются очень легко и быстро, не то что те, советские, фиолетовые, произведенные явно из нефти.

А вот пёрышко было не стальное, а латунное. И без опознавательных знаков. Вон, перья у моих сестёр мало того, что были стальные, так еще и французские от фирмы Ватермана.

Пока я научился хоть более или менее правильно писать и не ставить везде, где ни поподя, чернильные кляксы, с меня семь потов сошло. Да еще навязчиво привязался стишок Михалкова — «Чистописание». Я даже сначала обрадовался, что вспомнил его. Думал, шаз как переведу — и готов новый шедевр от меня.

Но не тут-то было. Мой автопереводчик в голове справился, но получился такой ужас-ужас, что впору головой об стенку стучаться. Казалось бы, что там такого серьёзного. «Да-ет ко-ро-ва мо-ло-ко». Но именно эта разбивка на слоги в финском языке полностью изменила

стихотворение. Получилось, «пусть корова сдохнет». Ну, это точно не про молоко. Я настолько погрузился в перевод, что не заметил как полностью овладел пером и как закончилась зима.

В итоге, то что у меня вышло из простого как мне изначально мнилось, стихотворения Сергея Михалкова, серьёзно отличалось от оригинала. Мне пришлось выкинуть часть текста и даже добавить что-то от себя. Но слава Джумо (бог неба у финнов), первоначального смысла о трудности обучения чистописанию стих не утратил. На Пасху я его прочитал сначала родным, затем всем односельчанам в церкви, а неугомонная матушка, тут же его переписав, отправила в Гельсингфорс, Ээро Эркко.

И я, наконец, для себя уяснил, что не ворую произведения. А перевожу их. Если перевести на русский то, что у меня выходило на финском, то это уже совершенно другие стихи. Но, как я поклялся сам себе, в будущем, когда вырасту, напишу всё и на русском, чтобы компенсировать своей бывшей Родине утрату этих стихов.

.....

На свадьбу брата, меня нарядили в костюм, который я даже в страшном сне не мог себе представить. Высокие, выше колен, гольфы в чёрно-жёлтую горизонтальную полосу. Бриджи, совершенно безумной расцветки из белых и синих вертикальных полос, как на больничных пижамах в далёком советском прошлом. Ярко-красная жилетка поверх белой рубашки, и чёрный пиджак. Не смог я на этот раз отвертеться и от тюбетейки-ермолки. А от шейного платка меня спас отец, который заявил, что тот слишком мне велик.

Выкуп-продажу невесты по традиции семьи Хонки проводили младшие братья и сёстры жениха и невесты. У противоположной стороны было два ключа, которые мы должны были выторговать для того, чтобы Эса смог получить свою суженную и повести её в церковь. Один ключ у сестёр Аннели, а второй — у её брата. По правилам можно было обойтись и одним ключом, но тогда считалось, что дети, которые родятся в новой семье, будут только того пола, кому этот ключ принадлежал.

Я, вместе с Ахти очень легко справился с десятилетним Исмо. Мы просто показали ему деревянный меч в деревянных же, украшенных кожей, ножнах. Эти мечи, как пирожки пёк братец Эса. Оказалось, что вполне ходовой товар. А уж ножны и щит в комплект к мечу додумал он сам.

Пацан при виде такого чуда очень быстро расстался со своим ключом под возмущенные крики родни. А вот у девчонок дело, наоборот, застопорилось. Они уже выложили перед своими будущими родственницами все сладости и всю мелочь, которая у них была, а обе представительницы семьи Хонки, наотрез отказывались отдавать ключ.

Пришлось мне вмешаться в происходящее. Нагло распахав локтями своих сестричек я решил провернуть прошлогодний трюк с окончанием торгов. Ну а что? Получилось тогда, значит может получиться и сейчас.

— Хилкка, — обратился я к той мелкой, которая на сватовстве уронила старшую сестру и похитила все сладости. — У нас уже есть один ключ! — я показал ей медный и невзрачный ключик, явно от какого-то навесного замка. — Нас устроят и одни мальчишки в семье Эса и Аннели. А ты останешься без сладкого и без племянниц. Из-за этой рыжей, — я показал пальцем на её старшую сестру Кайсу.

Мелкая думала недолго, неожиданно быстрым движением она выхватила ключ из рук опешившей сестрицы и протянула его мне. Я тоже медлить не стал и, схватив ключ, придвинул ей блюдо с выкупом, в который Хилкка вцепилась обеими руками. А я передал

Эсу оба ключа, открывая ему путь к невесте.

Братец торжественно преподнёс своей будущей теще красные туфельки для невесты, которые та после недолгого осмотра унесла в дом. И уже через пару минут, перед нами предстала Аннели в праздничном красном платье с белой вышивкой и в красных туфельках от жениха. И с вороньим гнездом на голове, как я про себя обозвал новую свадебную корону.

Затем была поездка к нам домой, а потом пешее шествие в церковь на венчание. Меня и мою, уже можно считать свояченицу Хилкку, отправили впереди процессии, бросать под ноги молодожёнам кусочки хвои. После венчания, которое я и не видел так как толпа людей меня оттёрла в уголок, нам опять пришлось работать хвойными эльфами.

К нашему возвращению столы, стоявшие на улице, ломились от угощений. Но перед тем как начать пир и вручение подарков, уже по нашей семейной традиции всех гостей угостили молочной ухой. Я, слопав тарелку ухи и кусок рыбы, перебрался из-за стола поближе к молодоженам, чтобы посмотреть кто что дарит и, устроившись поудобней в распряженной маминой бричке, не заметил как заснул.

.....

Осеннее финское солнышко ласково делилось теплом со мной, развалившимся на вершине стога сена. Закинув ногу на ногу, а руки под голову, я любовался редкими кучевыми облаками и думал о всяком разном.

Всё веселье на свадьбе брата я банально проспал. Ну, ещё бы! Подняли ни свет ни заря, да и легли перед этим не рано. Потом все метания с одного хутора на другой, торги и венчание не прошли даром для этого маленького тела. Дед Хейди заметив, что меня сморило, отнёс мою тушку в дом и уложил в кровать.

Зато второй день свадьбы, который гуляли в бывшем доме невесты, мне очень хорошо запомнился благодаря экскурсии, которую мне устроили мои новые родственники. Исмо с Хилккой потащили меня в лес, окружавший их хутор. Видимо, хотели меня чем-то удивить. И это у них получилось на все сто процентов.

— Это что? — вырвалось у меня при виде громадного валуна весом не менее пары сотен тонн, стоящего на трех небольших камнях.

— Наш дедушка, говорит, что это алтарь Тапио, бога леса, — ответил мне Исмо. — Мы тебя сюда привели, чтобы проверить не трус ли ты и стоит ли с тобой водиться! Сможешь как мы?

С этими словами эта безумная парочка плюхнулась на живот и поползла друг за дружкой под камнем. С одной стороны на другую. Заглянув под этого каменного монстра, я оценил, что высота от гранитного основания до его нижней кромки где-то сантиметров тридцать. Десятилетний мальчишка и пятилетняя девчонка шустро проползли под камнем, как будто делали это сотни раз. «Да о чём я? Быстрее всего и делали!» И отряхнувшись, прибежали ко мне.

— Ну как? Сможешь?

— Легко, — заявил я и порадовался, что сегодня оделся в повседневную одежду, а не в тот праздничный ужас, который здесь повредить и вымазать было очень легко. И тогда мне бы не поздоровилось.

На словах это, однако, легко сделать, а вот на деле было очень боязно. Будь тут оригинальный Матти, он бы не раздумывая прополз и туда, и обратно. Я же, вздохнув, лег на живот и примерно рассчитав траекторию своего движения закрыв глаза, пополз под камень. Где-то, по ощущениям посередине этого своеобразного тоннеля, я почувствовал знакомое

тепло. Такое же, как и от своего Тонтту. Но останавливаться и проверять, исходит ли оно от камня или мне показалось, я не стал.

Пройдя эту своеобразную проверку, я был принят в компанию, и меня потащили показывать очередное чудо в их лесу. Это чудо я знал. Встречал несколько раз подобное на Кавказе. Самый простой дольмен. Даже и не знал, что подобные сооружения есть в Финляндии.

Оставшиеся два месяца лета промелькнули словно один день. В августе к отцу, на его озёрный кемпинг, съехалось несколько десятков человек, представителей финской партии. В основном, обсуждали кровавую коронацию императора Николая Второго и увеличенное финансирование, которое норвежский Сторинг выделил своей армии. Споры шли о том, как скоро Норвегия разорвёт унию с Швецией и как это произойдёт, мирно или через войну.

Подслушивая все эти политические споры, я с удивлением узнал, что сухопутная армия Норвегии больше шведской почти в два раза. А вот военный флот, наоборот, очень слаб. Зато торговый флот, которым владели норвежские судоходные компании, был третьим по численности после Великобритании и Франции. Всё равно в скором времени эта уния не развалится. Насколько я помнил из истории своего мира, Норвегия получила независимость только в 1905 году и, вроде бы, мирным путём.

— Матти, ты где, неслух? — услышал я голос отца, вырвавший меня из воспоминаний.

— Я здесь, на стогу! — крикнул я в ответ и помахал в воздухе рукой.

Через мгновение, на вершине стога оказался и отец, строгим голосом поинтересовавшийся у меня:

— А что это ты здесь делаешь?

— На облака смотрю, — не найдя причины лучше, в ответ ляпнул я.

— О! Я тоже хочу, — и мужчина, подвинув меня, улегся рядом. — Вон, смотри, — он показал на подплывающее облако. — На шляпку нашей мамы похоже.

— Ага, — и я звонко рассмеялся на эту аналогию, потому что кусочек облака был очень похож на тот нелепый головной убор, что прикупала недавно мама.

На наш смех к нам на стог пожаловал и дед Кауко.

— Ну, ясно! Два Матти, старый и малый, на облака смотрят. А ну-ка, подвиньтесь, я тоже хочу, — дед потеснил меня в сторону отца, и мне для удобства пришлось лечь ему на грудь, чем он тут же воспользовался, запустив свою пятерню в мои отросшие волосы.

Я даже уже сделал вывод, что детские волосы и китайская пузырьковая плёнка имеют одинаковые антистрессовые свойства. Поэтому и не возмущаюсь. До изобретение той плёнки ещё очень далеко.

— Вон-вон, смотрите! — неожиданно закричал дедуля, указывая на очередное облако. — Чугунок с одной ручкой, как у нас.

— Это тот, которому ты вторую отломал? — подколот дедулю отец.

— Да я здесь причём? — возмущенно заорал дед и сделал попытку встать.

Отчего стог сена заходил ходуном, и мы, всей дружной компанией съехали вниз, обрушив эту конструкцию.

Первым смеяться начал я. Потом мой звонкий смех подхватил басовитый хохот отца, а через мгновение к нам присоединился и кашляющий смех деда. И я, лежа головой на животе отца и вверх ногами на груди деда, смеялся, и мне было так хорошо, как наверное не было никогда в двух моих жизнях.

Глава 8

В отличие от лета, зима тянулась долго и неспешно. Меня окончательно и бесповоротно переселили в мансарду, а в планах отца даже было разделение нашей с Ахти общей комнаты на две. Так как недалёк тот миг, когда и он приведёт в наш дом невесту.

Мои летние поползновения на внесение в жизнь финнов форточки потерпели неудачу. Братец Эса был не против поэкспериментировать, но отец не разрешил портить рамы на окнах. А на мою жалобу о духоте мне были выданы деревянные клинышки и продемонстрировано как регулировать при их помощи, рамы, чтобы создать небольшую щёлочку для проветривания.

Всю осень мы кроме традиционного сбора картофеля участвовали и в улучшении «Matti-Leiri» — лагеря Матти, как он значился в бумагах и на вывеске декоративных ворот. Устанавливали дополнительные лавочки, еще один причал, пару беседок. Отсыпали нашей щебёнкой дорожки. Вернее, всё это делали взрослые, а я путался под ногами и выполнял мелкие поручения. Господам из «Финской партии» очень понравился такой формат то ли съезда, то ли конференции, и они, расщедрившись, выделили отцу денег на ещё один домик.

Плюс, в этом году до нас добралась телеграфная линия, которую тянули в сторону Пудасъярви, крупного лапландского села. Телеграфную станцию пристроили к нашему почтовому отделению. Просто привезли уже готовый сруб-пятистенок и, установив на фундамент, обшили досками. А телеграфиста нам прислали из Выборга, где была школа телеграфистов. Обрам Няков, как звали присланного, был из вепсов. И довольно смешно разговаривал на финском, что первое время очень веселило народ. Но парень был не обидчивый и быстро влился в местное общество, а многие семейства, даже стали строить матримониальные планы на него.

Моё обещание написать позаимствованные стихи на русском языке внезапно обрело реальность. Где-то в конце ноября из Гельсингфорса пришло письмо с просьбой ко мне перевести стихи на русский. Главный редактор «Вечерней газеты» Ээро Эркко подрабатывал внештатным корреспондентом в «Петербургском листке» и обещал, что мои стихи напечатают в их литературном прибавлении. Как я понял, так в эту пору назывались различные приложения к газетам. Ээро Эркко написал, что они попытались сами перевести, но нечего путного из этого не вышло. Раз Матти знает и русский, то пусть попробует.

Пришлось «переводить». И вроде бы я уже вполне сносно писал пером, но матушка на всякий случай, отнесла мои вирши жене пастора, для редактирования. И, как оказалось, не зря, все эти яти и еры в моей голове просто не умещались.

Так же в письме была просьбы выслать, если есть, что-нибудь новенького. Я, давно ожидавший такого вопроса, что от родителей, что от кого-то другого, уже подготовил несколько простых стихов. Но сразу все давать не стал, а ограничился «Берёзой» Сергея Есенина.

Бѣлая береза

Подъ моимъ окномъ

Принакрылась снѣгомъ,
Точно серебромъ.

И уже под рождество нам бандеролью пришли три выпуска «Петербургского листка» с литературным приложением, в которых было по одному моему стиху. Сначала «Чистописание», а затем «Маляр» и «Берёза». А вместе с ней пришёл и денежный перевод на девять марок. Мне же радостные родители выдали целых десять марок золотом, но бумажные...

.....

В январе по распоряжению отца — Ахти стал меня учить ходить на лыжах. Так-то я еще в той жизни умел стоять на лыжах. Но вот именно что стоять. Своих мальчишек я почти каждый год вывозил на зимних каникулах то в Домбай, то в Сочи, на Красную поляну. Они быстро освоили лыжи и даже сноуборд. А я всё так же, под их смешки, продолжал изображать из себя «вечного чайника». Самым любимым способом катания на лыжах у меня был «бугельный подъёмник», когда он тащил меня вверх по склону.

Но здесь, на севере Финляндии, меня никто таскать на буксире не собирался. Мне выдали видавшие виды и пережившие явно не одно поколение детей короткие и широкие лыжи. Ахти показал как при помощи ремня крепить их к валенкам и начал гонять меня. Сначала вокруг подворья, а затем и вокруг хутора. По паре часов каждый день на протяжении целой недели. И только убедившись, что я вполне уверенно стою на лыжах и правильно работаю палками, оставил меня в покое, посчитав свою миссию выполненной.

Я же, избавившись от нелюбимого вида спорта, опять был предоставлен сам себе. Два, три часа в день съедали уроки с Аню и с матушкой, которая перешла теперь к письменному шведскому. Тюуне, которой уже исполнилось четырнадцать, круглыми днями пропадала на молодежных гуляках в селе. То на танцульках, то на катке, под который выгородили и отчистили участок льда на нашем озере. За самовольные отлучки ей частенько перепало от матери, так как она не выполняла наложенный на неё урок по уходу за хозяйством. Братишка Ахти тоже стремился на эти молодежные мероприятия, но у него не всегда получалось из-за помощи отцу и брату.

Вот и получалось, что я был один-одинёшенек. Если не считать моего Тонтту. Но он пределы дома не покидал и не мог мне создать компанию на улице. Иногда, поначалу, ко мне в моих уличных блуканиях и постройке снежных баб присоединялись кузены Армас и Микка. Но мне с ними было скучно. Они, скорее, были расположены ломать, чем строить. И после нескольких конфликтов с ними, когда они пытались разломать мои снежные скульптуры, а я за это их колотил, мелкие родственники стали меня сторониться.

Однажды, гуляя по замерзшему озеру, я наткнулся на маленькую лунку во льду. Надо сказать, что эти лунки проделывали дед Кауко с отцом, чтобы озерной рыбе было чем дышать. А там, где были большие глубины, они выпиливали целые окна во льду. Для установки ловушек на рыбу. Боттенвик, как здесь называют северную часть Ботнического залива, очень мелок и зимой полностью замерзает, а значит прекращается и рыболовство. По-этому, наша озерная, свежемороженая рыба, очень ценится на рынках. И дед с отцом и наёмными работниками, ставят верши каждый день.

Стоило мне наткнуться на эту лунку, как мне в голову пришла идея попробовать себя в зимней рыбалке при помощи удочки-махалки. Ни разу не видел здесь никого, кто бы ловил подобным способом рыбу. Хотя я кроме нашего озера, кусочка залива в порту Улеборга и

реки Оулуйоки, больше никаких крупных замёрзших водоёмов и не видел.

Сказано-сделано, нарисовал на листке форму удочки и, еле дождавшись вечера, попросил Эса вырезать мне это из дерева. Вот уж кто мастер по дереву, так это наш Эса, глянул на рисунок, спросил про размеры и через десять минут, я уже держал в руках тело удочки. И он не просто вырезал, он успел эту деревяшку зашкурить, чтобы я заноз себе не позагонял.

И он же мне закрепил свинцовые дробины на крючки. Я думал, что для этого понадобится их расплавлять, но брат просто разрезал их ножом и склепал вокруг крючков.

— Тебе это зачем? — не сдержал он любопытства.

— Для зимней удочки. Я потом расскажу, если у меня всё получится.

Испытывать своё творение я отправился на следующий день после завтрака. На всякий случай, если не хватит начищенных до блеска свинцовых грузил, я наколупал в дальнем сарае десяток вялых жуков короедов. Прихватил с собой короткую пешню и старую деревянную ложку для вычерпывания льда из проруби. Припинал небольшую чурку для использования в качестве сидухи, отчистил лунку и, мысленно перекрестившись, забросил свою снасть в водоём.

Долго махать деревянной ручкой мне не пришлось, уже через минуту клюнуло так, что я от неожиданности чуть не выронил удочку. Но вовремя опомнился и, как давным-давно, в прошлом детстве, попытался подсечь. И у меня это получилась. Первой рыбой, что я вытащил из лунки, оказался довольно крупный ёрш.

— Перкеле, — выругался я на оцетинившуюся как ёж рыбёшку. — И как мне теперь тебя с крючка снимать? — Но, полежав минутку на морозе, ёрш и сам успокоился, и я смог высвободить крючок.

Как ко мне со спины подошёл дед Кауко я даже не услышал, настолько был увлечён рыбалкой. К этому моменту рядом со мной уже лежал пяток ершей, парочка форелей, один не очень крупный шурёнок и три невзрачных плотвички.

— А что это ты тут делаешь? — громкий голос деда почти над ухом так меня напугал, что подскочил с чурочки и поскользнувшись, чуть ногой не угодил в лунку. Хорошо, дед меня вовремя поймал за шиворот шубейки.

— Дддед тты ччто? Тты ззачем подкрадываешься? — заикаясь спросил я у этого придурка.

— Я? — удивился он. — Я тебя пару раз окликнул, да и снег громко скрипел, когда я шёл. Это ты тут чем-то увлёкся. Как это ты столько рыбы наловил? Донкой что ли? — засыпал он меня вопросами.

— Нет. Вот. Удочкой. — показал ему свою приبلуду и под его заинтересованным взглядом забросил крючок в прорубь. Буквально через десяток махов, удочка дернулась, и я подсёк очередного ерша.

— Ты же смотри! Как у тебя ловко получается. Ты что? На голый крючок ловишь?

— Не, я грузило свинцовое начистил, оно блестит и рыба его хватает. Но на всякий случай, я короедов наловил в дальнем сарае. Вот, — я продемонстрировал ему спичечный коробок с замершими насекомыми.

— Совсем твой отец обленился, — пробурчал дед, рассматривая жуков. — А ну-ка, дай, я попробую, — и он потянул свои руки к удочке.

— Ну, деда. Я для себя делал, — ни с того ни с сего у меня включилась детская капризность.

— Чего деда? Жалко деду? — показательно надулся этот старый жулик.

— Нет. На, держи, — отдал я ему удочку и уступил место на чурочке.

— Чего на? Показывай, как этим надо ловить.

Пришлось показывать и рассказывать. Принцип действия дед понял быстро и уже через минуту, вытащил из лунки мелкую лососину.

— Так. Магги, я понял как ловить. Давай, бегом домой, найди отца и позови его сюда. И корзинку возьми для рыбы. Не в руках же это всё домой тащить? — он указал правой рукой на замерзшую рыбу.

Ну вот. Как всегда. Сделал развлечение себе, как тут же появились взрослые и всё захапали себе. Но деваться некуда, и я послушно потрусил в сторону дома. Даже хорошо, что меня оторвали от рыбалки, а то уже и подзамерз изрядно.

Корзину деду я не понёс, а нагло вручил её отцу со словами:

— Дед Кауко просил тебя принести ему это. Он там, на льду сидит, за вторым мостиком, — уж не знаю, что отец подумал про «сидит на льду», но, схватив корзинку унёсся прям галопом.

А вечером, за ужином, дед рассказал всей семье, что я придумал интересный способ рыбалки. Все вежливо покивали, так как знали, что я прекрасный выдумщик. Тот же мой способ вязания портянок. Их, кстати, все вяжут как и раньше и только я один, по-своему.

Но деда это вежливое и молчаливое согласие семьи не устроило, и он в красках принялся делиться с нами, как это увлекательно, рыбачить новым способом. А отец добавил, что они решили послать письма всем нашим клиентам-рыболовам и пригласить их на зимнюю рыбалку. Поэтому Эса, который и вытаскивал первую удочку и делал крючки с грузилами, должен сделать ещё несколько их. А мама и сёстры должны написать несколько текстов для писем-приглашений, по образцу, который они сейчас и придумают. И только я один остался не у дел.

Надо признать, что зимняя рыбалка, на которую приезжали горожане к нам, им очень понравилась. До такой степени, что возникла даже предварительная запись на очередь из тех, кто приезжал с ночевками. Так как домиков с отоплением было всего два. А через месяц к отцу с дедом подошёл один из клиентов, который по совместительству был владельцем нескольких мебельных фабрик в нашей губернии. С предложением оформить патент на эту удочку и начать промышленный выпуск. Весь этот разговор происходил при мне, так как мужик подошел к нам в тот момент, когда взрослые учили меня натирать лыжи сосновой смолой. И я был только рад, что он отвлек их от этого, совершенно не интересного мне занятия.

— И что мы будем с этого иметь, херра Гуннарссон? — поинтересовался отец.

— О! Я возьму на себя все юридические и финансовые расходы по патентованию у нас, в Шведской унии и в России. А вам я предлагаю пять процентов с каждой проданной удочки.

— Всего пять? — удивился дед и тут же неожиданно согласился. — Хорошо, пять так пять, мы согласны. Давайте завтра встретимся у вас в городе и обговорим все детали.

Но отца, эти пять процентов не устроили и возмутили. И он всё своё недовольство высказал деду, когда промышленник ушёл на лёд, продолжать ловить рыбу.

— Дурья твоя башка, — отругал его дедуля, когда выслушал много неприятного про свою деловую хватку. — А ведь он мог ничего нам не предлагать. А просто запатентовать нашу идею. Тьфу. Не нашу. А вон его, — он кивнул на меня. — И получал бы барыши, а

мы бы ничего и не знали. Так нет, подошёл, предложил, не поступил подло. Ну, а то что мало? Так не мы выпускать будем, и не нам расходы на оформление нести. И учти, — он погрозил пальцем сыну. — Пока я жив, половину из тех пяти процентов, мы будем отдавать Матти. Или не согласен? Или сам хочешь своего сына обокрасть?

— Да что ты несёшь старый? Я прекрасно понимаю, что эту удочку придумал мой сын и это его деньги. Сколько их будет, правда? Зима кончается, лето на носу.

— Это, — пропищал я, привлекая их внимание. — Надо картинки нарисовать, как этой удочкой управляться. И ящик для сидения сделать.

— Рисунки это хорошо, — согласился со мной дед, — Вот завтра я тебя в город и возьму, где ты и объяснишь, что имел ввиду. А что за ящик ты ещё придумал?

Я, как мог, в простых словах, объяснил принцип переносного ящика-сидушки для рыбака. Тут же был зван Эса, которому пришлось объяснять повторно, но он быстро уловил суть идеи, и на следующий день мы в город повезли не только рисунки, которые по моим словам нарисовала мама, но и пробный ящик.

.....

В марте исполнилось шестнадцать лет Ахти. Братишка ждал этот день рождения как второе пришествие, ибо с этого возраста отец разрешал сыновьям курить. В тайне, которая не была уж такой тайной, он покуривал и раньше. В компании своих дружков. Предки, улавливая запах табака от него, только морщились или обходились мягкими наказаниями, лишали его сладкого или поездок куда-либо. Порол его отец за курение всего дважды. Первый раз это было ещё до моего явления, а второй, на свадьбе Эса, когда отец поймал его буквально с дымящейся трубкой в зубах.

Курить в доме было напрочь запрещено женщинами, поэтому после того как дед Кауко вручил Ахти кисет с табаком, а Эса, самолично выструганную трубочку, вся компания курильщиков удалилась на улицу. Были они там, правда, не долго. Буквально через пять минут вернули нам Ахти, всего в соплях, слезах и явно задыхающегося.

Мне, видевшему, как выглядит мгновенная аллергическая реакция, всё стало понятно очень быстро. А вот взрослые не на шутку перепугались.

— Я не понимаю! Он закурил, закашлялся, а потом началось вот это, — оправдывался отец перед матерью и бабками.

— Может, табак какой неправильный? — предположил дед Хейди.

— Да мы все его курили! Нормальный табак! — почему-то орал в ответ братец Эса.

В общем, бардак и неразбериха. Мать вытирает слезы и сопли у Ахти, а бабули мечутся по гостиной, время от времени наезжая на курильщиков. Попытался вспомнить, что принимала моя супруга во время нечастых приступов. Ведь у неё была аллергия на цитрусовые, и она старательно их избегала, но иногда они попадались в каких-либо других продуктах. О! Вспомнил! Как-то не оказалось под рукой её лекарства, и она себя лечила настойкой валерианы. По-моему, я видел у бабушки Ютты пузырьёкс такой настойкой.

— Ба, а, ба, — подошел я к расстроенной и заплаканной бабуле. — Ему надо настойки валерианы дать.

— Откуда ты это знаешь? — удивилась та.

— Читал в шведской газете, — соврал первое, что пришло мне в голову.

— Ну и ладно, хуже не будет, — согласилась со мной старушка и кинулась за своим лекарством.

Вскоре Ахти был напоен настойкой. И, о чудо, через десять минут дыхание его

выравнивалось, а слезы и сопли исчезли. А родственники, узнав от бабы Ютты, что это мой совет, надели на меня с допросами.

А что я мог им сказать? Твердил, как мантру, о прочитанной статье в шведской газете, какие частенько привозила матушка из города. Эти газеты у нас долго не задерживались, их исправно забирал отец на растопку коптильни, и бабули, которые выяснили, что газеты со свинцовым шрифтом, идеальная защита от моли.

Я раньше думал, что их, газеты, в девятнадцатом веке использовали как туалетную бумагу. Но ошибся. Туалетная бумага здесь присутствовала как отдельный вид бумажных изделий. В наших туалетах, на бронзовых крючках, висели, сшитые проволокой, пачки нарезанной желтоватой бумаги. Как отрывной календарь. Я конечно удивился наличию такой цивилизации в сельском туалете, но больше всего меня убило то, что эту бумагу выпускала компания Нокia.

Как-то летом, мы с дедом Кауко были в Улеборге. И он там, кроме всего прочего, купил и десять пачек туалетной бумаги. Я как узрел на пачках знакомое название, так сразу принялся у него выяснять, что это и откуда.

— Нокia? — дед задумчиво почесал затылок. — Село такое есть, крупное, больше нашего Яали. Рядом с городом Тампере. И там её и производят. Наверное бумажная фабрика.

И вот сейчас дед Кауко наседали на меня в надежде выяснить содержимое якобы прочитанной мной статьи. Все остальные родственники горели тем же желанием. А самым активным выпрашивальщиком был Ахти, которому не терпелось узнать, сможет он курить или нет.

Пришлось сочинять на лету, что в газете писали про женщину, которая начинала задыхаться, и у неё шли слезы из-за употребления в пищу яиц.

— Точно! — воскликнула бабушка Тейя. — Совсем как у Сары Корхонен, жены лесничего. Та тоже не может яйца есть, такое же начинается.

Мама с бабой Юттой согласно покивали, а я продолжил рассказ о том, что той женщине от приступов помогали настойка валерианы и вдыхание кокаина. Кокаин я приплёл сюда только из-за того, что вспомнил, что в это время им лечили всё что только можно.

— И когда я увидел, что у Ахти такие же проблемы, как у той женщины, то вспомнил и про лекарство. Я думаю, что это у него от табачного дыма, — пролепетал я напоследок и поймал злой взгляд братца.

— Так, ясно, что ничего не ясно! Он же покуривал до этого и не задыхался! Надо ехать в Гельсингфорс, показать Ахти врачам в университетской больнице, — подвела итог мама.

— Пойдёмте посмотреть ваш поезд, — произнёс брат Кауко, держа меня на руках. — Как я по вам соскучился, если бы вы только знали, — эмоционально признался он нам с Ахти, как будто мы не виделись с ним пару недель назад.

На вокзал Улеборга мы приехали за час до отправления поезда. И изрядно замерзли в дороге, хотя и был уже конец марта. Здание вокзала встретило нас теплом двух топящихся печей и гомоном людей, ожидающих подачи состава. Там же, в закутке телеграфистов, мы нашли и Кауко, который, подменившись, вышел к нам.

И первым делом сграбастал меня в охапку и взял на руки. А я что? А я не против, пусть носит. Родители отправились в кабинет к херра Ньюбергу, забирать у того наши билеты. Уж не знаю как, но матушке удалось уговорить отца купить билеты в первый класс. В отличие от остальной империи, в княжестве на железной дороге не было сословных делений, и наш родственник спокойно приобрёл нам билеты, о чём и сообщил в телеграмме. Как хорошо и удобно иметь рядом телеграфную станцию.

Билет в первый класс стоил двадцать пять марок на человека, за исключением меня. Мне билет обошёлся всего в четверть от полной стоимости в силу моего малолетнего возраста.

— А его, что? Уже подали? — спросил у Кауко Ахти.

— Да. Только не объявляли посадку. Пойдёмте, я вас с паровозной бригадой познакомлю. Отличные парни! — и поволок меня на улицу, опять на холод.

Кстати, мне в поездку бабушка Тейя нашла вязаную лапландскую шапку с ушами и узором с красивыми красными оленями. Почти такую, какую я видел на многих финнах моего времени. Всё! Сбылась мечта идиота. Буду теперь ходить в ней постоянно, как Кенни Маккормик в своём капюшоне. Вот надо же, имя мультяшного героя помню, а своё нет.

Паровоз оказался каким-то игрушечным. Я-то помнил советские паровозы, огромные и мощные машины. А тут, как на среднем американском западе. Низенькое нечто, с огромной трубой и тендером забитым дровами.

Зато при виде паровоза я вспомнил, что у нас в городе, перед вокзалом, тоже стоял на постаменте паровоз. Осталось только перебрать в уме все города с паровозами на юге России, чтобы вспомнить откуда я.

— Здорово, Кауко, — окликнул брата то ли машинист, то ли кочегар паровоза.

— И тебе не хворать, Мауно. Вот, братьев привел посмотреть на паровоз, который их сейчас повезёт.

— Всего лишь до Тампере. Там нас угольщик сменит. А этот мальчуган у тебя на руках, неужто сам Матти Хухта? Наш великий поэт? — и не дав Кауко ответить, обратился ко мне. — Хочешь в кабину? Посмотришь тут всё?

— Нет. Не хочу.

— Почему? — удивился парень, а братья тоже посмотрели на меня удивленно.

— У вас там грязно, я выпачкаюсь и получу от родителей, что испортит мне настроение от первой поездки по железной дороге.

— Ха-ха-ха! — заливисто расхохотался водитель паровоза так, что даже перекрыл своим ржанием бульканье воды в котле и шипение пара. — Вот теперь верю, что он гений, как ты про него рассказывал, Кауко. — сказал он моему братцу, отсмеявшись.

— Мауно! Митя виттуо? Почему ты манометры не протёр?! — послышался мужской рёв из кабины паровоза, и лохматая голова Мауно мгновенно пропала из бокового окна.

— Пойдёмте, вагоны посмотрим, — тут же сориентировался брат. — Это Карл орал на Мау, старший машинист, — счёл он нужным пояснить, скорее Ахти, чем мне.

Первым вагоном за паровозным тендером оказался зелёный двухосный почтово-багажный вагон. Потом, единственный в составе четырёхосный синий вагон первого класса. Наш вагон. И уже за ним, четыре трехосных вагона странной двухцветной расцветки. Одна половина — светло-коричневая, а вторая — зеленая.

— Кауко, а чего они такие разноцветные, — спросил я у нашего главного специалиста путей сообщения.

— Это вагоны-микст. В них объединены второй и третий класс.

— Зачем? — мне было и правда интересно, зачем делать такое и почему нельзя было пустить вагоны разного класса.

— В этом составе все вагоны с водяным отоплением. Недавно сторел поезд, где печи просто стояли посреди вагонов. Много людей погибло. Вот в Сенате и решили на наши северные маршруты пускать только новые вагоны с безопасным отоплением и освещением.

— А какое здесь освещение, неужели электрическое? — влез со своим вопросом и брат Ахти.

— Нет. Электрическое, говорят, только в поезде русского царя есть. А здесь газовое.

«Час от часу не легче» — подумалось мне. Интересно, где этот газ хранится и не взлетим ли мы на воздух? Но задать уточняющие вопросы я уже не успел, объявили посадку и народ валом повалил из вокзала на платформу. Братья тоже заторопились к вагону первого класса. Кауко, дотащив меня до вагона, сгрузил мою тушку прямо в проём входного тамбура, а сам кинулся помогать подниматься по высоким ступеням маме.

Вагон внутри оказался очень странным. Он был разделён на две части. В первой, стояли мягкие кресла и пара диванчиков. Во второй, отделенной от общего мягкого салона стеной и дверью, располагались четыре купе. Одно, проводников, парочка двухместных и единственное четырёхместное, которое и заняла наша семья.

Сразу после отправления отец с братом залезли на верхние полки и захрапели. Матушка тоже прикорнула на своём нижнем диванчике. Ведь все встали рано, чуть ли не ночью. Подняли и меня, накормили завтраком, одели, и я вновь заснул пока ждал, когда родственники и провожатые соберутся. Проснулся я от холода, когда наши сани подъезжали уже к Улеаборгу.

Так как спать не хотелось, а отвечать на мои вопросы, что это там за окнами, было некому, то я достал из маминого ридикюля томик «Исторія одного города» Салтыкова и, завалившись на свой диванчик, принялся заново познавать для себя хроники города Глупова.

Через четыре часа поездки мы добрались до городка Кока-кола, как я для себя окрестил Кокколу или Карлебу, если на шведском. Вообще с названиями населённых пунктов творился форменный бардак. Для нас наша губернская столица была и оставалась Улеаборгом, а для южных финнов это был Оулу. Вроде бы красиво, мягко и коротко, но Оулу у нас, это река, а не город. В то же самое время все у нас называли Таммерфорс просто Тампере. Зато столица княжества была именно Гельсингфорсом, а не Хельсинки. В общем, кто как привык, так населенные пункты и обзывал видимо.

На столичный вокзал поезд пришел почти в полночь. Хорошо, что нас встречали. В Гельсингфорсе жила родная сестра мамы, тётя Хелен, которой и была отправлена

телеграмма с датой нашего прибытия. Так что нас ждали сани, и нам не пришлось продирааться сквозь дикую ночную метель, которая накрыла город. Мне даже вспомнился текст песни Сергея Кузнецова про метель.

В зимнем городе незнакомом,
Власть взяла в свои руки вьюга,
Стал хозяином снег.
Вьюга бродит от дома к дому,
Отделяя их друг от друга.
Нет, дороги к ним, нет.

И первым делом, добравшись до маленького, но уютного двухэтажного домика родственников, я вытащил блокнот и карандаш, и принялся записывать текст песни.

Заселили меня в комнату к моему пятнадцатилетнему кузену Томми. У него, кроме кровати, в комнате был маленький диванчик, что-то типа нашей «оттоманки». Но я со своим ростом идеально помещался на ней.

— Понаехали, — зло пробурчал двоюродный брат, когда меня оставили наедине с ним и застеленным диванчиком.

— Я могу попроситься переночевать в другом месте, — устало ответил я, и прихватив в руки уже снятые ботинки, пошёл на выход из комнаты.

— Стой! Подожди! Не делай этого! — кузен явно представил последствия для себя от моей жалобы. — Извини меня, Матти! Я не хотел! Честно! Просто день сегодня такой. Всё из рук валится, и я ничего не могу придумать по заданному мне, — извинился и с грустным лицом плюхнулся на стул и жалобно посмотрел на меня.

Его отец, дядя Вэйкка Саари, был человеком суровым и строгим. От одного его взгляда хотелось встать по стойке смирно и ходить строем. Служил дядька штурманом на коммерческом ледоколе. И именно его рассказы на свадьбе брата, куда приезжала и семья Саари, сподвигли меня вспомнить стишок «Ледокол», который я учил еще в детском садике. Кто был автор этого стиха я не знал даже тогда.

— И что у тебя не получается? — остановился напротив двоюродного братца с так и зажатыми в руках ботинками.

Бедный пацан, ему, видимо, просто не с кем было поговорить, поделиться проблемами и спросить совета. Он вывалил на меня ворох своих проблем в гимназии. Из этого, несколько бессвязного, монолога я узнал, что в их «шведской гимназии» можно разговаривать только на шведском и чистокровные финны, в его лице, от этого очень сильно страдают.

Ха! Это он-то чистокровный финн? У нас же матери шведки, пусть и на четверть, но всё равно. Вот отцы у нас финны. А его отец еще и из водоплавающих финнов. Саари, это остров на финском.

Гимназия уже полвека была разбита на два противоборствующих лагеря, финский и шведский. Но так-как финский был запретным языком в гимназии, то финноманы были априори в худшем положении. Борьба велась исключительно на шведском языке придуманными учениками стишками и речёвками. И вот, Томми тоже вызвался что-либо придумать для своих соратников по борьбе за правое дело, но у него ничего в голову не приходило. А тут ещё и мы приехали. Вот мальчишка и не выдержал.

— Пф, — фыркнул я. — Нашел о чём горевать. Сейчас придумаем.

Покопавшись в памяти, я ничего лучше кричалки от националистов из бывших республик СССР вспомнить не смог. Поэтому и озвучил только её, немного изменив.

— Чемодан — вокзал — Стокгольм! Подойдёт?

Мальчишка, несколько раз повторивший услышанное от меня, прям расцвёл на глазах и кинулся записывать текст, чтобы не забыть. А я, закинув ботинки в угол, принялся раздеваться, чтобы завалиться спать. Но не успел. Кузен, закончив писать, подскочил ко мне, схватил, поднял и закружил по комнате. Наверное от радости.

— А что это вы тут делаете? — вопрос братца Ахти остановил кузена, и я смог, вывернувшись из его объятий, юркнуть под одеяло на диванчике.

— Ахти! Твой брат гений! Ты знаешь это? — эмоционально воскликнул Томми.

— Ха! Мне ли это не знать! Ты что? Забыл? — и покосившись на меня, всё же продолжил. — Пойдём поговорим.

Мальчишки пошли обсуждать какие-то свои общие тайны. Они довольно сильно сдружились за те несколько дней, что семья Саари гостила у нас во время свадьбы Эса. Мне же было откровенно пофиг, что они там затеяли. Я потянулся, зевнул и, примяв подушку кулачком, завалился спать.

.....

Вот что я знаю про Хельсинки? В моём бывшем мире это самый крупный город Финляндии. Где-то чуть больше полумиллиона населения. Не знаю, был ли я в нём до моей смерти или нет. Но знаю про город только всякий хлам. Знаю, что в нём есть метро в котором и снимали клип группы Vomfunk MC's с песней Freestyler. Имени своего не помню, а вот такая хрень в голове осталась.

В этом мире и в это время знаю только, что база российского флота расположена именно здесь, а всё остальное для меня загадка. Вот в эту загадку мы утром следующего дня и окунулись. Метель закончилась, но низкие кучевые облака как бы намекали, что не прочь побаловаться с городом ещё. Я-то думал в южной Финляндии будет теплее, а тут дубак как у нас, ветер с моря и сугробы по пояс, которые только-только начали разгребать горожане и дворники.

Подорвались мы так рано ради визита по приглашению Захариуса Топелиуса. Мама распланировала весь день. Так как, видимо, у херра Топелиуса не было телефона и родители не смогли согласовать наш визит, то решили поехать на удачу и пораньше. В одиннадцать утра Ахти уже должен был быть с матушкой в университетской клинике.

В доме знаменитого писателя нас не приняли, несмотря на предъявленное нами приглашение «в любое время». Нас встретила Ева Акке, дочь писателя, и с сожалением пояснила, что её отец сильно болен и почти месяц не встаёт с кровати. Узнав нашу фамилию из приглашения, она попросила нас подождать и через некоторое время вернулась, неся в руках большой кожаный тубус.

— Отец как будто знал, что вы приедете. Вот, он приготовил этот подарок для малыша Матти, — она улыбнулась мне, так как в нашей компании малышом был только я, и раскланявшись с моими предками, вручила им этот тубус.

Вечером, когда мы распаковали его, в нём оказалась большая и шикарная политическая карта мира, на которой Финляндия была выделена как независимое государство. И почему-то с выходом к Арктическому океану, как на карте назывался Северный Ледовитый.

За все пять дней, проведённых нами в столице княжества, мы посетили массу мест. Я, в основном, проводил время с отцом, в то время как мама была с Ахти, которого исследовали

в клинике. С отцом было проще и веселее, чем со строгой матерью. Первым делом, оставшись без её надзора, отец пошёл и потащил меня в громадный оружейный магазин «Юханссон и сыновья» на Сенатской площади.

— Па. Купи мне винтовку. Я тебе деньги дома отдам, — подошёл я к отцу, который с умным видом листал оружейный каталог.

— Винтовку? — удивился мужчина. — А тебе не рановато ли?

— Да она маленькая! Это кавалерийский карабин. Он всего три килограмма весит.

— Это что за чудо такое? — заинтересовался мой любитель оружия. — Пойдём, покажешь.

— Вот, — я указал рукой на коротенький итальянский карабин «Moschetto da Cavalleria». — Он всего шестьдесят марок стоит.

— А ты разве уже столько скопил? — пробормотал он, увлеченно вертя винтовку в руках, которую ему подал, подскочивший к нам продавец.

— Нет, — уныло признался я. — Всего двадцать девять марок. Но я отдам! А через год — два, я достаточно подрасту, чтобы из неё стрелять. А за это время я её буду изучать и чистить.

Хотя, что мне её изучать? Я эту кроху прекрасно знаю. Правда, в охлажденном виде. Ведь именно этот карабин послужит прототипом знаменитой «Moschetto Valilla». Именно ей, итальянцы, вооружали детские отряды Valilla времен Бенито Муссолини.

Давным-давно мы с мелкими случайно угодили на выставку реконструкторов, и так это нам понравилось, что мы записались в тот клуб. Сыновей хватило ровно на один год. Это как с домашними питомцами. Купили рыбок по их просьбе, оглянуться не успели как за рыбок отвечает уже мама. Котёнок был им интересен пока был маленький и играл с ними, а как только выросла независимая и своенравная кошка, так сразу стала папиной. Так и с клубом, поиграть в войнушки, пострелять, поразбирать оружие всегда готовы, как только стали учить ходить строем — тут же сдриснули на плавание.

А я остался. И с удовольствием посещал этот клуб шесть лет. Интересно же. Каких только видов оружия я там не посмотрелся и не перепробовал. Но с моей комплекцией, меня быстренько записали в пулемётчики. Пусть оружие и охлажденное, но, тем не менее, тяжелое. Я так увлекся всеми этими стрелково-реконструкторскими делами, что даже скачал и поставил на комп оружейный симулятор «World of Guns: Gun Disassembly». Так что прекрасно разбираюсь во многих стрелковых системах. Где-то только теоретически, но, вот как с этим итальянским карабином, и практически.

— Хм. А почему и нет? У тебя же скоро день рождения. Вот и куплю тебе подарок, — отец нашёл прекрасный повод чтобы оправдаться перед матерью за потраченные деньги. — Но стрелять будешь только в моём присутствии и с семи лет! Понял?

— Да, папа! Спасибо, папа! — ну и что, что ждать еще два года, время летит очень быстро. Да и уверен я на все сто процентов, что отец позволит мне стрелять уже через год.

Вторым делом, которым мы с отцом занимались, стало посещение редакции «Вечерней газеты». Изначально я планировал отдать главному редактору стих «Ледокол», но после вспомнившегося мне текста из песни, я решил «Ледокол» придержать, а «Метель» отдать.

Тем более, что, вполне себе неказистый стихотворный текст на русском языке, при переводе на финский оказался мелодичнее.

А метель бьёт в лицо.

Как она к вам жестока
К вашим судьбам, и снам,
И случайным прохожим.
А метель бьёт в лицо,
И стучит в чьи-то окна,
И в чужие дома,
И по стенам чужим.

Ээро Эркко, выслушав этот стих, тут же распорядился отправить его в печать в вечерний выпуск газеты, так как метели опять накрыли город, и эта тема была очень актуальна.

— Двадцать лет такого не было, — делился он своими эмоциями с моим отцом. — Как говорят старожилы. Так что очень вовремя Магги написал этот стих. Я даже представляю, что к нему можно подобрать музыку, и получится неплохая песня.

Для меня поездка в Гельсингфорс оказалась очень даже интересной и прибыльной. Кроме винтовки, которую отец купил для меня, мне досталась автоматическая перьевая ручка «Swan», подаренная группой учеников шведской гимназии за «придуманную» мной кричалку.

За стих, который перепечатали все столичные газеты, мне от дяди Ээро, как он попросил себя называть, перепало десять марок. Из которых половину я спустил в местных магазинах, прикупив подарков для родни. Пёстрых и ярких ленточек для сестёр и разноцветных стеклянных шариков для прочей малышни. А также большую двухфунтовую банку зеленого чая для деда Кауко.

Ахти же из столицы уезжал расстроенным. Хоть врачи и не нашли у него никаких заболеваний, но парочка проведённых опытов с табакокурением говорили о том, что опухание гортани происходит именно из-за этого. А значит, ему придётся навсегда забыть о своей детской мечте. Странные, однако, у некоторых мечты. Ну, ничего, здоровее будет.

— Керсти, ну что? Мы будем ему письмо писать?

— Элла, а куда писать? В газете его адрес не дали же. Известно только, что он живёт в Улеаборгской губернии.

— Ха! А я выяснила село откуда он родом! Яали! Думаю, этого хватит.

— Ну ты и шпионка, Элла. Как это у тебя получается?

— Папа был на литературном кружке у Свонов...

— Подожди, подожди, подожди! — Керсти от нахлынувшего на неё озарения даже подскочила со стула. — Это тот кружок, где Анни Свон пела песню на стихи Матти Хухта?

— Ага, — широко улыбнулась конопатая и рыжеволосая одиннадцатилетняя девочка и показала свой розовый язык подружке.

— Эхх, — огорчилась её черноволосая и курносая подружка. — Отец поссорился со Свонами и теперь туда не ходит.

— Зато мой ходит, а мы ведь подружки! Давай лучше текст письма придумаем.

— А на каком языке писать будем? На шведском или на финском? И как бы у него фотографию попросить.

— Естественно, на финском. Он же стихи на финском пишет. А фотографию не будем просить. Вдруг он страшный и нам не понравится.

— Он ещё и на русском пишет. Отец говорил, что читал его стихотворения в петербургской газете. И, ты права, не надо фотографию. Вдруг он старый. А так, ответ напишет, нам все в лицее обзавидуются.

И две, не разлей вода подружки, Элла Муррик и Керсти Бергрот склонились над листом бумаги, придумывая письмо их новому литературному кумиру, Матти Хухта.

.....

«Чего мы хотим? Перегородки! Где мы их хотим? В режиме строительства!» — фраза из «Симс-4», которую любила последнее время вставлять где ни попадя моя супруга из прошлой жизни, полностью соответствовала тому, что произошло в наше отсутствие. Пока мы покоряли столицу, деды с нанятыми рабочими разделили комнаты мансарды. Так что теперь у меня снова отдельная комната.

При помощи старших братьев украсил свою комнату подаренной картой. Вначале на карту предъявляла претензии, как ни странно, матушка. Она хотела повесить её в гостиной, чтобы можно было хвастаться подарком от великого писателя. Но мне, неожиданно, пришёл на помощь отец.

— Эмма, а давай твои платья на гвоздик рядом с картой повесим, чтобы все могли ими любоваться!

— Матти! Ты что такое несёшь?

— Вот и не отжимай у сына его подарок. Ему подарили? — он неожиданно зло посмотрел на супругу. — Я не слышу ответа! Эмма! Эту карту кому подарили?

— Матти, — испуганно, но в то же время и раздраженно, прошипела мама.

— Вот пусть с ней и делает, что хочет.

— И правильно, — неожиданно поддержала отца бабушка Тейя, мама мамы. — Это картинка бумажная, а у вас, что кухня, что гостиная, всё вместе. Она гарью и жиром быстро покроеется и испортится.

На том спор о моём подарке и затих. Эса сделал лёгкую рамку и приколотил её к новой стенке. Там же, по моей просьбе, он сделал несколько книжных полок. Хотя по семейным правилам все книги должны были храниться в библиотеке, а на руках могли быть только учебники или одна художественная, на почитать.

Благодаря этому разделению комнат я впервые за три года пребывания в этом теле увидел северное сияние. Может, что-то я видел и до этой ночи, но не предавал особого значения. Когда мансарда была единым помещением, то все окна были закрыты на внутренние ставни, для сохранения тепла. Теперь же я частенько забывал закрывать их, так как обогревался потусторонним и материально невозможным существом. А вечером перепил чая и, вставая в туалет, обратил внимание на яркое зелёное свечение в окне.

Стекло было грязноватое и видно было плохо, поэтому быстро одевшись и тихо, как мне казалось, проскользнул к входным дверям. Они, к моему удивлению, были не закрыты на засов, и я выскочил на улицу. И тут же упёрся с разбегу в кого-то в темноте.

— Что? Не спиться, сына? — узнал я голос отца. — Решил тоже на бег лисицы полюбоваться?

— Кого? — только и смог я выдавить из себя, прикидывая, что мне будет за ночное гулянье.

— Иди сюда, — отец, присев на верхнюю ступеньку лестницы, ухватил меня за руку и усадил себе на левое колено, запахнув вокруг моей тушки свой тулуп. — Ты же за этим пришел? — и он указал на небо.

Небо полыхало! Непередаваемой красоты зеленные всполохи пронзали красные, фиолетовые и даже синие вспышки. Вся эта красота была в непрерывном движении, как будто разноцветные волны накатывались на неровный, но невидимый участок берега.

— А почему лисицы, па? — вспомнил я вопрос отца только через несколько минут после любованием этим явлением.

— По старой и древней легенде это огненные лисицы (revontulet) охотятся, а с хвоста у них сыпятся разноцветные искры, отмечая их путь. Но в это верят только у нас, на севере. А южане и карелы верят в то, что это Вяйнямейнен сражается с Тором, а тот осыпает его своими молниями. Знаешь, кто такой Тор?

— Да. Бог грома и молний. Сын Одина и Ёрд. И женат на Сиф.

— Ух ты. А откуда ты это узнал? У нас, вроде, нет в библиотеки ничего про это.

— Вот и мне интересно, — неожиданно раздался сзади нас голос деда, отчего мы с отцом одновременно подпрыгнули от неожиданности. Он на ступеньке, а я на его колене.

— Отец!

— Деда! — синхронно возмутились мы на безответственное поведение родственника.

— Чего орёте? — упрекнул нас он, — Сейчас женщины выйдут и нагонят нас. Так откуда ты про Тора столько знаешь, внучек?

— В Гельсингфорсе у Томми книжка на шведском есть. «Младшая Эдда» — называется. Вот там и прочёл в предисловии, — ответил я правдиво, так как на самом деле у кузена была книга Снорри Стурлусона. Мне хватило бредового предисловия, в котором скандинавские боги описываются как выходцы из античной Трои, чтобы понять, что я эти стихи не осилю.

Просидели мы на крыльце еще минут двадцать, пока не пришла мама и нас всех не загнала в дом.

.....

В конце апреля, мне неожиданно пришло письмо от поклонниц моего литературного

«таланта». В тот день я был в вотчине дяди Каарло и наблюдал за установкой парового дровокола. Ларс Ньюберг, родной дядя жены моего старшего брата Кауко, владел небольшим механическим заводом, производящим, в основном — всякие скобяные изделия и, по лицензии, паяльные лампы и примусы. Херра Ньюберг решил заняться и выпуском дровоколов, что было вполне перспективно в лесной Финляндии.

Небольшие паровые машины его завод производил и сам, а вот дровокол он купил американский, вертикальный, компании «Van Brunt». И теперь думал, как обойти лицензию, создав на базе американца собственную модель. А так как места для испытания на его заводе не было, то, вот, привёз к родственникам. Всё это он объяснял дяде Каарло, а я крутился вокруг и рассматривал чудо-агрегаты.

Дровоколы я видел. В прошлой жизни. Нам на ремонт привозили парочку горизонтальных дровоколов «Самохвалова». У обоих были проблемы с рамой, видимо некачественная сварка. Но те малютки в сравнении с привезенным американским монстром — небо и земля. Хотя, надо дождаться когда всё это соберут и посмотреть как он в работе. Давать советы, в свои неполные пять лет, я пока никому не собирался. Посмотрю, подумаю, почитаю сопроводительный талмуд, который прилагался к дровоколу, а потом, если что надумаю, подойду со своей идеей к деду.

Вернулся домой к обеду, а там все уже сидят за столом и подозрительно хихикают. А при виде меня вообще заржали как целое стадо парнокопытных. Пока раздумывал над тем, стоит ли обидеться и уйти, и как это сделать эффективнее, семья подуспокоилась, а мама рассказала, что мне пришло письмо. От двух учениц четвертого класса женского лицея имени Александра Второго. В письме говорилось, что эти две юные любительницы моего творчества прям спать не могут как хотят чтобы я приехал в Гельсингфорс и выступил перед их классом.

Письмо было отправлено, что называется — «на деревню дедушке». Село Яали, Улеборгской губернии, писателю и поэту Матти Хухта. Обратного адреса, кстати, тоже не было. Лишь два имени и фамилии, Элла Муррик и Керсти Бергрот.

Матушка усадила меня писать ответное письмо «милым барышням». С, так сказать, каминг-аутом, о том, что мне всего пять лет, и я только начинаю свою литературную жизнь. И никак не могу выступить перед их классом, о чём прошу прощения и так далее, и тому подобное. Первый вариант письма она забраковала, пришлось переписывать. Но и второй её не устроил, так как ей казалось, что я вставил в текст много лишнего. Слава Богу, что третий вариант её удовлетворил, и письмо было отправлено моему литературному агенту, в надежде, что дядя Ээро сможет найти отправительниц и вручить им мой ответ.

.....

— О! Молодой Эркко, рад тебя видеть! Я даже и не ожидал, что ты придешь на наш клуб либералов-старперов.

— Добрый вечер, херра Мехелин. Я здесь не как политик, а чисто как литературный агент. Ищу господ Бергорта и Муррика. А так как они состоят в вашей партии, где же мне их еще искать, как не в вашем клубе, — вежливо ответил Ээро Эркко хозяину дома, лидеру финской либеральной партии, первому председателю городского совета Гельсингфорса, а по совместительству и одному из хозяев компании Нокия, Леопольду Мехелину.

— Заинтересовал и заинтриговал, — пробасил в ответ хозяин. — Неужто эти чинуши в литераторы подались?

— Нет. Всё намного проще. Их дочери написали письмо моему подопечному автору. Ну,

вы должны помнить, я писал про трехлетнего поэта из северной Остроботнии в прошлом году.

— А, точно, точно. Помню. Моей Александре очень понравились стихи про деда и покраску. И что учудили дочери моих однопартийцев?

— Они, не выяснив его возраст, пригласили его выступить у них в лицее. А написав письмо, не оставили адреса для ответа, теперь вот мне приходится почтовым курьером работать.

— Забавно. А я вот что сейчас подумал. Вы же всем составом партии именно в Остроботнию в конце лета ездите. Куда? Если не секрет, конечно?

— Отец этого юного гения, — Ээро помахал конвертом, как бы давая ответ, какого именно гения. — Имеет лесной лагерь на чудесном озере с превосходной рыбалкой. Да и охота там вполне хороша. Вот мы там каждое лето и проводим, так сказать, отпуск. Набираемся сил перед новым политическим годом.

— И наверное, в своё полное удовольствие говорите о политике? Глухомань, кто вас там услышит. Эх, хотелось бы мне тоже вырваться на отдых.

— Так присоединяйтесь к нам, херра Мехелин.

— Да я бы с радостью. Но мы в компании решили заняться гидро-электро-энергией, — по частям и со значением произнес хозяин дома. — Ищем сейчас подходящие реки.

— Так и там есть Оулу. Чем не повод съездить?

— Куда это вы, господа, собрались? Эркко, моё почтение, — подошёл к беседующим граф Карл Маннергейм.

— Да вот, граф, Эркко приглашает на чудесную летнюю рыбалку. И я думаю, что стоит ответить согласием на это приглашение. Эркко, мой друг, давайте попозже обсудим летние планы. Люди, которых вы ищите, должны быть в кальянной. А мне надо перемолвиться тет-а-тет с графом, раз он соизволил оторвать свою великосветскую задницу от любимого дивана и навестил меня.

.....

На моё пятилетие я стал обладателем кучи нужных и совершенно мне ненужных вещей. Такое ощущение, что финны живут по пятилеткам. Ведь на свой четвёртый день рождения я получил в подарок лишь праздничный пирог от бабы Ютты и поощрительный подзатыльник от брата Эса.

Стоит отметить, что часть подарков была мною выбрана заранее. И я не имею ввиду ту винтовку, которую купил мне отец. Я её видел только издалека на традиционных мужских пострелялках. Мне даже пока не дают её в руки.

Но именно покупка отцом винтовки и сподвигла матушку подойти с вопросом — а что ты хочешь на день рождения, сын? Вот на неё я и вывалил, что хочу «Британику». Видел я в Гельсингфорсе в книжном магазине шведское издания британской энциклопедии аж из двадцати девяти томов. Но и стоила она просто запредельные пятьсот марок.

К моему удивлению, «Британику» на шведском мне подарили, но хитрая маман купила детское издание, состоящее из шести томов. Деда, по моему заказу, презентовали мне целый сундук новых деревянных кубиков, но не кубической формы, а, в основном, прямоугольной, треугольной и там даже было несколько конусов. Ведь мне всего лишь пять лет, и я ещё как минимум пять лет должен изображать из себя ребёнка. Вот и буду заниматься любимым градостроительством. Но со старыми кубиками нормальные сооружения не построишь. А мне хотелось собрать египетскую пирамиду. А из квадратных только мезоамериканские

получались.

Мои братцы, скинувшись, купили мешок с сладостями и половину сами слопали с сестричками, которые вообще ничего не подарили. Старший брат Кауко подарил мне толстенное увеличительное стекло в бронзовой оправе. Но после того, как я поджёг горку сухих стружек, у меня его конфисковали.

Из Гельсингфорса, от Ээро Эркко пришла посылка с двумя толковыми словарями, финским и шведским. Кузен Томми прислал мне в подарок половинку цейсовского бинокля, и на неё тут же наложили свои лапы мои братики. А Улеаборгский кузен Нильс Викстрём, которого повысили до штабс-капитана, привез мне в подарок своих двух сыновей, Андреаса и Ларса.

Вернее, их привезли на летнюю передержку, так как по плановой ротации рота Нильса убывала в Кеми, на шведскую границу, для смены первой роты их батальона. А мальчишек было решено отправить в деревню к родственникам.

— Вот тебе соратники для игр и проказ, — сказал мне дед Кауко. — Смотри! Отвечаешь за своих племянников, — и погрозил мне кулаком.

Вот не было мне печали, шведских родственничков на шею повесили. Ладно, придумаем чем их занять, тем более, что их наличие позволяло избегать всяких крестьянских работ, под соусом развлечения гостей.

Самый нелепый, по моему мнению, подарок, прислала из Кийминки руова Кокконен, крестная моей матушки. Качалку в виде деревянного коня неестественного бледно-зелёного цвета. Которого тут же оккупировал мой четырехлетний племянник Ларс и самозабвением закачался на нём. Ну вот, хоть один рад этой игрушке. Да и мне иногда полезно будет оседлать этого скакуна, чтобы притвориться ребенком.

В целом, праздник удался. Хоть и со слезами на глазах. Буквально за два дня до днюхи я вприпрыжку слетал по лестнице из мансарды в дом и, поскользнувшись, кубарем скатился вниз. Ничего не сломал, только набил синяки, ну и в полёте умудрился зацепиться ногтем большого пальца левой ноги то ли за сучок, то ли за шляпку гвоздя. И прощай ноготь. Кровь, боль, да еще дед Хейди на поврежденный палец плеснул крепчайшей коскенкорвы. Не пожалел самогону, гад такой. Вот и пришлось на своей днюхе щеголять босиком с забинтованным пальцем.

А вечером, когда баба Ютта меняла мне повязку на ноге, припёрлись посмотреть на страшные раны оба моих подопечных.

— Больно было? — поинтересовался Андреас.

— Ещё как! Ай, — не удержавшись, вскрикнул я, когда бабуля сходу оторвала присохшую к ране ткань.

— Ух ты, — с какими-то кровожадным оттенком в голосе воскликнул Андреас и жадно впился глазами в мой палец без ногтя. А Ларс неожиданно разревелся, и бабуле пришлось переключить внимание на него, чтобы успокоить.

.....

— Капральство! Равняйся! Смирно! Херра Диктатор, капральство братства рыцарей «Зелёный меч» построено и готово к торжественному маршу. Доложил — капрал Андреас Викстрём, — шестилетний племянник лихо козырнул мне двумя пальцами и застыл по стойке смирно.

Лето 1897 года пролетело как-то совсем незаметно. Вот только недавно была моя днюха, десятого июня, а уже середина августа, и моих племянников ждёт дорога домой,

в Улеаборг. За это время произошла масса различных событий и приключений.

Абсолютно того не желая, я стал создателем религиозной идеи отказа от курения. Всё началось с того, что на одной из молодёжных гулянок в селе моего брата Ахти обзвали ущербным из-за того, что он не может курить. В итоге братишка расстроился и даже подрался с тем типом, который про него это ляпнул. А на следующий день припёрся в детский дворик, который оказался теперь в полном распоряжении племянников и меня. И ничуть не стесняясь гостей, высказал мне, мелкому, что это, типа, я виноват в его горе и мой тонту.

Из всего словесного поноса, что он вывалил на меня, я смог понять, что он стал ущербным из-за какого-то, по его мнению негативного, на него влияния домового. А так как тот пришёл ко мне, значит, и я виноват. Немного прифигев от подобного заявления, я быстро сообразил что делать. И подойдя к нему, спросил:

— Ахти, ты против того, что подобен Христу?

— ... — ожидаемо завис братец.

— Иисус Христос не курил. И значит, по-твоему, он тоже ущербный? Ведь мы все созданы по образу и подобию создателя, как и сын божий! А, значит, ты сейчас возводишь хулу на него!

Брат ошалело лупал глазами, шевелил губами, но ответил мне не сразу. А только через несколько минут, когда я уже вовсю занимался Андреасом и Ларсом, объясняя им, как нужно прорезать бойницы в слепленной из песка башне.

— Матти, а ты точно знаешь, что Христос не курил? — задал мне этот хитрый и коварный, как ему наверное казалось, вопрос братец, но я решил переложить ответственность на более компетентного человека в этом.

— Ахти, сходи и спроси у отца Харри. Он священник, он должен это знать.

И Ахти пошёл, и спросил. Пастырь у нас был умным и образованным дядькой, и прекрасно знал откуда взялся табак в Старом Свете и в каком году. А уж что брат ответил своему оппоненту на очередных посиделках после подтверждения священником, то мне неведомо. Но волны от его ответа захлестнули наше маленькое Яали и, не удержавшись в нём, пошли распространяться дальше.

Но сначала забурлило местное общество, и священнику пришлось рассказывать в церкви, что Христос и первые христиане были некурящие. Недовольные курящие прихожане, хотя им никто и не запрещал курить, написали письмо в Улеаборгский диоцез, из-за чего к нам приезжал епископ Отто Иммануэль Колляндер, который провел разбор жалобы.

Но так же, как и наш священник, подтвердил, что Иисус Христос был некурящим. Дабы избежать повторных жалоб диоцез даже выпустил разъяснение об этом, разослав его во все приходы. Позднее эту бумагу продублировали остальные епископства княжества. Но сначала допросили всех причастных к этому казусу.

И первым на допрос к нему были вызваны мы с Ахти. Брату что? Он всё на меня свалил, а мне пришлось отдуваться по полной.

— Проходи, малыш, не бойся, — пробасил лысоватый мужчина лет пятидесяти на вид, когда я робко вошёл в кабинет нашего пастора.

Прошёл и сел на деревянную и очень неудобную скамью. Поёрзал, устраиваясь поудобнее, и принялся рассматривать епископа. Простая темно-синяя сутана с непомерно большой белой колораткой, видимо, это отличительный знак епископа. И довольно массивный золотой крест на золотой же цепи. Острое, вытянутое лицо с редкой, седой

бородкой. На переносице, очки-тишейды, которые в моём будущем переименовали в ленноны. За их стеклами пронзительно-холодные карие глаза, которые тоже внимательно осматривали меня.

— Вот ты какой, Магги Хухта, — мужик скосил глаза на стол, на котором лежали какие-то исписанные листы. — Читал я твои стихи, хорошо придумываешь, добро. Но только увидев тебя, убедился насколько ты мал и юн. И одолевают меня сомнения, что не ты пишешь те стихи, а кто-то за тебя. Хотя и не понимаю, зачем? Если ты не пятилетний простой ребёнок, а уже вполне сформировавшаяся личность, способная писать, считать, мечтать и сочинять, то пройдешь мою проверку.

Мля, это что сейчас такое было? Это, случаем, не инквизиция в поисках всяких вселенцев? Или дедушка и вправду сомневается, что я способен был написать стихи, а за меня их кто-то другой пишет.

— Ваше Преосвященство, — обратился я к епископу так, как и учил меня наш пастор отец Харри. — А что вы хотите узнать?

— Всё, малыш! Всё, что ты знаешь и умеешь!

— Ну, я знаю три языка хорошо. Финский, шведский и русский. И один со словарём, английский.

— А зачем тебе английский? — перейдя на шведский, поинтересовался дедок.

— Мой дядя купил американский древокол, вот я и взял почитать техническое приложение к нему. А там всё на английском, — ответил я на шведском.

— И зачем тебе это? — перешёл на довольно корявый русский, епископ.

— Так интересно же! — ответил тоже на великом и могучем и специально выпучил глаза. — Вот как паровая машина работает? Вы знаете?

— Хм. Поверхностно, — сознался этот очкарик, вернувшись к общению на шведском. Видимо, он ему родной.

— Вот! А я хочу знать точно! Интересно же!

— Хорошо, убедил! Ну, а стих какой-нибудь, при мне сможешь сочинить? Старые-то я твои знаю.

И придвинул ко мне листок бумаги и карандаш.

«Что же ему написать? Чтонибудь про бога? А что я помню? — я воздел глаза к потолку и принялся копать в своей памяти. — О! Точно! Блок! Не совсем про бога, и помню только половину, но стихи заумные, и даже, можно сказать, что издевательские по отношению к нему и моему странному допросу. Должны они этому деду зайти».

И я принялся быстро записывать текст на листе. Спасибо моему автопереводу, сразу на финском.

Есть лучше и хуже меня,
И много людей и богов,
И в каждом — метанье огня,
И в каждом — печаль облаков.
И каждый другого зажжет
И снова потушит костер,
И каждый печально вздохнет,
Взглянувши другому во взор...

Дописал и протянул лист священнику. И уселся назад на лавку, ожидать вердикта.

— Эхх, — печально вздохнул епископ, отчего я ехидно ухмыльнулся. — Улыбаешься, мелочь пузатая? Уел старика, как есть уел. Прости за сомнения. Должен был я тебя проверить, чтобы понять как с тобой разговаривать. А теперь скажи мне. С чего ты взял, что сын божий был некурящий?

— В британской энциклопедии прочитал, — ответил я растеряно, не понимая как трактовать его вопрос. — А что? Он был курящий? — все-таки не выдержав, ляпнул я.

— Нет. Всё верно. Христос табак никогда не курил. Но, что конкретно ты прочитал, чтобы прийти к такому выводу?

— Что табак стали выращивать и завозить для курения в Старый Свет только в середине семнадцатого века. А значит, шестнадцать с половиной веков, христиане не курили. Ведь наше летосчисление идёт от рождения сына божьего. Так?

— Да. Именно. Всё так, — как-то грустно ответил мне епископ. — Но это ты знаешь, я знаю, ваш священник знает. Но другие про это не знают.

— Но курить же вредно и опасно для здоровья. Вон, мой брат задыхается, когда курит. Да и дорого к тому же. Табак привозной. Пять марок за полфунта.

— С чего ты взял, что курение опасно всем, кроме твоего брата, — удивился дедок.

— Так, это, — мои глаза остановились на закопченном камине. — Вот, Ваше Преосвященство, посмотрите на камин. В нём горят дрова, дым поднимается вверх по трубе, оседая внутри неё сажей. Раз в год надо нанимать трубочиста, чтобы прочистить дымоход. А кто и как чистит сажу от табачного дыма внутри человека? Ведь она там наверняка скапливается. И потом, со временем, люди начинают кашлять и задыхаться. Может от того, что сажей табачной всё забито?

— Вполне разумно! Вполне! — за круглыми стеклами очков священника азартно блестели глаза. Он явно что-то понял для себя и теперь внутренне развивал эту тему, и ему стало не до меня. — Ступай, сын мой, — он меня перекрестил и взмахнул ладонью, типа всё, свободен, вперёд в пампасы. Чем я и сразу и воспользовался, даже забыв забрать листик со стихом.

Через неделю «Улеаборгский вестник» напечатал статью авторства нашего епископа, в которой он использовал почти все мои примеры из нашей беседы, даже пример с трубочистом. Упоминался в этой статье краем и я, дескать, наш юный земляк-поэт полностью поддержал идею диоцеза о заботе о здоровье прихожан.

Эта антитабачная идея — «по образу и подобию», за несколько лет распространилась по всей стране и стала очень популярна. Особенно популярна среди женщин. Наш неутомный епископ сам додумался до вреда пассивного курения. И постоянно проводил проповеди, призывая курящих прихожан не курить в присутствии женщин и детей. А женщин призывал воздействовать на мужей, напирая опять-таки на здоровье и экономию средств. Дошло до того, что даже мой, не очень верующий отец, и то бросил курить благодаря агитации матушки.

Я же, сам того не понимая, что породил, голову этой проблемой не забивал. У меня к двум моим подопечным племянникам добавились ещё три пацана. Двух моих двоюродных братьев, Армаса и Микку, мне спихнули дядья, а третьим был сын нашего наемного работника, Як Кютт, которого я тут же мысленно переименовал в Якута.

Такое сборище спиногрызов мужского пола не позволяло занять их мирными делами. Постоянно кто-то что-то кому-то ломал, ссорился и дрался, а мне приходилось их

разнимать. Поэтому, поразмыслив, решил играть с ними в войнушку, но с пользой. Стал учить строю, командам, а заодно, отличать право от лево. У Эса, который ежегодно выстругивал десятки мечей на продажу, нашлось с десяток бракованных изделий, которые я торжественно и вручил своему воинству.

А воевать мы собрались с крапивой, чтобы спасти Муми-тролля, Снусмумрика, Гаечку и Винтика со Шпунтиком.

«И тут неожиданно выскочившие из зарослей крапивы Скалотяпы схватили Фрёкен Снорк и уволокли её в самую тёмную чащу».

Мой четырехлетний племянник Ларс Викстрём услышав про похищение подружки Мумми-Тролля даже заплакал. Но на это никто из слушавших мою сказку не обратил внимания. Все уже давно привыкли к излишне эмоциональному другу, который мог пустить слезу по любому поводу, начиная с мертвой рыбёшки на берегу озера и заканчивая россыпью красивых белых цветов морошки.

«Винтик и Шпунтик смело бросились на спасение, но испугавшись тёмных зарослей, замешкались и потеряли из виду несчастную Фрёкен Снорк. И лишь отважный Мумми-Тролля, выхватив свой зелёный меч, устремился в страшную темноту. Но далеко ему бежать не пришлось, за очередным жгучим стволом крапивы он обнаружил плачущую подругу. Завидев Мумми-Тролля девочка поднялась на ноги и бросилась к другу. — Они украли мой золотой браслет с ноги — с плачем поведала она ему...»

— Вот гады, — громко и зло зашептала за моей спиной сестрица Анья.

Она случайно попала на первый мой рассказ про «Мумми-Дол» и «Цветочный город», и с тех пор не пропустила ни одного моего повествования. Даже больше, именно она, поинтересовалась как выглядят муммики. Я нарисовал ей на песке, а потом и на бумаге. Благо опыт рисования этих забавных бегемотиков у меня был.

Когда моя супруга скинула на меня ответственность по укладыванию спать наших мальчишек, мне пришлось сначала выдумывать различные сказки. А потом, когда фантазия кончилась и покупать книжки с ними. Первым был Незнайка и прочие коротышки, а вот вторыми, эти самые скандинавские домовые. Пацаны пытались перерисовывать с книжки своих любимых персонажей, и мне пришлось перерисовывать с ними, чтобы исправлять и направлять.

Первую и все последующие истории, придуманные мной из кусков разных произведений Николая Носова, Туве Янсон и даже Олега Роя, для своей финской команды я тщательно записывал в большую тетрадь. И даже зарисовывал основных героев. Что и подвигло мою сестричку на то, чтобы начать шить их тряпочные версии.

Первым пошитым Анью Мумми-Троллям, завладел плаксивый Ларс. И рыдал в три ручья, когда сестра пытались отобрать у него эту игрушку, пошитую для себя. Явно поняв, что с ней ему не совладать, он метнулся в дом и вернулся с монеткой в пятьдесят пенни, наверное со всеми своими сбережениями. И выкупил у своей тетки этого муммика. Анью не смогла устоять перед такой огромной для неё суммой. Следом за Ларсом этой мастерице заказали муммиков и все остальные пацаны. Уж даже и не знаю откуда они доставали деньги.

И да, именно «мумми», с двумя буквами «м». Если в Финляндии почти все с двойными буквами и удлиннениями, то пусть и мои герои будут иметь такие имена.

Коротышки из «Цветочного города» и Роевские «Джинглики» появились в моём повествовании, только из-за Снусмумрика, так как тот был человеком-коротышкой, вот и пришлось ему придумывать место жительства и друзей. На роль отрицательных героев были выбраны коварные Скалотяпы. Ну и местом их обитания были выбраны заросли крапивы. Которые мы, славное воинство, должны уничтожить.

Да-да, всё правильно. Мне нужна была мотивация для этой толпы малолеток чтобы организовать из них отряд и добиться хоть какой-нибудь дисциплины и послушания.

Первоначально поиграть в «армию» они были согласны все, но поняв что шагистика и выполнение команд дело хоть и интересное, но тем не менее скучное, стали расползаться в стороны, ссориться и даже драться. Пришлось придумывать идею. И эта идея, в виде помощи сказочным персонажам, так им понравилась, что они терпели любую муштру. Не все, правда. Тот же Ларс однажды мне заявил:

— Матти, ты настоящий директор!

— Директор? — удивился я, в финском языке не было такого слова, только — ohjaaja (руководитель). Чего это он на шведский перешёл?

— Он ошибся, — пришёл на выручку брату шестилетний Андреас. — Не директор, а диктатор. Вот. Так папа называет своего начальника, Майора Троммса. Ты точно такой же, строгий. Вот мы и решили тебя так называть.

— Пфф, — фыркнул я. — Да на здоровье! Только обращаться ко мне надо теперь — Мой Диктатор (Diktaattorini), всем понятно? — мелкие усиленно закивали, слово им явно понравилось.

— Мой Диктатор, а когда мы пойдем снова учиться плавать? — тут же применив новое обращение, влез с вопросом Ялмар Стрёмберг, тот самый, что гостил у нас в позапрошлом году, приезжая со своим отцом.

Хоть его отец и работал журналистом в Улеборгском «Вечернем листке», но жили они в селе Мухос. И по той причине, что наше Яали ближе к городу в два раза, да к тому же, к нам ежегодно приезжают столичные политики, они и переехали в наше село, купив небольшой дом на самой окраине. И первым делом навестили нас, а Ялмар повадился ходить к нам в гости каждый день и накрепко прописался в нашей команде.

Если я раньше даже и не думал купаться в озере по причине холодного лета, то сейчас с удовольствием плескался в мелкой, а значит, хорошо прогреваемой заводи, а заодно учил свою команду плавать. В селе плавать умели единицы. А в моей команде только я и шестилетний эстонец Яков Кютт, младший сын нашего наемного работника, который работал в коптильне вместе со своим старшим сыном. А младший, покрутившись у них под ногами, вскоре примкнул к нам.

Всего в капральстве, как стал именовать нашу команду самоназначенный капрал Андреас, было семь мальчишек, включая меня. Три шестилетки — Андреас, Як и Микка, сын тётки Сусанны, младшей сестры моей матери. Трое пятилеток — я, Ялмар и мой кузен Армас. И самый младший, четырёхлетний плакса Ларс.

Первая атака на крапиву надолго запомнилась нашим городским гостям. Где им, там в городе, иметь дело с этой травой? Вот они и не имели, и ничего про неё не знали. И с дикими криками «хурраа» вломились в её заросли, чтобы через несколько мгновений выскочить обратно, обожженные этой травой. Ой, как мы хохотали с них, даже по земле катались от смеха.

Я и сам долго мучился и думал как с ней воевать. В итоге составил целую инструкцию, по которой рубятся сначала верхушки, затем середина, а потом уже самый низ. После чего мы порубленное связывали веревками и волокли к коптильне. Крапива активно использовалась отцом и дедом для засолки рыбы и для обкладывания свежей. А взамен, за принесённую крапиву, нас кормили вкуснейшей рыбой и ухой. Отчего мы никогда не отказывались.

.....

— Ну и как вам отдых, господа? — Ээро Эрко подошёл к Карлу Маннергейму и Леопольду Мехелину, устроившимся в круглой беседке-курилке. — Не пожалели, что приехали в эту глушь?

— Что ты, Ээро! Это просто чудесно! — воскликнул граф и эмоционально взмахнул рукой так, что зажатая между его пальцев сигарилла чуть не обрела свободу. — Это вы там политические копыя ломали, а мне нужна была только отличная рыбалка. Вот скажи, почему тут почти нет комаров? Здесь, на лавочках, на причалах? Что за секрет?

— Здесь вы и сами прекрасно справляетесь, — указал лидер младофинов на густое облако дыма, которое выдохнул граф. — А в остальных местах местные мажут специальной мазью, которая комаров и отпугивает.

— Ээро, друг мой! А достань мне этого чудесного эликсира. А то в наших южных лесах комары куда пострашнее, а я, как ты знаешь, люблю рыбалку.

— Я узнаю, как это устроить, граф, — пообещал журналист. — Леопольд, а вы-то что такой грустный? Позавчера вроде были живее всех живых, когда критиковали пассивность нашего нового генерал-губернатора.

— Вернулись мои инженеры, обследовавшие Оулу, Кииминки и Иййоки. Все реки подходят под строительство станций. На Оулу можно вообще каскад из двенадцати станций поставить, были бы деньги. Но кому здесь нужна электроэнергия? Все местные заводы имеют свои паровые станции. Бесперспективно. Надо сначала в Таммерфорсе построить. Да и надо сначала закон о реках принять, который наши сенаторы в Санкт-Петербурге никак не могут утвердить у царя. А генерал Гончаров точно этим заниматься не будет. Чует моё сердце, что скоро его сменят на кого-то другого. И как бы нам от этой смены не стало ещё хуже.

— Лео, дружище, что ты говоришь! Кто этого мухомора из его любимой Свеаборгской крепости выгонит? — граф Маннергейм раздавил в сердцах очередную, не прикуренную сигариллу и с отвращением выкинул её в объёмную пепельницу, сделанную из листового железа.

— Его не выгонят, Карл. Его оставят комендантом, а нам пришлют нового генерал-губернатора. О! Господа, к нам спешит местный малолетний литератор. Ээро, наверное к тебе.

.....

В конце августа случилось страшное. Моя матушка, без моего ведома, отдала тетрадь с моими сказками Ээро Эрко. И не только тетрадь, но даже всех четырёх муммиков, пошитых мне сестричкой в благодарность за то, что она заработала больше трех марок на своих поделках.

Как раз произвёл всех своих малолетних друзей в рыцари ордена «Зеленого меча» — за два месяца сражений с крапивой древесина так пропиталась травяным соком, что стала зеленого цвета. Это и натолкнуло меня на мысль о создании некой организации с рукописной клятвой и отпечатками пальцев под ней всех будущих рыцарей. Все равно скоро нам бы пришлось расстаться с нашими городскими друзьями, а мне идти в школу. Правда не самому, кое-кто из моих рыцарей, собирался составить мне компанию.

Сначала пацаны хотели оставить кровавые отпечатки, проколов пальцы иголкой. Но я сумел их отговорить от этой затеи, мотивируя тем, что это не тайное общество. Вот когда мы подрастём и создадим его, вот тогда сразу кровью и распишемся. А пока, просто

чернила. И нет, это я не из-за боязни подхватить какую-нибудь болячку. Мы и так все в порезах, царапинах, цыпках и разбитых коленках. Хотело бы что-нибудь к нам прицепиться, так уже прицепилось бы.

Прибежал домой чтобы занести в тетрадь очередной отрывок, рассказанный моему воинству, а её, тетради, и нет. Пока помнил сюжет, быстро накидал его на отдельном листе и отправился на поиски пропажи. Вариант всё равно был один, эту тетрадь время от времени брала на почитать маман. Вот к ней и направился.

— Ма! Ты не брала мою сказочную тетрадь? Мне надо кой-чего туда записать, — отвлѣк я её от разборки мясорубки.

И с удивлением уставился на знакомые обводы агрегата. Совсем как моя старая, советская. И даже шнек, нож и решѣтка точно такие же. Только на корпусе мясорубки отлито название — «HUSQVARN № 8». Вот же блин-блинский! А у меня были планы на «изобретение» самой лучшей советской мясорубки.

Странно, почему я её раньше у нас не видел? Или видел, но не фиксировал внимание? Наверное так. Просто было не до изобретательства, а потом и не вспомнил что видел.

Бац! Прилетел мне подзатыльник от матушки.

— Ой! Ма! За что?

— Матти! Ты где витаешь? Я тебе рассказываю, рассказываю, а ты, по-моему, меня и не слышишь. Что с тобой?

— Красивая мясорубка, мама. Откуда она у нас?

— Красивая? — недоуменно спросила она и перевела взгляд на агрегат. — Какой-то ты странный сегодня. Отец твой её купил. За два месяца до твоего рождения. А что?

— Да не. Я так, — и потупил взор, поняв что нѣс чушь.

Надо же, она даже старше меня, а я её изобретать собрался. Ой! Тетрадь!

— Ма. А тетрадь?

— Ты часом не заболел? — мама потрогала мой лоб рукой, наверное в поисках повышенной температуры. — Я же тебе уже сказала, что отдала почитать твою тетрадь Ээро Эрко.

— И муммиков моих отдала?

— А тебе, что? Жалко их для дяди Ээро? Попроси Анью, она еще тебе пошѣт. И умойся! Выглядишь как поросѣнок.

Поняв, что ничего путного я от матушки не добьюсь, развернулся и рванул в кемпинг на поиски своего литературного агента. А перед этим, действительно, умылся с мылом. Негоже перед городскими господами выглядеть неряхой.

В этом году приехало их чуть ли не в два раза больше. Хорошо, что дядя Ээро прислал телеграмму с предупреждением о количестве гостей, и мы успели подготовиться. Вместе с верхушкой Финской партии приехали еще и представители Либеральной партии. Их руководитель, Леопольд Мехелин, даже подарил мне десять золотых марок за выступление перед ними, когда я читал все свои стихи.

Приехал вместе с ними и один из Маннергеймов. Граф Карл Роберт Маннергейм, как представил нам с отцом этого мужика дядя Ээро. Его Сиятельство был уже в годах и никак не тянул на того Маннергейма, который был маршалом и президентом Финляндии. Того звали Карл Густав. Может, родственник или даже отец. Хотя, нет. Тот Маннергейм был бароном, а этот — граф. Как сын графа, может стать бароном? Да и хрен с ними, потом как-нибудь разберусь.

В своё время, сразу после открытия скандальной памятной доски Маннергейму в Санкт-Петербурге, я очень даже хорошо ознакомился со статьями в википедии про финскую гражданскую войну. И чем ближе будет время к ней, тем более знакомыми для меня будут события. Если я, конечно, как-то ненароком не поломаю ход истории.

— Перкеле! Перкеле! Перкеле! — чертыхался я, прочёсывая территорию нашего кемпинга в поисках неуловимого журналиста. — Здравствуйте. Здравствуйте. Здравствуйте. — Не забывал здороваться с остальными нашими гостями, время от времени попадавшимися мне по пути.

О! А вот и он. Правда, в компании с херра Мехелином и тем самым графом, который то ли родственник, то ли нет.

— Здравствуйте, — поздоровался я сразу со всеми, не заморачиваясь с титулованием аристократа.

— Что-то случилось, Матти? — видимо поняв по-своему явление моей запыхавшейся тушки, спросил лидер младофиннов.

— Нет, дядя Ээро. Вам мама отдала мою тетрадь с сказками. Но я ещё их не дописал. Не могли бы вы вернуть мне её.

— Я бы с удовольствием, малыш. Но я уже телеграммой забронировал под них место в газете с сентября. А что такое? Хорошие истории получились. Я всего несколько прочитал, но мне очень понравились.

— Ну, это, — совсем он меня в краску вогнал, не собирался я отдавать те истории никому. — Я же, когда их сочиняю, всегда сверяюсь с предыдущими историями, у меня там и список муммиков и коротышек.

— Матти. Давай так. Я приеду в Гельсингфорс и отдам твои тексты на перепечатку, а потом сразу отправлю тетрадь тебе бандеролью. Устраивает?

— Угу, хорошо, — совсем не весело пробурчал я. Получалось, что я своими сказьяфками угробил будущие и главные произведения Носова, Роя и Янссон. Одно дело, если бы я их скопировал полностью, но я просто спёр главных героев, часть сюжета и слепил в какой-то непотребный ужас. И теперь честно не понимал за что меня хвалят.

Про мягкие игрушки я решил вообще не заикаться. Что я, действительно, как маленький буду себя вести, выпрашивая вернуть муммиков. Пошлёт мне ещё Анью, благо у меня есть что предложить ей взамен.

— Я знаю литературный нюх Ээро, мальчик, — решил, видимо, меня подбодрить неправильно понявший причину моего расстройства совладелец Нокии. — Если он говорит, что твои рассказы это очень хорошая вещь, то поверь мне, это действительно так.

— Спасибо, херра Мехелин, — поблагодарил его. — Вы нашли где будете строить электростанцию? — решил я сменить тему. Помня, как он рассказывал нам с отцом про будущее гидроэнергетики, я не удивлюсь, что станцию уже начали строить.

— Увы, Матти. Не будет пока у вас гидростанции. Не нужно в вашей губернии столько электричества. А в Улеборге и тепловые станции справляются. Одно плохо, не дал Господь нашей Финляндии угля, а дровами накладно получается. Мало лесов у нас, да и законы не позволяют много рубить.

— А торф? — спросил я и прикусил язык, вдруг торфом здесь ещё не топят.

— Торф? Точно! Торф! Ааа!!! Эврика, господа! — заорал он дурным голосом и попытался куда-то бежать, но споткнувшись о ноги графа завалился на перепугавшегося дядю Ээро.

Кое-как выбравшись из беседки, он схватил меня и закружил по поляне, продолжая орать свою «Эврику». Наконец, этот ненормальный закончил изображать из себя карусель, но не отпустил меня, а наоборот, поднял на руках на уровень своих глаз и сказал:

— Ты гений, малыш! Пойдёшь ко мне экспертом, когда вырастишь?

— Ик, — на меня напала икота после пережитого ужаса, но я уже сообразил, что вращали меня явно от радости, из-за моего сообщения о торфе. — Ик, дожить надо сначала, — ответил я сияющему взором, главному либералу Финляндии. И ещё раз икнул.

Вот зарекался же недавно не заикаться — не дали. Мои мысли — мои скакуны. Ей Богу. Надо отсюда тикать.

— И что это было? — удивленно спросил у Ээро Эркко граф Маннергейм.

— Видимо так работает гениальность, — задумчиво ответил ему мужчина.

— Это как же? — ещё сильнее удивился граф.

— Ну. Вы же знаете, что Леопольд у нас помещан на электростанциях. И постоянно убивался о том что у нас нет горючих полезных ископаемых.

— Как нет? Я про торф знал и до этого случая, — граф так разволновался, что прикурил очередную сигариллу от первой, не потушенной, чего никогда до этого себе не позволял. — И даже, живя в Париже, ездил на одну подобную.

— Так и я об этом знал, — согласился с ним Ээро Эркко. — Но почему Мехелину об этом, сказал пятилетний мальчишка, а не мы? — И видя, что графу нечего ответить, продолжил. — Вот я и предположил, что именно так и работает гениальность. Есть у тебя проблема — обратись к гению, и он её решит. Есть у вас проблема, граф?

— А вы знаете, мой друг, есть. Но у меня есть парочка инженеров, которые и решают её сейчас. Вот если не получится, тогда и попробуем испытать ваше предположение. Меня другое занимает: почему они в разные стороны побежали?

— Вы про мальчика и Лео? Ну, мальчишка просто перепугался, он не ждал такого проявления чувств от взрослого. Даже заикался от страха по-моему. А Леопольд побежал в поисках своих помощников. Ну, или за шампанским.

— Про шампанское, мне больше понравилось, — ухмыльнулся граф и окутался очередным табачным облаком. — Вы, Ээро, главное, не забудьте спросить про тот противокомариный элексир.

Глава 12

— Так, сына. Берёшь за рукоять стебля, поднимаешь его вверх, одновременно зажимаешь спусковой крючок и тянешь затвор на себя. Вот так. Всё, теперь винтовку в сторону, а мы с тобой будем разбирать затвор. Пока всё ясно? Если нет, то задавай вопросы.

— Всё ясно, папа. Только помедленнее, — отец показывает мне устройство моего же карабина, а мне, приходится притворяться нубом и всему удивляться.

— Ага. Затем вот эту вот хреновину поворачиваешь против часовой стрелки. Чего вы ржёте гады? Я не знаю как личинка называется у итальянцев, — это он уже своим приятелям орёт, дело ведь на традиционных мужских пострелялках происходит.

— Пф, Матти, так и называется, — фыркает со смешком наш сельский полицейский, констебль дядя Раймо. — Или ты итальянский собрался учить?

— Да иди ты, — бурчит отец и продолжает мне объяснять и показывать. — Вывинчиваешь ударник, придерживая курок. Будь осторожен, там очень тугая пружина, её нужно потихоньку... Ай! Пасканмарьят!!! Витту! Витту!

Пружина, как он и предупреждал, выскочила и со всей силой оттолкнула курок, который подлетев вверх, стукнул бату по бородавчатому подбородку. Мужики вокруг так и легли от хохота. А ведь сам виноват, нет чтобы по трезвому устроить мне урок, так нет, уже по три стаканчика настойки они с мужиками в себя влили. И быстрее всего, больше уже и не будут, но кое-кому и этого было достаточно.

Пьянство и алкоголизм в Финляндии, это сугубо городское. В крестьянских общинах к чрезмерному злоупотреблению горячительными напитками относятся с осуждением. Нет, пьют, конечно, но редко и не ежедневно. И стараются не на виду. Вот как этот кружок охотников. Тех, кто пренебрегает мнением местного сообщества, это самое сообщество очень быстро наказывает. С ними прекращают общаться, приглашать в гости по праздникам, нанимать на работы, помогать. Священник постоянно какает всем на мозги на проповеди о непристойном поведении одного из членов общины. И вся семья любителя выпить, быстро превращается в изгоев. И тогда им одна дорога — сменить место жительства.

— Па! Я понял! Давай я сам, — пришел я на помощь злому отцу.

Осторожно вытащил затвор, разобрал его и, собрав обратно, установил на место. Все знакомо, но приходится прикладывать заметные усилия, так как у меня пока ещё лапки а не руки. Да и силёнок в моём почти шестилетнем теле немного.

В отличие от фашистского карабина 30х годов следующего века его прототип не имел неотъемного штыка, что даже радовало. Зато патроны «22 short» калибра 5.5 мм с закраиной можно было найти в свободной продаже, а не заказывать. В обойму снаряжалось шесть патронов, и вставлялась она в винтовочный магазин снизу. При желании можно было добавить седьмой патрон в ствол.

— Стрелок Матти Хухта к стрельбе готов, — шуточно, но серьёзным голосом доложил я отцу, отчего остальная компания опять развеселилась.

— Ну, стрелок, — отец ухмыльнулся. — Стреляй вон в камни. В правое.

В камни? В упор здесь камней не вижу! Да еще и в правое, а не правый...

— Хухта! Ты чему своего сына учишь? Малыш, вон на сосне справа два нароста в виде

шаров. В правый шар стреляй, — пришёл мне на помощь наш кузнец, дядя Рикки Сайпанен. — Хм, и вправду на «кивэс» похоже.

А до меня наконец дошло, что пьяненький папашка призывал меня стрелять по предметам похожим на мужские яйца. «Кивэс» это не только камни в нормальном переводе, но и мужские яйца в взрослой речи. Точно, батя пьяный. Как бы опять чего не учудил.

Прицелился куда сказали и расстрелял в ту сторону все шесть патронов. Из шести моих выстрелов, только три пули угодили в крайний левый низ этого, хм, яйца. А целился я в центр и даже немного выше. А значит винтовка не пристрелена, а может даже и отец прицел сбил. С него станется.

.....

6 сентября 1897 года я отправился в школу. В первый раз в первый класс финской начальной школы. Слава местному богу Джумо, что не один. Вместе со мной в первый класс пожелали отправиться парочка братьев-рыцарей из моего ордена «Зеленого меча». Недаром я их учил считать и читать.

Мой кузен Микка и эстонец Яков уговорили своих предков и теперь мы сидим за одной партой. Здесь парты, вернее столы, рассчитаны на четырех человек. Но так как в компанию к малолеткам ни один нормальный ребёнок восьми — девяти лет, а именно с этого возраста начинали обучение в нашей начальной школе, не пойдёт, то и сидим мы теперь сами.

Тем не менее, остальные дети относились к нам дружелюбно. В одном селе живем, да и моя знаменитость не последнюю роль в отношениях сыграла. Надо сказать, что рос я как-то аномально. По росту был примерно равен семилетнему ребёнку. Может, это влияние моего домового, а может, и память о прошлой жизни, в которой я был двухметровым амбалом.

Учёба для меня оказалась очень легкая. В первом классе было всего пять предметов. И не каждый день. Арифметика, чистописание, финский и русский языки, и Закон Божий. Последнего я и опасался больше всего, думал, что придётся учить молитвы, читать жития святых. Но этот предмет оказался самым легким и интересным. Раз в неделю к нам, первоклашкам, приходил наш пастор, отец Харри, который рассказывал всякие забавные истории из жизни святых и не требовал ничего заучивать.

Самым сложным предметом для меня, оказалось чистописание. Все эти палочки, чёрточки, повторы букв, маленьких, больших, строчных и прописных. Но так как мое же стихотворение про чистописание висело на импровизированном плакате возле доски, мне было некуда деваться, а только стараться, чтобы всё получалась красиво и без клякс.

Почти всю первую половину сентября, в школе учились только мы, первоклашки. Остальные дети были на картошке, помогая своим семьям её убирать. Почти как у нас в СССР. Может, мы этой картошкой по осени вместо учёбы заразились как раз от финнов?

Уроков было не густо, два, три в день, после чего мы тоже отправлялись на помощь своим семьям. Ну, кто отправлялся, а я филонил. Бегал в вотчину к дяде Каарло, где наконец запустили паровой дровокол, и я, наблюдая за его работой, раздумывал как эту конструкцию переделать под горизонтальную схему.

Этот американский дровокол использовал самую простую схему. К приводному шатуну крепился эксцентриковый шатун с плоским лезвием на конце. Вверх-вниз, вверх-вниз, успевай только чурки подставлять. И не забывай про технику безопасности. Чурки кололись пополам и их потом нужно было докалывать или на этом чудо-станке, или топором. Паровичок, в качестве топлива, неприхотливо питался корой и ветками.

К концу сентября, я уже всё придумал и даже нарисовал технический рисунок нового дровокола. Но идти с ним к деду было пока рано. Надо было приучить взрослых, что мне не только стихи и сказки по силам, а еще и всякие технические придумки.

Кстати, Ээро Эркко не обманул, и с сентября в «Ежедневной газете» стали появляться главы из моего сказочного опуса «Муммий-тролль и все-все-все». До нас столичная пресса добиралась с опозданием в несколько дней, да и то, только та, на которую наша семья была подписана. Мы бы ничего и не узнали о газетной войне, которую пыталась развернуть Шведская партия, начав высмеивать рупор Финской партии за публикацию всякого бреда. Но ответа на критику не последовало, Ээро Эркко просто проигнорировал оппонентов, тем более что редакцию засыпали письма от восторженных читателей. В основном хвалебные отзывы писали различные женщины преклонного возраста от лица своих внуков.

Все зарисованные мной главные и второстепенные герои также появлялись в виде рисунков в газете. А пошитые Анью куклы были мастерски скопированы и рассылались новым читателям за годовую подписку или старым подписчикам в награду за победы в различных конкурсах. Совершенно неожиданный контент в, казалось бы, сугубо политической газете позволил поднять тираж в два раза и привлечь внимание к финской партии.

Свое обещание дядя Ээро выполнил, прислав мою тетрадь ценной бандеролью вместе с тремя комплектами профессионально пошитых игрушек. Один я подарил Анью, второй оставил себе, а третий, презентовал маме.

Как только выпал снег, ходить в школу пришлось на лыжах. Сначала меня это удивляло и раздражало, но потом я привык, и мне это даже понравилось. Неплохая такая тренировка для укрепления моего тела. Утром я уже делаю гимнастику, эти все, наклоны, приседания, махи и прочие отжимания. Даже приволок несколько небольших березовых чурок с дровника и использую их как гантели.

.....

— Лутку! — и резкий, хлесткий звук пощечины, а за ним и вскрик моей сестры Тю, заставил меня выскочить из библиотеки, где я кое-что клеил.

Злая и раскрасневшаяся мама лупила Тюуне, а рядом, на стульях, сидели такие же, чем-то недовольные деды, бабки и отец. Странно. Как я пропустил такое сборище, ведь дверь была приоткрыта. Неужели так сильно увлёкся процессом создания вертушки?

— Витун хуора! — и новая пощёчина. Тю, даже и не подумала защищаться или как-то отклониться. Просто стояла перед мамой с горящими от ударов щеками и беззвучно плакала, никак не реагируя на побои и грязные ругательства.

Наконец меня заметила бабушка Тейя и поднявшись со стула пошла ко мне. Наверное хотела увести куда-нибудь. Но вмешался дед Кауко и не позволил ей этого.

— Тейя, оставь его. Он старший ребёнок в этой семье. Про клятву помните? Он должен знать.

— Кауко, я всё понимаю. Все эти ваши договоры, клятвы, но он самый младший ребенок в этой семье, зачем ему это видеть? Всё равно завтра он всё и узнает.

— Нет! Молчать, женщина! Я глава клана! Как я сказал, так и будет.

— Слышь, глава клана! Я тебе сейчас корону с головы собью! Ты чего на мою жену орёшь? — тут же подскочил со своего стула дед Хейди и стал закатывать рукава рубахи, как бы показывая, что он не шутит.

— Сына, а ты чего сидишь? — рявкнул на моего отца дед Кауко, видимо стараясь

привлечь того на свою сторону в намечающейся потасовке.

Отец слова деда полностью проигнорировал и поманил меня к себе пальцем. А когда я подошел, сказал:

— Твоя сестричка беременна, знаешь что это такое? — и только вблизи я заметил, что отец пьян. Причём сильно.

— Да. У нее внутри маленький человечек, и когда он родиться, то у меня будет очередной племянник или племянница. Только зачем мама бьёт Тю? Или она думает что ударами можно прекратить беременность?

— Вот! Правильный вопрос! Эмма, ты зачем её бьёшь?

Мама посмотрела на нас с отцом как-то странно, а потом рухнула на стул и расплакалась.

— Все плачут! Все рыдают! Эти драться собрались, — презрительно кивнул отец на молчаливо набычившихся друг на друга дедов. — Вот ты, Матти, у меня умный. Один единственный. А так как ты мой наследник, вот и решай как поступить со своей сестрой.

Я опешил от этого его заявления, деды прекратили дуться друг на друга и устали на батю, на которого тут же наехали бабули, что мол так нельзя. Даже мама прекратила плакать.

— Сына! Не тяни! Я спать хочу, и у меня голова болит. Давай, решай, пока эти старые перцы не передрались.

— Это кто тут старые перцы? — попытался возмутиться дед Кауко.

— Вы! Кто же еще? Не Матти же? Это мой дом! Это моя семья! И я решаю кто будет судить мою дочь! Матти, не тяни время, ты умный, ты справишься!

«Это наша корова, и мы её доим» — пришла мне в голову фраза из древнего-предревного, но здесь еще не снятого сериала. Пф, Матти, решай. Взял и переложил всю ответственность на меня. И что мне теперь делать? Ну, для начала неплохо было бы выяснить кто отец ребёнка. Лишь бы не списком, как было в седьмом классе у моих сыновей. Когда их залетевшая одноклассница составила список потенциальных папаш. Хорошо, что её интересовали только старшеклассники, и мелкие одноклассники в тот список не попали.

Но что я знаю про местные обычаи в данной ситуации? Вообще ничего! Вдруг её за содеянное надо из семьи выгнать или еще какую хрень творить? Не-не, я на такое не подписывался. Хотя, чего я себя грызу? Пойду грызть Тюуне. Вдруг там не всё так плохо.

— Тю, — подошёл я застывшей в ступоре сестре и подергал за рукав кофты. Девчонка вздрогнула, вырвала свой рукав, но глаза на меня опустила. — Кто отец твоего будущего ребёнка. — Спросил я нагло и прямо ей в глаза.

Она от меня отшатнулась и возмущённо надулась, но резкий окрик отца заставил её заговорить.

— Микка Рантанен, — прошипела она обреченно.

Угу. Ясно! Сын нашего почтмейстера, её первая любовь.

— А он об этом знает? Ну, о ребёнке? — мой голос тоже не отличался громкостью.

— Знает! — вдруг заорала она на меня с такой силой, что я в испуге отпрыгнул от неё спиной назад, наверное на пару метров. — И отец его знает! И дал согласие на свадьбу! И поговорил с нашим отцом!

— Молчать! — заорал батя.

— Чего молчать? Ты же сам ему ответил согласием! А теперь здесь сказки всем

рассказываешь! Зачем? Чтобы помучить меня? — почти истерила Тю. — Не можешь мне простить, что я чуть не убила твоего ненаглядного Матти? Так я и не убила!

«Ну да, ну да. Как же, как же. Не убила она. А я тогда здесь почему?» Но додумать не успел, в разборки вмешалась матушка.

— Ты всё знал? А нам сказал только про беременность? — крик матери перекрыл все возмущенные возгласы. — Да ты! Да ты! Гад! На! Получай! — и ухватив со стола деревянную скалку, ловко метнула её в отца.

Батя не успел увернуться, да и не ожидал ничего подобного. От удара прилетевшего ему по лицу, его повело на стуле, и он рухнул на спину, только ноги в сапогах мелькнули. Меня в это время схватили чьи-то руки и поволокли в сторону. Оглянувшись, я увидел Анью, которая делала мне страшные глаза и продолжала тянуть к лестнице на мансарду.

Весь оставшийся вечер я провёл вместе с сестрой, чутко прислушиваясь к доносившимся снизу звукам и голосам. Как я, оказывается, плохо знаю тех, кого безоговорочно принял как родителей. Что мне теперь делать и как с ними дальше жить? Я не мог найти ответа на свои вопросы. А на все попытки сестры меня растормошить или развеселить, просто грустно молчал.

И только мой тонтту Хири понял меня правильно и подарил мне легкий и счастливый сон, где я летал по какому-то лугу между больших цветов, как громадный шмель. И было это так прекрасно, что проснувшись, я ещё несколько минут лежал в постели и вспоминал чудесный сон. А потом вспомнил случившееся вчера, и всё хорошее настроение сдуло как ледяным сквозняком.

К моему глубокому удивлению завтрак прошел без эксцессов. Наоборот, все присутствовавшие за столом подшучивали друг над другом и вспоминали яркие моменты вчерашней маленькой гражданской войны.

Батя щеголял с опухшим носом и обоими подбитыми глазами. Еще по одному фингалу обнаружилось у обоих дедов и у матушки. Потери бабуль были не ясны, так как их лица не пострадали, но обе явно, и даже как-то синхронно, хромали на свои правые ноги. На нашей печи обнаружались сколы штукатурки, да и посуда явно тоже пострадала. Зато вчерашняя ударная скалка обнаружилась на самом видном месте. На полочке под прибитым к стене распятием, там где раньше стоял бронзовый подсвечник.

Доел пшеничную кашу с молоком и уже захотел свалить к себе, но не успел. Меня окликнул отец.

— Матти, подожди. Иди сюда, — и мне пришлось обходить стол кругом чтобы добраться до него. А куда деваться? — Надеюсь, ты вчера на меня не обиделся?! — то ли спросил, то ли констатировал отец.

— Нет, па, — а что еще я мог ответить? — Но мне понравилось, как мама умеет пользоваться скалкой, — не утерпел и съехидничал я, запоздало испугался и стоял ждал реакции мужчины.

— Это да. Это я сам виноват! Забыл насколько она хорошо играла в «кююккю» в детстве. Так битую кидала, что сразу фигуру выбивала. Эмма! А помнишь как ты по той собаке по голове попала, которая за Сюзанной гонялась? — и они с матерью принялись вспоминать какой-то случай из своего детства, совершенно забыв про меня.

Чем я и воспользовался, но удирать к себе не стал, а подошёл к деду Кауко.

— Деда, пойдём я тебе что-то покажу.

— Ну, пойдём, неслух. Что ты там еще придумал? — и дед кряхтя поднялся, потопал

вслед за мной в мансарду.

Идея бумажной и разноцветной вертушки на палочке деду очень понравилась. Он даже выскочил на улицу сделал несколько кругов по двору с ней. Радуюсь разноцветному вращению, как маленький ребенок. Его странные манёвры заметили и другие домочадцы, и тоже высыпали на улицу. Бегать с вертушкой кроме Анью никто не стал, но все тоже похвалили меня за придумку.

А на следующий день дед, поняв что я хочу не сам их клеить и продавать на ярмарках, а предложить запатентовать совместно с заводчиком Гуннарссоном, который производил наши зимние удочки, запряг сани и повёз меня в город.

— Заодно к моему поверенному заедем, — он неожиданно мне подмигнул. — Надоели мне пьяные выходки твоего отца. На тебя наследство перепису. Только ты — тсс, — он приложил указательный палец к губам и сделал страшное лицо. — Никому! Слышишь, внук?

— Угу, — безрадостно угукнул я.

Вот не было мне печали...

.....

— Лео, ну, это же несерьёзно! Чем мне может помочь этот твой гений? Я бы еще понял, если бы это был взрослый человек с специальным инженерным образованием. Но пятилетний деревенский мальчик чем мне поможет? — Фредрик Идестам, совладелец компании Нокия, с сожалением в глазах покачал головой. — Ну, подсказал он тебе про торф. Так про то, что его можно вместо угля использовать даже я знаю.

— Так почему ты мне не подсказал про это? Почему все нанятые мной инженеры не подсказали мне это? Хотя сейчас утверждают, что давно про это знали! Фред! Все дело здесь не в знании. Поверь мне! А в гениальной удаче! Твои внуки, Том и Алекс, попались мне во дворе, где они гонялись за скалотяпами из сказки, которую придумал этот пятилетний деревенский мальчишка. Я не призываю тебя верить в то, что его совет обязательно тебе поможет. Но я видеть уже не могу, как ты мучаешься с проблемой рифлёного картона. Я правильно произнес его название?

— Да, Лео. Правильно. По английской технологии, мы его получаем слишком мало, а спрос на него очень велик. Если бы я удовлетворил все запросы торговцев, то даже перекрыл бы доход от бумаги. Которую мы поставляем в дюжину стран. Все мои инженеры так и не смогли придумать ничего нового, прорывного.

— Как и я не придумал. Почему-то подсказку решения проблемы мне дал этот пятилетний мальчик. Может и тебе стоит съездить и спросить? Составишь мне компанию? Я как раз собирался туда. Надо же как-то отблагодарить его. Вот поеду и спрошу, чего он хочет. Поехали со мной.

— Пф. Ну, давай. Заодно внуков прихватчу, Пусть пообщаются с автором их ненаглядного Мумми-тролля.

Сразу после свадьбы Тюуне к нам приехали неожиданные гости. Сама свадьба прошла тихо и почти незаметно. Без всех традиционных финских зимних свадебных гуляний. Типа похищения невесты и лыжной погони, лепки снежных баб, штурма снежных крепостей и прочих забав. Молодых тихо обвенчали и точно так же, относительно тихо, отпраздновали это в узком семейном кругу. Заодно совместили и её день рождения. Как-то так получилось, что свадьбу играли в день её шестнадцатилетия.

Приглашений родственникам не рассылали, кто знал, тот и поучаствовал. Но даже так набралось под сотню человек с обеих сторон. Гуляли у нас, на подворье почтмейстера было места всего лишь под одну повозку и пару бочек с водой.

Столь малое количество земли не говорило о бедности семьи. Просто херра Рантанен всю землю пустил под строительство своего дома. Широкий и длинный одноэтажный дом из жёлтого кирпича был очень красив. А количество комнат позволяло с удобством разместить всё многочисленное семейство Рантанен. В одной из этих комнат и предстояло жить молодожёнам пока они не накопят на свой собственный дом. А учитывая, что Микки был единственным сыном этого семейства, а все остальные шесть детей — это девчонки, то Тюуне явно не повезло. Съедят точно.

В нашем же доме, наоборот, становилось всё пустынное и пустынное. Сначала брат Кауко переехал в город, затем, женившийся и поживший немного с нами, Эса переехал в домик, в котором жил до переезда Кауко. Теперь вот и Тюуне покинула нас.

В мансарде стало тихо и спокойно. Без постоянных склок и споров между моими братьями и сёстрами. Анью, которой в этом году должно было исполниться тринадцать лет, всю увлеклась шитьём. И часто, тихой мышкой, корпела над очередной своей работой. Тем более что мать усилила над ней контроль. Так как считала себя виноватой в случившемся с Тю и теперь всю старалась, воспитывала.

Братец Ахти, после истории с курением, епископом и теорией «быть подобно Христу», ударился в религию. Постоянно штудировал библию и какие-то многочисленные жития святых, которые ему подбрасывал наш пастор. Предки, в целом, одобряли его увлечение. И только дед Кауко опасался, что Ахти оставит семью и клан, и уйдет в священники.

.....

О приезде столичных гостей я знал заранее, но не придавал этому значения. У нас много кто приезжал на зимнюю рыбалку, и телеграммы о бронировании домиков приходили с регулярной постоянностью. Тем более, что гости из Гильсенгфорса обычно приезжали поздно вечером, по прибытии поезда из столицы.

В тот день у нас было всего три урока, русский язык у нас в школе отменили. Жена нашего пастора, руова Харри, ушла, если так можно было выразиться, в декретный отпуск. Написанное ею письмо в канцелярию генерал-губернатора о своей невозможности преподавать в школе вызвал там недоумение. Как же так? Гарнизона нет уже несколько лет, а русский язык преподают. И в ответном письме уведомили её, что разрывают с ней договор на преподавание языка. Всё это я узнал, не специально подслушав разговор еще двух наших учителей.

По дороге со школы мы с Миккой немного повалялись в снегу, когда я ему показывал, как надо ставить подножки. И как надо выкручиваться, если тебя пытаются схватить.

Короче, побесились минут десять, а может и двадцать, часов-то ни у кого из нас нет. Устали, вспотели, промокли, а пустые желудки напомнили что и проголодались.

Но дома меня никто и не думал кормить. Прямо чуть ли не с порога бабушка Ютта заявила:

— Где тебя носит? Что ты весь такой встрепанный и мокрый? Там к тебе господа из столицы приехали. Дед уже весь тебя обыскался.

— Ко мне? Дядя Ээро?

— Не знаю. Старый почти ничего не говорил. Вроде из Нокии, что ли...

— А. Леопольд Мехелин. И именно ко мне? Зачем, ба? А ещё кто?

— Да откуда я знаю. Отстань от меня. Иди, бегом переодевайся в сухое, — меня бесцеремонно развернули к лестнице и подтолкнули. — И оботрись, бестолочь, — догнало меня её наставление, в спину, уже на самом верху.

Какого Хийси (леший) этому Мехелину от меня надо? Думал я, лихорадочно раздеваясь, обтираясь полотенцем и переодеваясь в сухое. Может, всё-таки решил отблагодарить за подсказку о торфе? Было бы неплохо. Но что-то я сильно сомневаюсь в подобном. Ладно, сам и расскажет.

Развесил мокрую одежду поближе к печной трубе и осторожно спустился по лестнице вниз. После летнего полёта и потери ногтя повторять подобное меня не тянуло. Внизу меня уже дожидалась бабуля, которая вручила мне два горячих пирожка с начинкой из лука и щучьей икры, и вытолкала на улицу, не забыв сообщить, что мне к жёлтому домику в кемпинге.

Как там про мёд? Который вроде бы есть, но его тут же и нет. Так и пирожки. Вроде бы только в руках держал, а уже только легкий запах теста на варевках остался. Кстати, о мёде. Чего это я про Винни-Пуха забыл? У него тоже двойная «н» в имени, а значит он тоже финн.

Так, пребывая в размышлениях и вспоминая что я вообще помню про этого медведя, который на самом деле был медведицей, я и не заметил как добрёл до кемпинга. Дед меня увидел издали и замахал руками, чтобы я ускорился. Пришлось перейти на лёгкую трусцу. Делать мне нечего, опять потеть в беге. Это не игры, обойдётся.

— Где тебя носит? — дед ухватил меня за воротник и потащил к жёлтому домику.

Вообще-то, это была моя идея покрасить домики в разные цвета, сразу после того, как нанятая бригада печников обустроила их печками. Теперь, зимой, мы могли принимать больше гостей. И гостям нравилось такое цветное разнообразие. У нас даже постоянные клиенты появились, которые бронировали домики именно по цвету. Правда пришлось нанять человека в печники. Но зимой, когда работы немного, желающих на такую лёгкую работу хватало с избытком.

— Деда! А кто приехал? Леопольд Мехелин? А ещё кто? — засыпал я старика вопросами.

— Пф, Магги, не знаю я как второго звать, но первый — это тот самый Леопольд. Сняли домик на сутки и потребовали тебя. Я думал, что они на рыбалку. А им ты нужен! — он неожиданно остановился и, развернув меня к себе, спросил, глядя мне прямо в глаза. — Зачем, Магги? Ты что-то натворил? Или что-то им пообещал? Этот Леопольд, он ничего плохого тебе не делал?

— Нне, деда. Ты чего? Ты о чём? — я постарался сделать взгляд растерянно-придураченный.

И, видимо, у меня получилось. Дед молча меня развернул и снова погнал впереди себя к

искомому домику, где мы веником, по очереди, отчистили свои валенки от снега и вошли внутрь.

— Вот, господа. Мой внук, Матти Хухта. Какой у вас к нему вопрос? — дед вытолкнул меня вперёд, прямо на солнечный прямоугольник на полу от окошка. Я зажмурился от ярких лучей солнца, которое в этот момент решило навестить наш север. Стянул с головы свою любимую лапландскую шапку и поздоровался с гостями.

— Здравствуйте, господа.

— Здравствуй, Матти, — вполне доброжелательно, но в тоже время с ноткой неудовольствия в голосе, поздоровался со мной Леопольд Мехелин. — Познакомься, это мой напарник и второй совладелец Нокии, Кнут Фредрик Идестам, — он указал на мужчину сидящего рядом с ним за круглым столом. Мужик сухо и недовольно мне кивнул и обратился к деду.

— Спасибо, что доставили мальчика. Ступайте, — и я понял, что дед сейчас взорвётся.

— Этот мальчик — мой внук! Если у вас есть к нему вопросы, задавайте при мне. — почти прорычал дед Кауко.

— Хорошо господин Хухта, — согласился с требованием деда Мехелин. — Фредрик, друг мой, это не просто какой-то там старик, а владелец этого кемпинга, озера и земель вокруг, а ещё, депутат сейма.

— Извините, херра Хухта, — повинулся Идестам перед дедом. И с ходу, перейдя на шведский, обратился к своему напарнику. — Зря ты меня сюда притащил Лео. Чем мне может помочь этот крестьянский ребёнок?

— Да, чем я должен был помочь вашему напарнику? — набравшись наглости, спросил я тоже на шведском у Мехелина.

— Прошлым летом, когда мы говорили про электростанции, ты мне подсказал про торф, — с усмешкой глянув на своего растерявшегося компаньона, пояснил мне глава города Гельсингфорс. — Вот я и подумал, а вдруг ты что подскажешь и ему, с его проблемой.

— А вы уже начали строить электростанцию на торфе?

— Да. Я в России нашёл инженера, который одержим подобными станциями. Роберт Классон, уже начал проектировать станцию. И да, кстати, я тебя так и не отблагодарил за твою помощь. Есть ли у тебя какое желание? Может, я смогу его выполнить?

Ха! Змей искуситель. Что потребовал бы ребёнок? Барабан? Заводную игрушку? Модель фрегата? А зачем мне-то это всё?

— А если я хочу больницу?

— Не понял, — растерялся Леопольд Мехелин. — Ты хочешь игрушки, чтобы играть в доктора?

— Нет. Наше село, Яали, не дотягивает по населению до полутора тысяч человек. И поэтому не может рассчитывать на народные школу и больницу. Может, вы, в качестве награды, попросите кого-нибудь в столице чтобы нам открыли больницу?

— Какой наглый ребёнок, — перейдя на русский, прокомментировал моё требование херра Идестам, явно обращаясь к Мехелину.

— Ближайшая к нам больница, господин Идестам, находится в Улеборге, — произнёс я на русском, обращаясь к этому наглому мужику.

И с ужасом заметил, что говорю на вроде бы родном для себя языке, с заметным акцентом. Какой ужас. Я уже полностью офиннился. Или офинноязычился? Блин, как правильно?

— Давай так, мальчик, — вывел меня из мысленного ступора Идестам. — Если ты сможешь мне помочь, я построю в вашем селе первоклассную больницу за свой счёт, а Леопольд найдет врачей в неё и выбьет финансирование в департаменте, — недовольное пыхтение деда за моей спиной после этих слов моментально стихло.

— Я согласен. Но, что это за проблема? Никто из вас её так и не озвучил, — блин, я уже запарился стоять. Предложат мне, интересно, сесть или так и простою всю беседу?

— Наши с Леопольдом бумажные фабрики выпускаю рифлёный картон, знаешь что это такое? Вот, я на всякий случай, захватил образец, — мужчина полез в свой саквояж, стоявший рядом со стулом и вытащил небольшой квадрат картона.

— Да, — я взял со стола образец и для виду покрутил его перед глазами. Простой однослойный гофрокартон. — Когда мне отец на прошлый день рождение покупал итальянский карабин, — пусть подумают, что я хвастаюсь. Ребёнок я или нет? — То он был в коробке из такого картона.

— Магги, а ну-ка дай-ка, — раздался из-за моей спины голос деда. — Точно, похоже. Я в таких коробках и стекла для керосиновых ламп покупал.

— Так что вам надо-то, херра Идестам?

— Нынешний способ производства слишком медленный. Я и мои инженеры, уже три года бьёмся над способом увеличения выпуска этого картона. Но никак ничего не придумаем. Вот я и поддался на уговоры Михелина. Дурак старый (Old fool), — последние слова, про дурака, он уже произнёс на английском.

— Почему? (Why?), — я тоже перешёл на английский.

В ответ этот совладелец Нокии просто покачал головой под насмешливым взглядом своего товарища.

— А как сейчас производят этот многослойный картон?

Спрашивал я специально. Потому что при виде образца у меня сразу всплыли в голове кадры из просмотренного с детьми ролика на ютубе. Когда дети подрастают, они начинают задавать слишком много вопросов. И если на простые — «зачем и почему», я ещё мог дать ответ, то на сложные — «а как это сделано» или «как это работает», моих знаний уже могло и не хватить.

И я нашёл очень интересную подборку видео в интернете — «Как это сделано». И стал пользоваться ею, давая ответ детям. Так и с этим «гофрокартоном». Дети спросили, а что это там посередине и я полез на ютуб. Посмотрели вместе ролик, а в нём был и способ производства. Если он уже известен, то ничем помочь этим фабрикантам я и не смогу. А вот если нет, то будет неплохой козырь.

— Первый лист ровный, на него кладут рейки, между ними промазывается клей. Сверху, еще один лист бумаги, его тоже прокладывают рейками, которые продавливают бумагу до клея на нижнем уровне. Вот так и образуются волны (wavy) рифления (grooved), — перешел он на английские термины. Слава Богу, что на таком уровне я английский знал. — Затем, опять клей и еще один слой картона. И всё это сдавливается прессом.

Его объяснения вышли чересчур эмоциональными, он размахивал руками, показывая, что и как делается. Мда, про такой способ изготовления гофрокартона я никогда и не слышал. Прямо, каменный век какой-то. Ну, тогда точно мой способ должен им подойти.

— Надо ускорить производство, но сохранить эту волнообразную начинку между картонками? — спросил я для вида и для него же, запустил свою пятерню в волосы на затылке.

Мужик обреченно кивнул, видимо ни на что не надеясь. Леопольд Мехелин молча достал портсигар и закурил папиросу. Я же, стал нарезать круги на метровом пяточке, чесать затылок и бормотать:

— Волны, волны. Если их свернуть, то звезда. Точно! Звезда! Мне нужна бумага и карандаш, — обратился я к мужчинам. — Деда! Найди мне два-три круглых поленца без коры, — скомандовал я родственнику. — Для примера!

Дед аж крикнул от возмущения, но пошёл искать потребное мне, что-то бурча себе под нос. Фредрик Идестам достал из своего саквояжа пачку бумаги и несколько карандашей и разложил это всё по столу. Или он Кнут? Вроде так его представлял Мехелин, но потом, называл его Фредриком. Непонятно.

Я, прекратив нарезать круги, стянул с себя шубейку, кинув её на дедов стул и самовольно, без разрешения взрослых уселся к ним за стол. Притянул бумагу, карандаши и, выбрав самый мягкий, принялся рисовать.

Идестам, не дожидаясь результатов моих художеств, переместился на стуле ко мне поближе и потребовал:

— Объясняй, малыш.

— Большие длинные валы, вырезанные или отлитые как звёзды. Между ними проходит бумага, которая попадая между выступом и выемкой валов, превращается в волнистую. Снизу ещё один вал. Полностью круглый, он наносит клей на верхушки волны. Затем, вот этот вал приклеивает эти рифления к простому картону, который протягивает следующий вал. А вот здесь клей наносится сверху, и приклеивается второй слой. Вот, как-то так.

— Я ничего не нашел подходящего, — дед вернулся злым и недовольным.

— Ничего не надо, херра Хухта. Я и так понял, без примера. Это же гениально! Я же сотни раз смотрел на все механизмы и не смог представить вот этого! Господин Хухта! Ваш внук — гений! — И он кинулся обнимать деда. Хорошо хоть не меня, как прошлым летом Мехелин.

— Гений, — полузадушенно просипел дед, пытаясь выбраться из объятий Идестама. — Но, что насчет процента? Вы же патентовать это будете? — не упустил своего дед.

— Это обговаривать надо, — сразу выпустил его из объятий радостный промышленник. — Нам надо срочно в Таммерфорс! Когда ближайший поезд, херра Хухта?

— А может, задержимся? Порыбачим? — подал голос Леопольд Мехелин.

— Нет, Лео! Я не выдержу! Этот метод нужно срочно обсудить с инженерами! Как? Как нам попасть в Улеаборг? Вы отвезёте нас, херра Хухта?

— Отвезу, конечно! Если через полчаса выедем, то как раз на вечерний «Шведский экспресс» из Торнио успеем. Сейчас Магги пошлю на телеграф, он отправит телеграмму на вокзал, чтобы вам купе забронировали.

Вот вам и благодарность за новую технологию, думал я, пока бежал на лыжах в село. Надеюсь, что хоть дед с них что-то вытрусит, да и они не забудут про больницу.

— Здрассти, дядя Обрам, — поприветствовал нашего телеграфиста. — Не знаете, наш Кауко на ключе? А то у меня к нему телеграмма.

— Привет, Магги. Да, твой брат час назад на смену заступил. Мы уже перекинулись парой телеграмм. Что у тебя там? Давай! — я протянул ему листок с текстом и купюру в десять марок, которую мне дал Мехелин.

Через десять минут, я получил распечатанный текст ответа и на сдачу девять марок и десять пенни в мою копилку. И рванул на тракт, чтобы успеть отдать ответ деду, который

повезёт гостей в город, а по пути, надо думать, поторгуете с ними.

Успел, и даже половину дороги до дома прошёл до того как появились наши сани. Пока шёл, поедом себя ел за подсказку Леопольду Мехелину о торфе. Названная им фамилия инженера — Классон, была мне знакома. Знал я о нём. Вот ведь, собирался своей стране не навредить. А если этот Классон не вернётся в Россию, то не построит тепловую станцию на торфе и рабочий посёлок с названием Электропередача, который потом превратится в подмосковный город Электрогорск.

Результаты переговоров деда с промышленниками я узнал только на следующий день, когда дед стал выяснять у меня зачем мне понадобилась больница.

— Так я, вон, в два годика голову пробил. Ты сам говорил, что еле довели. А если ещё кто пострадает? А тут рядом будет. Да и для отца полезно будет.

— Для отца? Для Матти? Что ты несёшь, мелочь беспузая? Или он болен?

— А ты не знал? Он тебе не говорил? Он же собирается участвовать в выборах Орднинга (староста), в этом июне. Вот и будет ему предвыборная помощь.

— Вы меня в могилу сведёте своими выходками! Что сын, что внук.

— Так все в тебя, — съехидничал я и ловко увернулся от дедова подзатыльника. — Расскажи лучше, о чём ты с вчерашними гостями договорился?

— Пф, всё тебе знать надо. Если бы не я, за так, за бесплатно отдал бы свою идею. Один процент с патента. Тебе. И тебе же один процент привилегированных акций Нокии. Ты теперь у меня фабрикант, — и он взъерошил мне шевелюру. — Твой метод, обещали назвать нашей фамилией. Гордись. Пойду твоего отца искать. Надо бы ему сказать, что он может перед выборами, больницу обещать односельчанам. Или сам ему скажешь?

— Не, не, деда. Иди. Скажи. У тебя лучше получится.

— О тож! Чтобы вы без меня делали, бездари?

.....

В марте из свежей, двухдневной давности прессы, мы узнали, что умер Захариус Топелиус. Мама тут же отправила телеграмму в столицу с соболезнованиями его дочери, Еве Акки.

А у меня наступил период сомнений и метаний. Когда я вспомнил процесс получения гофрокартона, то вспомнились и другие видео, просмотренные с детьми. И, в первую очередь, о истории и изготовлении канцелярских кнопок и скрепок. Оказалось, что их ещё нет. И никто их не запатентует, ещё, как минимум, три или пять лет.

Следующим моим изобретательским проектом, до приезда господ из Нокии, был паровой двигатель Стирлинга в виде конструктора. Его презентация деду открывала бы мне возможность по улучшению парового дровокола. Ну, я так думал. Теперь же пришлось срочно бросить все силы на создание скрепок и кнопок.

И если скрепка из мягкой медной проволоки у меня получилась быстро, то с кнопками я изрядно намучился. Для того чтобы подойти к деду и объяснить, нужны были образцы. А вот с ними были проблемы. Сначала искал подходящую трубку, затем мучился с заточкой кромки этой трубки для изготовления круглых заготовок из жести. Про получение мной треугольного острия подручными средствами можно было, наверное, написать отдельную книгу. С этой, казалось бы мизерной, проблемой, особенно когда помнишь кадры получения кнопки при помощи пресса, я справился лишь к концу весны. И только тогда я и пошёл со своими «изобретениями» к деду.

— Теперь я буду диктатором! Я взрослее, сильнее и лучше! — заявил мне и всей нашей компании Андреас Викстрём, мой племянник из Улеборга.

В этом году племянников сплавили к нам сразу по двум причинам. Главной была беременность их матери, руовы Ингегерды Викстрём. Там как раз был последний месяц беременности, и шумных мальчишек отправили к нам. Тем более, что они и сами просились. Привёз их из города дед Кауко уже почти ночью. А так как эти городские сони долго дрыхли, а бабуля не позволила мне их разбудить, то и увиделись мы только тогда, когда они выползли из дома.

Сегодня у нас в «братстве» был особый день. Я пообещал мелким научить их делать глиняные свистульки. К моему удивлению, здесь из глины их не делали. Резали исключительно из дерева или привозили костяные из Лапландии. А я в поисках глины для поршня паровой машины облазил почти всю местную округу, но нашёл небольшой выход первоклассной красной глины.

В моём будущем для создания поршня я использовал суперклей и наточенный карандашный графит. Здесь суперклей нигде не продавался, а смешивая графит с рыбьим клеем, я получил жутко хрупкую субстанцию. Пластилина здесь тоже еще не было, а как его изготовить я не знал. Вот и пришлось искать замену в виде глины. Во время поисков я неожиданно для себя стал богаче на четыреста двадцать рублей, заимел две винтовки «Бердан № 2» и под сотню патронов к ним. А также стал обладателем странного пистолета «Бергманн № 3».

Прочёсывая местность с обломком металлической остроги в руках, который я использовал в качестве палки-копалки, вдруг услышал выстрел. Очень похожий на выстрел из нагана. По крайней мере, так я его определили для себя. Ведь частенько слышал в своей прошлой жизни на реконструкциях и в тире.

И нет, чтобы сделать ноги и позвать старших. Я попёрся смотреть, кто это там стреляет на нашей земле. В селе наган был только у нашего полицейского. И чего мне тогда бояться дяди Раймо?

Но повторных выстрелов не было. Как и не было слышно каких-либо голосов, звуков или чего прочего. И это меня насторожило. Поляну с тремя трупами людей я увидел из зарослей молодых побегов «Зеленючки» как здесь называют ягодный тис. По которым я осторожно и крался в направлении прозвучавшего выстрела, сжимая в потных ладошках несуразную железяку, моё единственное оружие.

Минут пять понаблюдал за тремя мертвецами. Прямо картина великого побоища. Дальнее от меня тело лежало вниз лицом и в его затылке торчал «халланд», разновидность местного строительного топора в виде небольшой секиры. Судя по тому, что лезвию вошло почти полностью, то это стопроцентный труп. Справа от меня лежал длиннородый мужчина с тесаком или штык-ножом в груди. И именно он сжимал в руках револьвер, из которого, похоже, недавно и стреляли. Застреленный был слева от меня. Его тело находилось в столь неудобной позе, что не приходилось сомневаться — его душа уже давно не с ним.

Все пять минут наблюдения за поляной мертвецов во мне боролись два чувства. Осторожность — не лезть, а пойти и позвать взрослых. И жадность — посмотреть, что я

могу с них поиметь. Естественно, победила жадность.

Никакого страха перед мёртвыми или перед кровью и увечьями я совершенно не испытывал. Открыл я это в себе совершенно случайно в прошлой жизни. Когда меня на Кавказе взяли в плен. А было это так.

.....

Наша предприятие. Блин, где же я работал? Нихрена, не помню. Так вот, наше предприятие заключило контракт на замену оснастки и доработку ремонтно-слесарных и ремонтно-механических мастерских на базе автомобилей ЗИЛ-131. Какое-то малое предприятие находящиеся в селе Сунжа, рядом с Владикавказом, выкупила старые машины в воинской части выведенной из ГДР.

За перегон автомобилей платили живые деньги, что в 1995 году было очень актуально, так как зарплату задерживали уже на три-четыре месяца. И не только мне, но даже и супруге, которая работала в бухгалтерии. Вот я и подписался на подобное. Пара перегонов прошли успешно. Все разрешительные документы у нас были, и многочисленные военные блок-посты я преодолевал без проблем. Но на третьем перегоне мне не повезло. Ну, это как посмотреть.

Сдав в гараж заказчиков отремонтированный нами зилок, я больше чем обычно потратил времени на получение очередной авто-развалины, которую мне предстояло перегнать для ремонта. И из села выезжал уже в сумерках. Почти сразу на выезде меня тормознули, как сначала подумал, военные. Но оказалось, что это были какие-то бандиты, почти не говорящие по-русски.

По-хорошему, мне надо было выпрыгнуть из грузовика и дать дёру, когда ещё ехали через село Октябрьское. Но я так на это и не решился. Уж очень меня пугало дуло автомата, которое смотрело мне в правый бок и иногда на ухабах, больно тыкаясь пламегасителем под рёбра. А уж когда свернули на дорогу ведущую в горы и фары осветили простреленный в нескольких местах указатель на Тарское, я понял что и поздно спастись бегством.

До Тарского мы не доехали. Свернули на какую-то грунтовку и через пару сотен метров горного серпантина упёрлись в бетонные коробки строений. Я загнал машину во двор, куда мне указал рукой бородатый боевик, и совершенно безропотно дал сковать себе руки наручниками. Хорошо, что спереди, а не сзади. После чего, меня загнали в подвал, в котором уже находилась куча народа. В нос ударил резкий, кислый запах нечистот и давно немывтых тел людей.

Как только боевик, который и затолкал мою двухметровую тушку в этот бетонный зиндан, хлопнул дверью и щелкнул замком, за меня тут же взялись два местных сидельца. Судя по звездочкам, которые я смог рассмотреть на их грязных фальшпогонах в свете тусклой, не более чем сорокаваттной лампочки, оба старшие прапорщики. Очень быстро и профессионально вытянули из меня всю информацию и порадовались, что находятся рядом с Владикавказом, а не в Чечне, как они до этого думали.

Остальные сидельцы оказались самоходчиками из частей почти всего северокавказского военного округа. Всего в подвале находилось двадцать семь человек. А теперь, со мной, двадцать восемь. И у всех были скованны руки наручниками. Почему боевики не снимали их с пленных даже в подвале было совершенно не ясно.

Мне же было в них не просто не удобно, а уже даже опасно. Слишком у меня были большие запястья, и из-за туго застёгнутых браслетов уже начали потихоньку неметь кончики мизинцев. Но это было поправимо. В детстве, в нашем дворе возле Николаевского

рынка. Оба-на! Ещё кусочек мозаики! Это радует! Так я всё и вспомню.

Так вот, в нашем дворе жил некий дядя Коля, который нас, пацанов, и научил вскрывать милицейские наручники почти любой проволокой или скрепкой. Уж даже и не знаю кто он такой был по жизни, с нами он особо не откровенничал о своём прошлом. Да и прожил в нашем дворе чуть менее года. Но у него были две пары наручников, и он с охотой учил нас их вскрывать. Причём, учил что лучше всего подходят именно мягкие металлы, а иголка или булавка могут сломаться.

Вот и сейчас, я залез руками в боковой карманчик джинсов, в котором все нормальные парни носят презервативы, и только я один, так как уже был женат, носил всякую мелочь. И вытащил цепочку из простых канцелярских скрепок. Отстегнул одну, расправил, сделал короткую загогулину и вставил в левую замочную скважину. Нащупал справа механизм, надавил на собачку и стал проворачивать левую руку по часовой стрелке, и дужка наручника стала выходить из замка. Полминуты — и левая рука свободна, еще столько же — и вторая тоже свободна.

— Ты как это сделал? Ты что, из уголовников? — тут же накинулся на меня с расспросами «страшный» прапор, который представился как Петров.

— Почему сразу из уголовников? В детстве один мужик научил. Вот и пригодилось, — ответил я предельно честно.

— Нам открой! — почти скомандовал второй прапорщик, который не представился, и я, тогда, в то время, обозвал его, в пару к Петрову, Васечкиным. Будь это позже, в следующем тысячелетии, то и Башировым мог бы обозвать.

— Мы тут с ними намучились, — разоткровенничался Петров, радостно потирая освобожденные руки. — Все иголки и булавки, у кого были, поломали, а так и не смогли открыть.

— Так. Громила. Слушай сюда, — это уже Васечкин подключился к нашему разговору. — Сейчас, примерно минут через десять или двадцать, придёт чех и, скорее всего, позовёт тебя. Ты вон какой мамонт! А мы все тут уже силы почти потеряли. Позовёт принести еду и воду. Сможешь его вырубить одним ударом? — и дождавшись моего утвердительного кивка, продолжил. — А остальное я с Петровым сделаю. Теперь, начиная расстёгивать браслеты всем остальным. Вот этим трем, первым. Гирин, Шестаков, Родичев, сюда поближе пересядьте. — Он скомандовал каким-то солдатакам и те стали перебираться ко мне поближе.

Всё случилось как-то быстро и даже неинтересно. Пришедший боевик, действительно, позвал меня, тыкая в мою сторону одной рукой и призывно махая другой. Его автомат беспечно висел за спиной. Я подошел, и под растерянный взгляд моджахеда, заметившего, но явно не поверившего своим глазам, что мои руки свободны, со всей своей молодецкой дури, правым кулаком, приложил ему по левому виску. Специально немного выставив вперед костяшку среднего пальца. Чтоб уж наверняка.

Появившийся у меня из-за спины Петров, сдернул с пояса боевика нож и, полоснув его по шее, рванул дальше, на лестничный марш. Васечкин, обтёк меня с другой стороны и, перевернув труп, пачкаясь в его крови, завладев автоматом и бросился догонять напарника. И вот тут бы меня должно было пронять. Кровь, труп. А я в армии все два года провел в рембате 43-й учебной мотострелковой дивизии, что под Куйбышевом, который сейчас Самара. И абсолютно не спецназовец. Даже из автомата Калашникова я на гражданке стрелял в сотню раз чаще чем в армии. Но не проняло. Молча развернулся и пошёл вглубь

подвала.

Через полчаса всё было кончено. Из наших пострадали двое. Один рядовой и прапорщик Сидоров. Им быстренько замотали ранения, и все погрузились в кунг моего же зилка. Пока ехали до Владикавказа, старший прапорщик, перекрикивая завывания явно нездорового движка, проводил мне инструктаж. О том, что я никого из них не видел и не в какой плен не попадал. С возможными разговорами рядовых, они вопрос решат. «А ты нас выгрузишь там, где я покажу, и навсегда забудешь про этот эпизод из своей жизни».

Пришлось соглашаться. Тем более что в качестве компенсации мне была вручена тугая пачка денег. Видимо то, что собрали с боевиков. В пачке были рубли, карбованцы, доллары, марки и даже британские фунты. Эта пачка надёжно послужила нашей семье стабилизационным фондом на протяжении почти десяти лет.

.....

Вот и сейчас, выбравшись из кустов, осторожно подойдя к мертвецам, я чувствовал только азарт и, небольшую неуверенность в правильности своих действий. А ещё, где-то на задворках сознания, стучал в закрытые ворота страх, что их было не трое, и кто-то сейчас подойдёт и застукает тебя за мародёрством.

Ворочать тела мне было не под силу в виду возраста, поэтому обошёлся поверхностным обыском карманов и одного вещмешка, который валялся рядом с зарубленным топором мужиком. Ещё два мне были недоступны. Так как находились под телами своих владельцев.

Достал вязанные перчатки из своего рюкзака, который мне пошила Тю по моему рисунку. Отпечатки пальцев сейчас вроде бы ещё не умеют снимать, но бережёного, как говорится — Бог бережёт.

Первым делом оттащил в сторону две берданки, одна из которых оказалась передельной винтовкой Квашневского. Под телом зарубленного ещё виднелся обреза, но доставать его, я посчитал излишним. Всё равно придётся сдавать эту полянку отцу или деду. А один револьвер на троих — это как бы подозрительно.

Обыск карманов меня очень удивил. У зарубленного были доступны только два кармана на куртке, и в них я нашёл странный пистолет. Откуда-то из закоулков памяти всплыло его название — «Бергманн». Лучше бы, вот так, личная информация всплывала, чем название этого уродца. Ну да ладно. Вместе с названием всплыло то, что моделей этих пистолетов была куча, и различались они только по калибру.

Вытащил линейку, которую тоже на всякий случай таскаю с собой, и замерив ствол, получил две целых семь десятых тума. Ага, шесть с половиной сантиметров, это значит, что пистолет третьей модели. Шведский «тум», это тот же имперский дюйм, только на три миллиметра меньше. Шведская уния, уже давно перешла на метрическую систему. А вот в Финляндии старые шведские системы мер ещё вполне себе входу. Вот и у меня в рюкзаке была линейка, с которой учился ещё мой отец.

«И на хрена я это делал?» — Пришла мне в голову мысль, когда я выяснил модель и калибр. Или всё-таки себе забрать? Подрасту и из него забацаю что-нибудь типа пистолета Егера. Значит, забираю. Отнесу к винтовкам.

Карманы зарезанного и застреленного дали больше находок. Часы, складной нож, серебряная и медная мелочь и огромное количество бумажных рублей. Трёхками, пятерками и редкими десятками набралось четыреста двадцать рублей. Которые я, без зазрения совести, конфисковал в пользу себя, любимого. Всю мелочь, часы и даже приглянувшийся мне перочинный нож, вернул по карманам.

А вот в вещмешке я нашёл мешочек с золотыми самородками. Ну, я так думаю. Ни разу в жизни в живую я эти самородки не видел. Но по просмотренным видео и фильмам и по рассказам деда Кауко сделал вывод, что это именно они и есть. И всё встало на свои места. Быстрее всего, все трое лежащих на этой полянке — старатели. Которые искали золото на реке Ивалойоки.

То, что я слышал от взрослых, совершенно не укладывалось в моё представление о бедной на ресурсы Финляндии. Десять лет назад на этой реке нашли первое золото. И началась великая финская золотая лихорадка. По рассказам и статьям в газетах, на этой реке работало несколько сотен приисков. Кто-то даже с нашего села пытал там счастья, но вернулся ни с чем.

Но что эти старатели делают у нас? От Ивалойоки до нашей местности почти сорок миль. Шведских миль. Я долго привыкал к тому, что в шведской миле — десять километров. Хорошо, что в стране наряду с шведской используется и русская система мер. Например все дороги имеют верстовые столбы. Поэтому, если расстояние меряют географически — то это шведские мили, а если по дорогам — то русские версты.

Почему они поперлись к нам, а не в Кеми или Кемиярви? Или это какие-то преступники? А может и революционеры? Но всё равно непонятно. Ладно, сдам их отцу, пусть у него голова болит. Так, золото назад в мешок, оно нам не надо, а вот винтовочные патроны я приберу.

Нагрузился как ишак и еле попер две винтовки и пистолет с патронами в рюкзаке. Благо, недавно я нашёл неплохой схрон для хранения подобных вещей. Узкая скальная полочка. Главное, хорошо замаскировать, а потом и прикопать хабар можно. Главное, не забыть хорошо смазать и завернуть в ткань.

В прошедших в июне выборах старосты отец победил. Обещанная мне больница оказалась тем камушком, который склонил чашу весов с голосами избирателей в пользу отца. И теперь он целыми днями пропадал в управе, принимая дела и вникая в всякие мелочи. С больницей нокиевцы не обманули. Когда дед с отцом ездили заключать договор и получать мои акции, причем, без меня... Обидно, однако. Вот тогда, обратно с ними и приехал архитектор с помощниками, которые целую неделю что-то считали и измеряли на выделенном участке земли. А после их отъезда нанятые рабочие начали копать котлован под фундамент.

Вот в управу я и рванул, спрятав своих находки. Отец моему рассказу поверил сразу и самолично побежал к нашему констеблю. А меня отправили домой. И только через несколько дней я узнал, что это были какие-то бандиты, а не золотоискатели. А про золото вообще ни разу в своём рассказе отец не обмолвился. Через неделю, случайно подслушав разговор дяди Раймо и отца, я узнал куда оно делось.

— Матху, — как я уже знал, это было детское прозвище отца, сокращение от имени и фамилии. — Надо от этого золота избавляться. Оно нам счастья не принесёт. Тем более, что мы его с мертвецов сняли. А нашёл его твой Матти. Не бойшься за сына?

— Чего ты несёшь, Трубка? — обратился отец к нашему констеблю тоже по прозвищу. — Там того золота всего шесть фунтов. Фунт самородков, а остальное песком. Что? Боишься продавать?

— Я боюсь духов, — мрачно сказал дядя Раймо. — Сны мне плохие сняться. Давай продадим и деньги отдадим отцу Харри. Ты же знаешь мою чуйку.

— Это что? Харри всё рассказать? И мы себе ничего не оставим?

— Да. Расскажем. А деньги? Ну, пусть купит дом для семьи нашего телеграфиста Обрам уже всех достал рассказами, как им в их Соутярви живётся плохо и бедно.

— А что они у нас будут делать? У нас пшеница и рожь не растёт.

— А тебе что, работники не нужны? Всегда же жалуешься.

— И что? Мы себе с золота вообще ничего не оставим? Давай хоть ящик патронов купим.

— Это да. Патроны нужны. Хорошо. Я золото продам, куплю ящик патронов, а остальное мы с тобой вдвоём отнесём пастору. Согласен?

— Угу...

.....

— А тебя я назначу капралом, — барственно продолжил делиться со мной планами Андреас.

— Пф, — фыркнул я и без замаха врезал ему левым кулаком по носу, а правым двинул в ухо.

Племянника, не ожидавшего от меня такого коварства, повело в сторону, и я тут же пробил ему в солнышко. Из-за чего мальчишка сложился пополам и завалился на землю. Я же, войдя в раж, «власть он решил у меня захватить», заехал ему босой ногой прямо в пузо. И сразу после этого моего действия между мной и Андреасом влез подросток Ларс, который заголосил не своим голосом:

— Лежачих не бьют! Лежачих не бьют! Матти! Не надо! Остановись!

— В сторону! — завопил я на него. — Паровозы надо давить, пока они чайники! О! Чайники! Точно!

Я на мгновение замер, озаренный сделанным открытием. Здесь нет ещё чайников со свистками. Подобные чайники появятся только лет через двадцать или тридцать. Это же какой куш с этого можно сорвать!

— Аааааа!!! Чайники! Чайники! Ааа! Чайники! — я радостно заорал и запрыгал, отчего от меня шархнул Ларс, но зацепившись за брата, кубарем покатился по земле.

Остальные мальчишки тоже благоразумно подались от меня в стороны. Мало ли чего ждать от обезумевшего предводителя орущего про чайники (vesipannu).

Немного успокоившись, занялся своим отрядом.

— Ялмар! Ко мне. Назначаю тебя капралом. Всё ясно?

— Так точно, мой диктатор! — радостно проорал мальчишка и зло покосился на плачущего Андреаса.

— Тогда, бери всех и веди к старой берёзе возле Весёлого ручья, и там нас ждите. А я пока с этими городскими разберусь.

— Будет исполнено, мой диктатор! Капральство! Становись!

Дождавшись пока поредевший отряд скроется из виду, я пошёл разбираться с племянниками. Вот от кого я не ждал подобного предательства, так от них. И надо же, не угадал.

— Ну, что? Ты ещё с нами или уже нет? — спросил я у Андреаса, присев на корточки перед ним.

— С вами, — буркнул племянник и продолжил размазывать грязь с кровью и слезами по лицу. — Извини. Я так больше не буду, — выдал он универсальное обещание всех детей мира.

— Ну, а ты? — я поднялся и подошел к Ларсу.

В отличие от предыдущего года, он не расплакался.

— А что я? Я ничего не делал. Это всё Андреас. Он с Рождества мечтал стать диктатором, — сдал своего братца Ларс.

— Хорошо, — я одобряюще похлопал племянника по плечу и вручил ему старый медный котелок. — Сзади тебя, метрах в десяти, бьёт ключ. Набери воды и принеси, надо отмыть твоего братца, а то он — вылитый перкеле.

— Так. Смотрим все сюда. Сначала глину скатываем в шар, — я, размяв мокрую глину в руках, плюхнул её на плоский пенёк и начал скатывать в шарообразную форму.

Пенёк здесь вообще к месту оказался. Не нужно было заниматься поиском плоского камня.

— Теперь вдавливаем глину внутрь и придаём ей вид котелка. И постепенно заглаживаем получившуюся полость. Чтобы она осталась внутри. Всё. Теперь у нас шар с пустотой внутри. Понятно?

— Ага.

— Ясно.

— Как в бутылке, — посыпались ответы от моей команды. И только злой Андреас промолчал.

Ну и пускай злиться. Как говорится, на обиженных — воду возят. Кстати, о воде.

— Андреас, возьми котелок и принеси ещё воды. Я не буду ничего рассказывать и показывать пока ты не вернёшься, — видя сомнения в взгляде парнишки, пообещал я.

Ручей тут был недалеко, так что мой племянник уложился в пару минут.

— Мочим пальцы в воде и начинаем делать голову и хвост птички. Сгоняем глину сюда и сюда. Вот это голова с клювом. Похожа?

— Да. На толстого воробья похоже.

— Нет! На просянку.

— Да какая просянка? Это песочник!

В общем, чуть не передрались из-за названия получившегося у меня глиняного чуда.

— Для того чтобы получить свистульку, на необходима такая палочка, — я всем показал выструганную из прута рейку с круглым заострением на одном конце и широким, прямоугольным, на другом. — И делаем первое отверстие у неё под хвостом. Вот так. Край заглаживаем. Всего отверстий в птичке, будет шесть. Смотрите внимательно.

Наделал где положено отверстий и со всей осторожностью, чтобы не смять пальцами, дунул в находящийся под хвостом, зажав боковые. Получился свист. Дунул ещё раз и поиграл пальцами на боковых дырочках, и вышла незатейливая мелодия. Пацаны сидели разинув рот от удивления и с глазами по десять пенни.

— Теперь я её ставлю сохнуть на солнце. А вы начинаете изготавливать свои свистульки. Все намочили руки, набрали глины и начинаем делать шары.

Опять чуть не подрались за очерёдность мочить руки в котелке. Хорошо, Ялмар вмешался и, на правах нового капрала, установил очередь. Вот это правильно. Молодец. Толковый из него командир получится. Надеюсь.

Эти самые свистульки я научился делать, когда мои сыновья заканчивали начальную школу. Им задали выпускной проект, и мы с ними совместно выбрали данную тему. Пересмотрели кучу видео в инете. Перемесили гору глины на даче. Вот и посмотрю как справятся пяти, шести и семилетние дети, с тем, с чем справлялись мои одиннадцатилетние оболтусы.

О! Стоп! У меня дача была? А где? В «Греческих ротах»? Опаньки! А что это такое и где? Надеюсь, это хоть не в Греции? Но радуют такие всплывающие воспоминания. Так, смотришь, и весь пазл потерянной памяти соберётся.

Финские оболтусы, надо признать, справились на твёрдую четверку. Времени, правда, ушло вагон и маленькая тележка, но мы никуда не спешили. Стоит только домой заявиться и сразу к чему-нибудь припрягут. Меня, вон, на прошлой неделе учили навоз из овина выскребать. Брр, нафиг, нафиг. Надо поскорее начальную школу заканчивать и сваливать в город, за средним образованием. А то ещё, чего доброго — коров научат доить...

Все поделки получились не без изъянов, но это надо руку набивать, чтобы красиво получалось. Пока наши свистульки сохли на солнышке, я извлёк из своего рюкзака тетрадь и начал, иногда сверяясь с текстом, пересказ очередной главы о приключениях Мумми-Тролля в «Солнечном городе».

.....

Писать новую сказку я начал как только получил из Гельсингфорса свою старую тетрадь с записями. Решил смешать «Шляпу волшебника» Туве Янсон и «Путешествие в Солнечный город». Знайки и Незнайки у меня конечно не было, их заменяли Мумми-Троль и Снусмумрик. Сначала долго ломал голову как это всё объединить, а потом просто описал чудеса «Солнечного города» и знакомства с ними жителей «Мумми-Дола». Все эти аквапарки, спортивные городки, которые пришлось обозвать — гимнастическими. Небоскрёбы, автоматический электрический общественный транспорт и солнечные батареи. Не забыл даже устройство которое описал как робот-пылесос из моего времени.

В качестве злодеев в этой сказке выступали «Ветрогоны», бывшие ослы превратившиеся в хулиганов-коротышек при помощи волшебной шляпы. Чтобы долго и мучительно не страдать над описанием «Ветрогонов», зарисовал их как персонажей из компьютерной игры «Лимбо». В общем, смещал в кучу коней, вернее, ослов и людей.

Мои рисунки получились настолько страшные для местных, что когда я прочитал главу сестре Анью и показал ей свой рисунок, то ей эти человечки, долго мерещились по ночам.

За осень, зиму и весну, особо никуда не торопясь, я закончил эту сказку и был готов к новому летнему сезону. Ведь моих собратьев по рыцарскому ордену обязательно потребуется контролировать и мотивировать новой сказкой.

Но первыми новую сказку потребовали не они, а приехавший в начале лета мой литературный агент Ээро Экко. Причём, приехал не один, а с важным гостем.

В первой сказке я специально вставил сценки, когда жители Мумми-Дола чистят зубы. Так уж сложилось, что в нашей семье чистили зубы всего два человека. Моя мама и я. Сначала я утащил у неё старую зубную щётку и повадился красть зубной порошок, затем ей это надоело, и она специально для меня купила двухфунтовую банку мятного порошка и новую щётку.

Когда я рассказывал про зубные щётки и чистку зубов, все мои мелкие и сестра заинтересовались этим. И даже устраивали сравнение, как пахнет из рта у того кто чистит зубы и у того, кто нет. Вставил я этот сюжет, особо ни на что не надеясь. Так, для объёма. Но на Анью сравнение запахов из рта произвело большое впечатление, и она часть заработанного за пошив игрушек спустила на приобретение порошка и щётки. Стоило это не дорого, щётка — десять пенни, а полфунта порошка — тридцать пенни. Но я хоть кого-то увлёк этой идеей. А пацаны, как не чистили зубы, так и не чистят, полностью проигнорировав мои старания.

Зато Ээро Эрко на этом сюжете неплохо заработал и себе и мне. Когда он прочитал про чистку зубов, то обратился с деловым предложением к Георгу Стокманну, владельцу самой крупной сети магазинов в Финляндии и Шведской унии. Дядя Ээро предложил

добавить в текст название зубного порошка и щётки производства предпринимателя. Так, в тексте моей сказки появился зубной порошок «Радость» и щетка «Прелесть», с такими же названиями как в его торговой сети.

Стокманн заинтересовался этой идеей и даже прочитал мою сказку. Кроме зубного порошка и щётки ему понравились и мягкие игрушки, которые дядя Ээро рассылал подписчикам и договорился с ним об их массовом выпуске и продаже в его магазинах.

Ээро Эркко оказался всё-таки порядочным человеком и в договор о доходах от продажи игрушек не забыл внести моего отца. И именно ему он передал пятьсот марок дохода от моей книги и игрушек. А у меня поинтересовался наличием второй части приключений Мумми-Тролля.

— Да, дядя Ээро, написал, — обрадовал я его и передал ему пухлую тетрадь, в которую пришлось доклеивать много листов. — Можете не возвращать, я в двух экземплярах писал.

— Магги, мы с господином Стокманном решили напечатать первую сказку отдельной книгой. И даже привезли сигнальный экземпляр. Это самая первая книга, — нашёл он нужным пояснить мне этот термин. — Вот она.

— Спасибо, — пробормотал я, рассматривая картонную обложку с чёрно-белым Мумми-Троллем, названием и моим именем.

— Я знаю, что ты свободно пишешь и читаешь на шведском и русском, — продолжил тем временем Ээро Эркко. — Можешь перевести на эти языки свою сказку, но вот только с текстом, из этой книжки? Тут твой текст уже с правками, — он постучал желтоватым от табачного дыма ногтем по обложке книги, которую я держал в руках.

— Конечно, дядя Ээро. А как скоро это вам надо?

— До конца лета справишься? До нашей партийной конференции.

— Думаю, да. Справлюсь. В смысле — переведу. А вы её печатать и на этих языках собираетесь?

— Да. Но не я. А господин Стокманн. Попробует продать по пятьсот экземпляров для начала. Но это он с твоим отцом будет договариваться.

— Лучше с дедом. Отца выбрали в старосты, у него и так много дел, — пояснил я ему под его недоуменный взгляд.

Сам господин Стокманн до меня так и не снизошёл. Лишь молча кивнул, когда меня ему представил глава младофиннов. Он больше с дедом общался. Как дед Кауко мне позже рассказал, у них в группе старателей в Калифорнии тоже был Стокманн, который оказался родственником этого Стокманна из Шлезвиг-Гольштинии. Да и сам он был примерно ровесником моего деда. Что их ещё больше сблизило.

Это привело к тому, что дед рассказал ему про мою вертушку, которая так и не заинтересовала Гуннарссона. А вот Стокману понравилась, и он согласился её запатентовать и производить, а нам выделить процент с дохода. Когда они уже уезжали, Георг Штокманн с дедом долго обнимался на прощание и сказал, кивнув на меня:

— Мой друг, если твой внук придумает ещё что-нибудь интересное, приезжай прямо ко мне, — обидно было, не передать.

Как будто я какая-то волшебная мебель, производящая различные чудеса, но недостойная общения. Чего, с ней, с мебелью, разговаривать! И я опять удостоился только кивка.

Пятьсот марок мне отец отдал, хотя по его глазам было видно, как ему жалко такого богатства. У меня, правда, эти деньги надолго не задержались. Я их передал деду на

патентирование скрепки. Когда я принёс ему мои придумки, он потребовал показать, как это работает.

— Ну, скрепка, это для скрепления нескольких листов бумаги, — я взял со стола лежащие перед ним бумаги, в которых он вёл записи своих калькуляций при помощи счёта, и скрепил несколько листов.

— Хитро, — он покрутил в руках получившуюся стопку, повертел её в разные стороны.

— Ещё ей можно бумажные деньги скреплять, — дед тут же вытащил тонкую стопку бумажных марок и попробовал на них.

— И удобно. Хорошая придумка. Нужная. И, я смотрю, очень простая. За дорого можно будет её продать. А это что за жестянки? Он указал на мои эрзац-кнопки.

Я как мог объяснил ему принцип использования канцелярской кнопки. Продемонстрировать работу я не мог, так как жесть оказалась тонкой и кнопка сразугнулась при попытке как-то её использовать.

— Херня полная, — вынес вердикт дед. — Зачем тратить железо на вот это, если можно приклеить бумагу куда угодно с помощью рыбного клея, который стоит один пенни за унцию.

Ну и ладно. Попробую с кнопкой попозже. В августе приедет Мехелин, вот ему и предложу.

— Деда, а ты можешь через своего поверенного в Улеборге получить патент на скрепку? Именно на меня.

— Хм. Я у него спрашивал уже. По поводу вертушки. Он сказал, что регистрация в княжестве стоит четыреста марок. И ещё сколько-то надо на взятку отдать, чтобы быстро сделать. Есть у тебя столько? А?

В разбитой мной кубышке оказалось всего сто двадцать семь марок и сорок пенни. Только зря её разбил. Так что привезённые Ээро Эркко деньги пошли на патентирование скрепки. Очень надеюсь, что не зря я отдал их деду, и тот меня не надурит.

.....

— Ууу! Ненавижу! Гад! Жаба дохлая! Вот он кто! — громко шипел в своей комнате Андреас Викстрём. Громче было опасно, стенка между комнатами была тонкая, и дядя мог их услышать.

— Андреас, ты же сам виноват. Зачем ты диктатором захотел стать?

— Молчи, мелочь ушастая. Ты меня предал! Ты должен был драться за меня! Трус! А ещё брат!

— Я не трус! Я защищал тебя, когда ты упал!

— Ненавижу! Тебя, Матти и этот дом! Я его спалю! И нас домой отправят! Ой! — взлетевшая с столика кружка стремительно понеслась к нему.

От испуга у Андреаса ослабли колени, и он упал на задницу. Кружка, чиркнув по его волосам ударила об стену за его стеной, разлетевшись на множество осколков.

— Аааа! — перепуганный мальчишка тонко завыл и попытался на карачках доползти до двери, но неведомая сила отшвырнула его в сторону, ощутимо приложив его о попавшийся на пути стул.

— Стой! Не надо! Хири, не надо! Пожалуйста! Остановись! — сообразивший, что происходит, Ларс, кинулся к брату и обняв его, со слезами на глазах закричал куда-то под потолок, обращаясь к домовому, про которого знал из рассказов Матти и бабушки Ютты.

И неведомая сила успокоилась и не предпринимала никаких попыток как-то навредить

мальчишкам.

— Андреас, вставай! Пойдём к Матти! Нам надо к нему! Иначе будет плохо! — причитал и всхлипывал Ларс Викстрём, буквально таща плачущего и перепуганного брата на себе к дверям.

Когда эта плачущая парочка ввалилась ко мне, я как раз переводил очередную главу своей первой сказки на шведский. Причём ввалилась с таким шумом и всхлипами, что следом за ними прискакала и встревоженная Анью. Я же, как обычно, увлечённый делом, услышал их только когда они вломились в мою комнату.

Из Андреаса никакой информации извлечь не удалось. Он только плакал и испуганно икал. Предложенная ему кружка с водой настолько перепугала его, что он завыл и полез прятаться под мой стол.

Зато рассказ Ларса полностью прояснил ситуацию. Видимо, мой разгневанный тон тут же угрозу сжечь его жилище хорошо нагнал жути на бедного паренька.

Самое странное, что Ларс не выглядел испуганным. Он возбужденно рассказывал как летали и взрывались кружки, а его брат своим телом переломал всю мебель в их комнате.

С летающей посудой я сталкивался и в прошлой жизни, лет в десять или одиннадцать. В квартире моего одноклассника Ромки Кулиша. Мы смотрели по телевизору польский сериал «Четыре танкиста и собака», когда громкий хлопок привлек наше внимание. Пошли искать и нашли в ванной доньшко от стакана и стеклянное крошево вокруг. А затем начали биться тарелки на кухне. Мы только одним глазком глянули на тот ужас на кухне и бегом рванули на улицу. Где и просидели до прихода его родителей. Естественно, те не поверили нам и наказали Ромку.

Анью, когда услышала про то, что Андреас обещал поджечь наш дом, оттолкнула в сторону Ларса и вытащив пацана из под моего стола, вlepила ему несколько звонких пощёчин и затрещин. И надо сказать, это привело мелкого в чувство. По крайней мере, он вполне внятно, хоть и с истеричками в голосе, стал просить у меня прощения.

— Андреас! Ты не столько меня обидел, сколько Хири. Он ведь тоже считает этот дом своим, — на меня сзади пахнуло знакомым теплом, и я понял, что и защитник нашего дома тоже здесь. — Надо и у него прощения попросить.

— И что мне делать? — племянник в эту минуту был готов на всё, хоть на крышу вылезти и спрыгнуть вниз. Надо его спасать, а то ещё в бега подастся. Ищи потом.

— Что у тебя есть с собой самого дорогого?

— Золотая монета у него есть! — сдал его Ларс. — Американская.

— Да. Один доллар золотой. Папа подарил, — прошептал Андреас, а в его глазах явно поубавилось желания готовности к любой жертве.

— Значит так. Берешь свою монету и идешь на кухню. И кладёшь её в ту миску за печкой, в которое мы молоко наливаем каждое утро для Хири. И просишь прощения. Хорошо просишь. И обещаешь больше никогда не думать причинить вред этому дому. Потом отворачиваешься, считаешь до ста, я вас учил, надеюсь, ты не забыл? И поворачиваешься обратно. Если монеты в миске не будет, то Хири тебя простил.

— А если он её не заберёт? — опять испугался Андреас.

— Тогда я иду к деду и всё ему рассказываю, а он, скорей всего, отвезёт тебя домой. Но прежде точно выпорот. И дома тебе тоже достанется, наверное, — хотя вряд ли, как я помнил из книг и мультфильмов моего мира, домовые любили золото.

— Мы, что? Не будем никому рассказывать про это? — удивилась Анью.

— Если Хири примет подарок, то нет. Хорошо, сестрёнка?

— Угу, — как-то через силу согласилась она. — Хорошо. Если примет, я буду молчать.

— Но монета в той комнате! Я не пойду туда один. — на глаза Андреаса опять навернулись слёзы.

— Я сбегаяю! Я знаю, где она! — и шустрый Ларс рванул в их с братом комнату, только пятки дробно застучали по деревянному полу.

Всё прошло как задумывалось. И Андреас на кухне никого из взрослых не застал, и Хири монету у него принял. Но вот мелкие Викстрёмы три ночи спали в моей комнате на матрасе в обнимку, пока это не пресекла бабушка Ютта, выгнав их в соседнюю спальню. Я так и не решился им рассказать, что мой Хири тоже ночует в этой комнате. Иначе, даже и не знаю чем это могло закончиться для Андреаса.

.....

— А ну, быстро иди сюда! — рявкнул на меня дед Кауко одним прекрасным летним днём, когда моя команда, набегавшись по округе, разошлась по домам, и я в компании племянников зашёл на наше подворье.

— Чего, деда? — я опасливо приблизился к нему и смог увернуться от его руки, попытавшейся схватить меня. — Ты чего? Что я сделал? — Отскочив подальше от него, возмутился я.

Вроде бы никакого криминала за собой не припомню. Ну, если не считать нескольких сворованных гвоздей и разбитый горшок со сметаной, который уже и так записали на дворовых кошек.

— А ну, брысь отсюда, — заорал он на Викстрёмов, которые соляными столбиками застыли посреди двора и, видимо, гадали, не коснутся ли и их эти непонятные разборки. Но после окрика деда пулей залетели в дом, оставив меня один на один с ним.

— Матти! Ты почему меня не слушаешься? Тебе было сказано идти ко мне?

— Да, деда. Но я не подойду пока ты мне не объяснишь чего хочешь.

— У ты, неслух! Вот это, что? — на его протянутой ко мне левой ладони, лежали осколки раздавленной глиняной свистульки. Судя по узору на одном из них, явно моей, а не племянников.

— Свистулька. Моя. Была. Пока ты не раздавил, — с укором сказал я.

— Так, что здесь происходит? — в калитку зашёл отец, явно приехавший из управы.

— Дед мою свистульку взял и раздавил, — нажаловался я отцу и, спрятавшись за него, показал деду язык.

— Ты что, старый, творишь? Зачем внуку игрушку сломал?

— Тьфу! Идиоты! Вот это что? — он опять протянул руку с обломками моей свистульки под нос отцу.

— Обломки. Мусор какой-то.

— Ты в руки возьми! Разотри и скажи мне, что это?

— Хм. Глина вроде. Красная. Красная? Откуда у нас здесь красная глина? — я был ловко извлечён отцом из-за его спины.

После чего он, присев на корточки, заглянул мне в глаза и спросил:

— Матти. Ты где взял эту глину?

— Нашёл, — растерянно ответил я, ничего не понимая. — А что в ней такого?

— Это очень хорошая глина. Из неё хорошие кирпичи и черепица получаются, — объяснил мне отец. — Так где ты её нашёл? На нашей земле?

— Вроде бы, да. Между Звонким и Быстрым ручьями.

— Покажешь? Пойдём, съездим, пока я лошадь не распряг. Отец, прихвати пару заступов, — почти по барски бросил он деду и, подталкивая меня в спину, пошёл со двора.

.....

Громадный пласт найденной мной глины оказалась частично на нашей земле, а частично на общинных неугодыях. Благодаря тому, что отец был старостой, они с дедом выкупили этот участок за небольшие деньги и почему-то оформили на меня. И начали строительство кирпичного заводика. Даже опытного управляющего для этого наши. Англичанина Кевина Райта, который когда-то работал инженером на подобном заводе в Ваасе.

В августе случилось то, что и должно было случиться. Император Николай назначил на пост нашего генерал-губернатора генерал-адъютанта Бобрикова.

Который тут же принялся проводить проверки канцелярии и департаментов. Из-за чего многие члены финской и либеральной партий так и не смогли приехать на отдых к нам. Не приехал к нам и Мехелин, которому я надеялся предложить полученный на днях патент на скрепку.

Но Ээро Эркко приехал. Не столько на отдых, сколько за переводами моей книги. По его словам, пятьсот экземпляров Мумми-Тролля на финском распродались в течение нескольких дней. И они с херра Штокманном допечатали уже ещё пару тысяч экземпляров. Заодно, он привез и сто восемьдесят марок, набежавших с положенных мне десяти пенни с каждой книги.

Больницу нам открыли в конце октября. Фредрик Идестам не обманул. Больница получилась небольшая, двухэтажная, но красивая, построенная из розового ракушечника, привезённого с юга Финляндии. На втором этаже была квартира докторов, супружеской пары, в этом году закончивших Гельсингфорский университет и подписавших контракт с департаментом здравоохранения. А на первом этаже были приемный покой, операционная и парочка небольших палат.

.....

Уууууууу — гудела земля. Дзззззз — звенели и дребезжали стекла. Коровы мычали, лошади ржали, собаки выли. Все обитатели дома выскочили на улицу кто в чём был. Тудух, бздынь, подпрыгнула земля и посыпались стёкла в одном окне.

— Это землетрясение! — пытался нас успокоить дед Кауко. — Я их много в Калифорнии пережил. Сейчас закончится.

И действительно, гул прекратился, земля успокоилась и только поведение животных и испуганный плач наших женщин говорили о случившемся происшествии.

— Это неспроста! Это знак свыше! — вдруг заявил дед Хейди. — Что-то страшное грядёт.

И я, помня историю, был полностью с ним согласен.

Землетрясение произошло в ночь с третьего на четвертое ноября. Эпицентром этого странного для Финляндии природного катаклизма был город Торнио. Слава всем богам, жертв не было. Разрушений, кстати, тоже. Ну, если не считать трещин в кирпичных домах, лопнувших стекол, побитой посуды и одних-единственных часов, которые упали со стены в городке Рованиеми. Зато, почти месяц после этого события, газеты публиковали письма читателей с описанием того, что им пришлось пережить.

Так как Рихтер ещё не придумал свою шкалу, а я подозреваю что этот учёный ещё даже и не родился, то силу нашего землетрясения выясняли шведы. Как мы узнали из шведской прессы, в городе Лулео, в местном отделении королевской академии наук, был установлен сейсмограф Милна. И соответственно, этот прибор измерял колебание почвы по шкале Милна. Кто такой этот Милн, газета не сообщала, зато мы узнали, что в эпицентре землетрясения сила толчков достигала восемнадцати баллов по шкале его имени.

Народ активно шутил, что это Йоулупукки устроил землетрясение, чтобы разбить часы. Так как именно Рованиеми считался родиной этого рождественского козла.

В наше время, насколько я помнил, этот козёл трансформировался в Санта-Клауса. Предприимчивые финны даже выстроили рождественскую деревню, к которой зимой, запускали специальный поезд-экспресс из Хельсинки.

Предсказание деда Хейди начало сбываться даже раньше, чем наступил новый 1899 год. Мой братец Ахти прямо на рождественском обеде заявил, что весной собирается поступать в церковное училище в Карлебу. И показал всей семье рекомендательные письма не только от нашего пастора, но даже и от Улеборгского епископа.

— Если вы меня не отпустите, то я сам уйду, — заявил он отцу и дедам, которые стали отговаривать его от этого поступка. — Мне в марте будет восемнадцать лет, а паспорт у меня уже есть. Денег я скопил.

И он попытался уйти из-за стола, сделав вид, что обиделся. А может и правда обиделся. Но это ему не позволила матушка, криком заставив вернуться на своё место.

Через пару недель споров и ругательств внутри семьи, победу над финнами Хухта, одержали шведы Сала. И Ахти разрешили поступать в церковное училище, но не в Карлебу, а в Стокгольме. Как заявила мама:

— В Кокколе у нас родственников нет, а вот в Стокгольме есть. Да и образование в столице Шведской унии намного лучше.

В общем, матушка повезёт в мае Ахти в Швецию поступать в училище, а заодно навестит всех родственников. Короче, начался форменный дурдом. «Надо пошить Ахти костюм», «надо пошить мне новое платье», «у меня старый салоп, нужен новый», «нужны новые обувь и шляпка». Деды и отец сбегали с утра пораньше из дома, чтобы не пришлось вновь везти её в город за жизненно необходимыми ей вещами. Маму это не смутило и она мобилизовала себе в извозчики беднягу Ахти, который вскоре и сам был не рад, что признался родителям об уходе в священники.

— Лучше бы я сам потихоньку сбежал, оставив записку, — жаловался он мне.

.....

Сразу после Нового года отец вновь использовал меня как арбитра. Правда, не по своей воле. Выловил меня на берегу озера, где я с детворой с увлечением строил снежный городок,

и повёз в село.

— Па! А мы куда? — начал я его допрашивать, как только сани тронулись.

— В церковь.

— А зачем?

— Рассудишь нас. У нас там спор вышел.

— А почему я? — мне ещё были памятли события, связанные с беременностью Тю, и вновь становиться арбитром в чём-то подобном не тянуло. — А с кем спор?

— Матти! Помолчи. Приедем, увидишь.

В знакомом мне по прошлым сюда визитам кабинете отца Харри обнаружился он сам и наш участковый, старший констебль дядя Раймо. Лычку на свой синий погончик с гербом княжества он получил недавно и очень гордился ею. Если раньше он очень берег свою форму и шинель, предпочитая обходиться гражданской одеждой, то теперь таскал шинель с погонами даже в сильные морозы.

«И вот зачем отец меня сюда притащил?» — думал я, вежливо здороваясь с пастором и полицейским:

— Здравствуйте, святой отец. Здравсте, дядя Раймо.

— Хо-хо! А вот и наш малыш Матти! — старший констебль пошел мне навстречу и начал пальцами своей правой руки играть с помпоном на моей лапландской шапке.

Я, как мог скорее, стянул свой головной убор, чтобы голова не начала колебаться вслед за довольно массивным помпоном.

Этот шерстяной шарик у меня на шапке появился на следующий день после Рождества. В памятный обед, когда Ахти объявил о своём намерении стать священником, брат Эса попытался спасти праздничное семейное мероприятие, переключив внимание на меня. Точнее, на мою лапландскую шапку.

— Мам, а чего это у вас Матти носит женскую шапку?

— Что ты выдумываешь! — раздраженно ответила ему мать.

— Ничуть. Ты же знаешь, что я три года дружил с лапландцами. С Пертти и Паси Мяки. У них, если шапка без помпона, то это значит женская.

— Почему? — влезла заинтересованная Анью.

— Помпон означает рога, мужчин. А женские головные уборы без них.

— Да ну, херня! — не вытерпел и дед Кауко. — У самочек оленей тоже рога есть. Может они просто так детей различают? Есть чё на шапке — мальчик, а нет — девка.

— Что мне сказали, то я вам и говорю, — немного обиделся Эса.

— Да может они всё выдумали! — не выдержала мама. — Помню я этих Мяки! Это же они научили тебя делать луки и стрелять из них! А ты, дурак, и рад стараться, чуть деда Хейди не пристрелил.

— Ну, не пристрелил же, Эмма. Чего ты теперь старое вспоминаешь? А про шапку, да верно, есть у них такое. То ли помпон носят, то ли гребень. А ну, Матти, принеси свою шапку, — отдал мне распоряжение дед Хейди.

Вскоре женская часть забыла про бедного Ахти и с увлечением обсуждала что надо пришить и как. В итоге, получился громадный помпон, чем-то мне напоминавший подобные украшения на обуви греческих гвардейцев. Не думаю, что в Лапландии именно такое, но мне понравилось. И не мне одному. За год в селе случилась прям эпидемия моды на подобную шапку с помпоном. И уже на следующую зиму более половины местных мальчишек обзавелись похожим на мой головным убором.

— Здравствуй, Матти! Иди, садись на ту лавку, — пастор тоже подошёл ко мне и подтолкнув в спину, вывел меня из воспоминаний про модернизацию моей шапки.

Прежде чем усесться на предложенное место, я стянул тулупчик, в кабинете было изрядно натоплено. Сел и вопросительно уставился на эту троицу. Чего это официальной и номинальной власти на селе потребовалось от меня, мелкого?

— У нашего телеграфиста, Обрама Някова, есть семья, которую он хочет перевезти в наше село, — начал рассказывать мне пастор. — А у нашей общины, которую возглавляет твой отец, появились деньги чтобы в этом помочь телеграфисту, — он скептически ухмыльнулся и бросил взгляды на отца и дядю Раймо, отчего те внезапно покраснели. — И у меня с ними возник спор, который ты должен и разрешить.

— Я? Почему? А что за спор?

— Ты, потому что косвенно связан с появлением этих денег. Молчи, не спрашивай, я всё равно тебе не отвечу почему так, — он даже выставил перед собой ладонь, призывая не задавать вопросов, хотя я и догадывался о происхождении этих средств. — А спор... Твой отец и наш старший констебль предлагают отдать эти деньги переселенцам, а я предлагаю выкупить пару пустых подворий и подарить им. Мы долго спорили, и мне пришла в голову идея использовать тебя как судью. Я в курсе того, что больница в нашем селе появилась благодаря тебе, Матти Хухта младшему, а не старшему. И раз ты, даже в своём малом возрасте, печёшься об интересах общины, то и здесь примешь правильное решение. Надеюсь, — на последнем слове в глазах священника всё же мелькнуло сомнение.

Я встал и, подойдя к столу, с молчаливого согласия пастора взял лист серой бумаги и карандаш. И решил начать опрос этой троицы с записью ответов, так как в корне не был согласен с тем, как они хотят помочь переселенцам. А для своих выводов мне нужна была показуха мысленной и творческой работы чтобы они поверили.

— Сколько будет переселенцев? — спросил я у священника, на что тот перевел взгляд на главу общины.

— Две семьи, — пробормотал мой отец.

— Это сколько в человеках? — карандаш зажатый в моих руках, так и застыл на первом пункте. — Па. Сколько их приедет? Десять, двадцать или сразу сотня.

— А давайте спросим у Обрама, — предложил наш полицейский, видя что его товариш малость подзавис.

Пастор хмыкнул, но взял лист бумаги и, усевшись за стол, стал что-то быстро писать.

— Святой Отец, допишите вопрос об их религии. А то мало ли, вдруг они православные. Кто их тут окормлять будет?

— Вот! Не даром я тебя позвал! То всевышний направлял мои мысли! Если они православные, то и мы им помочь не сможем. Нас общество не поймёт, — и он принялся азартно что-то дописывать.

Дописав, промокнул текст и, вложив его в маленький конверт, позвонил в бронзовый колокольчик, стоявший на столе. На его звон в кабинет заглянул Орто Мякинен, мой одноклассник, который в свободное от уроков время и по выходным был служкой в церкви.

— Орто, отнеси нашему телеграфисту и дождись ответа. И бегом сюда. Это очень важно! Понял меня?

— Да, святой отец! — и Орто, схватив конверт, пулей вылетел из кабинета, не забыв кинуть на меня заинтересованный взгляд. Ой, чувствую, в школе меня замучают вопросами.

Ждать ответа пришлось недолго. Церковь, как и почта с управой, располагались в

центре села. Так что, уже через десять минут, запыхавшийся и раздумавшийся на морозе мальчишка принёс нам ответ. Всё это время, каждый был занят своими, какими-то наверное очень важными делами. Отец что-то просматривал в своей записной книжке, пастор перебирал книги на книжной полке, а наш участковый листал тонкую брошюрку. А я считал трещинки в побелке.

— Так. Самое главное, — священник впился в текст ответного послания. — Ага. Хорошо. Обе семьи — протестанты. А уж общий язык с детьми нашего наставника Мартина Лютера мы найдём, — и он мелко перекрестился.

Я с отцом и дядей Раймо перекрестились вслед за ним.

— А числом их. Две старшие семьи и три младшие. Девять мужчин, одиннадцать женщин и, на момент отъезда Обрама, двенадцать детей разного пола. Записал? — спросил он у меня. — Что дальше?

— Нельзя давать им просто так деньги или дарить подворья, — я всё же рискнул и сказал прямо что думаю. — Мало ли у нас в селе семей ютится в тесноте. Чужим вы поможете, а наши спросят — а мы?

— Мал ещё нам тут... — начал было выговаривать мне отец, но был тут же заткнут пастором.

— Господин староста! Мы как с вами договаривались? Вы уже забыли? Пусть ваш сын выскажется полностью. Прошу, продолжай, Матти.

— Ну. Я, как бы, о том, что надо подворья прикупить. Они общине всегда пригодятся. Погорельцев переселить или карантин устроить. А с приезжими договор надо заключить на аренду домов. Пусть и без оплаты. Допустим, лет на пять. За пять лет-то можно на свой дом скопить, я думаю. А то, мало ли, заложат дома в банк, получают денежки и удерут. И опись составить перед вселением, чтобы взыскать, если они за пять лет что-то повредят или разрушат.

— Матху! Такое ощущение, что я сейчас твоего отца, дядю Кауко слушаю. Тот тоже про банки, аренду, описи и взыскания любит поговорить. Как будто твой мелкий у него учится, — первым высказался дядя Раймо.

— Так он у него и учится. Как наследник.

— Не понял! Он же младший. Какой из него наследник?

— Ну, так получилось. Теперь Матти наследник, — смущенно ответил отец, понимая что сболтнул лишнего.

А он у меня кремень, однако. Надо же, несколько лет молчал. Я думал, что он про это уже всем проболтался.

— Господин старший констебль, потом у друга всё и узнаете. Давайте заканчивать наше собрание, а то скоро уже служба будет. Матти, спасибо тебе огромное за помощь. Ты высказал очень зрелые и важные в этом вопросе суждения. Скорее всего мы их и примем как основные. А сейчас можешь ступать.

— Святой отец! А там, в тех средствах, что на покупку подворий пойдут, не найдётся немного лишних? — решил я понаглеть и попытаться закрыть ещё один вопрос, который меня волновал. — Это для общины. Вернее, для всех людей. Ну, как бы... — я неожиданно стушевался под тремя взрослыми взглядами. Хрен их знает, как они отреагируют на моё предложение.

— Ну. Смелее, Матти. Говори что хотел, — подбодрил меня пастор.

— Люди. Из нашей губернии, когда едут в Улеборг и из него, ночуют на обочине

тракта и в туалет ходят куда попало. Может, построить уборные, навесы для телег или саней, а, может, и постоянный двор с трактиром для проезжающих. Можно и торговые места. Будет доход для общины, — почти пулемётом протараторил я, опасаясь, что меня прервут и высмеют.

— Вот! Смотрите, господа! — священник развернул мою тушку лицом к отцу и дяде Раймо. — Вот оно! Наше будущее! Будущее нашей страны! Тот, кто думает не только о себе, но и о всех людях! А вы патроны покупаете! Нет, чтобы все деньги мне принести! — пожурил эту хитрую парочку отец Харри. Ой, чувствую я, что дома мне достанется.

И я, почти угадал. Получил выволочку от отца за то что отдал свою идею о постоянном дворе. Хорошо, что мне на помощь пришел дед, который осадил сына.

— И кто бы этим занимался? У нас кирпичный завод не достроен, я там днюю и ночую. Ты что ли? Так займись. Ещё не поздно. У общины на всё денег не хватит.

.....

Но вскоре, произошли события, которые полностью затмили наши маленькие семейные неурядицы, проблемы села и поставившие всю Финляндию с ног на голову.

Пятого февраля все финские газеты вышли с манифестом Николая II с интригующим названием «Милостивое объявление Его Императорского Величества», в котором говорилось об ограничении действия финской конституции и превалирования имперского законодательства над местным. И об ограничении власти финского сената.

Всё местное общество было очень возмущено этим манифестом. Газеты печатали статьи с чуть ли не революционными призывами, и генерал-губернатор Бобриков начал их закрывать. На месяц даже закрыли «Ежедневную газету» (Päivälehti), в литературном приложении которой и публиковали моего Мумми-Тролля. Ээро Эркко был вынужден уйти с поста главного редактора, передав его Текле Хултин. Что вызвало волну восторгов среди политически активных женщин княжества — первый главный редактор-женщина.

В начале марта от Леопольда Мехелина пришёл денежный перевод и телеграмма о аренде на несколько дней, всего кемпинга. Отец с дедом даже обрадовались подобному и внезапному доходу, так как весна выдалась ранняя, и лёд на озере уже не мог держать рыбаков.

Причины этой аренды стали нам известны из рассказа Ээро Эркко, приехавшего в составе почти всех представителей политических сил Финляндии. Он на нашем семейном ужине рассказал, что голосовавший в сенате за публикацию манифеста глава финской партии Юрьё Коскинен обиделся на исключение его из партии, которое ему устроили однопартийцы и сдал Бобрикову место проведение общезинского совета глав всех партий.

Совет должен был состояться в особняке финского генерала Якоба Юлиуса аф Линдфорса, но генерал-губернатор сыграл на опережение и отослал генерала по каким-то надуманным делам в Санкт-Петербург. Вот тут Леопольд Мехелин и предложил собраться в надежном и проверенном, месте. В нашем кемпинге.

Так как почти все силы наших наёмных работников были брошены на строительство кирпичного завода, то мне, в компании с кузеном Микки, пришлось поработать истопником и доставщиком дров в домиках, арендованных гостями. А заодно, я развесив уши, слушал последние политические новости и споры о выходе из создавшегося положения после манифеста царя.

В отличие от летних приездов, когда к нам приезжали представители только финской и либеральной партий, в этот раз, приехали руководители всех партий с немалым количеством

сторонников. Леопольд Мехелин, который и организовал этот съезд, представлял либеральную партию. От финской партии, были Ээро Эркко, Хейкки Ренвалл и Пер Свинхувуд. Адольф фон Бонсдорф — глава шведской партии.

И если представителей финской партии, приехавших к нам, я уже всех знал в лицо и по именам, то остальных даже и не старался запомнить. Выучил только имена и фамилии глав партий. На всякий случай.

За время их съезда дед Кауко успел переговорить с Мехелином о моей скрепке, финский патент на которую мы уже получили. Идея главному нокиевцу понравилась, и он согласился выпустить пробную партию изделий. На этот раз никаких привилегированных акций мне не досталось, а в договоре, заключённом между дедом и Леопольдом Мехелином при помощи Хейкки Ренвалла, который оказался юристом, значились десять процентов на всё. На прибыль и на перепродажу патента. Деньги, естественно, пойдут на мой счёт в финский коммерческий банк.

Через три дня активных споров состоялось итоговое совещание организации, объединившей все партии, которую по предложению Карла Йохана Маннергейма называли почему-то «Кагалом». Я, затесавшись в самый уголок, прямо за спиной Ээро Эркко, который тоже, видимо, не любил сидеть в первых рядах, слушал выступление Леопольда Мехелина.

Он зачитывал петицию к великому князю Финляндскому, царю Николаю II с просьбой пересмотреть его Февральский манифест. Письмо-петиция, было написано им после согласования с представителями всех партий. В заключение своего выступления главный либерал предложил всем присутствующим подписать это послание, а также способствовать сбору подписей в его поддержку по всей Финляндии.

— Дядя Ээро, — обратился я к главе младофиннов. — А почему у союза всех партий Финляндии еврейское название?

— Хм. Магги, я не знаю. Главное — это не название, а то, что все разрозненные финские политические силы смогли объединиться перед лицом общей угрозой.

— Но ведь русский царь ведёт политику его отца, Александра. И очень плохо относится к евреям. Он же может не принять послание, если его принесут от лица финского «Кагала»...

— Слово еврейское, означает совет или собрание. И император может подумать, что послание от финских евреев, — подхватил идею Пер Свинхувуд, перебив меня.

Вот уж кто-кто в этой компании соответствовал своей фамилии так это он. Свиноголовый, если переводить его фамилию с шведского. Это его ничуть не смущало. Он, казалось, даже гордился своей фамилией. Как я помнил из истории, этот республиканец в 1917 году прямо на лету переобулся в монархиста. И именно благодаря его закидонам целый год Финляндия была королевством. Кто был королем — я не помнил. Зато помнил, что регентом у этого короля, который может быть даже и не знал, что является монархом Финляндии, был именно Пер Свинхувуд.

Пока я предавался размышлениям о роли этого человека в истории уже и моего государства, он и дядя Ээро выбрались из задних рядов и подошли к Мехелину.

— Господин Мехелин, тут, один местный гений, которого и вы прекрасно знаете, задал один очень хороший вопрос. Почему послание нашему герцогу, будет от имени «Кагала»? Ведь это еврейское название. Не повлечёт ли это отказ от принятия послания?

— Магги? — удивился политик, а я сжался на своей скамейке, уже жалея, что влез во всю эту политику. Вот, правду говорят: язык мой — враг мой.

— Он, он, — подтвердил дядя Ээро. — Матти, не прячься там, иди сюда. Не бойся.

И я под гул голосов и смешки, бочком, бочком выбрался к месту, которое исполняло в этом зале роль сцены.

— И что тебе не понравилось в названии, малыш? — обратился ко мне Мехелин.

Я начал объяснять, повторяя тоже самое, что говорил младофинам, но был прерван криком из зала Карла Маннергейма.

— Лео, друг мой! Что вы творите? Зачем слушаете какого-то ребёнка? Кто его сюда вообще пустил! — старший сын и наследник графа Карла Роберта Маннергейма вышел к нам и, бесцеремонно схватив меня за шиворот кофты, под откровенный смех зала вытолкал за двери, на улицу.

«Ну, гадский аристо — я тебе отомщу», — подумал я и, вздохнув, пошел следить за печами. Эту обязанность, пока гости не разъедутся, с меня никто не снимет.

.....

В конце марта представительная делегация из пятисот человек самых влиятельных и знаменитых жителей княжества Финляндского добрались на арендованном пароходе из Гельсингфорса в Санкт-Петербург. Но никто их в Зимний дворец не пустил. Переданное увесистое послание с подписями более полумиллиона финнов через десять минут ожидания, вернули Леопольду Мехелину, который и представлял делегацию. На нераспечатанном послании рукой царя был начертан рескрипт: «По вопросам веры, обращайтесь в Синод».

Мои самые страшные опасения сбылись в один прекрасный вечер, когда после ужина было решено, что я достаточно взрослый чтобы помогать семье по хозяйству. Мои возмущения по этому поводу, что я мол и так обучаюсь торговле с дедом, пишу сказки и придумываю всякое разное, что приносит семье хороший доход, были проигнорированы. И первым делом, меня взялись обучать, как доить корову.

Первоначально это был ужас ужасный. Здоровая как танк, пятнистая, красно-белая Арширская корова и я, такой маленький. Соски у них большие, для маленьких детских рученок очень неудобно. Да ещё эта зараза громадная постоянно на меня глазом косит и фыркает.

Анью показала мне на одной корове как надо правильно доить, выдавливая молоко в ведро, попеременно перехватывая пальцами сосок. По-началу получалось так себе, но затем я приноровился, и мне даже понравился этот процесс. Но для дойки нужно было вставать в пять утра. И это оказалось тем фактором который полностью отбивал все положительные стороны этого навыка. Да к тому же у коров были разные имена, и при дойке надо произносить их, это, типа, успокаивает коров, а для меня они все на одно лицо, как китайцы.

После двухнедельного испытания коровами бабули решили перевести меня на дойку коз. Что и привело к завершению моей карьеры дояра. С самой первой же козой по имени Белка (Orava) я подрался. Анью показала, что их надо доить точно так же, как и коров, и оставила меня с ними наедине. А при попытке выдоить эту Белку, она, коза этакая, от меня ушла. Я перешел к ней, сел, подставил ведёрко, только дотронулся до вымени, как она скаканула в сторону. И я понял, что коза надо мной издевается.

Поймал её за ухо и потащил к ведру. Она вырвалась и слегка меня боднула лбом, я в ответ треснул её по носу. Видимо, ей это не понравилось и она в прыжке с места боднула меня в бедро, очень сильно. И очень больно. Я не удержался на ногах и полетел на пол овина. Хорошо, что рога у неё были спилены, а то бы и не знаю чем бы это всё закончилась. Разозлившись и заорав, отчего эта бандитка немного отскочила в сторону, я поднялся на ноги и, схватив валявшееся на полу берёзовое полешко, со всей своей детской дури заехал ей по лбу. Прямо промеж глаз.

Так и застала нас, прибежавшая баба Ютта, в разных углах овина. Меня, зло скалившегося и с поленом наперевес в руках, и эту Белку, орущую дурным, почти человеческим голосом. Хорошо хоть, остальные козы не полезли в драку. Видимо, это только одна была такая боевитая.

— А я ведь догадывалась, чем это всё закончится, — у меня отобрали полено и эвакуировали на улицу. — Но проверить мне, старой, захотелось. А вдруг? — и, видя мое непонимание, снизила до ответа, попутно отчищая меня от налипшей соломы и козых какашек. — Не, вылитый отец. Тот тоже, в твоём примерно возрасте, с козой подрался. Да так, что её забивать пришлось. Посмотрим ещё, что с этой Белкой будет.

За завтраком, когда вся остальная семья узнала о происшествии, было решено больше не привлекать меня к дойке животных.

— Писал сказки, вот пушай и дальше пишет. Толку больше, — подвел итог дед Кауко. — А то одно разорение от этих Матти.

.....

Неожиданный ответ императора вызвал раскол в финском обществе. Одни негодовали, а другие не могли понять, почему их представительство послали в Синод. И только на четвёртый день после возвращения представительной делегации из Санкт-Петербурга «Ежедневная газета» напечатала объёмную статью Ээро Эркко про причины неудавшейся депутации.

В этой разгромной статье досталось всем на орехи. Дядя Ээро был зол на всех представителей партий, приехавших в столицу империи. И начал высказывать своё недовольство прямо на Дворцовой площади. За это его и Пера Свинхувуда «забыли» при обратной дороге, сообщив неверное время отплытия судна. И им, пришлось добираться поездом в вагоне третьего класса.

В статье описывался съезд, на котором и было выбрано имя союза политических партий Финляндии. Упоминался и я, что мол только наш маленький поэт и писатель Матти Хухта из Северной Остроботнии обратил внимание на несуразность выбранного имени. Но представителями шведской народной партии был бесцеремонно выставлен за дверь. И именно имя этого союза — «Кагал», и спровоцировало русского царя на подобный ответ.

Попытки изменить название на нейтральное, предпринятое отдельными представителями финской партии, потерпели неудачу. И вся громадная проделанная работа была уничтожена людьми, которые просто не захотели подумать головой. Весь подвиг финского студенчества, когда они, в едином порыве решили помочь своей Родине, на лыжах объезжали отдаленные населенные пункты и собирали подписи, был уничтожен представителями шведской народной партии. И раз финским шведам так нравится всё иудейское, то надо на законодательном уровне обязать их носить пейсы и сподики.

Что такое сподики я не знал, но дед Кауко пояснил, что это традиционные еврейские шапки из чёрной нокии.

— Нокии? А разве это не название села, речки и компании Леопольда Мехелина? — удивился я.

— Так раньше, называли меховых животных имеющих черный цвет шкурки. Пока их не выбили всех. Эх, тебе, Матти, сейчас не про шкурки животных надо думать, а про свою шкуру. Как бы нас не съели власти из-за статьи этого полоумного Эркко. Как ты вообще попал на то заседание? Я же тебе запрещал лезть к господам.

— А как нам теперь ехать в Стокгольм? Что подумают о нас наши шведские родственники? — неожиданно прорвало маму. — Как ты мог такое говорить про шведов? Ведь ты же и сам почти на половину швед!

— Эмма! — отец со всей силы треснул кулаком по столу, из-за чего подпрыгнула и жалобно звякнула вся посуда на нём. — Ты что несешь, дура? Когда это Матти такое говорил? Это Эркко написал в своей статье. Он, кстати, скоро приедет со своей семьёй. Вот у него и спросишь.

— Да как-то неприлично, — стушеввалась матушка.

— Ага! А сына обвинять в том, что он не делал — это прилично? Извиниться перед ним не хочешь?

Естественно никто не перед кем не извинялся. Не успели. Деду это надоело, и он разогнал всех по работам. У него были проблемы поважнее, чем бояться шведов. На нашем, недавно запущенном, кирпичном заводе проблем хватало каждый день. И часть этих проблем, по мнению деда, создал я. Он меня таскает с собой на завод постоянно, так как наш управляющий, Кевин Райт, учил мою тушку разговорному английскому языку.

Учил он своеобразно, просто общался на нём со мной, иногда снисходя до перевода на финский. Ткнет пальцем в глину (savi) и переведёт на английский — «clay». И всё, приходится запоминать с первого раза. Зато руки не распускает как дед. Надо сказать, что такой способ обучения приносил определённые плоды. По крайней мере, я уже почти полностью понимал, что он мне говорит. Здесь плюсом было и моё неплохое знание технического английского.

Последние четыре года предыдущей жизни, перед встречей моего затылка с лестницей, наше предприятие каким-то чудом оказалось сервисным центром китайской Лифан (Lifan Technology Group Co Ltd) и индийской Махиндры (Mahindra Mahindra Limited). И мне, как старшему мастеру, пришлось изучать мануалы на двигатели этих компаний. Китайский и хинди я бы точно не осилил, но все присланные нам бумаги были на английском. И я, при помощи детей, супруги и гугл-переводчика неплохо его освоил.

Да что там освоил. Некоторые мануалы двигателей я выучил практически наизусть. Особенно лифановские, сто восьмидесятой и сто девяностой серий. А маленький движок сто пятидесятой серии на две с половиной силы даже снился мне несколько раз. Эту мелочь китайцы пихали на генераторы, насосы, лодочные моторы и мотоблоки, и они чаще других оказывались у нас в ремонте. Из индийских движков, я был знаком всего с парочкой. Дизельный «Хуло», который все рабочие называли по-русски и немного по-другому, и бензиновый «Scorpio», который на самом деле был лицензионной копией фордовского движка.

Первым делом нанятый англичанин пробурил несколько шурфов на нашем глиняном поле. И когда бур извлёк красную глину с глубины в десять метров, развёл деда с отцом на строительство печи Гофмана. Вложились они в строительство преизрядно. Дед хорошо тряхнул мощной клана, да и наш управляющий тоже вошёл в долю, внося в строительный фонд четыре тысячи золотых марок. Даже мои деньги, приходящие переводами от Стокманна, дед полностью пускал на строительство, успокаивая меня тем, что я тоже есть в списке хозяев, и мне сторицей окупятся вложения. Как будто я мог что-то против сказать и денег не дать.

Как мне рассказал мистер Райт, Фридрих Гофман в середине девятнадцатого века изобрёл печь для безостановочного обжига кирпичей, работающую на торфе. Свою печь он естественно защитил патентом, но действие этого патента истекло десять лет назад, а продлевать его он не захотел. За тридцать лет производства «клинкера», как назывался этот кирпич, кирпичные заводы Европы практически исчерпали запасы доступного торфа и стали переходить на другое топливо.

В нашем же случае сошлись вместе все факторы. Большое месторождение красной глины, наличие подходящего торфа на землях клана и финансовые возможности для строительства. Готовые кирпичи «клинкер» были трехцветными. Что делало их более дорогими и востребованными на рынке стройматериалов. К тому же, зелёные кирпичи первого ряда обжига широко использовали в мощении улиц из-за их прекрасных водоотталкивающих качеств.

Строительство завода длилось почти год. Наш управляющий размахнулся не на шутку. На это «строительство века» по местным меркам дед выгреб всех свободных наёмных рабочих в нашем уезде. А вот после окончания строительства завода оказалось, что практически нет желающих работать на нём. Непрерывный цикл, с работой в дикой, почти адской жаре, отталкивал потенциальных работников, даже не смотря на довольно неплохой

оклад.

Завод успел проработать ровно месяц, когда часть рабочих взяла расчёт и ушла. А из оставшихся сформировать хотя бы две бригады на десятичасовые смены никак не получалось. Пришлось тушить печь и думать, где брать персонал.

Вот на это собрание, где собрались дед, отец и мои дядья, меня и приволок наш управляющий. Пока взрослые между собой гавкались, пытаюсь переорать друг друга, я занимался рисованием. Мне, въехавшему в проблему нашего семейного предприятия, пришла в голову идея её решения. Вот я и готовился влезть во взрослый спор.

— Отец! Я что? Должен бросить своё дело и работать здесь простым рабочим? — орал на деда Кауко дядя Каарло.

— Вот-вот! Брат прав! Отец, это была твоя авантюра, а теперь ты пытаешься переложить свои проблемы на наши плечи! — вторил ему дядя Тапио.

— А я что? Должен уйти из старост? — удивился отец, когда дед перевёл взгляд на него.

Я протиснулся к столу за которым сидели спорщики и грустный молчаливый управляющий и выложил перед всеми свои рисунки.

— Это ещё что за каляки-маляки? Как ты вообще здесь оказался? — заорал на меня дед, который не мог ничего противопоставить напору своих сыновей и, видимо, решил спустить пар на мне.

— Мистер Хухта! Можно взглянуть? — неожиданно прервал деда мистер Райт. — У молодого мастера иногда появляются неплохие идеи, которые можно использовать себе на пользу.

Мастером (puoriherra) меня наш управляющий стал называть после случая с водокачкой и душем для рабочих. Когда стали добывать глину, сразу же образовалась проблема с водой скапливающейся в карьере. Пусть он был ещё мелкий и небольшой, но вычерпывание дождевой и дренажной воды ведрами было малоэффективно.

Деду пришлось приобретать паровой насос у нашего шведского родственника в Улеборге. Первый насос быстро сломался, лопнул шатун в паровой машине. Ларс Ньюберг, младший брат отца жены моего старшего брата Кауко, который и занимался выпуском этих паровичков, решить не забирать машину в ремонт, а поставил новую.

Вот тут и вылез Кевин Райт с предложением не откачивать воду в ближайший ручей, а построить водонапорную башню, откуда и брать затем воду для технических нужд и замеса глины. Дед выразил сомнение в работоспособности такого сооружения при сильных морозах. На что наш управляющий предложил разместить накопительные баки вокруг дымовой трубы, где её тепло не даст замёрзнуть воде.

— И душ можно будет построить для рабочих, — влез я в их разговор.

В финском языке я не знал такого слова, поэтому использовал английское «shower».

— Это как у Уильяма Фитхэма, да? Где ты про него только узнал? Хорошая идея!

— Прочитал в «Британике», — соврал я мистеру Райту, так как никакого Фитхэма и близко не знал. Надеюсь, наш управляющий не будет мои слова проверять.

— А, делайте что хотите, — неожиданно легко согласился дед.

Вот так и появилось у нас несколько душевых кабинок, в которых можно было помыться теплой водой всё время пока работала печь. Рабочие, правда, заботу о них не оценили. Только единицы пользовались душем, а остальным предпочитали мыться дома в банях или ходить грязными. В ходе строительства я еще подкинул мистеру Райту идею с фильтрами

для воды, после чего он и стал меня величать «мастер Хухта». Уж даже и не знаю, в насмешку или серьёзно?

— О! Это у тебя план-схема какого-то жилого помещения? — прервал мои воспоминания наш управляющий, закончив рассматривать мои рисунки. — И как это поможет нашей проблеме?

— Да-да, и как, мастер Хухта? — с явной издевкой в голосе и выделением слова «мастер» зло прошипел дед.

Что это на него нашло?

— Все получившиеся кирпичи пустить на строительство вот таких домиков на два хозяина, — я потыкал в листики где зарисовал примерный план виденных мной кирпичных «бараков» в селах своего мира.

Четыре комнаты, печь посередине. И даже примерные размеры написал в метрах, плюнув на шведские единицы измерения, в которых так и не смог до конца разобраться. Фоты, каппланды и спаннланды — это не ко мне. Вот какого Лемминкяйнена их ещё используют, если вся Швеция уже два десятилетия как на метрическую систему перешла?

— И чем нам помогут эти дома? — в голосе отца тоже не было особого энтузиазма.

— Много семей, у которых нет жилья, и им приходится снимать его. А мы предоставим им жильё бесплатно. Заключим договор. Если два члена семьи работает на заводе, они живут в квартире. Ну, вот в этой половинке дома, — на всякий случай я объяснил родственникам, что имел ввиду под квартирой. — И ещё можно бесплатно, два раза в день, кормить работников. Перед сменой и после смены.

— Да мы разоримся, — проворчал дед.

— У нас целое озеро рыбы и поля с картошкой. Рыбный суп, это не разорение. Можно из отходов варить, голов, хвостов. А хлеб пусть свой приносят, — выдал я всё, что смог придумать. — Я думаю, такие условия, привлекут работников.

— Хорошая идея... — начал говорить мистер Райт, но был прерван дедом.

— Если их семьями селить, куда остальных девать? Детишек, девок, баб? Которые не работают? А? Внушек?

— Бэ! Дедуля! — меня переключило от его непробиваемого скепсиса. — Пусть свистульки лепят, кружки, горшки! В печи места на всё хватит! А ты потом это Стокманну своему продашь! — проорал я своим писклявым голосом и, на всякий случай, спрятался за дядю Каарло.

— Пфффф, — выпустил из себя воздух дед, набравший его явно для того, чтобы высказать всё, что он думает про меня. Посидел, посмотрел на примолкших родственников и управляющего, отдельно позыркал на меня, потёр лицо руками и, наконец, выдал. — Давайте попробуем так, как предложил этот мастер Хухта.

.....

Благодаря строительству рабочего посёлка, который в официальных документах получил название «Тииликуля», я, наконец, вспомнил откуда же я родом и где жил. Дома возвели очень быстро и первыми же семьями въехавшими в них, стали две семьи родственников нашего телеграфиста. А вот затем дед сманил крупную семью погорельцев из деревушки Контио с фамилией Каура.

— О! Лошадиная фамилия! — развеселился я, когда узнал фамилию наших новых работников, вспомнив рассказ Чехова. В переводе на русский «kaura» — это овёс, а значит фамилия семьи — Овсовы.

И тут меня как пыльным мешком по голове стукнуло. Чехов — домик Чехова — лавка Чехова — гимназия Чехова — Таганрог. Ой. Ура! Я, наконец, вспомнил название населенного пункта, в котором родился и жил. И сразу в голове возник целый пласт воспоминаний. Правда не всё. Вот где я работал — так и не вспомнил. Перебрал в уме все известные мне в Таганроге предприятия, но память подсказку так и не дала. Остановился на предположении, что это какая-то часть бывшего Комбайнового завода.

.....

Ээро Эркко приехал к нам уже после моего дня рождения. Приехал с супругой и четырёхлетним сыном Юхо. Которого и навязали мне для присмотра. Дядя Ээро приехал не просто так и даже не за моей новой книгой про приключения Мумми-Тролля. Он банально сбежал из столицы, надеясь отсидеться в наших местах и, как он выразился во время совместного обеда — «попытаться найти новый смысл для жизни».

После его памятной статьи, которую перепечатали почти все финские газеты, шведская народная партия развалилась, и их стало две. К уже существующей прибавилась шведская партия Финляндии, своим названием как бы намекая, что в ней только те шведы, которые за Финляндию.

Не обошлось без раскола и в финской партии. Младофинны, наконец, выделились в отдельную партию, но вместе с тем осудили действия своего лидера Ээро Эркко и почти единогласно проголосовали за его исключение из новой партии. Младофинны усмотрели в его действиях, немного-немало, а пособничество русской администрации. Ведь благодаря именно его статье и произошёл раскол союза партий, и как они ему сказали — всего финского народа.

Мне же, несмотря на страхи и опасения моей семьи, пока случилась одна лишь выгода. Резко взлетели вверх продажи моих книг в торговой сети Стокманна. Причем, не только в Финляндии, но в Швеции. Что очень радовало моего деда и меня.

Так как мне исполнилось семь лет, то я пошёл к отцу за его обещанным разрешением пользоваться своей винтовкой. Батя, конечно, удивился, что я помню тот разговор, но противиться не стал и отдал итальянский карабин мне на хранение. Но обязал стрельбы устраивать только в присутствии кого-то из взрослых. Сам он, ввиду загруженности, помочь мне в этом не мог. Я долго бродил от одного взрослого родственника до другого, но все мне ответили отказом. И тут я вспомнил про нашего гостя. И дядя Ээро не подвел. Делать ему было особо нечего, а присмотреть за детишками при их стрелковой подготовке он счёл неплохим развлечением.

Я запланировал обучить стрельбе всё моё воинство. Которое в этом году подросло до десяти человек, а если считать мелкого Юхо, то и все одиннадцать. Поначалу я хотел достать из своего схрона берданку, но вовремя одумался. Этот десятимиллиметровый монстр переломает все детские кости своей отдачей. Для организации стрельбища мои подчиненные обыскали всё село в поисках жестяных банок из-под популярного в княжестве кофе «Paulig», притащив невероятное их количество. Я-то знал, что финны — кофеманы, но не подозревал насколько.

Мне даже удалось создать подвижную мишень, но принцип стрельбы с упреждением до многих дошёл не сразу. За лето мы сожгли несколько сотен патронов, что довольно ощутимо ударило по моим капиталам. Но мне было их не особо и жалко. Сегодня есть, а завтра отец или дед отберёт. Это едва ине произошло, когда я попросил деда купить мне патронов и швейную машинку.

— Сколько, сколько? — даже переспросил дед, когда я ему озвучил количество необходимых мне патронов. — Обойдётся. Нечего раскидываться такими суммами.

— Так и знал, что обманешь, — в сердцах ляпнул я.

— Это когда же я тебя обманывал, а внучек? — аж подпрыгнул обидевшийся дед Кауко.

— Когда говорил, что если что потребуется, то говори — я куплю с твоих денег. Сорок марок пожалел. Значит и потом нечего не дашь, — выдохнул я и, закрыв глаза, стал ждать подзатыльника или оплеухи.

— Это где же ты патроны по такой цене видел? — неожиданно совершенно спокойно спросил у меня дед.

Я осторожно приоткрыл один глаз и увидел ехидно ухмыляющегося старика.

— У херра Кухусу. Моему карабину не все патроны подходят. А у него двадцать марок за сто штук.

— У этого жида? — и видя мое непонимание, пояснил. — Выкрест это. Крещёный еврей. Поехали, я сам буду с ним торговаться.

В итоге, мне за сорок марок досталось не двести патронов, а триста. Дед так заболтал торговца, что тот, наверное, и сам был рад отдать дешевле. И только после этого торга дед Кауко заявил, что швейная машинка у вашей матери есть и незачем покупать вторую.

— Так я не для мамы, я для Анье хотел. У неё скоро день рождения, четырнадцать лет. И я не за те деньги, что тебе приходят для меня, а на мои, скопленные, — и протянул ему платок в котором было увязано сто пятьдесят марок.

— Ой ты дурак, Матти! — и мне всё же прилетел легкий подзатыльник. — Она же девка. Через два или три года замуж выйдет и увезёт твой подарок в новый дом.

— И что? — возразил я. — Она от этого перестанет быть моей сестрой и твоей внучкой? Да и приданное, всё равно надо будет ей собирать. А тут одна машинка за приданное сойдёт.

Дед неожиданно схватил меня за шиворот и, притянув к себе, обнял.

— Молодец! Весь в меня! И усовестил и одновременно выгоду расписал. Пойдём, купим твоей сестре машинку. И убери это назад, в свою копилку, — он протянул мне мой импровизированный кошелёк.

На одной из стрельб мне пришло в голову, что я даже не знаю сколько всего политических партий в нашем княжестве. И пока пацаны возились и восстанавливали опрокинутые мишени, я подошёл с этим вопросом к Эрро Эркко, который что-то увлечённо строчил в своём планшете.

— Что вам угодно, мой диктатор? — мужчина оторвался от своего дела и обратился ко мне так, как меня называют пацаны.

— Дядя Ээро, а сколько в нашей стране партий?

— Было четыре, стало шесть. Шведская народная и шведская финская, либеральная партия, христианская рабочая лига, финская партия и младофинская, — на названии последней он грустно вдохнул.

— А почему у нас нет крестьянской партии? Ведь восемьдесят процентов населения княжества — это крестьяне.

— Что? Какой? — Ээро Эркко выглядел так, как будто его только что стукнули чем-то по голове.

— Ну, крестьянской, аграрной...

— Да! Да! Точно! Вот оно! — меня неожиданно схватили в охапку, обняли, а затем

подкинули под мой испуганный писк в небеса, поймали и поставили на ноги.

Да бл...ь, что они меня все пугают, уже и спросить ничего невозможно. Что это вообще сейчас было? Куда это он? А как же наши стрельбы?

Дядя Ээро, что-то восторженно вопя, убежал в сторону нашего хутора. На моих глазах он поскользнулся на мокрой траве, упал, но тут же вскочил и прихрамывая продолжил бег. Ну вот, накрылись наши стрельбы...

— Ааа! Лови! Уйдёт!

— Хрю! Хрю!

— Левее! Левее!

— Гав, гав, гав! — к нашим воплям и визгу раненного дикого поросёнка присоединились сельские собаки, которые и погнали бедное животное вглубь населённого пункта. А мы попадали от усталости на первые попавшиеся бревна у чьего-то забора.

— Ааааа!!! Помогите!!! — донеслось из села.

Хлопнул винтовочный выстрел, а за ним второй и третий. Мы переглянулись с пацанами и дали дёру обратно в лес.

— Так. Всё. На всякий случай прячем луки, стрелы и копья, — подвёл я итог неудавшейся охоты после того как мы отдышались и напились воды на одной из наших секретных полянок.

Но сделать ничего не успели. Через заросли тиса прямо на поляну выехали трое конных.

— А я тебе говорил, что это банда твоего диктатора, а ты не верил, — со смешком произнёс наш полицейский, старший констебль дядя Раймо Коскинен, обращаясь к моему отцу.

— Капрал Стрёмберг, построить капральство, — скомандовал я Ялмару, так как мне в голову неожиданно пришла мысль, как можно попробовать вывернуться из намечающихся неприятностей.

— Капральство, становись, смирно, — Ялмар скомандовал, мальчишки построились, уж чего-чего, но дисциплину мой новый капрал поддерживал на уровне. — Мой диктатор, капральство по твоему приказу построено, — и лихо козырнул мне двумя пальцами.

Я мазнул взглядом по строю и, вскинув руку с двумя пальцами ко лбу, отрапортовал опешившим взрослым. Вернее, я рапортовал только отцу, как главе общины.

— Господин староста, капральство рыцарей зеленого меча отдыхает после неудавшейся охоты. Позвольте продолжить отдых.

Первым засмеялся наш кузнец, дядя Рикки Сайпанен, которого недавно выбрали в церковные старосты и чей сын Тойво сейчас стоял в нашем строю. За ним заржали отец и старший констебль. Дядя Рикки настолько сильно смеялся, что свалился с лошади, отчего смеяться стали уже и мы.

— Неудавшаяся охота. Ишь как завернули поганцы, — отсмеявшись и немного успокоившись произнёс наш полицейский. — А вы знаете? Что из-за вашего кабана тетка Ииду родила с перепугу. Двойню. Наделали делов и в кусты! Неудачная охота, — передразнил он меня, сделав голос писклявым.

— А если бы не мы и наш кабанчик, то вместо двойни одного бы родила, — неожиданно вылез из строя и возразил дяде Раймо мой племянник, Ларс Викстрём. — И мясо у них теперь есть, отпраздновать. А у нас ничего нет...

Мужики на его слова хрюкнули, как давешний поросёнок, и опять заржали.

— Слышь, Рикки, твоя же Элина на сносях? Хочешь двойню? Пришлём к ней эту банду с кабанчиком. Ой, не могу, ха-ха-ха, — отец не упустил возможности подколоть нашего кузнеца.

— Мужикам рассказать, не поверят! Ха-ха-ха, — ржал как лошадь и дядя Рикки, отчего

его лошадка испуганно шарахалась от него, что вызывало дополнительное веселье.

Наконец веселье пошло на спад и взрослые, пригрозив нам всяческими карами в будущем, погрузились на свои средства передвижения и убыли в село, по пути похихатывая и что-то обсуждая.

А я повёл упавших духом мальчишек на кирпичный завод, по пути размышляя как я умудрился вляпаться в сегодняшнее происшествие.

.....

Всё началось, когда Ээро Эркко сбежал от нас в столицу. Мы опять остались без взрослого, который согласился бы присматривать за нами на стрельбах. Плодить сущности обманывая взрослых я не хотел. Поэтому с огнестрельной подготовкой пришлось завязать.

Зато я вспомнил как матушка обвиняла моего брата Эса, что тот чуть не пристрелил из лука деда Хейди. И пошёл с поклоном к брату, чтобы он нас научил делать это оружие. Братец в просьбе не отказал, но не стал нас учить, а сам сделал нам десяток луков и по десятку учебных стрел. Лучше бы он это время с нами на стрельбище провёл. Но нет, упёрся как баран. Хотите луки — держите, а сидеть там с вами и смотреть как вы по банкам стреляете — не желаю.

Кстати, матушка съездила в Стокгольм вполне удачно. Ахти в училище приняли даже без экзаменов. Оказывается, у них каждый год выделяется квота на обучение будущих священников из Финляндии. А они, эти финны, почему-то не едут в Стокгольм учиться. Так что Ахти там приняли как родного. Ну и маман хорошо время провела и спустила почти все свои деньги на всякую ерунду типа шляпок, ридикюлей и всяких кофточек.

Буквально на пятый день как от нас сбежал Ээро Эркко, к нам в гости приехала Текла Хултин. Причём, среди бела дня. Что было очень удивительно. Оба поезда из столицы прибывают вечером. Что наш, местный, что «Шведский экспресс». А эта неугомонная дамочка прибыла на рейсовом каботажном судне.

Я об её приезде узнал только тогда, когда меня сестра выдернула с озера, где мы с мальчишками пытались охотиться с луками на лягушек. Меня быстренько умыли с мылом, переодели, причесали, заставили вычистить всю грязь из под ногтей и предъявили перед гостей.

Оказывается, она приехала специально ко мне. Из её рассказа я понял, что эта, ужаленная в одно место дамочка, тоже собрала «Кагал», но свой, женский. Из двухсот самых знаменитых и влиятельных женщин Финляндии. Правда, в количестве подписей под обращением к монарху они значительно уступили мужскому «Кагалу», собрав всего двести тысяч имён.

И когда разразился скандал с названием мужской делегации, руова Хултин обратилась за помощью в переименовании женской делегации к Леопольду Мехелину, у которого до недавнего времени работала секретарём. А этот хитрый господин, послал её ко мне. Она со своими товарками несколько месяцев пыталась решить проблему самостоятельно, но кроме ссоры с несколькими активными участницами это ни к чему не привело. И она всё-таки решила воспользоваться советом своего бывшего босса.

На её просьбу о помощи с названием я почесал свою грязную репу, которая, и правда, чесалась, и вытащил из памяти всё, что помнил про «Гессенскую муху», как прозвали супругу Николая II в России.

— А назовите вашу организацию — «финский женский клуб», — предложил я руове Хултин.

— Матти! Это что за странное название! — строгим голосом наехала на меня матушка, явно уловив легкое неудовольствие на челе своего кумира.

— Понимаешь, мам. Александра Фёдоровна, наша императрица, с детства воспитывалась у своей бабушки, королевы Великобритании. А у них в стране очень распространены разные клубы. Как мужские, так и женские. Самый знаменитый клуб, это «клуб Александры», названный так в честь супруги принца Эдуарда. Ещё есть «университетский женский клуб», объединяющий женщин, выпускниц королевского университета. А недавно в Лондоне открылся «женский пионерский клуб», объединяющий женщин, которые борются за трезвость в обществе.

— Откуда ты это всё знаешь? — удивлению мамы не было предела.

— Мы же выписываем «Svenska Dagbladet» (шведские ежедневные новости), — в ответ удивился я. — Три месяца назад у них прошёл ряд статей о английских женских клубах в связи с возобновлением работы клуба имени Фредрики Бремер. Правда, кто это такая, в газете не написали. Ты что, не читала?

— Фредрика Бремер — это великая шведская писательница, — подала голос наша гостья. — Сейчас запишу в блокнот и, по приезду в Гельсингфорс, отправлю тебе её самую знаменитую книгу. Но причем здесь наша императрица? Ведь мы собирали подписи под обращением к Николаю II.

— Раз император не принял даже мужскую депутацию, то вас он точно не примет...

— Мальчик, это не тебе решать, кто и кого примет.

— Дело ваше, руова. Но тогда зачем вы приехали ко мне? — пошёл я специально на обострение. Сейчас обидятся, отругают и выгонят, что мне и надо, а то у меня там десяток мелких спиногрызов, вооруженных луками, да без присмотра.

— Маленький негодник! Ты что себе позволяешь? Как ты себя ведёшь! — мне пришлось срочно ретироваться из-за стола, чтобы спасти свои уши от сильных пальцев матушки.

Мы немного с ней побегали вокруг круглого стола под насмешливым взглядом Теклы Хултин. Но ей вскоре это надоело и на одном из кругов, она поймала за руку мою маму и сказала:

— Руова Хухта, достаточно. Пусть всё-таки ваш сын договорит. А затем мы с вами решим, отпустить его или поймать и наказать вместе.

— Я не просто про Александру Фёдоровну говорил, — дождавшись, когда покрасневшая то ли от бега, то ли от гнева мама усядется на противоположный от меня стул и, оставшись стоять на всякий случай, продолжил растекаться мыслью. — Так как она воспитывалась в Англии, то при обращении к ней от имени «финского женского клуба» скорее всего примет ваше письмо. Ведь по закону она наша княгиня. К кому как не к ней обращаться финским женщинам. Да и просто, название подходит под объединение всех финских женщин даже разных политических взглядов. У меня всё. Бить будете? — На мой вопрос наша гостья засмеялась и великодушно отпустила меня.

А через три недели мы узнали сразу несколько новостей. Об образовании «финского женского клуба» и о том, что им, в отличие от финских мужчин, удалось вручить своё послание императрице. Почти все финские газеты хвалили Теклу Хултин за находчивость с названием и не словом не упоминали про меня. Что очень разозлило матушку, которая последними словами поносила хитрую столичную журналистку и возмущалась ведь это именно её Матти и придумал то название.

Мне же было как-то пофиг. Ну, не упомянули и не упомянули. Мы с пацанами

готовились к нашей первой охоте. Мой кузен Микка, сын сестры мамы, выследил дикого подсвинка. Который, видимо, или отбился от стада, или остался один в результате охоты взрослых. В нашей местности водились только зайцы, утки-пискульки да рябчики. Иногда забредали белые куропатки. А всё, что крупнее, охотники выбили поголовно ещё в прошлом веке, если верить рассказам деда Кауко. Хотя, откуда ему знать, он же тоже родился в нашем, девятнадцатом веке.

Вот и этот кабанчик, неведомым образом появившийся в нашей местности, долго бы не протянул. Кто-нибудь его обязательно бы пристрелил, так как он повадился лакомиться желудями у трёх старых дубов, совсем недалеко от села. Возле этих деревьев мы с мальчишками и устроили на него засаду.

— Я стреляю первым, вы за мной. Затем, хватаем копья и добиваем, — проводил я инструктаж рано утром, перед тем как отправиться в засаду.

Но мы не учли толщину шкуры этой свиньи. Вернее, я не учёл. Ну, никогда не охотился, вот и не знал об этих зверушках ничего. Подвело самомнение, рыбу, стрела пробивает — значит и хрюшку пробьёт. Моя стрела воткнулась и ещё несколько, остальные просто отскочили. Самодельные луки и деревянные стрелы без наконечников не лучшее оружие для охоты, да ещё и в руках у мелких и неопытных деревенских детишек. Но, согласно плана, мы подхватили кривенькие копья и с воплями кинулись в погоню за поросёнком...

— Здорово, диктаторские! — поприветствовала наш отряд парочка лысых пацанов лет десяти, тащивших одну тачку с глиной на двоих. Чем и выбили меня из самокопания. Даже и не заметил, как мы добрались до кирпичного завода.

— Капральство стой! Поприветствуем лысых! — рявкнул я.

Моя банда остановилась, заулыбалась и, набрав воздуха, рявкнула на счёт три:

— Обезьяна Чи-Чи-Чи продавала кирпичи.

— За верёвку дёрнула и нечаяно пёрнула.

— А рабочие пришли: Чё воняют кирпичи?

От нашего дружного вопля эта парочка дёрнулась, и их тачка, соскочив с деревянной дорожки, перевернулась, рассыпав глину. Лысые, было дернулись в драку на нас, но быстро одумались, так как мы все были с мечами и копьями. А уж ими-то мы пользоваться умели, они это прекрасно помнили.

Лысыми у нас в селе прозвали детей-переселенцев, родственников нашего телеграфиста. Сразу после их приезда наши врачи осмотрели поселенцев и нашли у детей вошек. У взрослых не нашли, а у всех мелких прям кишело. Ну, их и оболванили под ноль.

Первый раз мы с ними схлестнулись из-за черники. Мы с пацанами шли на завод, куда ходим каждый день. Я учу английский, а пацаны лепят свистульки, которые потом обжигаются в печи и продаются. Дед Кауко платит моим спиногрызам по два пенни за каждую свистульку. За два часа мелкие успевают сделать по пять-шесть свистуллек, и в месяц зарабатывают до трех марок.

Вот и тогда мы шли на завод и наткнулись на семь лысых мальчишек в возрасте от шести до двенадцати лет, которые ползали по черничным зарослям и лопали не созревшую ягоду.

При виде нашего воинства они быстренько сбились в кучу, а их вожак, самый старший мальчишка, крикнул нам, смешно коверкая финские слова:

— Мимо идти! Мы первый найти эту ягоду! — и выставил перед собой сжатые кулаки, как бы намекая на возможность пустить их в ход.

— Ой, хёльмё!!! — покачал я головой и попробовал им объяснить. — Белую и красную ягоды нельзя есть! Они ядовиты! Обосрётесь же! — и зачем-то добавил на непонятно из каких глубин вылезшем немецком. — Ферштейн?

Но их предводитель, то ли не понял меня, то ли понял только «хёльмё» (дурак), но с диким криком бросился на меня размахивая кулаками. Я, не долго думая, выхватил свой деревянный меч и заехал ему по руке. Нашу драку поддержали обе стороны, но так как мои мальчишки воспользовались моим примером и пустили в ход мечи и копья, мы очень скоро победили.

После этой битвы, как стали её величать мои бойцы, пришлые ещё несколько раз попытались взять реванш, но против нашей сплоченной команды у них не было никаких шансов. А после того как дед Кауко взял женщин и детей из переселенцев на завод таскать глину и формовать кирпичи, мы заключили негласный мир. Но я, вспомнив несколько дразнилок из своего детства, перевёл их на финский и заставил выучить своё капральство. Вот одну из них мы и опробовали на попавшихся новичках.

.....

В августе, к имевшимся в стране шести партиям, добавилось ещё две. В городе Або была создана «Рабочая партия», а в Гелсингфорсе о создании «Аграрной партии» заявил неугомонный Ээро Эркко, объединившись с неформальным лидером столичных фенноманов Сантери Алкио. Чем сразу привлёк в свои ряды массу политически активных выходцев из крестьянства.

Видимо, мой вопрос про отсутствие в стране крестьянской партии и подтолкнули его на образование новой политической силы. Вместе с партией он основал и новую ежедневную газету «Suomen totuus» (Финская правда), куда смог перетащить часть подписчиков «Ежедневной газеты», которую он возглавлял, когда являлся членом финской партии.

.....

Свою новую книгу про приключения Мумми-Тролля я закончил ещё в начале лета, причем в переводе и на шведский и на русский языки. Но почему-то никто из моих издателей так до конца лета за ней и не приехал. Ээро Эркко было, видимо, не до моих литературных изысканий, а Георг Стокманн, как и положено дисциплинированному немцу, ожидал моё продолжение именно от дяди Ээро. Короче, получился замкнутый круг. Но в конце августа, когда само назначенному лидеру финского крестьянства понадобился материал для заполнения своей газеты, он обо мне наконец вспомнил.

Идею третьей книги, «Мумми-Троль на Луне», я стянул у Носова. Конечно, с изменениями. Так как в моей книге не было Незнайки, то на роль нашедшего лунный камень был выбран персонаж по имени Пирожок. Пончиков в Финляндии девятнадцатого века я пока не видел. Вот и не стал рисковать, а назвал толстенького коротышку Пирожком.

Все термины из будущего — космическая ракета, телевизор, невесомость, скафандр, я оставил без изменений. С небольшими, но наивными пояснениями, что и почему. Ребёнок я или нет? Даже вспомнил и зарисовал схему ракеты из советской книги.

В незаконный полёт у меня отправились Пирожок, которому Мумми-Троль запретил лететь за баловство с лунным камнем, и Пёстренький, которому так же отказали в полёте за то, что он раскрасил свой скафандр в разные цвета.

Политическое устройство лунатиков я не менял. Изменил только поведение коротышек,

убрав удивление на наличие денег и отсутствие прочих достижений мира победившего коммунизма, которое и описывал в своей трилогии Николай Носов. Пирожок, как и Пончик, вначале разбогател, а затем обанкротился.

Самые простые приключения двух коротышек в незнакомом мире. В конце-концов мои герои точно также попадают на остров дураков. Пёстренького и Пирожка вовремя спасает экспедиция Мумми-Тролля на втором лунном корабле. Попытки прибывшего Мумми-Тролля наладить контакт с лунным населением приводят лишь к конфликтам из-за желания каждого единолично владеть семенами гигантских растений. В итоге, земные коротышки и муммики тайно распыляют над поверхностью внутренней Луны семена земных растений и покидают негостеприимный мир, надёжно запечатав за собой выход на поверхность.

Я думал, что у меня получилось слишком заумно, но мои «братья рыцари» и сестра с матерью приняли сказку на ура. Также в полном восторге остался от книги и Ээро Экко, который начал публиковать её частями в своей новой газете.

.....

— Проходите Николай Иванович. Вот сюда присаживайтесь, поближе к камину. Замерзли наверное по дороге. Зима в этом году что-то рановато началась, — хозяин кабинета после взаимных приветствий радушно озаботился обустройством прибывшего. — Надеюсь, ваш совместный с Плеве документ о преобразованиях в княжестве Финляндском готов?

— Так точно, Ваше Величество! Правда, Вячеслав Константинович из-за ледовой обстановки застрял в Кронштадте, — подскочил со стула финский генерал-губернатор.

— Я знаю, он прислал телеграмму с извинениями. Надеюсь, вы без него справитесь?

— Да, конечно, Ваше Величество! — заверил монарха Николай Иванович Бобриков и с подозрением покосился на сидящего в уголке императорского кабинета исполняющего обязанности министра внутренних дел Дмитрия Сергеевича Сипягина, ставшего во главе этого ведомства после неожиданной для многих отставки Горемыкина.

— Дмитрий Сергеевич здесь по моему приглашению и именно по финскому вопросу, — недовольно пояснил Николай II, заметивший косой взгляд Бобрикова. — Так что оставьте ваши взаимные претензии на потом. Кстати, у Дмитрия Сергеевича немного иной взгляд на реформирование вооруженных сил княжества.

— И какой же мнение может быть о вооруженных силах у сугубо гражданского чиновника? — генерал-адъютант Бобриков не преминул подколоть своего оппонента.

— Очень простое, Николай Иванович, — дождавшись разрешительного кивка императора, Сипягин высказал своё виденье этой проблемы. — Я против роспуска туземных частей. Финские войска очень хорошо себя проявили в подавлении восстаний в Польше и на Кавказе, а также в последнюю войну. Они хорошо обучены, дисциплинированны и преданны короне. И я считаю, что пусть поляки и закавказские народы лучше ненавидят финнов, чем русских.

— Вот именно, что туземные! Сегодня они преданны, а завтра? Иметь почти двадцатитысячную армию рядом со столицей это очень рискованно. Расформировать местные войска и влить их в части финляндского военного округа.

— А как же быть с шведской границей? Ведь именно их части несут пограничную и таможенную службу.

— Ну, значит преобразовать некоторые части в пограничные.

— Господин генерал-губернатор! — громко подал голос император, и в кабинете

мгновенно воцарилась тишина. — Пока мы не начали обсуждение, у меня есть к вам поручение. Как вы, надеюсь, помните, я, по весне, не принял депутацию представителей княжества Финляндского.

— Да, да. Конечно! Ваш оригинальный ответ даже расколол местное общество, что пошло только на пользу нашему с вами плану по русификации этой провинции, — Николай Иванович поспешил верноподданнически заверить монарха, что помнит.

— Так вот, дорогой мой Николай Иванович, я-то ту депутацию не принял, но к Александре Фёдоровне женская финская делегация сумела найти подход. Естественно, что никакие их политические просьбы я удовлетворять не собираюсь. Но эта депутация преподнесла в дар две книги со сказками одного финского юного писателя, — император вытащил портсигар, извлек длинную папиросу и, прикурив от спички, жадно затянулся. — Николай Иванович, у меня к вам просьба от моей супруги, найдите фотографию этого маленького писателя и вышлите нам. Уж очень ей хочется взглянуть на столь одаренного ребёнка.

— Любую, любую? — переспросил я.

— В пределах разумного, конечно, — пробурчал ротмистр Ааро Корханен.

— Ну, тогда у меня вот такая просьба...

Текла Хултин про мой вклад в название её женского объединения всё-таки не забыла. И подарила царице две мои книги с сказками о Мумми-Тролле. А той, они внезапно понравились. И захотела Александра Фёдоровна узреть мою морду лица на фотографии. Для этого её супруг, наш император Николай II, даже напруг нашего же генерал-губернатора Бобрикова. А губернатору что, делать нечего? И он отправил за фотографией жандармского ротмистра и полицейского фотографа.

Всё бы ничего, но именно сейчас в Финляндии смута и возмущения по поводу назначения на должность министра-статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского, Вячеслава Константиновича фон Плеве.

Может общество и приняло бы его, но он отказался от принятия финского гражданства. А по манифесту Александра I занимать эту должность могли только граждане Финляндии.

После внезапной отставки финского генерала Вольдемара фон Дена, который занимал этот пост восемь лет, его заместитель, генерал Виктор Наполеон Прокопе, которому и пророчили эту должность, не получил назначения и так и остался заместителем, но теперь у Плеве. Сам же Плеве, ничуть не смущаясь, выступил в финском сенате с программной речью и объявил о начале перевода всего делопроизводства княжества на русский язык, введения преподавания русского языка в народных школах, а так же анонсировал реформы в финской армии. И почти все пункты его преобразований, которые он готовил совместно с генерал-губернатором Бобриковым, полностью противоречили местному законодательству и конституции.

Что и вылилось в возмущение всего населения княжества. Мои предки тоже разделяли это возмущение, и их первой реакцией на просьбу приехавших к нам жандарма и полицейского фотографа, был отказ. Но дед Кауко, который понял чем нам может грозить отказ, сумел их переубедить.

Фотограф, израсходовав десяток пластин, пообещал, что пришлёт нам копию итогового портрета, который и будет отправлен императорской семье.

Через пару месяцев нам доставили курьером пакет. В нём оказался мой фотопортрет и документ разрешающий мне, носить «открыто и прилюдно» мой пукко. Ну, что я ещё мог попросить у жандарма? Барабан — мелко, народная школа для села — нереально. Вот я и попросил разрешение на ношение холодного оружия. Бумага была аж с тремя печатями, две орластые имперские и одна с нашим львом с мечами и в цветочках. И была подписана директором канцелярии Финляндского генерал-губернатора полковником Франц-Альбертом Зейном.

На фотопортрете я вышел какой-то серьёзный, насупленный и явно старше. Да ещё и этот дурацкий галстук. Никогда в той жизни я не носил галстуков, ну, за исключением пионерского. Я его и завязывать-то не умел. Но маман, оказывается, давно купила мне галстук, и пришлось терпеть эту удавку на шее. И цвет волос на фотографии, вышел слишком тёмным. Мои светло-соломенные волосы к семи годам потемнели до светло-каштановых, но всё равно оставались светлее, чем на снимке.

.....

На рождественские каникулы мама, дед Хейди и я собирались съездить в Стокгольм, проведать моего братца Ахти. Но не успели. В нашу губернию пришла эпидемия гриппа.

Во время великой эпидемии 1890 года эта зараза обошла северные территории Швеции и нашего княжества. А, может, и не обошла, а столкнулась с эпидемией малярии, которая всю тогда бушевала даже в Лапландии. И, как я прочел в одной статье из шведской детской медицинской энциклопедии, которую мне привезла на день рождения мама, малярия, вытеснила вирус гриппа. Во что я совершенно не верю. Впрочем, для меня остаётся загадкой и эпидемия малярии в столь северных широтах.

Но за то время, что грипп бушевал в южных губерниях, департамент здравоохранения успел выработать несколько правил, которые и применили к нашей губернии. Во-первых, это карантин, как масштабный по границам губернии, так и локальный, по отдельным населённым пунктам. Во-вторых, это переброска медицинского персонала из других регионов и отправка на помощь почти всех студентов-медиков. Ну и, в — третьих, подвоз и раздача продовольствия армейскими командами.

Я же, помня, что грипп передаётся в основном воздушно-капельным путём, отправился к Анье, заказывать себе и всей семье матерчатые маски. У меня как раз, в моём сундуке валялись две штуки бязи. Купил я их совершенно случайно. На тех самых торговых рядах, которые построили после моего разговора с пастором. Даже и не помню, зачем меня туда понесло. Вроде, свечек хотел купить для всё никак не получающейся у меня машины Стирлинга.

Побродив по рядам и ничего не купив, случайно наткнулся на грустного мужика, который пытался продать два свёртка крашеной, бракованной бязевой ткани. Мои постоянные поездки с дедом на ярмарки и по магазинам способствовали тому, что я стал очень неплохо разбираться в видах ткани, сортах муки, качестве нитей, кож и всякого прочего. Вот и тут, буквально одного взгляда хватило, чтобы определить, что передо мной — полотно. Так называется отбеленая бязевая ткань. Ну и, плюс, на неё пытались, явно машинным способом, нанести рисунок в мелкую красную клетку.

Клетчатая ткань — самый ходовой товар у нас в губернии. Из такой женщины шьют себе нижние юбки и передники, а мужчинам — праздничные шейные платки. Но в данном случае, видимо, произошёл какой-то сбой, и машина покрасила только одну половину, оставив вторую девственно белой. А так как ширина ткани была около тридцати сантиметров, то такие тонкие разноцветные куски никого и не заинтересовали. Ну, я так первоначально подумал. Всё оказалось намного интересней. Мужик, увидев, что я заинтересовался его единственным товаром, как-то вымученно произнёс по русски:

— Ходют, смотрют, шупают и не покупают. Колми марка! — добавил он про цену в три марки на корявом финском.

— За штуку этого брака трии маркии? Это дорого, дядя! — поделился я с ним своими соображениями о его товаре и с ужасом заметил, что произношу русские слова мало что с акцентом, так я ещё и растягиваю гласные. Вот что значит отсутствие разговорной практики.

— Слава тебе, Господи! — мужик истово перекрестился. — Хоть один на человечьем языке разговаривает! Хлопчик, а ты могёшь покричать о моём товаре, а как продадим, я тебе копейку дам. Тьфу, ну, эту, пеню.

— Никто у тебя ткань не купит, — тщательно выговаривая слова я попытался донести до него прозу жизни. — Ты не местный. Языка не знаешь. Люди могут подумать, что товар у

тебя ворованный. Вызовут полицию, а та просто отберёт твою ткань и тебя может задержать.

— У, чухна сопливая! Учить он меня будет! Да я тебя...

Договорить он не успел, как не успел и вылезти из-за прилавка, чтобы мне что-то сделать. Уловив угрозу в мой адрес, ко мне на помощь пришел Петер Каура, старший ребёнок семьи наших работников на кирпичном заводе. Парню было всего шестнадцать лет, а по габаритам и силе он ничуть не уступал моему отцу. Дед Кауко кроме рыбной лавки открыл на торгу еще и продажу кирпича, вот Петер и привозил, разгружал и загружал кирпич в сани клиентов.

— Магги, этот «веняляйнен» тебе угрожает? — парень подошел к прилавку и угрожающе навис над тщедушным мужичком, который, кстати, ничуть не испугался этого финского бугая.

— Пока нет. Спасибо, Петер! Если надо будет, я тебя позову на помощь, — не хватало мне ещё драку на торгу спровоцировать.

— Дядя! Не надо оскорблять. Я сын местного старосты, так что ты в любом случае окажешься не прав. Давай я лучше у тебя эту ткань куплю. За четыре марки оба отреза.

— Ну, извини, барчук, — мужик после извинения передо мной, как-то сдулся и стал ещё меньше и хлипче. — А! Пропади оно пропадом! Забирай за четыре марки. Хоть до города доберусь. А есть ли у тебя такие деньги?

— Пф, — фыркнул я и вытащил из внутреннего карманчика две монеты по две марки. — Вот, — положил я их на столешницу прилавка и, ухватив ткань, потянул к себе.

— Малой, а не подскажешь? Когда очередной дилижанс будет в город?

— Часа через три, — взглянув на низкое зимнее солнышко, я примерно прикинул сколько сейчас времени. — А зачем вам в город? — спросил я ради интереса, но мужик, внезапно вывалил на меня целый рассказ. Сразу было видно, как он соскучился по русскоязычному собеседнику, пусть он и был в его глазах мелким и сопливым чухонцем.

Звали его Антоном Кряковым и был он из села Ханская Ставка, что в Букеевской орде. И если бы не подробная карта империи, висевшая у меня в комнате, и которую я изучил очень тщательно, я бы мог подумать, что это какая-то параллельная реальность. Хотя, а были ли в истории моего предыдущего мира подобная орда и населённый пункт рядом с Астраханью?

А затем его призвали на флот и отправили в Кронштадтскую школу гальванеров. По окончании которой он и попал на балтийский ледокол «Старшина». Всё бы нечего, но два года назад старый ледокол сменил порт приписки с Кронштадта на Улеборг и по истечении семилетней службы матрос-специалист второй статьи Антон Кряков был уволен в запас именно в этом городе.

А по положению о пребывании в запасе флотских специалистов бедный мужчина не мог покинуть последний порт приписки в течении пяти лет дальше чем на двести верст. Вот он и шлялся по всей округе, пытаясь найти работу и хоть где-нибудь осесть. Но получалось это у него плохо. Вот и на последней его работе, на лесопилке в соседней с нами Кийминки, хозяин расплатился с ним двумя штуками бракованной ткани. Которую он и пытался продать на нашем торгу, притопавав сюда пешком.

Совершенно случайно нашему заводу требовался электрик. Несмотря на хорошую вентиляцию, масса керосиновых свечей, использовавшихся для освещения внутри завода, выжигала кислород. И наш управляющий, Кевин Райт, загорелся идеей сделать электрическое освещение, но найти электрика в это время, да ещё и в нашем захолустье,

было очень трудно. А насколько я помнил из прочитанных книг, флотский гальванёр и был электриком.

— Дядя Антон. А ты же гальванер? Не хочешь на нашем заводе по своей специальности поработать? Наш управляющий, хочет электрическое освещение сделать. Сумеешь?

К моему предложению бывший флотский электрик отнесся с опаской. Пришлось сбегать за отцом в управу и объяснить тому, что разыскиваемый нашим управляющим-англичанином специалист уже в нашем селе. И осталось только убедить его поступить к нам на работу. Отец понял меня верно и пошёл вербовать электрика, прихватив с собой за компанию нашего полицейского.

Вот так у меня оказалась ткань, которую я планировал пустить на медицинские маски. Сестра сначала не поняла что я от неё хочу. Но, по мере моего рассказа о возможности заразиться гриппом находясь рядом с кашляющим и чихающим человеком, и о том как маска может от этого уберечь, полностью прониклась идеей. После недолгих проб и ошибок ей удалось сшить двухслойную маску с ушными петлями. Ввиду отсутствия резинок я решил не заморачиваться и с завязками как на давних советских ватно-марлевых повязках.

Вечером, после ужина долго объяснял родственникам зачем это нужно носить на лице. Но убедил только женщин. Отец же, прихватив одну из пошитых моей сестрой масок, пошёл советоваться с нашими врачами и священником.

В итоге, через три дня мне пришлось в церкви, с кафедры нашего пастора, рассказывать односельчанам про маску и её защитные свойства. Затем выступали наши молодые врачи, которые подтвердили народу, что даже в глубокой древности, носили маски при эпидемиях чумы. После наших выступлений отец Харри донёс до глав семейств, которые в основном и присутствовали в церкви, что власти села: староста, врачи и он сам, обязывают всех до окончания карантина носить подобные маски и регулярно их кипятить и менять.

А затем мать и сестра стали показывать как шить эти «мумми-маски». «Мумми-маской» мама обозвала мою придумку в первый же вечер.

— Мы в масках такие же кругломордые, как твои муммики, — заявила она нам с сестрой, покрутившись перед зеркалом несколько минут в пошитой Анье маске.

И это название прижилось. Когда мои сказки стали печатать отдельными книгами, почти все в селе прочитали их. Кому-то понравилось, кому-то нет, но то, что в нашем маленьком Яали живёт настоящий писатель, которого печатают в книгах, знали все и этим очень гордились и хвастались перед жителями других населенных пунктов. Поэтому и название «мумми-маска» прижилось в селе и округе.

На следующий день после моего выступления в церкви, в Улеаборгской вечерней газете, была напечатана статья о масках и их защитных свойствах, которую написал отец моего капрала Ялмара Стрёмберга. А ещё через неделю об этом событии сообщили и остальные финские издания. В другое время никого не заинтересовала бы подобная новость, но, в связи с тотальной цензурой прессы со стороны администрации генерал-губернатора, даже эта новость, просочившаяся через карантин, вызвала интерес.

По моей просьбе Анья сшила мне маску из черной ткани с пришитой к ней зубастой улыбкой.

Поначалу народ от меня шарахался в испуге, но затем, разобравшись, что это просто маска, многие стали заказывать за малую денежку Анье подобные. Как-то так получилось, что всех своих родственников, кроме деда Кауко, я этой маской уже напугал, и они к ней привыкли. А дед, пропадаая целыми днями на кирпичном заводе, её ещё не видел. Вот с ним

я и столкнулся однажды в тёмной прихожей, когда приволок связку поленьев и вываливал их к остальным.

— Ааааа! — заорал дед при виде меня, а, точнее, моей маски. И толкнул меня в сторону кухни.

Наверное хотел ударить, но расстояние между нами было маленькое, поэтому просто оттолкнул. Но мне хватило и этого. Я, прижимая к груди веревку от поленьев, улетел как воздушный шарик. Упав на пол, я вскочил и, содрав маску, заорал:

— Деда! Ты что? Это же я!

— Ах ты, маленький чертёнок! Напугал меня до колик! Да я тут чуть не усрался! Хуорапэнникка! Мутсиннуссия! — перешел он к тяжёлой ругани, обозвав меня и сукиным сыном и уродом и до меня, наконец, дошло, что он реально, страшно перепугался. — Да я тебя сейчас! — он подхватил мою тушку за шиворот и поволок куда-то к кухонным полкам. — Сейчас я из тебя нечистого изгоню! — с этими словами, он подхватил с полки трехгоршковую бутылку со святой водой и, выдрав зубами бумажную пробку, стал меня из неё поливать, приговаривая: — Сейчас, сейчас я из тебя эту дурь выбью. Нравится над дедом издеваться? Значит и понравится, когда дед тебя проучит.

Я пришибленно молчал, пыхтел и отфыркивался от струи воды, когда дед стал меня поливать из бутылки, но когда услышал про издеваться и проучит, понял, что в эту игру можно играть и вдвоём.

— Аааааа! — заорал я на пределе громкости моих связок и запрыгал.

— Аааа! — от неожиданности дед заорал вместе со мной и выпустил мой шиворот и бутылку, которая с громким и звонким хлопком разбилась о пол.

— Аааа! Хвост! Хвост отвалился! Аааа! — я потряс перед дедом мокрой веревкой, с помощью которой недавно принёс в дом дрова, и швырнул её в лицо деда.

— Ааааа! — дед на автомате поймал веревку и, испугавшись ещё больше, попытался её отбросить от себя, но она зацепилась за его серебряный браслет, который он постоянно носил на руке.

Пока дед воевал с моим «хвостом», я улизнул к себе в мансарду и принялся баррикадировать двери подручной мебелью и хламом, что скопился у меня в комнате. Как оказалось, вовремя. Дед, разобравшись, что это простая веревка, пришел меня наказывать. Но я ему не открыл. Выломать двери он тоже не сумел и в ответ заблокировал мою дверь снаружи, посадив меня по домашний арест. В коем я и провёл почти двое суток, снабжаемый водой и продуктами остальной роднёй через окно по спускаемой мной верёвке.

.....

Эпидемия гриппа закончилась буквально через месяц после того, как у меня отвалился «хвост». Наказывать меня дополнительно, после ареста, не стали. Но время от времени родные вспоминали про эту историю и подшучивали над дедом Кауко.

За все время эпидемии единственным человеком, умершим от гриппа в нашем селе, оказался Отто Макела, учитель финского языка и литературы. Который отказался от ношения маски. Чем ещё больше укрепил мнение моих односельчан в полезности «мумми-маски». На должность учителя финского языка пришла жена нашего пастора, а вот литературу она преподавать не могла, даже не знаю почему. И я с одноклассниками остался без обязательного изучения «Калевалы».

Ну, у меня это не последний год обучения, ещё найдут нам учителя. А если и не найдут, то я горевать не буду. Я успел ознакомиться с текстом этого финского эпоса ещё до

отправления меня в школу и ничуть не горел желанием, заучивать этот бред наизусть. Прав был отец, народные руны «Кантелетар» имеют куда больше смысла. Хотя и тот, и другой эпосы вполне искусственны. Оба собрана и переработаны до современных текстов шведом Элиасом Лённротом. А уж чего он мог туда додумать своего — одному Вяйнямёйнену известно.

.....

— Спасибо, господин секретарь, что согласились встретиться с нами, — Леопольд Мехелин пожал протянутую руку Каарло Юхо Столбергу, секретарю финского сената.

Присутствующие в кабинете Ээро Эркко, Пер Свинхувуд, Сантери Алкио и Кристиан Сибелиус, поочередно поздоровались с высокопоставленным чиновником. После нескольких минут разговоров о погоде и о новой симфонической поэме «Финляндия» композитора Яна Сибелиуса, чей младший брат Кристиан находился сейчас в их тесной компании, Каарло Столберг решил всё-таки выяснить причину зачем его сюда пригласили.

— Господа, мне отрадно видеть представителей четырех партий вместе. Как будто дни раскола остались позади и наши патриоты опять выступают совместным фронтом. Но для чего здесь я? Вы же знаете, что я придерживаюсь сугубо консервативных взглядов.

— Я здесь, не как член Шведской народной партии, — поспешил расставить все точки над «i» Кристиан Сибелиус. — Я здесь сугубо как медик.

— Даже так? Удивлён и уже заинтересован. Господин Мехелин, что заставило вас всех здесь собраться, да ещё и Сибелиуса пригласить, как медицинского эксперта?

— Вот эта газетная статья, — протянул он чиновнику выпуск «Финской правды».

— Хм, я читал этот номер. Вы имеете ввиду использование масок во время местной эпидемии гриппа, которые придумал наш маленький гений Хухта?

— О! Вы не брезгуете читать детские сказки? — удивился Леопольд Мехелин, уловив неудовольствие от его слов на лице Ээро Эркко.

— Да какие же это сказки! Особенно последняя. Про полёт на Луну. После неё, если брать технические описания «С Земли на Луну прямым путём за 97 часов 20 минут» Жюль Верна, то они выглядят наивной сказкой. Мой десятилетний сын, когда прочитал эту книгу, заявил мне, что вырастет и построит подобную ракету. Постойте, постойте, я кажется догадался зачем вы меня сюда пригласили. И не только меня, но и нашего доктора-патологоанатома, — и он кивнул в сторону Кристиана Сибелиуса. — Вы, верно, хотите узаконить ношение этих, «мумми-масок». Но зачем?

Вместо ответа Сантери Алкио достал из саквояжа стоявшего на полу, несколько масок и, раздав часть их остальным, натянул на лицо свою и повернулся к секретарю сената.

— Мой Бог! Ну, конечно! — воскликнул Каарло Столберг, когда узрел всех присутствующих в белых масках с синим национальным крестом Финляндии. — «Синий — для синих озёр, а белый — для снежных полей описанья» — прочел он наизусть короткое стихотворение Захариуса Топелиуса.

— И знак протеста, и средство защиты, — согласился с ним Ээро Эркко. — Но только если департамент здравоохранения издаст соответствующую рекомендацию для населения. А вы у нас в сенате как раз и курируете медицину.

— А ещё, жандармы и полиция не смогут установить личность человека по лицу, — весело дополнил Пер Свинхувуд.

За два дня до моего восьмилетия умер дед Хейди. В последний воскресный общесемейный обед он заявил всем нам:

— Помру я скоро. Отец с матерью приходили во сне и звали к себе. Видимо, пора мне.

— Отец, что ты несёшь? — возмутилась моя мама. — То сон был лишь плохой.

— Эмма! Не смей мне возражать! Сказал — помру, значит, помру! — и в сердцах кинул в неё сушкой, но не попал.

И вот помер. Как и обещал. Мистика. Все повседневные дела которые были, отложили. Женщины занялись обиходом преставившегося, отец со своими братьями отправился копать могилу, а дед Кауко поехал в город заказать фотографа. И зачем на похоронах фотограф? Меня же заслали на телеграф отправить телеграммы брату Кауко в Улеборг, тете Хелен в Гельсингфорс и дяде Бьорку в шведский город Хапаранда. До сегодняшнего дня я даже и не подозревал, что у мамы есть брат.

Ахти решили не сообщать. Всё равно он из Стокгольма на похороны не успеет, а у него ещё учебный год идёт.

По возвращению я насел сначала на маму, а затем на тётку Сусанну, пытаюсь выяснить, что это за родственник у меня такой. Но те, наотрез отказались прояснить ситуацию и лишь вернувшийся с кладбища отец, немного приоткрыл тайну этого персонажа.

Дядя Бьорк был самым старшим ребенком в семье деда Хейди и бабушки Тейи. И в один прекрасный момент поссорился с ними. Отказавшись от женитьбы на выбранной его родителями девушке. И уехал. В Швецию. Где закончил железнодорожное училище, и на данный момент был инженером в местных мастерских на границе с Финляндией. Вот оно как, а я первоначально подумал, что он обиделся на своё имя. Ведь Бьорк (Björk) в переводе с шведского, это береза. Ну, кому понравится зваться березой?

К обеду накрыли длинные столы во дворе, кроме самого крайнего, на который водрузили гроб с телом деда. На обед собрался весь клан. Люди ели, выпивали, шутили и пели песни. Как мне пояснил дед Кауко, душа деда Хейди должна видеть, что всё в клане хорошо и она может отправляться на суд божий.

А затем каждый из присутствующих подходил к телу умершего и просил прощения. Даже грудничков приносили, хотя те и не понимали ещё ничего. Для меня подобные традиции были в диковину. До этого времени в нашем клане никто не умирал, а на похороны сельских жителей, если родители даже и ходили, то меня не брали.

Когда настал мой черёд просить прощения, я растерялся. Подошёл к гробу и, глядя в желтоватое лицо ещё недавно живого человека, неожиданно расплакался. Никак не ожидал от себя подобной реакции. Ведь он для меня того, из прошлого мира, чужой человек. Но для меня из этого мира — он родной и любимый, и я уже успел сильно к нему привязаться.

— Прости меня, деда, — всхлипывая, попросил я у него прощения. — Мне будет тебя очень не хватать, — подошедшая сзади баба Тейя, обняла меня и, поцеловав в макушку, чуть слышно прошептала:

— Его всем нам будет не хватать, малыш...

Но даже после обеда, и когда все попросили у деда Хейди прощения, его не похоронили, а просто отнесли в сарай. На мои расспросы бабушка Ютта пояснила, что хоронят на второй день после смерти. Сразу после отпевания.

Отпевание на следующий день проводил отец Харри прямо в нашем дворе. Всё дело было в том, что наш хутор имел собственное кладбище. Если бы деда хоронили на сельском кладбище, то и отпевали бы тогда в церкви. А так всё просто, на улице, под дружное пение псалмов всеми присутствующими.

Утром братец Кауко привёз из города тётку Хелен с сыном Томми и дядю Бьорка. Дядя Вэйкка, муж тети Хелен, приехать не смог, так как был в плаванье. А дядя Бьорк мне понравился. Протянул руку при знакомстве и поздоровался как со взрослым, и подарил детский справочник-двухтомник по всем существующим паровозам в Скандинавии, поздравив с днём рождения. Откуда он, интересно, узнал про него?

Сразу после отпевания, приехавший из города фотограф сделал групповой снимок всех присутствующих с умершим.

И только после этого, предварительно заколов гроб, все отправились на кладбище. Оно, было не очень большим. Полтора десятка одиночных могил с каменными крестами и одна братская могила с большим надгробным камнем на месте захоронения умерших от чумы 1854 года.

Никаких цветов или венков не было. Под псалмы опустили гроб и закопали. Установили временный крест, и каждый из присутствующих возложил на место захоронения по веточке хвои.

— Как только хвоя засохнет и опадёт, значит его душа отправилась на суд и пора ставить надгробье, — пояснил мне дед Кауко вечером, когда я всё же решился спросить его про эту традицию.

— Деда. А ведь дядя Бьорк — железнодорожник. Может, спросишь его про стоимость постройки железных дорог в Швеции?

— Я тебя услышал, — не совсем понятно ответил он мне и отправил меня спать.

Через пять дней, приехавший из города поверенный деда Хейди огласил завещание. Всем его детям — трем дочерям и сыну досталось по две с половиной тысячи марок. А дом и остаток на счёте — его супруге, бабе Тейе. Всем внукам и внучкам досталось по небольшим золотым украшениям. Мне, согласно его воле, достался золотой нательный крестик с золотой же цепочкой, что вызвало удивление не только у меня, но и у всех родственников.

Нательные кресты здесь никто не носил. Вообще. Я, конечно, слышал в своём предыдущем мире, что лютеране не носят кресты, но сам с этим столкнулся только здесь. Помнится, на второй год своего сюда попадания я спросил об этом у деда Кауко, и тот, немного подумав, ответил:

— Мы верим в Спасителя, а не в вещи, — и взлохматив мою шевелюру, добавил. — Рано тебе про это думать. Подрастешь, поймёшь.

Я подросток, но так и не понял, но принял местные правила. И вот сейчас пребывал в глубокой растерянности — что делать? Порассматривал украшение, да и отдал его матери, от греха подальше. Вырасту, может буду носить. А так пусть у неё лежит. К этому моему поступку остальные родственники отнеслись с одобрением. А кузен Микка, видя, что я сделал со своим золотом, отдал золотой перстень, полученный из рук бабушки Тейи, своей матери.

Однако. Я даже и не знал, что дед Хейда настолько богат. Жил скромно, сам никакого золота не носил, нас, мелких, правда, баловал. Покупал нам различные сладости почти еженедельно. Но сам он был почти не у дел в клане. Куда пошлют, то и делал. Был практически чуть ли не чернорабочим.

Сразу после оглашения наследства родственники разъехались, и жизнь вошла в привычную колею. За одним исключением — за всеми этими событиями про мой восьмой день рождения вспомнили только три человека. Дядя Бьорк, сестричка Аня, подарившая мне большого самодельного тряпичного кота, и брат Эса. Братец презентовал мне новенькие и чуть великоватые ботинки изумительного рыжего цвета. За что я был ему очень благодарен. Из старой обуви я уже вырос, а бегать босиком было не очень комфортно, так как лето выдалось холодным.

.....

О железной дороге я деду Кауко намекал переговорить с дядей Бьорком не просто так. Отгрохав гигантскую печь, дед и управляющий совсем забыли о логистике. Печь выдавала в год от одиннадцати до двенадцати миллионов кирпичей. Это было просто гигантское количество. Всем владельцам завода нравилось это число, а ещё больше нравилась сумма дохода от продажи кирпичей.

В Империи красный кирпич стоил одну копейку за штуку. В соответствии с курсом, в княжестве один кирпич стоил три пенни. А многоцветный и тротуарный кирпичи стоили ещё дороже. Но, как говорится: «Было гладко на бумаге, да забыли про овраги, а по ним — ходить». Про сбыт и про доставку в город никто не подумал.

Пришлось им снижать цену и продавать прямо с завода по одной пенни за кирпич. Предприимчивые односельчане смекнули, что могут не только по дешёвке приобрести кирпич для собственных нужд, но ещё и заработать, перепродавая его. Но в простые сани или повозку вмещалось максимум полторы сотни кирпичей, каждый из которых весил по одному бисмерпунду или по пять килограмм, кому что ближе. И тогда в селе возникло несколько артелей, которые и занимались перевозкой и торговлей нашими кирпичами по всей губернии.

Нам терять доход от невозможности торговать по общепринятым ценам было очень неприятно. Но единственная возможность вывоза такого количества кирпича на большой рынок была в строительстве ветки железной дороги от Улеборга до нашего завода. Всё упиралось в цену. Строительство одной версты дороги оценивалось в пятнадцать тысяч рублей для стандартной колеи и примерно семь тысяч для узкой колеи. Плюс, необходимость постройки моста через речку Калимеэнояв селе Корвенкюля.

Поэтому я и настропалил деда Кауко на разговор с дядей. А вдруг в Швеции строительство дешевле? Правда, не знаю, разговаривал он с ним или нет, так как у нас неожиданно вылезла другая проблема. Нашим паровым машинам перестало хватать топлива. А всё из-за их, деда с управляющим Кевином Райтом, жадности.

Сначала у нас была одна паровая машина, которая работала на насос и на «миксер», как называл англичанин барабан для замешивания глины. Затем эта неугомонная парочка, обратив внимание на громадное количество кирпичного боя, скапливающегося у нас, решила производить цемент. Благо, щебень свой тоже был. Для дробилки и сушилки пришлось ставить вторую паровую машину. На мои робкие подсказки, что надо брать паровичок с запасом, никто не обратил внимания, а зря.

По мере расширения хозяйства завода расширялся и список механизмов, которые требовалось подключать к приводу. Это и несколько станков, которые по настоянию управляющего были приобретены в наши мастерские, и вентиляция с поддувом для небольшой литейки. За всем в город не наездишься, а кое-что можно и на месте сделать, была бы возможность.

Динамо-машина компании «Siemens Halske», которую приобрели по подсказке найденного мной электрика, мало того что занимала много места, так ещё и требовала дополнительный двигатель. Для того чтобы сэкономить, дед Кауко распорядился перенести лесопилку дяди Каарло на территорию кирпичной фабрики. А заодно подключить паровую машину, которая крутила ленточную пилу и древокол, ещё и к нашей динамке.

Ежедневно три паровые машины сжирали кучу древесины и у нас очень скоро наступил топливный кризис. Вроде бы и дрова есть, которые производил на лесопилке дядя Каарло, но использовать их нельзя. Так как они уходят клиентам в город по долгосрочным контрактам. Поэтому собрали срочное совещание и меня туда затащили.

У меня идея, как избавиться от нехватки топлива, была уже давно. Но я даже и не подумал вылезать с инициативой. Всё равно, рано или поздно спросят, а я им и предложу. Благо, я свою идею уже перенёс на бумагу и просто делал вид, что что-то рисую, краем уха слушая, как ругаются взрослые.

— Надо купить земли с лесом, — предлагал мой отец.

— А где такая земля продаётся? — ехидно интересовался у него дядя Каарло.

Это я раньше думал, что Финляндия — это сплошные леса. А на самом деле в нашей Северной Остроботнии с лесом всегда была проблема. Единственный источник стройматериалов, отопления и приготовления пищи.

В регионе ещё была жива история про группу финнов, которые переселились в шведский Норрботтен именно из-за нехватки леса. Местные жители так испугались массового переселения и массовой же вырубке лесов, что риксдаг Швеции отправил туда войска, которые, арестовав всех финнов, депортировали их в североамериканскую колонию «Новая Швеция».

Принятый в восьмидесятые годы закон о сохранности лесов немного улучшил ситуацию. Но даже и он всего лишь предписывал хозяевам леса высаживать столько же саженцев деревьев, сколько было вырублено. На чём неплохо, и зарабатывал дядя Каарло, выращивая на продажу саженцы.

— Может, торфом топить? — предложил вполне рабочую версию наш управляющий.

— Да у нас запасов торфа всего на пять или шесть лет работы печи, потом или сам торф покупать придётся, или землю с болотом, — возмущенно возражал дед Кауко.

— Может, электростанцию построить? — робко спросил наш электрик Антон Кряков.

— Херостанцию, — зло передразнил его дед.

— А может, у юного мастера есть какие идеи? — кивнул на меня англичанин Кевин Райт. — Матти, что ты там опять рисуешь? Ничего не хочешь нам предложить? Прошлые твои идеи нам очень помогли.

Я подошел к столу, за которым собрались взрослые, и положил свой технический рисунок перед управляющим.

— Это схема ручного пресса, сэр, — пояснил я управляющему. — Для изготовления топливных брикетов из опилок.

— Из опилок? — удивился дядя Каарло. — А может, просто опилками топить?

— Они сырые и будут просыпаться сквозь колосники, — возразил брату мой отец. — Матти, что ты там придумал?

— Смешать опилки с водой и небольшим количеством глины. И при помощи пресса, — я постучал пальцем по своему рисунку. — Сжать эту массу в кирпич, выдавив из неё воду. И отправить сушить на верхний уровень печи. Думаю, при той температуре что там, на это

хватит три дня. А затем проверим, будет это гореть или нет.

— Этот пресс реально сделать? — решил уточнить дед у мистера Райта.

— Не вижу никаких проблем, — отозвался тот, внимательно рассмотрев мой рисунок. — Думаю, что к завтрашнему дню мы его сделаем. С мастером Хухтой, — и он подмигнул мне.

Ну да, ну да. Инициатива наказуема. Теперь придётся в мастерской помогать. Хотя, с другой стороны и плюс, может сумею получить постоянный доступ к станкам. А если ещё и научат работать на этих допотопных агрегатах, то вообще будет хорошо. Мистер Райт, меня, пока, подпускал только к маленькому токарному станку с ножным приводом, как на швейных машинках.

— Забирай этого мастера, — разрешил дед и только затем обратил внимание на мою поднятую, как в школе, руку. — У тебя что-то ещё, Матти?

— А почему вы не хотите шведский масляной болиндер купить? Уж чего-чего, а масло из шишек мы сможем всегда получить. В Улеаборге, в представительстве «Bolinders Mekaniska Verkstads», такие по тысяче марок есть.

— Я впервые про этот болиндер от тебя слышу, — взорвался дед, перековеркав название типа двигателя. — Ты же постоянно в уголочке сидишь и ничего не предлагаешь! Это что вообще такое? Есть смысл покупать эту фиговину? — спросил он уже у мистера Райта.

— Господин Хухта, да откуда мне про это знать? Надо съездить, посмотреть, поспрашивать и посчитать, что выгоднее.

— Ну, что тебе ещё, Матти? — заметив вновь поднятую мной руку, окрысился на меня дед.

— Сам же говоришь, чтобы не молчал, — укоризненно произнёс я, чем верно и сбил его с толку, так как он выслушал меня до конца и не перебивал. — Господин Кряков хорошую идею предложил, — решил я поддержать нашего электрика. — Если поставить гидростанцию, то у нас будет электричество не только на завод, но и на рабочий посёлок и наш хутор.

— И где её ставить? — удивился отец.

— Перегородить овраг, по которому течет ручей из нашего озера, — я уже всё продумал и у меня были готовы ответы на почти любые вопросы по этой теме.

— Зимой воды будет не хватать, — возразил мне дядя Каарло.

— В овраге бьют ключи, воды будет достаточно...

— Так всё! Хватит! По топливу решили. Как только соберёте пресс, то налепите этих куличей из опилок и проверьте всё. Если не получится, то «юного мастера» накажем и подумаем о покупке этого, масляного двигателя, — деду видимо надоела наша перепалка, а может, он обиделся, что возможное решение проблемы опять придумал я. — Внучек, ты по электростанции, что надумал, напиши, нарисуй и отдай господину Райту. Если это что-то стоящее, то пусть он с Антоном и решает.

Пресс, силами мистера Райта, Антона Крякова и, мешавшегося у них под ногами меня, изготовили к вечеру. Я же, при помощи своих братьев — рыцарей, замесил целую бадью смеси, и наш фабричный богатырь Петер Кауро взялся выдавливать из неё воду, формируя почти квадратные брикеты.

На полную просушку брикетов ушло четверо суток, но зато они горели и обеспечивали работу паровых двигателей. Дед несколько дней ходил, посмотрел, а потом организовал

отдельную бригаду по производству этих эрзац-дров.

— Молодец, внучек, — похвалил он меня. — Патентовать надо? Эту давилку? Как думаешь?

— Запатентуй, деда. И предложи херра Идестаму. Он бумагу производит. У него этих опилок, наверное, горы. Ты, лучше, болиндер всё же прикупи. А то паровички часто ломаются, — рискнул я напомнить ему про масляный двигатель. Надо же мне с чего-то начинать «придумывать» свои двигатели.

.....

— Белка! Белка! Белка! — орали мои мальчишки, выкрикивая слово-пароль, по которому, можно было прекращать прятаться.

— Белка! — вторил им грубый бас нашего наставника.

А я не спешил вылезать из своего схрона, а глупо подхихикивал, вспоминая просмотренный в 2009 году вместе с семьёй мультфильм «Вверх», воспоминания про который и навеяли выкрики про белку.

«Кстати!» — Я даже прекратил хихикать из-за пришедшей в голову мысли. Почему не попробовать написать приключенческую книгу по мотивам этого мультика? Дирижабли уже существуют, Можайский тоже уже свой самолёт построил. Есть на что опираться в техническом плане.

А то я как-то подзабросил свою литературную деятельность. Это первые три книги про приключения Мумми-Троллей я хорошо помнил, а про приключения Мумми-папы и Снусмумрика я помнил не очень, так как дети к этому времени подросли и стали потихоньку читать сами. За первую половину последнего года девятнадцатого века, я всего и написал два рассказа, позаимствовав сюжеты и названия у Николая Носова. Тем не менее, «Живая шляпа» и «Фантазёры», отправленные мамой в столицу Ээро Экко, были им напечатаны в «Финской правде» и вызвали только положительные комментарии читателей.

Про наш прошлогодний залёт с «неудавшейся охотой» мой отец, оказывается, не забыл. И в этом году нашел нашей банде наставника. Арто Маттила был волостным лесником, отвечающим и присматривающим за лесом на территории нашей волости. Проживал он раньше в собственном лесном подворье, пока не лишился его. Как и почему — я ещё не выяснил, но обязательно это сделаю. Отец, как староста нашего села, пошёл ему навстречу и выделил для проживания гостевой флигель при управе. А взамен, попросил его заняться учёбой моего отряда.

Что дед Арто и выполнял три раза в неделю, гоняя нас в хвост и гриву, обучая всяким лесным премудростям. Мы учились читать звериные следы, ставить силки, разводить костры и строить шалаши. А на сегодняшнем занятии он проверял, как мы умеем прятаться.

Узнав за день до этого об испытании, я успел немного подготовиться. Нашел в сарае кусок старой сетки и, при помощи сестры Аньи и её машинки, нашёл на сетку кусочки зеленой ткани. В итоге, у меня получилась «лохматка», как я её представлял, вспоминая прочитанные книги и виденные фильмы.

И когда дед Арто сказал нам спрятаться, то я просто дошёл до выбранной мной полянки и лёг, накрывшись получившимся средством маскировки. Лёг и стал раздумывать, почему от меня шарахаются насекомые? Когда ложился, заметил отряд муравьёв, которые куда-то пёрлись строем. Но, приблизившись ко мне, развернулись на сто восемьдесят градусов и ломанули обратно. Вон, и жук какой-то от меня вприпрыжку поскакал. Явно я что-то излучаю. Различный гнус, коего здесь в избытке, ко мне даже не подлетает, как впрочем и

мухи.

Пока предавался размышлениям о влиянии моей тушки на окружающую энтомологию, дед Арто всех моих подчиненных уже нашёл, и теперь они ходили и всей толпой искали меня. Если не наступят, то и не найдут.

Дед Арто на самом деле был чуть старше моего отца, но жизнь настолько его потрепала, что выглядел он чуть ли не старше деда Кауко. Поэтому мы все его и звали дедом, на что он, впрочем, и сам не обижался.

Побродив по округе и не найдя меня, мальчишки и наш учитель стали выкрикивать слово-пароль, услышав которое, ненайденные и должны были выйти к остальным. И именно оно меня и развеселило и навеяло воспоминания. Так, улыбаясь, я и поднялся на ноги не снимая своей лохматки, прямо рядом со всеми.

— Ааа! Хийси! — заорали в испуге пацаны и дёрнули кто куда, когда к ним с земли поднялась непонятная куча чего-то зеленого.

Явно приняли меня за лешего, недаром кричали — Хийси! Даже дед Арто выхватил свой пукко, но вернул его в ножны, когда я поспешно стянул с себя маскировочную сеть.

— Ну, шельмец! Ну, напугал! Что это на тебе? Дай-ка посмотрю! — он протянул руку, и я вложил в неё край своей накидки.

.....

— Хорошая маскировка получается, — согласился с Арто Маттилой его давнишний приятель Рейно Лахти. — Так дашь мне эту накидку, чтобы я своим людям показал?

— И хотелось бы, да не могу. Я взял её у мальчишки на пару дней. Проверить, так сказать.

— Пф. Нашёл проблему. Купи ему сладостей или пукко простенький какой. Он тебе за это ещё одну такую сетку притащит, — фыркнул и одновременно усмехнулся в свои шикарные рыжие усы его приятель.

— Это сын старосты, да и сам по себе парень не простой. Если от претензий его отца я смогу отговориться, то его дед может вопросами не ограничиться. Кауко Хухта ещё тот пройдоха.

— А! Хухта! Так значит, этот малец — наш знаменитый писатель?

— Ну да. Он, — подтвердил Арто Маттила. — А что? Читал его?

— Делать мне что ли больше нечего? Внучка моя его сказки мне читала. Ладно, я понял. Возьми назад сетку. Мне проще с самим Кауко переговорить. Он мужчина правильный и не откажет лесным братьям.

— Ну, тебе виднее. Ещё по стаканчику?

— Наливай. Забористая у тебя настойка.

Глава 21

Лето 1900 года, последнее лето девятнадцатого века, выдалось очень холодным. В редкие дни температура поднималась до плюс пятнадцати по Цельсию. А в основном, держалась в пределах от пяти до десяти градусов. Хорошо ещё заморозков не было, а то бы всю картошку и ягоду повыбило.

Через несколько дней после того, как я продемонстрировал свою камуфляжную сетку, у меня её внезапно отобрал дед Кауко. Правда, ещё через пару дней он объяснил зачем это сделал и даже отдался.

— Вот, держи. Это тебе за твою сетку, — дед как бы нехотя протянул мне какой-то тряпичный свёрток, который я тут же и развернул.

Ну и ничего себе! Часы! Круглые, карманные, в стальном корпусе, но без цепочки и крышки. Зато, с отдельным циферблатом секундной стрелки. «Новая Эра», производства США. За кусок старой рыболовной сети с пришитыми полосками ткани? Видимо, моё охреневание было настолько явным, что дед снизошёл до пояснений:

— Это тебе от лесных братьев.

Ну да. Спасибо. Объяснил. А кто это такие? Помнится, в моём мире были такие партизаны-бандиты в Прибалтике и в Украине. Неужто они и в Финляндии есть? Я даже представил себе бородатых стариканов, которым никто не сказал, что война между Швецией и Россией закончилась почти столетие назад, а они продолжают партизанить. Помотал головой, прогоняя образ замшелого и трухлявого дедка с мушкетом начала века и в моей накидке, и спросил у деда:

— А это кто? Ну, лесные братья?

— Контрабандисты. Знаешь это слово?

— Да, — я утвердительно покивал, наконец поняв от кого подарок. — А как они узнали про эту сетку? А! Дед Арто из них?

— Нет. Не из них, но кое с кем дружен, как и я. Ты, внучек, лучше молчи от кого часы. Считай, что я тебе на день рождения подарил.

— Деда! А ты не боишься, что эти, контрабандисты, укравшись моей придумкой, могут навредить твоему внуку и моему брату Нильсу. Ведь его рота, которой он командует, и прикрывает шведскую границу.

Дед очень странно на меня посмотрел, но ухмыльнувшись и взъерошив мою, опять отросшую шевелюру, пояснил:

— Нет, не боюсь. Нильс и сам с ними дела крутит. Да и не стреляют они в своих. Шведа могут подстрелить или русского. А нашим солдатам и пограничникам, бояться нечего.

— А как они отличат наших от не наших?

— Ну, ты! — дед от возмущения даже замотал головой. — То умник-заумник, а то дурак дураком! Форма у них разная.

— Это, деда. Ты им скажи, что осенью надо добавлять жёлтые и красные ленточки, а зимой все менять на белые.

— Вот, возьми куски старых сеток и сделай в этих цветах, и отдай Арто. А то нашёл себе курьера! — возмутился дед, попытался отвесить мне леща, промахнулся, сплюнул с

досады под ноги и пошёл по своим делам.

А я принялся внимательно осматривать часы. И обнаружил, что задняя стенка у них тоже стеклянная. Явно, часы для аккуратного ношения в часовом кармашке, а не для таскания в мальчишеском кармане. И если я буду их там держать, то долго они не проживут. Оставлю-ка я их в комнате, как настольные часы, только подставку надо будет под них сделать.

Вот за подставкой я и пошёл к брату Эсе. Он как раз резал деревянные ложки со своим учеником и заодно нашим кузеном Армасом, первенцем дяди Каарло. Ложки нужны были для фабрики. Вернее, для фабричной столовой, где ежедневно кормили работников. Кто-то из них имел свои ложки, а кто-то нет. Вот для такой категории Эса каждый месяц резал пятьдесят ложек. Без покраски или лакового покрытия подобные изделия долго не жили, да и работнички тащили их за милую душу.

— Чего тебе? — как-то недружелюбно ответил брат на моё приветствие.

— Подставка нужна. Под часы, вот под эти. Я и рисунок нарисовал...

— Красивые. Где взял? — перебил меня Эса.

— Дед Кауко подарил. Говорит, что на день рождения. Хотя уже больше месяца прошло.

— А! Не обращай внимания. У него есть подобная причуда. Помню, мне десять было, так он мне в марте, на ярмарке, купил большой леденец. Вот, говорит, Эса, с Новым годом тебя. И с другими так чудил. Так что тебе надо-то?

— Подставка настольная. Вот, я нарисовал. Пусть дома стоят, а то я их быстро угроблю.

— Это точно. Хм, я понял, твою задумку. Оставь часики. Я потом вместе с подставкой деду покажу, может хорошим товаром оказаться. А что? — он зло ощерился на Армаса, который почему-то неодобрительно покачал головой.

— ...? — удивился мальчишка.

— Чё ты головой крутил на мои слова?

— Я мошку прогонял! Чё? Нельзя? Магги, чего он такой злой сегодня, — кузен решил поискать моей защиты.

— Ой! Мелкий! Всё! Извини! Не хотел! Не высыпаюсь в последнее время. Аннели не сносях, вот и срываюсь на всех. Извини, брат! — и он, протянув руку, пожал в знак мира лапку мальчишки.

.....

— Где?

— Да вот же, на второй странице!

— А, вижу. «Первым из всех иностранных отделов был готов русский городок у Трокадеро». Хм. Русский?

— Это перевод статьи из русского литературного приложения «Огонёк». Мам, просто читай дальше.

— Ладно, ладно. «Этот павильон предоставлен был русским комиссариатом Финляндии и устроен под непосредственным наблюдением финляндского делегата при русском комиссариате господина Рунеберга».

У нас тут внеплановое семейное собрание, на котором мама зачитывает статью про парижскую всемирную выставку. Свежую «Финскую правду» приволок братец Эса с воплями, что тут статья про нашего мальчика. Ну, про меня. Слава Богу, что было

воскресенье и вечер, и почти все были дома. Никого особо искать не пришлось.

Эса предлагал начать читать статью с конца, где про меня, но матушке виднее, и она начала с самого начала.

«Финляндские архитекторы прекрасно распорядились предоставленным им, на улице Наций, небольшим участком и возвели здесь здание, которое поражает своим оригинальным стилем и своеобразной орнаментовкой, но которое вполне соответствует местной природе и местным вкусам. Авторы проекта здания — господа Сааринен, Линдгрэн и Гезеллиус. Оно было выстроено в Гельсингфорсе и затем в разобранном виде привезено в Париж и поставлено на месте финнами-рабочими».

— А почему раньше не писали про участие Финляндии в выставке? — возмутился было отец, но был прерван матерью.

— Писали! В «Ежедневной газете»! Но ты же теперь не младофинн, ты же её не читаешь. И вообще! Не отвлекай, дорогой! «В общих чертах оно представляет кирху местного стиля, но орнаментовка его ничем не напоминает храм. Над входом в отдел французская надпись: Pavillon finlandais — Section russe. У сторожа финляндского отдела надпись на шапке белыми буквами по синему фону Finlande. Внутри павильон богато декорирован работой местных художников. Барельефы стен представляют сцены из жизни финляндских крестьян; это — произведение скульптора Галлонена. Фрески центрального купола изображают сцены из эпической поэмы финнов „Калевалы“; они принадлежат кисти известного художника Акселя Галлена. Знаменитый живописец Альберт Эдельфельдт написал несколько панно с финляндскими пейзажами; другие панно — произведения также очень талантливых художников Бломстедта, Биссанена, Энкеля, Ярнефельда».

— Да когда же там про нашего Матти? — возмутился отец не выдержав перечисления всех этих скульпторов и художников.

Матушка не обратила внимания на его ворчание и продолжила чтение:

— «В финляндском павильоне богато представлено дело народного образования в Великом Княжестве. Прежде всего, обращают внимание экспонаты политехнического института и профессиональных школ, далее — работы учеников учительских семинарий. В этих семинариях много времени посвящается обучению будущих учителей ручному труду, так как этот труд является одним из главных предметов преподавания в низших школах, что составляет любопытную особенность финского народного училища».

Это как это? Моему удивлению не было предела. Уроки труда в начальной школе? Тогда почему у нас таких нет? И вообще, что происходит? В княжестве идёт планомерное притеснение всего финского, а тут, внезапно, отдельный павильон на всемирной выставке! Чудны дела Твои, Господи!

— «Интересны также работы учеников специальных училищ для калек, слепых и глухонемых». Нет, не то. «Общество для изучения финской флоры и фауны выставило изданный им богатый атлас Финляндии». Тоже не то. Ага, вот! — мама явно нашла в статье упоминание про меня. — «Но „гвоздем“ финляндской выставки является маленькое, но чудесное изобретение из стальной проволоки, под названием „Финская скрепка“. В самой глубине выставки, находится небольшой станок, который безостановочно, с самого открытия выставки продолжает и продолжает выпуск этого проволочного чуда. Которое покорило всю выставку, и, уже ни один павильон не обходится без использования в делопроизводстве этого удобного канцелярского предмета, придуманного финскими изобретателями Л. Мехелином и М. Хухтой. Президент Франции Эмиль Лубе лично вручил

золотые медали и дипломы этим изобретателям, главе русской комиссии, директору „Департамента Торговли и Мануфактур“ В. Ковалевскому.»

— Какое отношение имеет Мехелин к придумке нашего Матти? — вскипел батя. — Отец, ты как договор с ним заключал? Почему, изоб, изаб, избер, тьфу, напридумывают слов...

— По салаке! — перебил его дед присказкой, которая в русском, звучала бы как — «по качану». — У нас полный патент только на княжество распространяется. В остальных странах, он патентовал эту придумку как совместную.

— Меня другое волнует! — влез в разговор братец Эса. — Почему диплом нашего Матти какому-то русскому дали? Деда! Съезди к Мехелину и узнай всё!

— Как только — так сразу! Съезди! Нашли слугу! Пусть он сначала из Парижу вернётся.

— А, откуда ты знаешь что он в Париже? Может тебе просто лень съездить? — взвился отец.

— Да как ты смеешь?!

Я, бочком-бочком, выбрался из кухни и рванул к себе наверх. Следом за мной на лестницу юркнула и Анью. Подальше от начавшего закипать семейного котла. Наверное передерутся сейчас. Давненько они не ссорились, наверное уже и сами соскучились по подобным разборкам. Но это — без меня. Не понимаю я подобных развлечений.

У меня и так было чем заняться. Я тут надумал принять всех своих братьев-рыцарей в пионеры. В финские пионеры. Ну а что? Почему нет? Ведь сам им обещал создать тайную политическую партию. Чем пионеры хуже? Вот теперь мучительно вспоминал клятву, девиз и устав, которые учил в далёком будущем.

Кое-что вспомнил, но долго ломал голову, как исправить текст под местные реалии. А то в девизе: «Пионер, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!», что исправлять? К чему должен быть готов финский пионер? Отзыв и салют, можно оставить прежним, вот девиз...

Писать — «Пионер, к борьбе за независимость Финляндии — будь готов!» — нельзя! Сепаратизм чистой воды. А что тогда? Вот и ломал голову. Из пионерских законов вспомнил только три, вот их, исправив и записал:

Пионер предан Родине.

Пионер настойчив в учении и труде.

Пионер — честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду.

Легче всего оказалось с атрибутикой. Купил на рынке в Улеборге двухцветную шёлковую ткань, одна половина синяя, а другая белая, и с помощью сестрички Аньи наделал двухцветных галстуков в национальных цветах. Из отходов этой же ткани сестрёнка вырезала маленькие финские флажки, которые можно было нашить куда придумаем. У брата Нильса, который по совместительству являлся командиром роты местной национальной армии, разжился нарукавными нашивками с цифрами от одного до четырёх. Сначала думал разбить свой отряд на четвёрки, а затем решил всем будущим пионерам раздать только нашивки с цифрой один. Будут первым отрядом. Мало ли, а вдруг ещё какие отряды у нас заведутся в округе?

Анью, кстати, совершенно не заинтересовалась зачем мне сдалась вся это атрибутика. У неё случилась великая любовь. Ну, так пятнадцать лет девке. Втюрилась она в Пентти Элстея. Тихого и скромного парнишку её лет. Был он сиротой и проживал у дальних родственников. Когда-то давно, ещё до моего рождения, вся его семья умерла от малярии,

выжил только он один. И вот теперь очень переживал, как и моя сестра, что наша семья будет согласна на такой неравный брак.

Так как после залёта Тюуне сестра опасалась подходить к матери за советами, то вываливала свои проблемы на меня. А что я мог ей посоветовать? У меня был только опыт воспитания мальчишек. Вот, я, в основном, и молчал, давая ей выговориться. Единственно, не забывал напоминать, что надо подождать. Ещё хотя бы годик. А там что-нибудь придумается.

С пионерской песней, которая «Взвейтесь кострами, синие ночи», получилось легче всего. И вспомнить, и перевести и, изменить:

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы пионеры — дети Суоми.
Близится эра светлых годов.
Клич пионера: Всегда будь готов!

Мы поднимаем финское знамя,
Дети Суоми, смело за нами!
Близится эра светлых годов,
Клич пионеров — Всегда будь готов!

Грянем мы дружно песнь удалую
За пионеров семью боевую,
Будем примером борьбы и трудов.
Клич пионера: Всегда будь готов!

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы пионеры — дети Суоми.
Близится эра светлых годов.
Клич пионера: Всегда будь готов!

Осталось дело за малым, организовать этот самый пионерский отряд. А то я напридумывал всего, а мои братья-рыцари возьмут и не захотят становиться пионерами. И останусь я с кучей никому не нужной атрибутики...

.....

Через неделю после выхода статьи о парижской выставке к нам нагрянул Георг Стокманн в компании со своим старшим сыном Карлом. Как по мне, так два дедка. Одному семьдесят пять, а второму пятьдесят пять. Оба бородаты, усаты и с одинаковыми орлиными носами. В отличие от прошлых приездов со мной поздоровались как с взрослым, пожали руку и подарили серебряные часы с дарственной надписью и монограммой Стокманнов.

Прям, год часов. Если так дело и дальше пойдёт, то к концу года, кто-то может мне и золотые часы подарить. Подаренные же я сначала принял за германские, из-за названия «Paul Buhre». И только через пару недель до меня дошло, что это марка российского производства, фабрики Павла Буре.

Приехавшие Стокманны поздравили меня с получением золотой медали парижской выставки, хотя я её и в глаза ещё не видел. И рассказали, что им пришло предложение от

французского издательского дома «Леви» об издании во Франции моих книг. Вот они и приехали согласовать это дело с моим представителем.

Оказалось, что Ээро Эркко перевел мои книги на французский и убедил Георга Стокманна напечатать сотню экземпляров и отправить на выставку, с Леопольдом Мехелином. Как он там распространял мои книги — неизвестно, но зато известен результат — предложение от издательства Кальмана Леви.

— А я не знал, что дядя Экко владеет французским, — высказал я своё удивление деду, когда наши гости отправились спать.

— Эка невидаль, — пробурчал дед Кауко. — Я тоже в школе изучал французский.

— Ты? Французский? Но зачем? Финского и шведского, что, недостаточно было?

— Финский тогда вообще практически не давали в школах. А французский приходилось учить, потому что всё делопроизводство в княжестве до шестидесятых годов было на французском.

— Почему? Зачем? — моему удивлению не было предела.

— Пф, если бы я знал. Всё, хватит языком чесать! Бегом, ноги и уши мыть, и спать!

Так просто, заключив новый договор с Стокманнами на продвижение моих книг за рубежом, отделаться от них не получилось. Сразу после подписания всех документов они надели на деда и на меня, выясняя, не изобрёл ли я ещё чего-нибудь наподобие скрепки. А то, по их словам, в следующем году должна состояться Панамериканская выставка в Буффало, и было бы очень неплохо поучаствовать в ней, и чем перкеле не шутит, что-нибудь выиграть.

У меня было в заглавнике несколько товаров, которые в будущем могли принести неплохой доход мне и нашему клану. Но Стокманнов я в числе выгодополучателей не видел. Пока не услышал про выставку в США.

— Херра Стокманн, у меня есть одна придумка, которая может принести в Соединенных Штатах очень хорошую прибыль. Но её надо очень тщательно патентовать, чтобы никто не смог обойти наш патент.

— Матти, что ты там такое придумал? Почему от меня скрывал? — возбудился не на шутку дед Кауко.

— Деда, тот сарай, который мы с тобой красили. Ну, когда я про это стихи сочинил. Ты его ещё не перекрашивал?

— Какой сарай? Я тебя про придумку спрашиваю. Причем здесь, наша развалюха? Извините, господа. Что-то малец мой блажить начал, — и он погрозил мне кулаком.

— Так, для того чтобы понять, что это за изобретение, надо поучаствовать в покраске сарая, — не пошёл я на поводу у деда и продолжил гнуть свою линию.

— Маттиас, я так понимаю, что ты придумал какое-то новое приспособление для покраски? — спросил меня Карл Стокманн, перековеркав мое имя на немецкий манер. И дождавшись моего кивка, обратился к своему отцу. — Я не против поучаствовать в том, что придумал этот малыш.

— Ну, ещё бы. Ты с Францем недавно и так забор красил. Представь, Кауко, он со своим десятилетним сыном решил забор красить. Оба перепачкались в побелке с ног до головы, — поделился старший Стокманн с моим дедом.

Тот как-то нейтрально покрутил головой, то ли соглашаясь, то ли осуждая этот поступок. Хотя по его лицу было видно, что он не понимает, что такого преступного в этом деянии.

— Да Франц просто прочитал «Тома Сойера» Марка Твена, вот ему и захотелось попробовать. А ты, Маттиас, читал эту книгу?

— Да, херра Стокманн. Читал. Так вы будете сарай нам красить? — улыбнувшись, поинтересовался я нагло, прямо в лоб у него.

— Ну. Если херра Хухта найдёт мне рабочую одежду, то я согласен, — дед с старшим Стокманном переглянулись, и тот кивнул, как бы разрешая поучаствовать своему сыну в этом эксперименте.

Я тут же метнулся к себе в комнату и притащил к ним на суд несколько самых простых и обычных в моем мире малярных валиков.

Железная ось с деревянной ручкой, шайбами и гайками, деревянная основа. На одни цилиндрические заготовки были приклеены столярным клеем шерстяная ткань, а на другие — овечья шкура. А также, двойной валик для нанесения рисунков на стену.

Изготовление валиков я начал ещё весной. Оси и рамы мне помог изготовить наш управляющий кирпичным заводом Кевин Райт. Ручки и деревянные основы, как гладкие, так и с рисунком, сделал братец Эса. А я, прикупив ткани, шкур и клея, собрал всё воедино. Но никак у меня не находилось времени поговорить об этом с дедом.

Покраска валиками увлекла всех. К младшему Стокманну присоединился и старший, и даже мой дед. В процессе покраски сарая и нанесения узоров, они сами расписали где возможно применение подобных «Финских кистей», как я назвал эти валики. Дед затем долго с ними торговался, но заключили они договор к обоюдной выгоде, поделив доход от ещё не запатентованных кистей пополам. Вполне возможно, что наш клан потянул бы их производство в одиночку, но патентование за границей княжества было нам пока не доступно. Да и эффективность рекламы у торговой империи Стокманнов куда выше, а если ещё и на выставке в США покажут, то вообще, можно ждать хороших прибылей.

.....

— Что это такое? — спросил Вячеслав Константинович Плеве у финляндского генерал-губернатора Николая Ивановича Бобрикова, указывая рукой на окно, выходившее на Сенатскую площадь Гельсингфорса.

— Очередная акция протеста, — пожал плечами генерал-адъютант, рассматривая в окно несколько сотен человек, которые молча стояли на площади и смотрели на его резиденцию.

— Нет, я не про это. Это-то понятно. Я про то что у них на лицах.

— Так называемые «Мумми-маски», — поставил Плеве в известность директор канцелярии, Франц-Альберт Александрович Зейн. — Носятся во избежание заражения какой-либо болезнью. А местные сепаратисты используют их как средство протеста, нанося на ткань национальные символы.

— Это надо срочно запретить! И послать полицию, чтобы она снимала эти «му-му» маски с протестующих, — не на шутку разошёлся фон Плеве.

— Ношение масок одобрено местным департаментом здравоохранения и сенатом. Если мы, запретим им бороться с болезнями, то это может привести к открытому бунту, — развел руками директор.

— Кто это вообще придумал? — не унимался министр — статс-секретарь.

— Один восьмилетний мальчик из Северной Остроботнии, — как-то грустно ответил генерал-губернатор.

— Что? Какой мальчик? Причем здесь сепаратисты и какой-то мальчик? — уже почти

кричал Вячеслав Константинович. — Если он виноват, то надо и его наказать. Я не знаю! Изъять из семьи и отправить в кадетский корпус, куда-нибудь в Сибирь, чтобы другим было не повадно.

— Не всё так просто, дорогой мой Вячеслав Константинович. Этот ребёнок, довольно известен в княжестве. Как юный, одарённый литератор, — попытался объяснить Плеве генерал-губернатор. — К тому же, он, на парижской выставке получил золотую медаль. И если мы как-то накажем его, это может отразиться и на международных отношениях. Тем более, что у государя-императора запланирован в следующем году визит во Францию.

— Ничего не понимаю. Но это же просто ребёнок! — никак не мог успокоиться господин Плеве. — Я же вам уже сказал! Изъять из семьи и отправить в кадетский корпус, куда-нибудь в Сибирь! Накажем так, чтобы не было понятно, наказание это или поощрение!

— Ему благоволит Александра Фёдоровна, — выложил последний козырь директор канцелярии, пытаясь успокоить разошедшегося министра.

— Да мне глубоко насрать какая из местных блядей ему тут благоволит! — заорал было фон Плеве, но осёкся, когда через ярость, до него наконец дошло, про кого ему говорят.

Он облизал вмиг пересохшие губы и, глядя белыми от ужаса глазами на генерал-губернатора Бобрикова, уточнил:

— Императрица? — и зачем-то потыкал указательным пальцем правой руки в потолок.

— Да, — подтвердил генерал-адъютант.

— Bordel de merde!* — высказался в сердцах на благородном французском фон Плеве, понимая, что его слова, сказанные даже в столь тесном кругу, не сегодня так завтра, но непременно будут доложены императору Николаю, и вылетел из кабинета генерал-губернатора, громко хлопнув дверью.

Bordel de merde*(фр) — полный пиз**ц

Глава 22

Приснилось мне, что ехал я в троллейбусе. И тут, бздынь — стекло вдребезги, и вокруг пули свистят. И вот я уже со своим верным итальянским карабином бегу в атаку на генерала Бобрикова, который палит в меня из ППШ. Ха-ха! А я умный! Я бегу зигзагами, и он в меня не попадает. Осталось совсем ничего, перепрыгнуть противотанковый ров, и я пушу в ход свой штык. Разбег, прыжок, полёт! И неведомая сила дергает меня за правую ногу. Падаю в какую-то тёмную жижу на дне рва и просыпаюсь...

— Вставай, засоня, в школу скоро, — услышал я голос сестры, видимо, это она меня за ногу дёргала.

— Угу, спасибо, встаю, — пробурчал в ответ и для верности, чтобы опять не заснуть, сел на кровати.

Сестра зажгла свечу у меня на столе и свалила по делам, а я сидел в своей кровати и пытался понять, почему приснился именно троллейбус? Бобриков-то понятно, его портретами пестрят почти все газеты. Он враг номер один у почти всего населения княжества. Пистолет-пулемёт Шпагина — это тоже понятно. Я несколько дней подряд переносил из памяти на бумагу все восемьдесят семь его деталей. А троллейбус приснился скорее всего, из-за прочитанной статьи в Петербургском листке о создании неким господином Ипполитом Романовым электрического омнибуса в Гатчине.

Мои размышления прервали постукивания в дверь и голос сестры:

— Мелкий! Не засни!

— Да, Анью! Я уже встал! — крикнул в ответ и принялся искать, куда я вчера запулил свои домашние тапочки.

Нашёл их в разных углах, обулся и, не переодеваясь, побрёл на выход маленьким белым привидением в своей ночной рубашке. Как она меня бесит. Хорошо, что я уже подросток, и она мне чуть ниже колен. А ведь была когда-то по щиколотки. В кальсонах спать нельзя, голым тоже нельзя. А в этом платье — неудобно. Может, стоит пижаму купить? И поставить всех перед фактом? Надо это обдумать.

— Хювяя хуомента, — сонным голосом пожелал я доброго утра всем присутствующим на кухне и в гостиной и юркнул в уборную.

Спустился к завтраку я уже при полном параде. В пошитом по моему рисунку костюме цвета хаки и с правильно завязанным двухцветным пионерским галстуком. Приём в пионеры прошёл на ура. Всем моим приятелям очень понравилась идея собственной детской политической партии, но со спортивным уклоном. Благо, и правилам приёма, мною придуманными, они все соответствовали. Кто уже учился, учились без неудов, хорошо бегали и умели подтягиваться, отжиматься и приседать. В общем, делали всё, что от них требовал их «Великий Диктатор» на протяжении всего времени существования нашей банды.

Раздал им галстуки и почти два часа убил на обучение, как правильно их завязывать, попутно инструктируя, что с ним нельзя делать. А то, вспоминая своё пионерское детство, я просто диву давался, что мы с этим символическим кусочком красного знамени только ни делали. И пот вытирали, и как банданы или ковбойские маски носили, сгрызали кончики галстука до непотребного состояния. И ничего нам за это не было. Так, красная тряпочка на

шее. Ношение — обязательно, а уважение и почитание — уже нет.

Вроде бы донёс до мальчишек, что галстук — это главная вещь финского пионера, и он должен его холить и лелеять. Нашивки не раздавал. Мне в голову пришла очередная гениальная идея: пошить всем единообразную форму. По деньгам вроде бы должно быть немного, тем более что пятьсот марок, полученных от Стокманнов за мои книги, дед отдал мне. Как я подозревал, хотел устроить мне ещё один экзамен. А я, решил этот экзамен провалить и посмотреть уже на его реакцию.

С пошивкой костюма для меня Анью одна не справилась. Пришлось привлекать маман. Костюмы для мелких Викстрёмов они вдвоём тоже пошили без вопросов. А вот когда я заикнулся о пошиве для всех остальных братьев-рыцарей, она встала в позу, и эта моя затея, привлечь её, чуть не закончилась плохо для всей юной пионерии Финляндии. Зря я ей предложил денег за пошив, ой, зря.

Ничего сложного там не было. Пиджак-куртка с двумя накладными карманами на груди и брюки-карго с четырьмя карманами — двумя накладными и двумя прорезными. Ну и головной убор в виде кепи с матерчатым козырьком и ушами на пуговице. За основу кепи я взял хорошо мне знакомую афганку.

— Нет, нет и ещё раз нет! Я запрещаю тебе тратить деньги на своих дружков-приятелей! Обойдутся! У них семьи с достатком и сами могут пошить то, что нужно. Одно дело — для тебя и двух Викстрёмов, но я не собираюсь обшивать всё село! — орала на меня матушка, когда я предложил ей пошить за мои деньги одинаковые куртки и брюки для моего отряда.

На её крики сначала пришли обе бабули, а затем и сестричка прискакала.

— Да кто у него там приятелями? — вмешалась в мою с матушкой перепалку бабушка Ютта. — Микка, Армас и Раймо? Так то все наши! Ты же обшила своих внуков — Викстрёмов, а родных племянников не хочешь? Так собери их матерей, и вместе пошейте. Пусть все видят, что у нас на хуторе хорошо одеваются. Тем более что ткань Матти уже купил на всех. Так, Матти?

— Да, ба. И ткань, и пуговицы, и нитки, — подтвердил я наличие необходимого, неожиданно поддержавшей меня бабуле.

И часа не прошло, как в нашем доме собрались все матери моих архаровцев из родственников. Тётя Сусанна — сестра мамы, тётя Тууликка — супруга дяди Каарло и тётя Минна — жена дяди Тапио. А меня бесцеремонно выставили за дверь.

Всем остальным моим пионерам форму пошили их матери, которых эти мелкие достали просьбами. Но самым главным выгодополучателем во всей этой истории с костюмами оказался дед Кауко. Он, увидев первый раз моё кепи, повертел его в руках, поотстёгивал и позастёгивал уши, и заказал Анье пошить несколько штук. А через неделю организовал пошивочную мастерскую, прикупив несколько подержанных швейных машинок. Наш головной убор оказался очень ходовым товаром. Шили его в мастерской из разных тканей. Но самым популярным и, соответственно, самым дорогим оказалось кепи из клетчатой ткани, чем-то мне напоминавшее кепи доктора Ватсона из советского фильма про Шерлока Холмса.

.....

Внезапная отставка Плеве с поста министра статс-секретаря по делам Великого княжества Финляндского и назначение на эту должность министра финансов Сергея Юльевича Витте вызвали массу слухов и пересудов. В отличие от своего предшественника Витте согласился с требованием сената принять финляндское гражданство, что сразу

добавило ему положительных очков в местном обществе.

Я же не помнил такого поворота событий в своей истории и пришёл к выводу, что или что-то поломано в этой истории мною, или это не мой прошлый мир. Но я не та величина чтобы что-то сломать глобальное. Не из-за сказок же это и скрепок! Да и пофиг, если сломал! Зато теперь могу делать всё, что захочу. Прямо как мой главный герой в новой книге.

Ну, здесь она будет новая, а в моём мире — очень даже старая. Как-то вечером рассыпал спички из коробка и, собирая их по всей комнате, пожалел, что они не волшебные. И прямо там же на пол и сел от пришедших в голову воспоминаний про прочитанную в детстве книгу «Шёл по городу волшебник» и просмотренный фильм «Тайна железной двери», снятый по этой же книге. А я мучился с переделкой сюжета по мультфильму «Вверх». А тут — сразу готовая книга, имена только поменять.

Правда, одними именами дело не ограничилось. Пришлось менять Ленинград на Гельсингфорс, а проступок главного героя с нарушением правил дорожного движения на катание зайцем-безбилетником в столичной конке. Ну, а дальше, всё по сюжету, погоня кондуктора, обнаружение мальчика-волшебника и волшебных спичек.

Кто автор книги я не помнил совершенно. Но прочитанное и просмотренное довольно легко вспоминалось и ложилось на бумагу занимательной историей. Переделок, правда, было много. Всё же советские реалии довольно трудно менять на нынешние. Но, ничего, справился. Оставалось совсем чуть-чуть, самое главное, финал. И отвлекаться на обсуждение с родными отставки Плеве и назначение на его пост Витте я не стал. Хотя, в душе всё же порадовался. А вдруг, здесь, в истории не будет Русско-Японской войны? Ведь помню из прочитанного мной в интернетах, что именно Плеве ратовал за эту войну, заявляя во всеуслышание, что «нам нужна маленькая победоносная война, чтобы удержать Россию от революции».

.....

— Вот из-за этого я и подрался с Топелиусом! Царствие ему небесное, — воскликнул дед Кауко и перекрестился.

На автомате перекрестился и я, а заодно отвлекся от тяжких дум: где брать цилиндрические девятимиллиметровые пистолетные патроны для опытов. По всему выходило, что их пока не существовало в природе. Придётся обходиться чем-то другим. Главное, чтобы они были центрального боя и не бутылочной формы. Ладно, надо сначала в столичные оружейные магазины попасть, что сделать с дедом будет крайне сложно.

— Вы это о чём, херра Хухта? — удивился дядя Ээро.

— Помните, когда вы первый раз приезжали к нам на хутор, кто-то из вашей компании интересовался, что за ссора у меня была с Захариусом Топелиусом.

— Конечно, помню. Я это и спрашивал, — подтвердил Ээро Эркко. — Правда, вы нам так ничего и не рассказали.

— А поссорились мы и подрались вот из-за этого, — дед постучал по картонке приглашения. И видя, что его оппонент ничего не понимает, пустился в объяснения: — Вот, смотрите, в расписании сразу после награждения — выступление труппы финской ооперы! Почему во всех странах, что нас окружают, опера имеет одинаковое произношение и одинаково прописывается — и только у нас какое-то заикание. Вот я ему и заявил, что современный финский — это искусственный язык, который создали шведы, чтобы поиздеваться над финнами.

— Интересная точка зрения, — заинтересовался политик. — Я запишу, вы не возражаете? — с этими словами он вытащил откуда-то из под своей меховой дохи записную книжку и карандаш.

— Пишите, пишите, — согласился дед. — Но это — только моё личное мнение. Одни придумали чтобы досадить другим, а теперь страдают все! Финны заикаются, а остальные выговорить не могут.

— Ха-ха, — хохотнул дядя Ээро и продолжил что-то быстро строчить в блокнот.

А я, наконец, увидел, выходящих из своего дома тётю Хелену, дядю Вэйкку и моего кузена Томми. И чего они так долго собирались? Мы уже малость подзамёрзли, ожидая их.

В столицу княжества я попасть на этот Новый год даже и не планировал. У нас в семье намечалась поездка в Стокгольм, чтобы проведать Ахти. Даже уже билеты купили на «Шведский экспресс». Кто назвал его экспрессом — был большим шутником. Так как прямого железнодорожного сообщения между нашими странами, просто не существовало. И дело тут даже не в разной ширине колеи путей. Просто через пограничную реку Турнеэльвен не было железнодорожного моста. В планах он был, и по газетным статьям на месте его будущего нахождения даже проводились какие-то изыскания. А так, из-за этого всем пассажирам этого «экспресса» приходилось преодолевать пятикилометровый квест с прохождением границы и таможни чтобы, наконец, добраться до шведского поезда на станции Хапаранда.

Но, видимо, Стокгольм для меня являлся каким-то табуированным местом — как только меня захотят в него свозить, так сразу что-то случается. За день до нашего отправления пришло из Гельсингфорса заказное письмо с приглашением на награждение по итогам парижской международной выставки. В итоге, в столицу шведской унии вместо меня поехала с предками Анью, а я с дедом Кауко — в Гельсингфорс.

В этот раз ехали мы в вагоне второго класса. Я практически весь путь провел на своей полке, бдительно охраняя наши чемоданы, так как дед совершенно безответственно бросил меня и отправился играть в карты с какими-то своими знакомыми. И даже пятнадцать марок выиграл.

Награждение лауреатов должно было пройти в парадном зале гостиницы «Сеурахуоне».

Вот туда-то и направилась наша большая компания. Как заверил нас Ээро Эркко, мест в зале хватит на всех, тем более что он успел телефонировать учредителям о количестве гостей со стороны меня, как одного из лауреатов.

На одном из перекрестков города мы попали в пробку из-за неразъехавшихся и сцепившихся саней. Так как нам было уже недалеко, то решили пройти пешком, не дожидаясь пока ликвидируют последствия дорожно-транспортного происшествия. А ещё через квартал наткнулись возле магазина колониальных товаров на игравшего на скрипке мальчишку лет двенадцати. При виде этого бедно одетого ребёнка, который старательно что-то пиликал на старенькой и облезлой скрипке, я моментально вспомнил песню Сергея Серкова — «Скрипач». И боясь, что могу потом не вспомнить текст, почти с угрозой в голосе потребовал у Ээро Эркко:

— Дядя Ээро, дайте мне лист из вашего блокнота и карандаш!

— Держи, — ничуть не удивившись моей просьбе, протянул он мне блокнот целиком и карандаш.

Найдя чистый лист, я принялся быстро переносить текст этой песни, тут же переводя на финский. Мальчишка же, прекратив играть, с удивлением таращился на меня и

на остальных, которые тоже таращились на меня, стараясь понять, чем я занят.

Усталые пальцы, не чувствуя боли,
По струнам холодным скользят.
И звуки рожденные, вдруг поневоле
Застывшее сердце пронзят.

Играет мальчишка на старенькой скрипке,
Но в музыке слышат не все,
Что снег на ресницах — холодный и липкий,
А руки замёрзли совсем.

Мальчишка играет — играет Вивальди.
Что город подарит взамен?
Лишь пару монеток на скользком асфальте
Да холод бесчувственных стен.

Мальчишка играет — играет Вивальди.
Для серой и мрачной толпы
За пару монеток на скользком асфальте,
И в городе снежная пыль.

Играет мальчишка мелодию лета —
Понятно, что вьюга так зла.
В роскошных витринах всегда много света,
Но в них не бывает тепла!

А он и не ждёт ничего от прохожих —
Пускай себе дальше спешат.
Не может мальчишка замёрзнуть. Не должен!
Его согревает Душа.

Закончив писать, я, покопавшись по карманам, извлёк серебряную монету в две марки и протянул пацану, у которого глаза стали ещё больше. Но он замотал головой:

— Спасибо, херра. Но нельзя в руки. Удачи не будет. Положите в футляр.

Пришлось поклониться ему, наклоняясь к футляру от скрипки, в котором было несколько медных монеток разного достоинства, и добавить в их компанию благородного серебра. Следом за мной в футляр что-то опустили и все остальные представители нашей компании. А Ээро Эркко, получив назад свой блокнот и ознакомившись с написанным мной текстом, вдруг, внезапно, изменил свои планы и остался рядом с мальчишкой, принявшись у него что-то выведывать.

Награждение лауреатов затянулась, почти на два часа. Хотя их было не так уж и много. Сначала награждали бронзовых и серебряных лауреатов. Кроме медалей и сертификатов, от городской управы каждому досталось по небольшой денежной премии в сто и двести марок соответственно. Награждение проводил Эдуард Эрштрем, управляющий канцелярией статс-

секретаря Великого княжества Финляндского, и Леопольд Мехелин, как глава города Гельсингфорс. Господин Эрштрем лицом и прической был отдаленно похож на вождя мирового пролетариата, а небольшая картавость придавала ещё больше сходства, что меня крайне веселило, хотя я и старался выглядеть серьезным.

Особенностью награждения было то, что всё мероприятие проходило на русском языке. Согласно недавнему указу о государственном языке. Вот только не все присутствующие могли правильно изъясняться на древнем и могучем. Поэтому некоторые господа порой выдавали такие перлы, что вызывали откровенный смех у русскоязычных.

К моему удивлению, меня на сцену пригласили самым последним. Всё, видимо, из-за того, что Леопольд Мехелин, являющийся моим соавтором согласно договора, не хотел выставить себя, как градоначальника, впереди всех остальных лауреатов. Золотая медалька, полученная мною оказалась небольшой, но довольно увесистой, чуть ли не сто граммов драгоценного металла. Кроме медали на шею и сертификата в конверте мне, в качестве подарка от города, достался земельный участок. Неожиданностью это не стало, так как все трое «золотых» лауреатов передо мной также получили земельные участки. Исключением стал Леопольд Мехелин, который не стал награждать сам себя чем-либо дополнительно.

Гром аплодисментов и вспышки сгорающего магния при фотографировании несколько меня дезориентировали, так что, спускаясь со сцены, я чуть было не навернулся на ступеньках. Хорошо, что меня успел поймать за шиворот художник Альберт Эдельфельт, спускавшийся следом за мной после группового фотографирования.

— Осторожней, Матти! Никак у тебя голова закружилась от успехов, или ты так рад подаренному острову, что прямо падаешь с ног? — подколот меня он.

— Спасибо, херра Эдельфельт, — поблагодарил я мужчину. — Нет, просто немного ослеп от фотовспышек. А про какой остров вы говорили? — спохватился я, но художник ничего не ответил, а просто подмигнул мне, чем ещё больше сбил с толку.

Хоть Альберт Эдельфельт и был знаменитым художником, но даже у нас было две картины его работы. Которые он презентовал нашему кемпингу во время съездов финской партии. У нас, в главном домике кемпинга, собралась уже целая коллекция картин различных художников, которые они или рисовали у нас или привозили в подарок. Моим бабулям очень нравилась картина Эдельфельта — «Женщины из Руоколахти».

Добравшись в зале до своих, я попал в их тесные объятия. Меня обнимали, целовали, хвалили, тискали и ерошили мою шевелюру. А дед плакал. Надеюсь, что от счастья.

.....

Земельный участок и вправду оказался островом. На торжественном ужине в доме тети Хелены, ей муж, дядя Вэйкка и приглашённый Ээро Эркко, рассказали в подробностях об этом земельном участке.

Дядя Ээро, кроме бутылки коньяка для взрослых, принёс также свежий выпуск «Финской правды» с репортажем о сегодняшнем награждении, моим стихом «Скрипач» и небольшой статьёй с фотографией про мальчишку, благодаря которому и появился этот стих.

— О! Так это сын Илмара Киннуена? — удивился дядя Вэйкка после прочтения статьи.

— Дорогой. Ты его знаешь? А почему на улице не признал, — притворно возмутилась тетя Хелена.

— Я знал его отца, а не ребёнка, — огрызнулся дядя, и тётя тут же уткнулась взглядом в свою тарелку.

— Все знали его отца, — подтвердил и Ээро Эркко. — А как он умер с супругой от

гриппа, так все про его семью и забыли. Я не про вас, херра Саари, — поспешил заверить вскинувшегося было моего дядю журналист. — Я про всё столичное общество. Это для вас, моряков, он был смотрителем маяка. А общество знало его как члена финской партии и радателя финского языка. Вот про это и моя статья.

— Дядя Ээро, а правда, что мой земельный участок — это остров? — решил я сменить тему, так как наступившая тишина после слов политика ничего хорошего не предвещала.

— Да, — подтвердил он, так как уже успел ознакомиться с документом о передаче в дар мне земельного участка. — Городское неудобье, так сказать. Отдали то, что город никак не может использовать.

— Почему? — удивился я. В моём понимании, остров в городской черте столицы — это ого-го как круто.

— Томми! Сбегай в мой кабинет и принеси карту города, — отдал распоряжение сыну дядя Вэйкка. — Сейчас мы объясним тебе почему это так.

— И мне заодно, — неожиданно подал голос дед Кауко, за весь ужин произнесший не более пары слов.

— И вам, херра Хухта, — подтвердил хозяин дома.

Карта оказалась очень подробной. На ней без труда был найден, теперь уже мой, «Смоляной остров» (Tervasaare). Который оказался почти прямо в центре города. Где-то в километре от Сенатской площади.

— Раньше его использовали как склад для торговли смолой и дёгтем. Из-за чего он несколько раз горел. Пару раз огонь с его территории перекидывался на город. И после последнего пожара в 1896 году его забросили. Летом там пытаются отдохнуть горожане, приплывая туда на лодках. Но так как остров — это одна сплошная скала, то там ничего кроме кустов и травы не растёт. А зимою на нём обитаю только дикие собаки, — поделился с нами своими знаниями дядя Вэйкка.

— Так что город просто избавился от ненужного куска земли, подарив его тебе. Вот тебе, Боже, что нам негоже — как русские говорят, — последнюю фразу Ээро Эркко произнес на довольно неплохом русском.

— Чемодан без ручки, — констатировал я.

— Ха-ха-ха! — Зашёлся в смехе журналист. — Какое точное сравнение! Надо записать, а то забуду.

— И теперь за это, за этот чемодан, придётся ещё и пошлину платить! — возмутился дед.

— Нет, херра Хухта. Город подарил остров несовершеннолетнему. А значит до его семнадцатилетия он платить земельный сбор не будет. Вот если на его участке возведут строения и будут их использовать для получения прибыли, то тогда да, платить придётся, — успокоил деда Ээро Эркко, видимо неплохо разбиравшийся в местном коммерческом законодательстве.

— А на него посмотреть-то хоть можно? — зевнув, спросил я.

— Завтра и посмотрим, тут, в общем, недалеко, — заверила меня тётя Хелена. — А сейчас иди спать. А то ненароком заснёшь за столом.

На следующий день посмотреть остров не получилось, но через пару дней мы это сделали. Ну что сказать? Кусок скалы, припорошенный снегом и скованный льдами «Северной гавани». От набережной с незамысловатым названием «Северный берег», которую взрослые почему-то называли «Дровяным причалом», до моего острова, было

метров триста. Я постоял, посмотрел на мою скалу и, всё обдумав, обратился к деду:

— Деда. Летом можно будет дамбу построить на остров.

— Зачем? — удивился старик.

— Да ты оглянись вокруг! Это же район «Лев»! Тут самые дорогие магазины и салоны!

Если на острове построить склады, то все местные торговцы к нам в клиенты в очередь выстроятся.

— А ведь Магги прав! — неожиданно поддержал меня дядя Вэйкка. — Я и сам готов с вами в пай войти!

— И про меня не забудьте! — поспешил отметить и Ээро Эркко.

— Хорошо, хорошо, господа, — давайте только всё дома обсудим, а то на нас, вон, уже люди коситься стали. Стоим и орём, как дурни. — С этими словами дед Кауко сгрёб меня в охапку и, наклонившись ко мне, зашептал мне в ухо. — И как ты умеешь во всём находить выгоду, а, чертёнок?

— Я не чертёнок, у меня хвост отвалился, — съехидничал я и, смеясь, вывернулся из его объятий.

Глава 23

— Давненько я здесь не был, — Кауко Хухта обвел взглядом помещение ресторана «Часовня» (Karveli). — Раньше он был деревянным и без этих громадных стёкол, — кивнул он на панорамное окно, возле которого и находился столик забронированный Ээро Эркко.

— А я уже и не помню как выглядел старый ресторан, — признался политик и, отхлебнув из большой глиняной кружки пива, довольно зажмурил глаза. — Ммм, хорошо. Йозеф Волонтис варит такое же отменное пиво по рецепту монашеского ордена босых кармелитов как и раньше. Хорошо, что этого литвина занесло именно к нам.

— Да. Пиво неплохое, — был вынужден признать правоту журналиста и старый Хухта. — А память нам для того и дана чтобы помнить как оно было до этого. Я вот помню кондитерский ларёк на месте этого ресторана. Ну, да ладно. Вы, херра, меня сюда позвали не только же пиво пить? И воспоминаниям предаваться? Выкладывайте, что вам от старика нужно!

— Всего лишь поговорить о безопасности вашего внука.

— А что? Ему что-то угрожает? — тут же подобрался старик и, отставив в сторону кружку с недопитым пивом, уставился на Ээро Эркко.

— Не надо на меня так смотреть! Я всего лишь хочу предупредить вас, что за последними политическими пертурбациями в княжестве, со снятием с должности Плеве и назначением Витте, стоит имя вашего внука.

— Ха-ха! Да вы, господин хороший, сказочник почище моего Матти! Где мы, живущие в дальнем углу княжества, а где эта ваша политика? Зачем вы мне всё это рассказываете?

— Хм. В общем так. Во время обсуждения нашей очередной акции протеста в генерал-губернаторстве всплыло то, что «мумми-маски», которые мы используем, придумал ваш внук. Предыдущий министр Плеве дал распоряжение наказать вашего внука отправкой в отдаленный кадетский корпус.

— Ох ты, Господи! А я ведь знал, что ничего хорошего из этих бесовских масок не выйдет! Так нам что? Надо прятать Матти? Может, его в Швецию отправить, к родственникам? А я его сам в столицу притащил! Вот дурак!

— Подождите! Ничего уже не надо. Никуда Матти не отправят. Вы сначала дослушайте до конца, — Ээро Эркко попытался успокоить занервничавшего старика и, видимо, это получилось, так как тот кивнул, явно поощряя собеседника на продолжение рассказа. — Наш директор канцелярии генерал-губернаторства попытался донести до господина Плеве, что вашему внуку покровительствует императрица Александра Фёдоровна, но тот не сдержавшись обругал и царицу, что и закончилось его отставкой.

— Императрица? Это из-за книг Матти? А сейчас? Что сейчас ему угрожает?

— Успокойтесь, херра Хухта. Никто в канцелярии даже не вспоминает о наказании вашего внука. Наоборот, вся прогрессивная общественность выражает вам, в моём лице, благодарность за придумки вашего внука, которые и привели к изменениям в руководстве княжества.

— Выпорю, — пообещал старик, уже успевший принять на грудь пару рюмок водки.

— Общественность или внука? — с улыбкой подколот старика Ээро Эркко.

— Да ну, эту вашу общественность! Подарили этот «чемодан без ручки». Это и есть благодарность?

— Ну, на Леопольда Мехелина мы никак влиять не можем. Он сам занимался подбором подарков лауреатам. Так что все вопросы к нему. Можем сразу после ресторана и заехать к нему в гости. Пообщаетесь.

— Это можно. У меня к нему вопросы есть, помимо этого чемодана. Интересно, а можно остров Матти переименовать в чемодан (matkalaukku)? Так, что-то меня не туда понесло. Мне больше не наливайте.

— Вообще-то, херра Хухта, вы сами себе наливали. Так что не надо на меня наговаривать. И я ещё не закончил. Мне бы хотелось с вами поговорить о той организации, которую создал ваш внук.

— ...?

— Я имею ввиду, — он поднял с пола саквояж и, поставив его на колени, быстро нашёл необходимые бумаги. — А, вот! Финские пионеры.

— Да то игра детская! Какая организация? Они своей мальчишеской бандой уже много лет вместе пасутся. То в рыцарей играли, то в охотников, — с каким-то явно уловимым сомнением в голосе поведал старик.

— Так было. До пионеров. У них сейчас и форма есть и знаки различия, и даже устав с песней. Так что, на взгляд любого проверяющего, если кто-то захочет навредить вашему внуку, будет сразу видна политическая партия. Он мне сам хвастался, когда я в вашем кемпинге проводил собрание аграриев Улеаборгской губернии. И бумаги показывал, с уставом, правилами и прочим.

— Выпорю! Вмиг забудет про политические партии, — пообещал старик политику.

— Не стоит, херра Хухта. Вам надо бы, наоборот, поддержать его в этом вопросе. Очень хорошая идея, если развить её на всё княжество через нашу партию.

— Что-то я вас совсем не пойму! То пугаете, а то запрещаете эту хитрую и пройдошную угрозу попотчевать березовыми розгами, — в недоумении покачал головой Кауко Хухта.

— Я предлагаю вам зарегистрировать на своё имя детское гимнастическое общество «Пионер». Так сказать — возглавить. Ну, и обезопасить от возможных недоброжелателей. Я, вот, уже и документы подготовил, — выложил Ээро Экко перед стариком пачку бумаг. — Осталось только ваши данные внести, подписи поставить и пошлину в размере ста марок оплатить, и можно подавать в департамент. А регистрация займёт всего несколько дней благодаря поддержке чиновников из нашей партии. Я могу, в благодарность перед вашим внуком, и сам эту пошлину заплатить.

— Хочешь меня оскорбить? Заплачу, а потом с Матти сдери. Его выдумка, пусть он и раскошеливается. Ха! А хорошая идея! Буду начальником моего диктатора. Пионервожатым, — и старик хрипло рассмеялся.

— А кто это? — не понял его собеседник.

— Когда я в молодости был в Америке, там так называли капитанов переселенческих караванов. Вожатый пионеров. Ну, пионеры, они же переселенцы, — на всякий случай, более подробно пояснил Кауко Хухта.

.....

За день до нашего отъезда нас удостоили своими визитами Леопольд Мехелин и Карл Стокманн. Первым заявился к нам градоначальник Гельсингфорса. Так как тёти и дяди не было дома, то ограничились только чаем и кофе. Я и мой кузен Томми прекрасно

справились с обязанностями радушных хозяев пока дед вёл разговоры с градоначальником. Чтобы не пропустить ни одного их слова приходилось работать на подхвате, отбирая у Томми всё, что он тащил с кухни, и из-за этого всегда оставаясь в зоне слышимости их разговора.

— Вот, херра Хухта. Как вы и просили. Заверенная в управе и юридическом департаменте потомственная дарственная на остров.

Ага, понятно. Мой ушлый дедуля решил подстелить соломки под права владения мной островом в столице и затребовал с градоначальника «окончательную бумажку», как говорил профессор Преображенский в «Собачем сердце».

— К сожалению, я не смогу проконтролировать как будет дальше развиваться город, так как этим летом уйду в отставку. Но разрешение на строительство вами дамбы я подпишу, если вы успеете до моей отставки согласовать её внешний вид в архитектурной директории.

— Этим Ээро Экко будет заниматься, — услышал я голос деда. — Он — господин ушлый, так что, думаю, успеем.

— Вы уже прямо трест, я смотрю, организовали. А мы, столько лет смотрели на этот остров и не знали что с ним делать. Вот что значит настоящая деловая, крестьянская, хватка.

— Хватка. Как же. Я тоже поначалу не знал что с этой скалой делать. Это всё Матти придумал. Вот у него в голове идеи на любой вкус водятся. И откуда только это?

— Это да. Ваш внук — прямо кладезь решений проблем. Ну, это мы с вами вместе видели. Когда с Идестамом к вам приезжали. Кстати. А может ваш внук дать мне ещё один совет?

— Почему нет? Матти! Матти! Иди сюда! Вот, господину Мехелину опять требуется твоя помощь.

— Ну, я бы так не сказал, что помощь. Но хороший и интересный совет мне бы точно не помешал, — даже как-то смутился Леопольд Мехелин после слов деда и моего появления.

— Здравствуйте, херра Мехелин, — на всякий случай ещё раз, поздоровался я с главой Нокии, хотя здоровался с ним когда он пришёл. — Что вы от меня хотели?

На самом деле, я пребывал в полном непонимании своих взаимоотношений с Мехелином и Идестамом и их «Нокии» после всплывших в моей голове воспоминаниях о настоящей «Нокии». Не той, которая сейчас, а той, которая началась с компании «Финская резина».

Несколько дней нашего с дедом прибывания в Гельсингфорсе я был фактически предоставлен самому себе. Дед с головой погрузился в какие-то свои дела, а ко мне нянькой приставили кузена Томми. Который полностью потакал всем мои желаниям и хотелкам. Надо мне по магазинам — идём. Нужно в публичную библиотеку — без проблем. А самое главное, он уже был совершеннолетним и учился в столичном университете, а, значит, мог приобрести всё, что мне было нужно. За мои, естественно, средства.

В первую очередь, мы с кузеном обошли все оружейные магазины. Но, как я и предполагал, все пистолетные патроны имели модную, бутылочную форму. Полностью цилиндрических гильз ещё не было. Вернее, были, но для мощных американских револьверов. А поэтому, очень дорогих. Мне же нужны были дешёвые и массовые патроны. Вот захотелось мне поэкспериментировать с созданием пистолета-пулемёта.

Самыми приемлемыми по цене, количеству и размеру оказались патроны 7.65×25 под пистолет Борхардта. Самого пистолета в продаже не было, но, судя по рекламной брошюре, этот агрегат был даже уродливее Бергманна № 3, снятого мною с мертвых

золотодобытчиков.

Отдаленно он мне чем-то напоминал помесь японской «Намбы» и знаменитого «Люгера P08». По словам продавцов, этих страшных пистолетов было завезено очень мало, а патронов к ним, наоборот, очень много. Взял на пробу пару сотен штук и договорился с кузеном, что если мне будет нужно ещё, то он купит и отправит ценной посылкой.

Кроме патронов приобрёл с десятков шарикоподшипников. Если надумаю попробовать сделать один из лифановских двигателей, то они мне пригодятся. Правда, на этих движках были игольчатые подшипники, но где я их сейчас найду-то? Только если сам «изобрету»...

В случайно найденном нами магазине электротоваров, приобрёл массивные амперметр и вольтметр, производства петербургских мастерских Конрада Лоренца.

Не забыл и про резину для различной фурнитуры. На мою просьбу о покупке чего-либо резинового кузен меня и привел в фирменный магазин «Финская резина», где мне и прилетело прямо по лбу, фигурально выражаясь, воспоминание, что я не с той «Нокией» связался. А настоящая — вот она. Этот завод лет через десять переедет в город Нюкья, поближе к электростанциям Мехелина, а ещё через десять лет хозяин этого резинового завода выкупит старую Нокию. И полностью изменит структуру получившегося холдинга, хотя старое название всё-таки сохранит.

А что же Мехелин и Идестам? А вот не помню! Наверное, оставили свой бизнес не детей, а те не смогли приспособиться под ту, тяжёлую ситуацию, которая сложится с бумажным рынком после начала войны. Ведь их основной доход — это производство бумаги и картона. И экспорт этих материалов в Европу. Как только начнётся война с Германией, схлопнется и возможность доставки. А в 1917 году и России станет не до бумаги. Вернее, бумага-то будет ей нужна, но в обмен она не сможет ничего предложить, кроме новых, ничем не обеспеченных республиканских дензнаков.

Все эти мысли пронесли у меня в голове пока я выбирал себе листы резины разной толщины. Необходимую фурнитуру можно и самому вырезать. Было бы из чего.

— Здравствуй, Матти, — поздоровался вторично со мной и Леопольд Мехелин. — Скажи, вот куда бы ты тратил много электричества, если бы оно у тебя было?

— Ну, продавал бы населению и администрациям населённых пунктов. А также промышленникам.

— Так не очень хочет население переходить на электричество. Дорого, говорят! Керосин — дешевле!

— Почему? — удивился я. — Керосин же привозной, а электричество — местное.

— Очень дороги угольные лампочки. Быстро перегорают. Иной раз приходится менять их каждые три дня. Да и архитектурная директория выступает против установки мачт с проводами в городе. А подземная прокладка ненадёжна из-за бумажной изоляции, — вывалил на меня ворох проблем мужчина.

— Хм, — я даже запустил пятерню в волосы на затылке. У меня было не много познаний в электрике, но все выше перечисленные проблемы, были какими-то детсадовскими, как по мне. — Можно использовать электрокабели с резиновой изоляцией. Они дороже, но и дольше проживут под землёй. Пока вы градоначальник — это в вашей власти, проложить везде электропроводку...

— А с лампочками как быть? — перебил меня Мехелин, что-то азартно записывая в свой блокнот.

— Ну, вы же были в Париже. Там Александр Лодыгин представлял лампу накаливания с

вольфрамовой нитью, которая горела всё время выставки.

— А ведь точно! — согласился со мной градоначальник Гельсингфорса. — Можно попробовать выкупить у него лицензию на эту лампу! — И он продолжил что-то быстро писать в свою записную книжку.

Почему попробовать? Просто выкупить. Он же американцам продал генеральную лицензию за пятьсот долларов! И потратил эти доллары чтобы вернуться в Россию, так как считал себя патриотом. Всплыла у меня в памяти эта информация, давным-давно прочитанная в интернете. Так почему финнам он не продаст? Продаст, если они, конечно, решатся купить.

— Минутку! — воскликнул я и помчался в комнату Томми за газетами «Петербургский листок», которые я нашел уже в Гельсингфорсе, когда кузен не поверил, что описанные мною в книге электробусы уже вовсе существуют. Дед и Мехелин проводили меня недоуменными взглядами, но никак мой бег не прокомментировали. — Вот, — выложил я эти газеты перед ними. — Электрический транспорт!

— Интересно, — согласился со мной Леопольд Мехелин и, подняв со стола газеты, принялся читать заметки, на которые я указал. — Я их возьму, — поставил он нас перед фактом, закончив читать и свернув газетки, засунул их во внутренний карман своего костюма.

На этом он с нами и распрощался. Но визиты на этом не закончились, где-то ещё через час к нам заглянул Карл Стокманн, сын и наследник торговой империи Георга Стокманна. Нам с Томми пришлось опять по-быстрому накрывать стол, пока дед вёл разговоры с гостем. Но ни чая, ни кофе, гость так и не пожелал. Передал деду чек на тысячу франков от «Гельсингфорского сберегательного банка» (Helsingfors Sparbanks), первый мой гонорар от французского издательства «Леви», и ускакал, отговорившись делами и скорым отъездом в США.

— Держи, — протянул мне дед чек. — Пусть у тебя будет.

— А они не сгорят? Деньги. Вот так, в чеке? У него нет срока давности? — поинтересовался я, с интересом разглядывая бумажное денежное поручительство.

— Насколько я помню, они целый год действительны с момента их выдачи. Летом потратим на строительство твоей дамбы.

Ах вот оно что! Игрушку внуку придумал. И сам я снять нечего не смогу и буду бояться на неё даже дышать, чтобы не повредить столь ценный ресурс. А придёт время — отберут. Хитрый старик однако...

.....

— Итак, господа, начнём. Вы все знаете, что новым министром по делам Финляндии я назначил нашего министра финансов Сергея Юльевича Витте. Господин Витте подал мне рабочую записку о разногласиях его с Финляндским генерал-губернатором в вопросах реформирования этой провинции. Я счёл нужным собрать вас всех здесь вместе, чтобы окончательно прояснить ситуацию. Прошу, Сергей Юльевич, изложите нам суть ваших претензий к утверждённому плану вашего предшественника и генерал-губернатора, — с этими словами император Всероссийский Николай II откинулся на спинку сиденья и потащил из нагрудного кармана портсигар, намереваясь закурить.

— Ваше Величество, Ваше Высочество, господа, — Витте встал со своего места и, поклонившись императору и великому князю Михаилу Николаевичу, лёгкими кивками обозначил приветствие остальным присутствующим. С частью из них он успел

поздороваться, поднимаясь по «Советской» лестнице Эрмитажа в малый регистрационный зал бывших помещений Государственного совета.

В зале присутствовали: император Николай, его дед — великий князь Михаил Николаевич, который совмещал должности Кавказского наместника и председателя Государственного совета. Справа от Витте находились ещё два министра. Военный министр Куропаткин Алексей Николаевич и Дмитрий Сергеевич Сипягин, министр внутренних дел. Слева же одиноко, но гордо восседал генерал-губернатор Финляндского княжества Николай Иванович Бобриков.

— После отставки моего предшественника, — Сергей Юльевич предпочёл тоже обойтись без имён и фамилий, как и Николай II. — Николай Иванович довёл до меня утвержденный план по унификации и кодификации провинции. И у меня возникли вопросы, в первую очередь как министра финансов, на которые, господин Бобриков не смог дать мне ответа. И я был вынужден подать на ваше имя, Ваше Величество, рабочую записку для прояснения этой информации, — дождавшись легкого кивка императора, Витте продолжил. — Согласно манифеста вашего деда, императора Александра II, в 1879 году Финляндскому княжеству было разрешено иметь собственные вооружённые силы в количестве пяти тысяч шестисот штыков и сабель, за счёт внутреннего бюджета княжества. Тем же манифестом предписывалось всем подразделениям армии княжества приносить присягу по подобию и образцу императорской армии. В ныне утвержденном плане, предполагается роспуск всех финских военных частей с последующим призывом в новые части российской императорской армии на территории финского военного округа.

— Подождите! Сергей Юльевич, что значит — новые части? — взвился со своего места военный министр Куропаткин, но уловив тень недовольства на лице императора, повинулся. — Простите, Ваше Величество, не сдержался.

— А в чём дело, Алексей Николаевич? — проявил в ответ интерес к этому вопросу и царь.

— У нас, согласно плану, утвержденному вами, Ваше Величество, до 1903 года не предусмотрено развертывание новых частей.

— Вот и я про это, — кивнул, подтверждая нестыковки планов, Витте. — Кроме этого возникает коллизия с двойной присягой. Ведь финские войска уже приносили вам, Ваше Величество, присягу. А как мне известно, принимать её можно только один раз. Я прав Алексей Николаевич?

— Да, так и есть! — подтвердил слова Витте военный министр.

— Хм. Как же вы, Николай Иванович, упустили это вопрос, — с неудовольствием в голосе обратился император к генерал-губернатору Бобрикову. — Вы же опытный военный, на последней войне возглавляли штаб гвардейского корпуса, если не ошибаюсь.

— Не ошибаешься, — подтвердил его информацию великий князь Михаил Николаевич.

— Виноват, Ваше Величество, — почти проблеял побледневший Бобриков. — Не доглядел за предыдущим министром-секретарём. Понадеялся на его опыт. И вот...

— Я ведь говорил, нельзя доверять такую реформу гражданскому лицу, — подал со своего места голос и министр внутренних дел, которого ничуть не смущало то, что новый министр тоже из гражданских.

— Я помню, Дмитрий Сергеевич, — заверил его император и прикурил очередную папиросу от предыдущей. — Сергей Юльевич, а у вас есть решение этой проблемы? — Николай перевёл свой взгляд на министра финансов.

— Да! Есть! Если оно вас устроит.

— Прошу вас, озвучьте его.

— Как я понимаю, вся затея сводилась к тому, чтобы обезопасить Петербург от возможного восстания этих войск?

— Да, именно так, — подтвердил император.

— Тогда я предлагаю довести численность их батальонов до имперских стандартов и отправить гарнизоном в Дальний, — после слов Витте, в зале воцарилась прям могильная тишина.

— Прекрасный план! — первым отмер великий князь Михаил и даже захлопал в ладони. — За счёт казны провинции отправить вместо наших, русских войск, на потенциально опасное с военной точки зрения место финских стрелков. Прямо иезуитский план. Вы экономите, Куропаткин экономит, и убираете угрозу от столицы. А если их сенат откажется финансировать увеличение подразделений и службу вне княжества? — ехидно поинтересовался он у министра.

— У нас будет официальный повод разоружить их подразделения и обложить княжество дополнительными сборами на их оборону и защиту, — выдал Витте явно заранее подготовленный ответ.

— Всех отправить не получится, — опять вмешался министр внутренних дел Сипягин. — Их батальоны участвуют в охране границы и побережья с Швецией.

— Какие батальоны в этом участвуют? — отмер, наконец, и император. — Николай Иванович, вы же командующий финляндского военного округа! Доложите, — отдал он приказ Бобрикову.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — и, вытянувшись по стойке смирно, постарался доложить как можно более бравым голосом. — 2-й Абоский и 4-й Улеборгский финские стрелковые батальоны.

— А какие силы вообще можно будет отправить на новые территории если план господина Витте сработает?

— В княжестве дислоцированы семь стрелковых батальонов, один гвардейский стрелковый батальон и драгунский полк, — всё также стараясь держать выправку, бодро доложил генерал-губернатор.

— Хм. Тогда, если финны согласятся, отправим в Китай все войска, кроме Улеборгского батальона. Его разрешим увеличить до бригады и вы, Сергей Юльевич, заберёте его в свое ведомство, включив в корпус пограничной стражи.

— А что у них с артиллерией? Есть ли в их батальонах орудия? — спросил великий князь сразу после слов императора.

— Ваше Высочество, в финляндских подразделениях отсутствует артиллерия. Только стрелковое и белое оружие, — для этого ответа генерал-губернатор даже не заглянул в свою папку, явно хорошо подготовившись к докладу.

— Кстати, а почему у них нет пушек? — удивился и император. — Вот как их в Китай теперь посылать?

— Манифестом вашего батюшки от 1891 года финляндский пеший артиллерийский полк и финляндский морской экипаж были распущены. Все орудия полка переданы вместе со всем вооружением на хранение в арсенал финляндского военного округа. В 1894 году был сформирован 1-й финляндский стрелковый артиллерийский полк, в который и были переданы орудия предыдущего полка.

— Николай Иванович, ты меня совсем запутал. Расформирован, сформирован! Так он есть или его нет? — в раздражении император аж хлопнул ладонью по столу и, поморщившись, достал из портсигара очередную папиросу.

— Виноват! — рявкнул Бобриков, отчего поморщились и все остальные присутствующие в кабинете. — В моём округе и в войсках княжества этот полк отсутствует. Его передали в 24-ю артиллерийскую бригаду петербургского военного округа.

— Алексей Николаевич, распорядись вернуть полк финнам, — дал распоряжение Куропаткину император, которого уже стало раздражать это совещание.

— Никак нет! Не могу, Ваше Величество! Как же я им полк верну, если он полностью укомплектован призывниками из Киевской и Полтавской губерний? — теперь и военный министр стоял по стойке смирно и докладывал не менее громко, чем его предшественник.

— А какие артиллерийские системы были переданы в этот полк? — великий князь Михаил явно решил зайти с другой стороны вопроса. — Если это старые системы, то отдай их финнам, а полк перевооружи, — Дал он совет Куропаткину.

— Николай Иванович, что за системы были вами переданы? — почти взмолился в обращении к финляндскому генерал-губернатору военный министр.

— Это не при мне было, Алексей Николаевич. Но справку я подготовил, — и покопавшись в своей папочке, зачитал с найденного листа. — Тридцать четырёхфунтовых легких полевых пушек 1877 года и десять шестидюймовых полевых мортир 1885 года.

— Пффф! — выдохнул дым Николай II. — Алексей Николаевич, отдай ты им эту рухлядь, всё равно перевооружать полк будешь. Пусть себе по батальонам батареи распределят. Я надеюсь на этом всё, господа?

Глава 24

— Здравствуйте, здравствуйте, господин Ньюберг! — заголосили мальчишечьи голоса, как только мы вошли в комнату на втором этаже приюта.

Мы — это, собственно, я и мой родственник со стороны жены моего старшего брата Кауко. Дядя Ларс, как я называл его, был владельцем трёх заводов. Заводами скобяных изделий и паровых машин он владел ещё до моего явления в этот мир, а бондарный завод он приобрёл недавно, буквально после Нового года. Вместе с заводом ему достался и небольшой приют для мальчиков-сирот, который содержала бывшая владелица завода ради налоговых послаблений. Что, впрочем, не спасло её от разорения.

К моему стыду, я до попадания в Финляндию смутно представлял что такое бондарный завод. Нет, среди моих друзей были пацаны с фамилией Бондарь и Бондаренко, и нам даже на уроках истории рассказывали про бондарей, которые делали деревянные бочки. Но чтобы целый завод этим занимался? Для меня это было открытием. И только здесь, когда дед Кауко стал брать меня в поездки, я узнал кто, как и для чего производит деревянные бочки. Эта тара использовалась повсеместно для транспортировки и хранения всевозможных товаров. Помню, в каком шоке я был, когда первый раз увидел громадную деревянную бочку на два ома (300 килограмм) с солёным сливочным маслом.

Как и почему разорилась предыдущая хозяйка я не знал, но Ларс Магнус Ньюберг подбил моего дядю Каарло выкупить выставленный городом на торги бондарный завод. Естественно, дед особых денег на это дело не выделил, так как впереди маячило строительство железной дороги от кирпичного завода и дамбы со складами на моём острове. Но, тем не менее, эта парочка завод выкупила. На эти цели дядя Каарло даже взял кредит в банке.

Я сначала не понимал зачем нам бочки. Ну, разве что на строительную смесь, которую производили из боя клинкерного кирпича.

— У Ларса Ньюберга есть хорошие знакомства в Германской империи, и, он может заключить большой контракт на поставку сосновых семян, — пояснил мне дядька, приоткрывая тайну покупки. — У меня много шишек остаётся после сбора. Я даже не все пускаю на шелушение. А у нас семена недорого стоят, все предпочитают брать годовичные или двухгодичные саженцы. А немцы берут прямо в шишках, бочками. Да и смолы есть избыток, так что мы найдём чем заполнить тару.

Я с содроганием вспомнил дядин барак для шелушения шишек, который представлял из себя баню с устроенным внутри неё сетчатым барабаном. Шишки раскрывались при нагреве, и когда их крутили в барабане, из них выпадали семена с крыльчаткой. Но крутить надо целыми днями, в дикую жару. Адская работёнка. По-моему, даже хуже чем возле печи кирпичного завода.

После разорения предыдущей хозяйки завода приют временно попал под управление городом, а после обретения предприятием новых хозяев им на шею повесили и это детское учреждение. Вообще, опека детей, потерявших родителей, в княжестве была организована неплохо. В городах существовали как казённые, так и частные приюты. Создание частных приютов очень поощряется, так как в этом случае экономятся средства княжества на

пособия. Да и многие выпускники приютов остаются работать на предприятиях-шефах. А превратить приюты в полноценные рабочие дома мешает строгое законодательство, которое ограничивает труд несовершеннолетних в возрасте до двенадцати лет четырьмя часами. А после достижения двенадцати лет у детей есть выбор. Или работать полный день, или половину дня учиться в народной школе, а вторую половину посвятить работе.

Но это только в городах, в сельской местности сироту забирают родственники или назначенные общиной опекуны. У нас, в Яали, представителями опеки являлся пастор и церковный староста. И они же выдавали пособие, которое платит губерния на каждого сироту до двенадцати лет. В Улеборгской губернии пособие небольшое, всего одна марка в месяц. А вот в столичной Гельсингфорской губернии, как говорят, пособие аж целых пять марок на человека.

Каждый месяц наш пастор проводит «Службу ключей», так называется у нас исповедь. Она добровольна — как любит повторят отец Харри, но все прихожане от семи лет и старше, участвуют в ней обязательно. Через исповедь пастор и контролирует взаимоотношение опекунов и опекаемых.

А вот мне вначале даже пришлось придумывать самому себе грехи и стараться особо не повторятся, чтобы отец Харри ничего не заподозрил. Хорошо, что мои братья-рыцари в нашем узком кругу обожали рассказывать друг другу о своих грехах. А иногда в споре о их крутости дело доходило и до драк. Я же, пользовался случаем и запоминал все их «страшные» прегрешения, которые в основном сводились к непослушанию и непочитанию взрослых и использовал при личной исповеди.

Когда новые хозяева получили в нагрузку к заводу и приют, их как опекунов обязали проводить раз в год культурно-массовые мероприятия. Обычно это были походы в приезжавший в город цирк и посещение местных театральных постановок. Кто из моих дядей додумался пригласить в приют для литературных чтений писателя Хухту, я не знаю, но с месяц точно отбрыкивался от их поползновений. Пока не вмешался дед Кауко и не заставил меня провести эту встречу. И вот сейчас я обзирал дюжину мальчишек в возрасте от восьми и до тринадцати лет, вскочивших с лавок при нашем появлении.

— Мальчики, перед вами писатель Магги Хухта, чьи сказки про Мумми-Тролля вы наверняка читали, я видел эти книги в вашей библиотеке, — и дядя Ларс правой рукой указал на меня и кивнул в сторону небольшой книжной полки, висевшей на деревянной стене. — Сегодня он расскажет вам про новую написанную им книгу. Магги, оставляю вас, как ты и просил. Зайду за тобой минут через сорок.

Сказал и свалил, оставив меня одного перед мальчишками разного возраста. Самому младшему на вид было, как и мне, восемь-девять лет. Старшему, наверное, двенадцать-тринадцать. Но, так как я рос аномально, то ростом чуть-чуть не дотягивал до их старшего. Ну, я так определил, на глазок. Тем более, что дети как вскочили с лавок, установленных вдоль длинного стола, так и остались стоять.

— Добрый день, господа. Садитесь, — произнес я первые слова и почувствовал себя как учитель в школе. — Совсем недавно я написал новую книгу и хотел бы рассказать вам про неё...

— Не верю! — перебил меня старший пацан, сидевший с самого края лавки.

— Чему именно? — чуть ли не радостно спросил я у него.

Я-то боялся, что мне попадутся какие-нибудь забитые жизнью дети, которые молча выслушав меня и приняв подарки, тут же забудут о моём визите. А вот спор, это хорошо. Это

говорит, что наша встреча может выйти интересной и продуктивной. А может, наоборот, перерасти в конфликт. Ну, тут всё от меня зависит.

— Что вы, ты, — мальчишка на мгновение сбился в сомнениях, как меня величать, но видимо решив, что снявши голову — по волосам не плачут, продолжил. — Ты, скорее — «золотой кролик», которому за деньги кто-то написал книгу, а теперь ты — знаменитость. Вот! — и гордо задрал голову, обвел взглядом остальных. Видали, мол, как я его?

Паренёк, называя меня «культу пу-пу», явно провоцировал конфликт. Простой кролик (kani) не шёл ни в какое сравнение с оскорбительным кроликом (pu-pu). Так называли здесь мажоров, золотую молодёжь, которая, в случае проблем, сразу пряталась за спины взрослых и сама за себя постоять не могла. Видимо, хотел меня обидеть так, чтобы я плюнув на всё, ушёл и оставил их в покое.

— Тебя как звать? — решил я сменить тему и зайти с другого фланга.

— Звать меня Ванхемпи (старший), — прошипел в ответ мальчишка, то ли странное имя, то ли прозвище. — И я здесь решаю кто говорит первым! Только...

— Вот и прекрасно! — грубо перебил его я. — Распорядись, нагреть самовар. А то тут мои бабули пирожков вам напекли.

С этими словами я поставил на стол мешок и развязал его. По комнате сразу поплыли сногшибательные запахи свежей выпечки с лесными ягодами, отчего сразу с нескольких мест послышались громкие голодные сглатывания и урчание животов.

Когда бабушки узнали о том, что я на следующий день еду в детский приют, они тут же заявили, что в гости с пустыми руками нельзя, и припрягли меня месить тесто. Влезший было с советами о начинке печева дед Кауко схлопотал по шее и позорно утёк, бросив внука на произвол судьбы.

— Ммм, — замялся предводитель приютских при виде горы румяных пирожков. — Ну, да. Это можно, — согласился он и, явно взяв себя в руки, скомандовал. — Кирппу, Йоха, самовар разогрейте, бегом! Туме, Татта, тащите кружки и тарелки!

В комнате сразу поднялась суeta и пацаны забегали, как наскипидаренные. Двое, явно десятилеток, схватив полуведёрный самовар рванули за дверь. Ещё двое, начали доставать из посудного ларя кружки и блюда.

— Меня зовут Мауно. Мауно Утила, — всё же представился местный вождь и, как бы нехотя, протянул мне руку.

— Матти Хухта, — в ответ представился и я, хотя, дядя Ларс уже представлял меня. И пожал его протянутую руку.

Пацан явно хотел с силой пожать мою лапку, даже так показывая, что он здесь главный. Но я ответил тем же, и мы почти на минуту застыли в силовом рукопожатии, глядя друг другу прямо в глаза.

— Силён, — констатировал он, после того как сам, первый, разжал руку. — Так это правда, что ты сам пишешь книги?

— Честное пионерское! — я вскинул правую руку в пионерском салюте, так как был в своей форме, с галстуком и различными нашивками.

Мальчишка вначале испуганно дёрнулся из-за моей вскинутой руки, но быстро сообразив, что это элемент какой-то клятвы, засыпал меня вопросами про пионеров и нашу организацию. Почти всё чаепитие я рассказывал ему и остальным кто такие пионеры, какие у нас задачи. Отдал им привезённые с собой копии текстов устава, правил и пионерской песни.

Я так увлекся рассказами про наш отряд и наши приключения, что не заметил даже прихода Ларса Ньюберга за мной. Так и не успел им рассказать про новую книгу «Волшебные спички». И просто оставил три экземпляра её на столе. Зато договорился с дядей Ларсом, что на пасхальные вакации он привезёт к нам, в Яали, Мауно, который уж очень хотел увидеть вживую наш отряд.

И уже в самом конце, ко мне робко подошёл мальчишка, которого Отто назвал Кирппу (блоха), отправляя разогревать самовар.

— Простите, господин Хухта, — мальчишка замялся, но всё же справился с, то ли стеснением, то ли боязнью. — Вы сказали, что вы с Яали. А вы не знаете, живут ли там тетя Ханна и дядя Отто Макела?

— Он учителем в школе работал? — и дождавшись кивка, огорошил мальчика ответом. — Умер он. В прошлом году. От гриппа. А жена его жива. Родственники твои?

— Да, — прошептал парнишка. — Тётя Ханна — родная сестра моей матери.

— А чего же ты тогда здесь? — искренне удивился я. — Никак сообщить не могли, что ли?

— Мы в Брагестаде жили. А когда родители умерли, я решил сам до тётки добратсья. Но меня поймали на железной дороге. И сюда определили. Даже слушать не захотели про родню, — быстро-быстро выпалил пацанёнок, будто боясь, что я не дослушаю и уйду.

— Звать-то тебя как? А то, что я скажу твоей тётке? Не про блоху же рассказывать?

— Ой. Извините, господин. Я это, я Петри Хакала.

— Ясно. Сейчас запишу и вечером или завтра сам ей расскажу о тебе.

— Спасибо, господин Хухта!

По приезду домой, за ужином, я рассказал родным о встрече и не забыл упомянуть про Петри Хакала. Чем вызвал непонятное мне оживление, а дед, забыв про еду, оделся и ушёл, сказав, что пойдёт навестит Ханну Макела.

— За два года до твоего рождения семья Хакала продала свой хутор и земли нам, — пояснил мне отец. — Это то самое болото, где мы торф сейчас добываем. Да и дружили мы семьями. Если Ханна не возьмёт племянника, то мы сами его к себе возьмём. Ты как, Эмма? — обратился он к матери.

— Конечно, Матти! Они же нам как родные были. Мы с ними вместе росли, — и одобряюще накрыла своей ладошкой кулак отца на столе.

.....

В конце марта к нам приехал из Швеции дядя Бьорк, старший брат моей мамы. И привёз хорошие новости о цене строительства железной дороги от нашего кирпичного завода и до Улеборга. На организованном дедом Кауко совещании собрались все совладельцы завода и я, в том числе.

Сначала дед попытался меня турнуть, не из-за вредности, а из-за того, что меня, вместе со всеми моими пионерами, включили в состав церковного хора, и сегодня была как раз репетиция перед Пасхой, которая в этом году припала на седьмое апреля. Но наш управляющий, англичанин мистер Райт, вступился за меня, заявив деду, что мастер Хухта будет ему нужен на этом собрании.

Я несколько раз безуспешно попытался донести до деда, а потом и до отца, как я сам вижу нашу будущую железную дорогу. Но от меня и от моих каляк-маляк отмахнулись, как от назойливой мошкары. Поэтому я и пошёл к мистеру Райту, который, в отличие от родни, меня очень внимательно выслушал и предложил немного подправить мой план. В итоге,

после долгих часов обсуждения мы с ним и готовились представить всем то, что мы придумали.

Шведский подрядчик, которого нашёл дядя Бьорк, брал на себя проектирование дороги и строительство путей. С нашей стороны было только финансирование, получение разрешения на строительство и возведение моста через речку Калимеэноя в селе Корвенкюля. Мост, для экономии, решили поставить пока деревянный.

— А ездить-то что по этой дороге будет? Где мы паровозы возьмём, — неожиданно влез в разговор, дремавший в своём углу дядя Тапио.

— Один паровоз можно переделать очень быстро под вашу колею. Он как раз есть в наших мастерских. И он продаётся. Шесть тысяч крон, — ответ на этот вопрос дядя Бьорк явно подготовил заранее.

— Девять тысяч марок? — влёт конвертировал валюту дед Кауко. — Это что же за рухлядь там по такой цене? В Гельсингфорсе, тридцать тысяч марок хотят за старый английский «Dubs».

— Хороший, кстати, паровоз, — подал голос и наш управляющий. — Очень хорошо подходит под то, что мы придумали с юным мастером.

— И что вы там придумали? — с подозрением в голосе осведомился наш глава клана. — Давай, Матти! Не тяни. Сбежал с хора, так хоть здесь дело предложи.

— Надо строить железную дорогу не только до нашего завода, а и до Кийминки. И запускать пассажирские перевозки. Так мы ещё быстрее окупим свои затраты на строительство.

Пока взрослые, выпав в осадок от моего плана, потихоньку пытались прийти в себя, я со скоростью пулемёта выдавал всё, что мы подготовили с мистером Райтом. Про цены на перевозки, пассажиропоток и строительство станций.

— Ну, ты! — отмерший дед погрозил мне пальцем. — Нам и так придётся кредит брать, а ты хочешь ещё удлинить маршрут! А это лишние полмиллиона марок. Откуда деньги брать?

— Из комода, — зло буркнул я.

— Ах ты, мелочь беспузая! Над дедом издеваешься? А ну...

— Пойдите, херра Хухта! А ведь очень хорошая идея! Ваш внук придумал не просто лишний способ дохода, а он придумал долговременный способ. Что будет, когда у вас закончится глина в карьере? Вы всё забросите и распродадите? А перевозка пассажиров — это всегда и во все времена выгодно, — внезапно перебил деда дядя Бьорк.

— Когда это треклятая глина кончится, меня уже не будет на свете! И это будет уже не моя проблема. И угораздило же меня найти твою свистульку! А, чертёнок бесхвостый? — и дед с такой злобой зыркнул на меня, что я инстинктивно вжался в стул и постарался стать как можно меньше и незаметнее. И чего это на него нашло?

— А, то есть ты тогда будешь лежать в гробу и посмеиваться над нашими проблемами? — отец со всей силы хряпнул своим кулачищем по дубовому столу, отчего жалобно звякнула чернильница, а несколько карандашей подлетели в воздух. — Ты же сам, как одержимый, втащил нас в это дело с кирпичным заводом и железной дорогой, обещая вечные блага нашим семьям! А когда у тебя спросили: «а что дальше»? — ты на моего сына вину перекладываешь? — И отец стал демонстративно закатывать рукава своей куртки, показывая свои намерения.

— Господа! Господа! Давайте успокоимся! — попытался переорать начинающиеся

семейные разборки дядя Бьорк. — У меня есть личные накопления и капитал моей супруги. И если вы будете согласны, то я профинансирую и возглавлю наше общее акционерное общество пассажирских и грузовых перевозок.

Его предложение немного успокоило всех присутствующих. Но только до того времени пока не начали обсуждать название новой корпорации и доли присутствующих. Посмотрев и послушав крики взрослых, я понял, что ничего сегодня мне больше не дадут предложить и тихо, по-английски, утёк в пампасы.

.....

Приехавшего к нам на Пасху Мауно Утила я сплавил на попечение своего бывшего капрала Ялмара Стрёмберга. В пионерском отряде он получил от меня звание «мастера-пионера» и нашивку на левый рукав виде трёх малых белых звёздочек.

Так как никаких особых званий в пионерской организации моего мира я не знал, то пришлось придумывать всё с нуля, взяв за основу скаутские звания. Про скаутов я только читал и смотрел документальный фильм. Мои дети в своей школе ни в какие детские организации не вступали, поэтому получилось то, что получилось.

Самыми младшими в моей придуманной структуре шли пионеры-стажёры, затем однозвёздные, двухзвёздные, трёхзвёздные, мастер-пионер и шеф-пионер. Я решил, что пионерами, как и скаутами, можно быть всегда, невзирая на возраст. Себе же я своей волей присвоил звание «диктатора», с одной большой белой звездой на рукаве формы. Никто из моих пионеров и не возражал, все уже давно привыкли, что я их «диктатор».

С нашивками за выполнение определённых достижений было плохо. Всего, достижений было пока четыре: бег на лыжах, стрельба из винтовки, разведение костра и «ГТО». В само «ГТО» я включил простой бег, подтягивание, отжимание и умение плавать. Нашивки шила сестра Анью. Получались они у неё разными и великоватыми, но мои пионеры были рады и таким.

Петри Хакала по прозвищу Блоха переехал из приюта к своей тётке довольно быстро. Не знаю кто, где и на какие рычаги нажимал, но через полторы недели он уже ходил в нашу школу. Ханна Макела была рада просто безумно, что обрела своего родного племянника. Детей у неё не было, и появление Петри она воспринимала как дар божий. Но особо пацана не лелеяла, а вовсю обучала премудростям ведения хозяйства.

Я же, ночью, спев в церковном хоре на торжественном пасхальном богослужении гимн «Бог — наш оплот», написанный самим Мартином Лютером и переведённый на финский, и толком не выспавшись, вовсю спешил на кирпичный завод. Где, именно сегодня утром, я, наш управляющий и дядя Каарло, собрались испытать горизонтальный древокол по моей схеме.

Все нормальные дети, и мои пионеры в том числе, наверное, наслаждаются сейчас вкусом мями и выпечки, если конечно уже проснулись. Ничего, я ещё успею. У лютеран Пасха празднуется почти месяц. Единственный минус — это необходимость христосоваться весь месяц. И это у нас ещё не очень долго, говорят, у шведов Пасха празднуется все пятьдесят дней.

Из всех местных церковных праздников я люто ненавидел только один. «Пепельную среду». Мало того, что это начало поста, так ещё в церкви отец Харри посыпает голову каждого ребёнка освященным пеплом. Причем, взрослым только рисуют пеплом крест на лбу, а нам, бац на голову и елейным голосом «кайтесь». Бррр.

Испытания древокола, в котором горизонтальный поршень толкал чурку на

крестообразный нож по металлическому желобу, увенчались полным успехом. Мы за полчаса превратили в дрова все чурки, на рубку которых уходил целый день. Дядя Каарло отметил только то, что дровокол надо ставить на возвышении, чтобы получающиеся дрова сами с высоты падали в телегу. И с обратной стороны привода надо доделать циркулярную пилу, чтобы сразу пилить бревна на чурки. Теперь осталось только презентовать этот станок деду, а уж он точно сделает на нём деньги.

Когда в парке «Эспланады» Гельсингфорса поднялась какая-то нездоровая суета, Аксель Лиль только-только удобно устроился на лавочке. Он специально сел посередине, по бокам от себя разместив трость и зонтик. Его друзья, Арвид Неовиус и Рудольф Эльвинг, с которыми он намеревался сегодня устроить мальчишник в ресторане «Клиппан», по какой-то причине задерживались. А желающих присесть на свободное место, даже к незнакомому человеку, всегда хватало. А так и приличия соблюдены, и никто его не побеспокоит.

Надо бы попенять Рудольфу, как члену городского совета, на малое количество лавочек в парке, подумал Аксель, но развить эту мысль не успел. Из-за здания Шведского театра стали вылетать, как мячи для крикета, мальчишки-газетчики, что-то оружие во всю свою глотку. Народ засуетился, газеты расхватывались прямо на лету, и до опешившего Акселя добрался только один мальчишка с всего двумя экземплярами «Финской правды» в руках.

— Пулемёты! Нам нужны пулемёты! — прохрипел он явно из последних сил и слегка помахал двумя газетками.

— Держи, — кинул мужчина мальчишке монетку в пять пенни и, получив газету на руки, тут же забыл о газетчике, переключив всё внимание на передовую статью. Хоть Аксель и был активным членом шведской партии и читать крестьянскую прессу ему было не к лицу, особенно здесь, прилюдно, в парке, но статья с заголовком «Пулемёты для Особой Китайской бригады» привлекла его внимания и, начав читать, он увлёкся. Всё же Ээро Эркко один из лучших журналистов Финляндии, промелькнула где-то на задворках сознания, занятого обработкой читаемого текста, мысль.

Аксель Лиль так увлекся чтением, что пропустил появление своих приятелей. Оторвался только тогда, когда кто-то, подобрав его зонтик с лавки, присел рядом. Мужчина было дёрнулся отчитать нахала, но наткнулся на насмешливый взгляд Рудольфа Эльвинга. А подняв голову, обнаружил и стоящего рядом Арвида Неовиуса.

— Чем ты так увлечён? Ба! Да это же «Финская правда»! Арвид, погляди на нашего умника — и что он читает! И что интересного пишут? Поднялись цены на картофель? — Эльвинг, или как он предпочитал трансформировать свою фамилию в Эльфинг, пребывал явно в хорошем расположении духа, чего нельзя было сказать про Арвида Неовиуса. Их друг — марксист явно страдал с похмелья и выглядел мрачным и помятым. Он был единственный из этой троицы, кто не состоял в шведской народной партии, а почти в открытую заявлял о своём членстве в РСДРП. И даже успел поучаствовать в её первом съезде в Минске.

— Да вот. Наш малыш Хухта опять учудил! Прислал Ээро Эркко чек на тысячу франков, которые получил за издание своих книг во Франции. И попросил того купить на эти деньги пулемёт и передать в Китайскую бригаду.

— Кто бы ему позволил? — сдвинув тросточку Акселя, приземлился на лавочку и Арвид, обдав своего приятеля ядрёным перегаром.

— Фу! — замахал Аксель на него газетой. — Ты что вчера пил? Керосин, что ли? И что ты имеешь ввиду, что Эркко всё подстроил для своей статьи?

— Не помню что пил. А с Эркко станется. Хотя, хорошая придумка. Сейчас все ринутся тоже что-то для армии жертвовать.

— Здесь фотография чека на предъявителя, с именем Матти Хухта. На, сам прочти!

— Ой! Мне бы пива. А ты газеты съешь, — слабо возмутился его приятель, не

на фотографию взглянул. — Нет! Не думаю. Без одобрения взрослых ребёнок этого бы не сделал сам.

— Давай мне, — забрал газету из рук приятеля Эльвинг и принялся читать. — А что? Хорошая идея! И очень выгодна нам — произнёс Рудольф, закончив чтение.

— Нам?! — искренне удивился Аксель. — Это как же?

— В редакции «Финской правды» открыт пункт сбора помощи. Завернём туда и внесём пожертвования...

— Ты с ума сошёл? Что про нас подумают однопартийцы? — возмутился Лиль.

— Что мы патриоты своей страны. Если наши газеты закрыты, то внесём в фонд «аграриев» и расписку возьмём. А если они будут печатать списки жертвователей, то ты и с этой распиской, и с этой газетой в понедельник пойдёшь в канцелярию генерал-губернатора. Где и попросишь снять запрет на наши газеты «Викинг» и «Новая пресса» для начала сбора помощи военным. Думаю, что не откажут. Тем более, я в воскресенье объеду всех наших сенаторов и попрошу о всемерной поддержке, — Эльвинг покопался в своём бумажнике и извлек купюру. — Вот, я готов пожертвовать пятьсот марок.

— Я на мели, — пробормотал Арвид. — На сегодня хватит погулять, но за более крупной суммой надо идти в банк или к отцу.

— Не думаю, что это хорошая идея, в твоём состоянии попадаться на глаза генералу. Твой отец тебя, ещё чего доброго, под домашний арест определит.

— Да, папа Фритьоф такой. Так что, пожертвования — это без меня.

— Я думаю, что и моих пятисот марок хватит. А с вас оплата ресторана тогда, — и совершенно неожиданно для всех окружающих громко свистнул, привлекая внимание и останавливая проезжающий мимо экипаж.

— Ты бы хоть предупреждал, — осуждающе произнёс марксист, вставая с лавочки. — Я даже малость в себя пришёл от неожиданности.

Аксель Лиль, подобрав свой зонтик и трость, тоже поспешил вслед за приятелями, уже усаживающимися в коляску. Давно зная Эльвинга, он чего-то подобного и ожидал от товарища, который своими выходками просто обожал эпатировать окружающую публику.

.....

Конец апреля принёс новости, которые меня полностью убедили, что этот мир не мой, прежний, а какая-то параллельная реальность. Вместо того чтобы распустить финские войска, власти решили их отправить в «Жёлтую Россию», как назвал в своей статье, опубликованной в «Петербургском листке», журналист Илья Левитов территории Маньчжурии, доставшиеся империи после подавления восстания ихэтуаней.

Всё финляндское общество моментально разделилось на два лагеря: на тех, кто был за сохранение армии даже таким оригинальным способом, и тех, кто против. Так как войска отправлялись на восток, на десять лет, то срок службы по призыву был поднят до пяти лет, с отменой всех предыдущих льгот. Я до этого как-то особо и не интересовался тем как и почему служат финны. А теперь с удивлением узнал, что до сегодняшнего дня срок службы составлял всего два года для получивших четырёхлетнее образование и один год для выпускников училищ и университетов.

До злополучного указа служба в местных подразделениях считалась чистой синекурой. За исключением Абоского и Улеборгского батальонов все остальные части занимались лишь шагистикой, стрельбами и раз в год участвовали в парадах. К тому же, солдат нередко привлекали к довольно неплохо оплачиваемым строительным работам. И, естественно,

увеличение срока службы и перевод из резервных рот в стрелковые батальоны рядовой и унтер-офицерский состав восприняли не однозначно.

Было даже несколько случаев, когда офицеры подали прошения об отставке и переводе в Улеборгский батальон, который внезапно преобразовали в пограничную бригаду и переподчинили российскому министерству финансов. Всё это подробно освещалось в прессе. И после вала критики читателей в отношении этих офицеров, многие из них отозвали свои прошения.

Полностью убедившись что это другой мир, я понял, что могу делать всё, что захочу, и решил внести свой небольшой вклад в происходящее. А точнее, отправить Ээро Эркко чек на тысячу франков, который зимой мы получили от Стокманнов. Своими действиями я убивал сразу двух зайцев: мстил деду, который по какой-то мне неизвестной причине начал патентную регистрацию схемы моего дровокола на своё имя, и вносил свой посильный вклад в защиту солдат в будущей русско-японской войне.

В работах по созданию горизонтального дровокола принимали участие кроме меня ещё и наш англичанин, мистер Райт, и мой дядя Каарло. Идея была моя, а работа руками и финансирование — их. О том, что дед в отправленных на регистрацию в патентное бюро Гельсингфорса документах поставил своё имя, я узнал из полученной почты в отчёте нашего юриста. Подходить и интересоваться, что дед творит, я не стал. Раз сам не сказал, то и тут отмажется.

Написал довольно небольшое письмо главному редактору «Финской правды», с просьбой обратить его внимание, что головные уборы в стрелковых батальонах имеют белый верх и очень хорошо демаскируют. А самое главное, попросил того поспособствовать в покупке любого доступного пулемёта (konekivääri), патронов к нему и передаче в любое подразделение финляндской армии, отправляющийся в Китай. «Вокруг них будут тысячи и тысячи туземцев, а у них — только лёгкое стрелковое оружие», — добавил я эмоций, не забыв разъяснить, что это за чек и откуда он у меня взялся. А то дотошный дядя Ээро может и вернуть его письмом моим родителям.

Не доверяя местной почте, опять-таки по рекомендации Ээро Эркко, я собирался отправить заказное письмо с помощью её железнодорожного аналога. В 1890 году местная почтовая служба была присоединена к имперскому министерству почт и телеграфов, и нередко были случаи перлюстрации отправок. Тем более, что я уже несколько раз пользовался услугами железнодорожной почты, отправляя свои рассказы или стихи в столицу.

Случай попасть в Улеборг и отправить письмо, подвернулся довольно скоро. Мне и так нужно было в город, в оружейный магазин, и я уже собирался попросить о поездке кого-либо, но не успел. Дед сам взял меня с собой за покупками. Он продолжал моё обучение на собственном примере, покупая или продавая что-либо, попутно рассказывая и объясняя, а вечером частенько устраивал экзамены, проверяя что я запомнил, какие были цены и почему он выбрал именно это, а не то. В этот раз я успел только пообедать после школы, как мы, я, дед Кауко и мой брат Эса, выехали в столицу губернии на двух фурах за солью.

Проезжая мимо вокзала, я отпросился на пять минуток «отправить письмо», пообещав догнать их на складе. Мог бы и не спешить, соли на складе хватило только на дедову фуру. Дед Кауко поворчав на нерасторопных торгашей, оставил меня и брата дожидаться, когда подвезут соль из порта, а сам поехал домой.

— Эса, мне надо в оружейный заскочить. Без меня справишься? — обратился я к брату,

который воспринял вполне спокойно приказ деда остаться и дожидаться соль, и сейчас, сидя на облучке фуры, читал юмористическую повесть «Сапожники Нумми» Алексиса Киви.

— Пфф, — фыркнул брат и, оторвавшись от книги, поинтересовался. — Опять патроны? Ты же вроде недавно брал пару сотен, или вы уже сожгли их?

В ответ я только пожал плечами.

— Ну, мы же много стреляем. И я не только патроны. Я и новые винтовки заказал. Только деду не говори, хорошо?

— Ого. Дорого небось? — и хитро прищурившись, спросил. — Чем задобришь моё молчание?

— Винтовку хочешь?

— Твою пукалку? Не, мне такое не нужно.

— А берданку? И сотню патронов?

— Издеваешься, мелкий? Откуда у тебя берданка?

— Ты мне не веришь? Когда я тебя обманывал?

Отдавать в качестве подарка за молчание одну из найденных на телах мертвых золотостарателей винтовку было жалко, но ещё как минимум три-четыре года стрелять из этого четырехлинейного монстра для моей мелкой тушки было крайне опасно. Переделочную винтовку Квашневского я, конечно, сохраню, но вот простой берданкой и пожертвовать можно.

— Хмм! Ты это серьёзно, Матти?

— Вот те крест! — перекрестился я и добавил для верности. — Чтоб я лопнул, ежели обману.

— Хррр, — хрюкнул в ответ братец. — Тебя надо несколько лет откармливать, чтобы ты лопнул. Ладно, поверю и даже не буду спрашивать откуда у тебя винтовка. Ты другое скажи, там у тебя много груза? Ты же в магазин херра Кухуса? Может, ты меня там подождёшь?

На этом и договорились, и я рванул в оружейный магазин. Все дело было в том, что мы расстреляли ствол на моём итальянском карабине. На последних пострелушках внезапно выяснилось, что попасть точно в цель даже со ста метров практически невозможно. Мы с пацанами сначала грешили на сбитый кем-то прицел, но пристрелка, ситуацию не исправила. Что на самом деле было причиной этой проблеме, я мог только предполагать. Или сказалось невысокое итальянское качество, или изначально небольшой жизненный ресурс ствола. Всё-таки это был кавалерийский мушкет (Moschetto da Cavalleria), как он значился в документах. И стрелять из него предполагалось немного. Хотя могу и ошибаться.

С самим торговцем у меня сложились странные отношения. Первый раз у херра Кухуса мне покупал патроны дед. Затем он пару раз писал хозяину магазина записки, а покупал уже я. Но последний год торговец мне верил на слово и продавал патроны без каких-либо подтверждающих документов. Месяц назад я решил проверить, можно ли у него купить что-нибудь более серьёзное. И покопавшись в его каталоге, нашёл мой карабин. Правда цена на него была значительно выше той, которую выложил отец в Гельсингфорсе пять лет назад.

— Херра Кухус, я могу у вас заказать парочку таких винтовок? — обратился я к хозяину магазина, когда после ухода очередного клиента мы остались практически наедине, если не считать его приказчика занимавшегося подсчётом каких-то патронов. — Вот, номер тридцать четыре в вашем каталоге, — ткнул я пальцем в рекламный журнал.

— Хм, — мужчина посмотрел на меня очень странно, но тем не менее ответил

согласием. — Конечно, молодой господин. Вы можете заказать что угодно, но оружие, я отпущу только взрослому.

Я на пару минут подзавис, пытаюсь определить, кого из знакомых взрослых можно будет привлечь к этой покупке более безопасно для меня. И остановив свой выбор на своём старшем брате Кауко, который проживал в городе и работал телеграфистом на железнодорожном вокзале.

— Хорошо, херра Кухус. А вас устроит, если я расплачусь рублями? — решил я всё же потратить часть денежной заначки снятой с мертвых золотодобытчиков.

— Не вижу никаких проблем, молодой человек. Так что? Заказываете?

Естественно, я заказал. Два карабина, пятьсот патронов и деревянную кобуру-приклад к имеющемуся у меня пистолету Бергман № 3. И вот теперь настал день «Х», когда я получу на руки оплаченные и уже находящиеся в магазине мои покупки. Правда, брат будет другой, но не суть. Главное, что и ему выдадут.

Пока в магазине господина Кухуса дождался появления нашей фуры, весь извёлся, успеет ли братец к закрытию магазина или нет. Но всё прошло стандартно. И Эса успел, и ему спокойно выдали мой товар, и даже помогли загрузить под тент повозки.

— И куда ты будешь девать всё это добро? — поинтересовался у меня братец, когда мы пересекли стальной шоссейный мост через реку Оулуйоки.

Я, проводив взглядом ажурное переплетение стальных балок над головой, которые всегда, пробуждали во мне воспоминания про свой первый день появления в этом мире, ответил:

— Сделаем крюк на завод и сгрузим в мою каморку.

— Ладно, — согласился братец. — Заедем и сгрузим. Но если завтра утром ты не принесёшь мне обещанное, то я всё расскажу отцу.

— Я же пообещал! Но не утром, а во второй половине дня. Мне же в школу завтра, — укорил я братца, вскинувшемуся было в возмущении.

.....

— Стоять! Стоять, кураперси!

— Ааа! Уууу...

Это дед Кауко в немыслимом прыжке поймал меня и, схватив за ухо, стал его выкручивать. Извернувшись в его руках, под вспышку боли в выкручиваемом ухе, я со всей своей силы зарядил кулаком уже в его ухо, наклоненное ко мне ближе всего. Дед, не ожидавший от меня подобной прыти, разжал свои клешни и плюхнулся задницей на пол. А я, получив свободу от его рук, рванул на улицу.

Бежал в полной темноте и матерился от боли, от возмущения и от переполнявших меня ещё сто тысяч пятьсот других эмоций. Пока не споткнулся и не упал. И только тогда расплакался.

Сколько я так пролежал, не знаю. Но ясность мышления мне вернул холод. Замерзли босые ступни. А вместе с холодом мне в голову пришла мысль — что же я наделал и как из этого выкручиваться? Ведь получается, что я поступил совсем по-детски. И придумку потерял, и деньги сам, добровольно, отдал. Назло деду уши отморозил? Вот я дурачок.

Моё письмо с чеком Ээро Эркко использовал явно сразу по получению. Свежую «Финскую правду» со статьёй про нашего мальчика приволокла сестрица Тюуне вечером воскресенья, ровно через три дня после отправки мной письма в столицу княжества. И отдала газету деду Кауко, который в одиночестве в гостинной что-то подбивал на счётах.

— Магги!!! — громкий крик деда я никак не мог проигнорировать, хотя он мог звать и отца.

Тем более, что мне и так хотелось отвлечься от писанины. Я начал работу над серией книг по сюжету Джингликов Олега Роя. Переработал мир очень серьёзно, оставив только сами приключения. Английское название Джингл-сити пришлось выкинуть и заменить на OutoKaupunki (Странный Город). Естественно, что пришлось поменять и имена героев населяющих этот город. Все, кроме Бедокура, обзавелись финскими аналогами своих имён. А главного нарушителя спокойствия пришлось переименовать в Хулигана (Öykkäri).

Работать над текстом мне удавалось только по вечерам, так как день был плотно занят школой, моими пионерами и разучиванием в церкви гимна «У рек Вавилона» на приближающееся «Вознесение Христово».

С удовольствием отложив перо, спустился вниз, где на крик деда, кроме меня вышел из своей комнаты и отец. И совершенно не ожидая никакого подвоха, пропустил удар свёрнутой газетой по лицу.

— Ты! Ты потратил наши деньги! Саатанан какарат! Да я тебя! Саатанан сика, придушу своими руками! — прыгнул ко мне с такой резвостью, что я даже не успел ничего предпринять.

Зато потом, дурак этакий, сообразил. Это же надо! Деду в ухо зарядить! Как мне теперь домой возвращаться? Может стоит рвануть к своей заначке и податься в бега?

Поднялся на ноги и подойдя к ближайшему дереву, пару раз стукнулся лбом об ствол.

— Помогло? — неожиданно раздался откуда-то сбоку, из темноты, голос отца.

Я аж подпрыгнул от неожиданности и обернулся. Отец стоял возле другого дерева, а совсем рядом маячил наш забор. Это что? Я кругами бегал, что ли?

Силуэт отца рывком приблизился, и я испуганно сжался, ожидая только плохого. Но отец, внезапно взьерошив мне волосы, притянул к себе и обнял.

— Мы с мамой полностью на твоей стороне. Это были твои деньги, и ты был волен решать на что их потратить, но посоветоваться-то мог с нами?

Я стоял и не верил своим ушам. Это мне говорит человек, который отобрал у меня мои первые заработанные три марки? Где-то что-то сдохло явно очень большое. Или это он так за несколько лет поменялся? Не верю! Здесь какой-то подвох. Сейчас заманит в дом сладкими речами, а там они с дедом вдвоём за меня возьмутся. Хотя, ты же сам прекрасно знал, на что идёшь, отправляя этот чек. Зато отомстил.

— Дед говорил, что вы договорились потратить эти деньги на дамбу к твоему острову, на что теперь строить будете? — спокойно спросил папахен и этим, своим спокойствием, вселил в меня надежду, что всё закончится хорошо.

— А что? У меня больше нет денег? Мне же на счёт что-то должно приходиться за мои придумки и книги!

— Вот давай у деда и спросим. Пойдём, нечего здесь мёрзнуть. Там мать, бабушки и сёстры волнуются.

Вся моя семейка обнаружилась на кухне. В центре, на своём любимом стуле как на троне восседал дед Кауко, потирая красное ухо и время от времени прикасаясь к забинтованной голове. Справа от него угнездились обе бабули, а слева, на лавке сидела мама и сестра Анью.

— А вот и наш герой! — громко объявил отец и вытолкнул меня на середину зала.

Ко мне тут же подскочила мама и обняла, зашептав какую-то молитву на шведском.

Сестрёнка просто помахала рукой с места и улыбнулась.

— Эмма, отойди, дай я полюбуюсь на своего внука, — скрипуче прокаркал дед, и мама послушно отлипнув от меня, вернулась на лавку к Анью.

— Сынок, Матти. Ты когда первый раз на меня руку поднял? — обратился старик к бате.

— В шестнадцать, по-моему. Когда ты наказал Тапио за то, что он не совершал.

— Вот! А этому ещё и девяти нет! — он указал рукой на меня и почему-то опасно покосился в сторону печи. — Что из него вырастит? Ведь ты мне обещал, что сохранишь чек! На что мы теперь строить будем дамбу? А?

— Я тебе этого не обещал, — нагло ответил деду. Раз сразу не стал бить, значит наказание планируется другое. — И что? У меня больше нет денег на счёте в банке? За скрепку, вертушки, удочки? А где мой доход по акциям Нокии? — я все это практически проорал, но стоя на своём месте и не приближаясь к деду, так как помнил какой он шустрый.

— И вправду, отец. Не пора ли тебе отчитаться о доходах Матти, — подал голос папахен.

— Хорошо, — сквозь зубы процедил дедуля и опять покосился на печь. — Я отчитаюсь, но сначала я хочу услышать от Матти, от моего внука, почему он так поступил с доверенными деньгами, и хочу услышать от него извинения.

— Давай, сына, — подтолкнул меня вперёд отец. — Раз сумел потратить, сумей и обосновать эти траты. — Слово «обосновать» отец произнёс с трудом, явно недавно его выучил.

— Пфвууу, — выдохнул я. — Деда, я отправил эти деньги в столицу чтобы помочь нашим солдатам. — Ну, а что ещё я мог придумать в оправдание? Если уж поступил по-детски, то пусть и отмазка будет детской. — Но, — я поднял руку вверх, так как видел, что старик готов взорваться возмущениями, и показал, что не закончил объяснение. — Но, самое главное, я отомстил тебе! За то, что ты оформил привилегию на принцип действия моего дровокола на своё имя.

Сразу же после моих слов родители кинулись выяснять у деда, правда это или нет, а когда выяснилось, что правда, то в разборки решили вмешаться и бабули. А мы с Анью были отправлены по своим комнатам.

— Анью? А что у деда с головой? — решил я выяснить у сестры непонятный бинт на голове у старика. — Я только по уху бил.

— Ха, это твой Тонтту ему два горшка в голову кинул. Один попал, а от второго ему удалось увернуться. А затем баба Ютта громадный кусок мямми ему за печку поставила, и всё успокоилось. Если бы не Хиири, то дед тебя точно выпорол бы.

Глава 26

Моё письмо, опубликованное Ээро Эркко и перепечатанное многими финляндскими газетами, спровоцировало патриотический бум в стране. Началась, прям, какая-то вакханалия сбора средств на помощь нашей армии. Внезапно, служба в стрелковых батальонах оказалась настолько популярна, что многие добровольцы, даже предлагали взятки военным чиновникам, чтобы попасть в части, отправляемые в Китай.

Дошло до того, что на имя монарха было подано прошение о разрешении формирования добровольческого батальона. Которое Николай II, к удивлению многих, удовлетворил. Всю Финляндию трясло как в лихорадке. Были образованы десятки фондов, которые собирали средства на пулемёты, патроны, сапоги, полевые кухни. Каким-то немислимым образом, удалось обеспечить все батальоны полевыми кухнями системы Бруна, только в январе этого года введёнными в императорской армии.

Была также попытка восстановить военно-морские силы, а Абовская верфь, даже отчиталась о готовности построить для будущего финляндского морского экипажа минный крейсер и два миноносца в самые короткие сроки. Но эта идея не нашла поддержки ни у монарха, ни у местного сената. Всё же флот слишком дорог в содержании. А может, были и другие соображения.

Нашу семью завалили письмами. Многие приезжавшие на партийные конференции знали наш адрес и, видимо, с охотой делились им с другими. Те письма, которые приходили в редакцию «Финской правды», обрабатывали её сотрудники, а вот те, что приходили по адресу: Улеборгская губерния, село Яали, Матти Хухта, первоначально читать, пришлось мне. Пока не нашёл в одном из писем фотокарточки явно эротического характера и предложения о дружбе от некой особы. Многие просто не знали, что пишут ребёнку. Отнёс это забавное письмо матушке и был ею тут же освобождён от перлюстрации корреспонденции.

Почтмейстер и его помощник тащили всю эту гору писем самому ближайшему к ним Матти Хухта, к отцу в управу. А уж он и привозил мешок бумаг домой. Так-то на нашем хуторе было уже три Матти Хухта. Мой братец Эса назвал сына в честь отца. Лишь бы дядьки и тётки не надумали назвать своих будущих отпрысков этим именем, а то будет у нас целый отряд Матвеев.

Слава Вяйнямёйнену, что мама большую часть писем забраковывала и пускала на розжиг печи и самовара. Но даже и так мне приходилось собственноручно писать ответы на два-три письма в день. Что окончательно съело свободное время. Даже пришлось отложить в сторону словарь «Интерлигвы», который я пытался вспомнить.

Как-то раз, на очередных пионерских посиделках, сын кузнеца Тойво Сайпанен поделился с нами своими соображениями о необходимости секретного языка. «Такого, чтобы только мы знали». А я вспомнил, как в своём первом детстве, вся наша дворовая компашка учила «Интерлингву» в противовес нашим уличным противникам с мебельного комбината, которые учили «Эсперанто». И пообещал братьям-рыцарям придумать такой язык. «Придумывалось» плохо. Вроде бы в своё время и алфавит наизусть заучивал, и мы даже как-то общались, но вспоминал с трудом. А тут ещё и времени стало не хватать.

Впрочем, чтобы не мучиться, можно будет и «Эсперанто» использовать. Его уже придумали, мне даже как-то попался на глаза самоучитель по этому языку в одном из книжных магазинов Гельсингфорса.

.....

Двадцать четвертого мая пришло письмо-приглашение от Нильса Викстрёма. Мой брат, а по совместительству, и отец моих пионеров-племянников Андреаса и Ларса, приглашал деда и меня на небольшое семейное застолье по случаю своего повышения.

В связи с преобразованием Улеборгского батальона в бригаду пограничной стражи сменились и звания служащих. Если раньше он был штабс-капитаном, то стал штабс-ротмистром. Но после моего письма и начала патриотического бума в стране многие офицеры бывшего батальона подали прошения о переводе в части, убывавшие в Китай, не захотев служить в русской пограничной охране. И их прошения, по большей части, удовлетворили, переводя в формируемый добровольческий батальон. В отличие от своих коллег, мой братец не стал предпринимать скоропалительных решений, что и принесло ему только положительный результат.

Он внезапно был повышен до ротмистра и назначен начальником штаба формирующейся бригады. Единственный минус всех этих плюсов был в необходимости переезда в Торнио, поближе к шведской границе. Так что запланированное застолье было не столько праздничным, как прощальным.

После произошедшего конфликта с дедом Кауко тот со мной практически не разговаривал. Так, кивал на мои приветствия или, чаще, просто игнорировал меня. А так как приглашение было ему и мне, то отец, решил меня отвезти сам, отдельно. Вечером, когда бабули узнали о том как мы будем добираться, деду очень сильно перепало на орехи, и он был вынужден согласиться на совместную поездку в одном экипаже. Отец, особо не доверяя деду Кауко, решил составить мне компанию. Чему я был искренни рад.

Выехали мы ранним воскресным утром. Меня посадили на облучок, управлять нашим транспортным средством, а взрослые начали обсуждать какие-то дела по торговле рыбой. Движение на тракте было интенсивным, но слава Тору, почти односторонним. Все спешили на воскресный торг в город. Но груженые фуры, телеги и повозки всё равно были очень медлительными, и у меня появился шанс, приобрести опыт по обгону медлительного транспорта. Я так увлёкся этим процессом, что пропускал трёп отца и деда мимо ушей. И, как оказалось, зря.

— Сына, — подергал меня за куртку сзади отец, дождавшись когда я обгону обоз фур, груженых досками. — А что мы будем дарить? Отец будет деньги дарить, а мы?

Я сбросил скорость, переведя ход коня на шаг, и оглянулся. Отец выглядел крайне озабоченно, а дед, наоборот, крайне ехидно. Вот же старый хрен! Специально ведь молчал о подарке перед поездкой. Естественно, отец решил, что так и надо. Я-то подарок прихватил, но светить его перед дедом я до этого момента и не собирался.

Постреляв немного из снятого с мертвых золотостарателей пистолета «Бергманн № 3», я понял, что мне он не нравится. Даже покупка и использование приклада, не помогло исправить это отношение. И вот его, тщательно вычистив, я и прихватил в качестве подарка двоюродному брату. И собирался вручить его тайно, с просьбой Нильсу, не болтать об этом деду Кауко. Но видя ехидную ухмылочку деда, понял, что отца надо спасать.

— Сейссс, — скомандовал я коню, предварительно съехав на придорожную полянку и, дождавшись остановки экипажа, повернулся к пассажирам.

— Матти! Ты чего это? Али по нужде приспичило? — удивился дед.

— Нет, деда, а что ты дарить Нильсу будешь?

— Ха. Тысячу марок на обустройство на новом месте. А вот что вы будете дарить?

— Надо заехать в банк и снять денег, — предложил отец, но тут же хлопнул себя по лбу, — Перкеле! Забыл, что воскресенье.

— Не волнуйся, отец! У меня есть подарок, — с этими словами я вытащил из своего рюкзака деревянную кобуру-приклад, обшитую шикарной чёрной кожей, и протянул отцу. — Вот, держи.

— Ничего себе, — прошептал отец извлекая из кобуры пистолет.

— Её можно пристегнуть к пистолету и получится приклад. А в кармашке — запасные патроны. Осторожно! Заряжен! — пришлось прикрикнуть на родителя, когда тот, влёт разобравшись с устройством, щёлкнул предохранителем.

— Мля! — отец дернулся, но вернув предохранитель на место, засунул пистолет назад в кобуру. — Откуда это у тебя?

— А ты ещё не догадался? — спросил дед у бати обычным своим голосом. А следующий вопрос адресовал уже мне. — Это с тех трупов, которые ты нашёл?

— Да! — пришлось признаться мне, иначе просто не поверили бы в другие мои версии.

— И что ты ещё от нас утаил? — совсем не зло, а даже как-то весело и немного одобрительно спросил старик. — Винтовка, что недавно появилась у Эсы, оттуда? — я только обреченно кивнул.

— Матти! Да как так? Почему? Почему нам не отдал? — отец пораженно вылупил на меня, но вот в его голосе уже стали проскакивать угрожающие нотки.

— У каждого мужчины должен быть запас на чёрный день. У тебя, папа, как и у деда, он есть, а чем я хуже?

— С чего ты взял, что у меня есть какой-то запас? — насторожился дед

— Пффф. Да ты сам мне рассказал! Когда мы с тобой за мёдом ездили в Хайпускюле. «Под северным правым углом дома прикопал я сорок знаков (знак — 212 грамм) золотых американских монет в половину орла каждая». — процитировал я его слова.

— Ааа, ааа, — только и смог выдать из себя дед Кауко.

Выхватил откуда-то из внутреннего кармана маленькую фляжку и надолго к ней присосался.

— Матти! Ты что такое говоришь? — ожил отец.

— А у тебя, папа, отложено две тысячи марок в железной коробке, которую ты спрятал в выдолбленной нише в бруске над лестницей в мансарду. Ты мне это сам сказал. Шли мы с тобой с пострелялок ваших, как ты вдруг присел на пенёк, развернул меня к себе и про это всё рассказал. И попросил, ежели с тобой что случится, то рассказать про эти деньги маме. А потом поднялся, взял свою винтовку под правую подмышку, а меня под левую, и пошёл домой.

— Не помню! — обречённо замотал головой отец. — Стоп! Раз я взял тебя подмышку, это же сколько тебе было лет?

— Три года и один месяц.

— И ты это помнишь? — вдруг заорал на меня отец так, что я чуть не свалился из-за перепуга с облучка.

— Чё ты на ребёнка орешь, хельме? — заорал уже дед на отца. — Раз рассказывает, значит, помнит. Он, имп (imp — бесёнок) бесхвостый, всё помнит. А я там такого

понарассказывал, — дед аж за голову схватился. — Я тебе рассказывал, как мы кое-что в Новом Орлеане штурмовали? — вдруг с надеждой в голосе спросил у меня старик.

— Жёлтую розу? — он мне пару раз рассказывал, как он с немцами-приятелями брал штурмом местный публичный дом.

— Угу, — грустно согласился дед. — Сына, а давай этого перкеле грохнем и тут прикопаем? — то ли в шутку, то ли на полном серьёзе спросил у моего бати дед Кауко.

— Ты что несёшь, чёрт старый? — Отец в одно мгновение расстегнул кобуру и извлёк пистолет, который тут же направил на своего родителя. — Это мой сын! И он мне дороже чем ты и все твои сраные тайны.

— Па, — дотронулся я до плеча отца. — Там, обоз приближается, который мы обогнали. Убери пистолет. Дед, как обычно, неудачно пошутил.

— Да он меня и всех уже достал своими шутками, козёл старый, — пробурчал батя, но оружие тем не менее убрал. — Вот, сегодня! Мог же сказать, что подарок нужен. Так нет, поиздеваться решил, мулквисти!

— Ой! — до меня только что дошло главное. — Так вы никому про ваши секретные запасы не рассказывали кроме меня? А как же бы родные узнали про них в случае вашей смерти? — взрослые переглянулись и синхронно покраснели. — Ну, вы и... — Я даже не подобрал слова как их назвать.

— Хм, видишь, Матти, всё к лучшему. — немного смущённо произнёс дед, обращаясь то ли к отцу, то ли ко мне. — То, что мы знали по отдельности, теперь, благодаря этому мелкому засранцу, знаем втроём. Внук, а ты ещё кому проболтался про наше золото и деньги?

— Хоть вы с меня и не брали никаких обещаний, но никому. А давайте так! Я храню все ваши секреты, а вы относитесь ко мне и моим хотелкам более серьёзнее, по-взрослому.

— По-взрослому? — дед усмехнулся. — После того как ты меня треснул по уху, а твой домовой чуть не заставил обоссаться, я к тебе теперь так и отношусь.

— Ага! И где отчёт по заработанным мной деньгам? Ты же обещал его ещё на день святой Вальпургии дать!

— И правда, отец, — отмер наконец и мой отец. — Нехорошо получается.

— Пфф, напали на старика вдвоём? Сказал, что отчитаюсь, значит, отчитаюсь, — в голосе старика опять стали проскакивать злые нотки.

— Ура! — проорал придурочно я, решив всё свести к шутке, а то неизвестно чем может закончиться разговор, продолжи мы его дальше. От моих неадекватных родственничков можно ожидать чего угодно. — Мы опять победили деда! Ну, что, деда, мир? Не будешь на меня дуться? — И протянул ему свою лапку для рукопожатий.

— Хорошо! Мир! — пожал он мне руку. — Но смотри у меня! — погрозил он мне пальцем. — Давай, вези нас, а то опоздаем, — и он показательно выудив луковицу часов, щелкнул крышкой, чтобы посмотреть время.

Никуда мы не опоздали и даже приехали раньше назначенного часа. Нильсу по душе пришлись и деньги, и пистолет. Он очень обрадовался нашему приезду, и застолье прошло хорошо и весело. Самыми недовольными на этом празднике жизни были мои племянники, которые не хотели уезжать и терять возможность общаться со мной и остальными пионерами.

Пришлось успокаивать их и подбивать на создание своего пионерского отряда. Для чего я и привёз им копии всех необходимых документов, несколько галстуков, нашивок и

нарукавные эмблемы с двойкой.

— Будете втором отрядом! Только не принимайте кого попало. Проводите проверки и экзамены. Андреас, прислушивайся к советам Ларса. Из него прекрасный комиссар отряда получится, — давал я наставления племянникам в их комнате. — А на следующее лето можете приехать всем отрядом к нам на хутор. Посоревнуемся чей отряд лучше.

Мальчишки кивали мне, их глаза горели от предстоящей пионерской самостоятельности, но когда стали прощаться, Ларс обнял меня и разрыдался. Давненько я его слёз не видел. Отговорившись подготовкой экипажа, скомкано с ними попрощался и убежал на улицу. И что это на мелкого нашло? Вроде бы не на Луну улетают, между нами всего сто с лишним вёрст будет.

Вечером, когда я уже собирался ложиться спать, ко мне в комнату неожиданно нагрянули отец с дедом.

— Сына, так не честно! — сходу заявил мне папахен, а дед одобрительно закивал и уселся на мой стул. — Ты знаешь где наши клады, а мы про твой ничего не знаем. Давай, рассказывай.

— Не, пап. Вот это как раз и будет нечестно. Я ваше не могу взять, а вы моё сможете. Зачем это мне?

— Матти, а что ты хоть с тех трупов взял? — подключился к разговору дед.

— Ну, — я вздохнул и стал перечислять — Две винтовки, одна переделочная и одна простая, та что сейчас у Эсы, пистолет, патроны и бумажные рубли.

— Во. А ты ещё со своим приятелем-полицейским гадал почему при них только мелочь, — попенял дед Кауко отцу, — Наш Матти на мелочь не разменивается. И сколько там было рублей?

— Четыреста двадцать, — я не рискнул врать, а вдруг ещё всплывёт покупка итальянских карабинов, тогда точно запутаюсь в цифрах, что было, а что потратил.

— Деньги оставь себе, а винтовку с патронами завтра же отдай отцу на хранение. Небось прикопал где-то в лесу. А оружие от этого только вред. Понял?

— Да, деда, — пришлось согласиться со стариком, тем более что на деньги никто покушаться вроде не собирался.

— А ты, — ткнул дед пальцем в сторону отца. — Помни, что это оружие сына, а не твоё личное. Так, всё, разобрались и хорошо. Но, Матти! В следующий раз, когда найдёшь трупы с оружием, зови меня или отца, а мы поделим по-честному.

Пришлось пообещать, что как только, так сразу. Ага, по-честному, как же, как же, верю...

.....

Дед Кауко своё обещание всё-таки сдержал и отчитался о моих доходах перед матерью, отцом, ну и мной.

— Всего, в марках, дохода с 1897 года было восемнадцать тысяч триста двадцать одна. Сейчас, на твоём счёте, внук, двести марок неснимаемого минимума. Остальные деньги я потратил на строительство кирпичного завода. И, соответственно этой сумме, ты получил долю в капитале завода.

— Чего-то мало, — засомневался отец.

— Я ещё не закончил! Чего ты влазишь? — осадил того дед. — Ага, вот, — старик нашел нужный лист. — Выплаты в иностранной валюте: французских франков — восемь тысяч сто восемнадцать, германских марок — одна тысяча двести одна, британских фунтов

— девять тысяч девятьсот восемь и одиннадцать тысяч шведских крон, ну и пятнадцать тысяч рублей.

— Это что? У меня счёт мультивалютный? — удивился я и покосился на предков, которые что-то начали вполголоса обсуждать меж собой. Как бы не захотели что-то и себе отнять у меня.

— Кха! Кхе! Мулкавалютный? А! Мульти! Много! Как ты красиво придумал! Мультивалютный, — чуть ли не по слогам произнёс дед. — Не знаешь? Надо узнать, можно ли патентовать слова? А то бы я его банкирам продал, — задумчиво произнёс глава нашего клана.

— Деда! Так у меня разные счета на разные валюты или всё вместе свалено?

— Пфффф, вот ты задал задачку, — и дед принялся листать свои бумаги. — Не знаю. Но уточню в банке. Кстати, на дамбу и на остров я буду тратить шведские кроны. У них там сейчас сильная инфляция. Надо успеть потратить, пока не обесценились окончательно. А всё из-за этих «норгов»! Чего им в унии не живётся спокойно? — начал бурчать дед, как бы давая нам понять, что разговор окончен.

— Подожди! — остановил я деда, начавшего собирать свои бумаги. — Ты, когда дамбу будут строить, не забудь сделать тротуары вдоль дороги и электричество на остров провести.

— Зачем? — удивился старик.

— У нашего острова очень плохая репутация из-за пожаров. А электрическое освещение, это не керосиновое или газовое.

— Угу, хорошее предложение, — пробурчал дед, записывая за мной в свой блокнот. — А тротуары зачем? Чтобы на склады пешком ходили?

— И за этим тоже. Но главное! Надо вдоль всей дамбы сделать освещение и лавочки поставить. Центр же города! — объяснил я, видя прифигевший взгляд родственников. — Публика будет гулять, а там, где гуляет народ, постоянно курсируют полицейские. А там где...

— А там где полиция и хорошее освещение, меньше всего шансов ограбления складов. Я тебя понял, внук. Молодец! Я всё записал. Эмма, Матти! — обратился он к моим предкам. — У вас есть какие-нибудь ещё вопросы по деньгам вашего сына?

— Нет! Нет! — почти синхронно отозвались родители, видимо так и не решившись что-то у него спросить.

Дед Кауко уехал в Гельсингфорс заниматься моим островом сразу после получения мной сертификата об окончании начальной школы. Ну, как получения? Нам всем зачитали наши оценки, поздравили и показали документы и похвальные листы. И объявили, что учителя сами разнесут документы по нашим домам. Это была, практически, традиция, учителя приносили родителям документы их детей, а взамен получали подарки. Этакая красивая система школьных поборов. Те, кто побогаче, отдаривались деньгами, а те, кто победнее — товарами и продуктами. Имея кучу старших братьев и сестёр, я прекрасно знал про эту странную традицию, но, всё равно, было обидно от того, что выдавали документ не нам, а предкам.

В этом году выдавали сертификаты старого образца с двенадцатибалльной системой оценок. Вся остальная империя перешла на пятибалльную шкалу ещё в середине девятнадцатого века, а про княжество забыли. Зато все выпускники начальных и средних школ, начиная со следующего года, будут учиться с новыми оценками. Я представляю, сколько будет забавных происшествий с новой системой. Да что представлять? Мне это и

самому предстоит, ибо предки всерьёз вознамерились отправить меня на три года, для получения семилетнего образования, в Улеборг.

Я, единственный из всего своего класса, кто окончил школу только на одни дюжины. Даже мой кузен Микки, который постоянно косплеил меня и старался не отставать в учёбе, имел во вкладыше сертификата несколько десятков. Вечером, после получения мной документа, родные устроили праздничный ужин и надарили кучу мелких подарков. А дед Кауко как всегда отличился. Подарил набор из трёх маленьких метательных топоров и заявил:

— Вернусь, научу кидать. У тебя должно получиться. Не то что у этих косоруких, — и он обвёл взглядом наше семейство, заставив отца нахмуриться, а брата Эса — возмутиться:

— Ты же сам говорил, что я кидаю топоры не хуже тебя! А теперь и я косорукий?

— Не. Ты, Эса, молодец. Вот и начнёшь брата учить. Приеду, проверю чему научил.

Вот не было мне печали, теперь ещё и топоры метать надо учиться. И так лето короткое, а тут ещё и это.

После отъезда деда жизнь стабилизировалась и вошла в колею. Я тренировал своих пионеров и разучивал с ними новую песню, выуженную мной из памяти и вполне подходящую под строевую. Дядя Бьорк вплотную занялся постройкой железной дороги, а всю остальную Финляндию продолжало колбасить в приступе патриотизма. Дошло до того, что финляндское балтийское пароходство изъявило желание отвезти «Китайскую бригаду» к месту её новой службы на своих судах.

— На котах пойдут, — прокомментировал мой перевод статьи из газеты про это событие наш электрик Антон Кряков.

Бывший флотский гальванёр, прочно прописавшийся у нас на кирпичном заводе, немного подтянул свое знание разговорного финского, но с письменным он был в неладах. Поэтому я время от времени читал ему различные статьи из газет или приносил старые выпуски Петербургского листка, который выписывала наша семья.

Перевести прессу ему бы мог и его ученик. Пентти Элстея, ухажёра моей сестрички Анью, я уговорил деда Кауко взять учеником к нашему электрику ещё зимой. Аргументируя тем, что Кряков всё-таки запасник, и ежели будет война, то его от нас заберут. А Пентти знает русский, так как прошёл полный курс этого языка до того, пока у нас его не отменили. И, значит, быстро усвоит все те знания, которые есть у Крякова. И дед, к моему удивлению, с моими доводами согласился.

— Почему на котах? — не понял я.

— Финдляндские пароходства, морское и речное, так называют в народе, в Санкт-Петербурге. Поедем на котах. Ездили в Кронштадт на котах, — объяснил мне электрик, но видя мое полное непонимание, только вздохнул и извлек из кармана клочок бумаги с карандашом, принялся что-то писать. — Вот, — протянул он мне бумажку. — Может, ты поймешь. Только, барич, без обид.

— Малых ход, средний ход, полный ход, задний ход, — прочёл я вполне себе нормальные судовые команды и недоуменно посмотрел на гальванёра.

— Ясно. Не понял. Пентти, иди сюда, — позвал он своего ученика. — Вот, смотри. Эти команды подают капитаны кораблей в машинное отделение. Представь себя капитаном и громко и важно отдай эти приказы. Вот сюда, — он указал на жердину торчавшую в земле. — Будем считать, что это переговорный раструб. Понял? Только по-русски читай.

Пентти бегло прочёл написанное, растерянно глянул на нас, подозревая, что это какой-

то разыгрывай, но тем не менее встал в позу, как он представлял себе капитана, и быстро прочитал-перечислил команды, которые были на листке.

— Малый кот, средний кот, полный кот, задний кот! — я прям сложился от хохота, когда услышал про заднего кота. — Матти! Ты чего! — угрожающе насупился парень и шагнул в мою сторону, явно с недобрыми намерениями.

— Стой! Пентти! Стой! Я тебе сейчас всё объясню, — быстро проорал я, но на всякий случай спрятался за Антона Крякова, который довольным голосом произнёс:

— Вот! Ты понял! А они не понимают. Странный ты, барич.

Минут пять я растолковывал парню с чего я смеялся, но он юмора не понял, как и не понял что его «ход» с его акцентом превращается в кота. Ведь кот на финском это кисса (kissa), но никак не кот.

— Дядя Антон, а почему финны-капитаны отдавали приказ на русском, а не на финском? — озвучил я своё сомнение, когда обидевшегося Пентти гальванёр отправил что-то проверить.

— Нам, матросам, об этом рассказал наш главный механик ледокола, лейтенант Петров. Он говорил, что в ваших пароходствах разрешено разговаривать только на русском. И когда начальники узнали про «котов» из-за акцента, они, якобы, приказали специально коверкать русские слова, для привлечения пассажиров. Вот так. За что купил, за то и продаю, барич.

Хм. Странная история. Я весь оставшийся день никак не мог выбросить из головы этот случай и рассказ. Если это правда — то финны сами работают клоунами, а затем обижаются на насмешки русских. А если это придумка русских — то зачем? Вечером написал письмо в Гельсингфорс своему кузену Томми, чтобы тот прояснил этот вопрос для меня. Его отец служит на коммерческом ледоколе и должен знать хоть что-то про это.

— Ну, что же, господа. Мы сделали это, — Франц-Альберт Александрович Зейн директор канцелярии финляндского генерал-губернатора обвёл всех присутствовавших на этом собрании своим уставшим взглядом. — Прежде чем сенат соберётся для создания отчёта для сословного сейма, я хотел бы получить от каждого из вас краткую выжимку сделанного и выслушать ваши идеи и предложения. Прошу вас, Георгий Эдуардович, — обратился директор к начальнику финляндских вооружённых сил, а заодно и главе военного департамента, барону Рамзаю.

— Гхгм, — прочистил тот горло и, поднявшись на ноги, раскланялся с присутствующими, сверкая в ярком электрическом свете своей лысиной и наградами. — Господин директор, господа сенаторы. Вчера мы, наконец, закончили отправку наших войск к новому месту службы. Семь стрелковых батальонов, добровольческий батальон и драгунский полк. Всего, десять тысяч восемьсот два штыка и сабель. Кавалерия отбыла по железной дороге, а пехота и приданные ей тыловые части, артиллерия и пулемётные команды, отправлены на судах нашего балтийского пароходства. Сформированный из преподавателей и студентов университета добровольческий госпиталь отплыл на судах господина Фритьофа Нансена, который милостиво дал на это своё добро.

— Георгий Эдуардович, а сколько пулемётов поступило в войска? — задал вопрос со своего места Леопольд Мехелин. — Вы, помнится, жаловались, что было бы больше, если бы их покупками занимался ваш департамент, а не благотворительные фонды.

— Я и сейчас придерживаюсь точно такого же мнения. Когда наш экономический департамент сумел взять потоки добровольных пожертвований в свои руки, было уже слишком поздно, — генерал Рамзай кинул недовольный взгляд на сенатора Константина Карловича Линдера.

— Побойтесь бога! — взвился со своего места егермейстер императорского двора барон Линдер. — Мы сумели собрать столько пожертвований, что их полностью хватило на переобмундирование и экипировку всех войск. А если оставшиеся средства экономно тратить, то их хватит ещё года на три-четыре содержания Китайской особой бригады.

— А разносортницу патронов к пулемётам я чем буду восполнять? — ехидно поинтересовался барон Рамзай.

— А что? Там всё настолько плохо? — удивился директор канцелярии.

— Наши патриоты покупали не то, что лучше, а то, что дешевле. И у нас в войсках образовался целый зоопарк разных систем. Шестьдесят девять пулемётов. Очень много американских «Кольтов» под разные патроны. Есть лафетные «Хайрем-Максим» под швейцарские и австрийские патроны. Несколько ружей-пулемётов «Мадсен» под германский пехотный патрон. Ну, и французские «Гочкиссы» с лебелевским патроном. И если под американцев мы можем патроны закупить в Норвегии, а для ружей-пулемётов в германском Циндао, то для остальных систем я даже не знаю что придумать. Зато радуется то, что в пехотных частях русской императорской армии всего сорок пулемётов.

— Здесь не радоваться надо, а переживать. Как бы по прибытию в Китай местные военные власти не попробовали у нас их отобрать, — поделился своими опасениями Мехелин.

— Для этого мы и отозвали из отставки Фёдора Оскаровича Шаумана, назначив его на

должность командира бригады. С его административным опытом он справится с любой возникшей проблемой, — попытался развеять сомнения столичного градоначальника барон Рамзай.

— А с военными проблемами? Мне помнится, что он стал генералом, будучи чиновником для докладов при вашем департаменте, — ехидно, со своего места, спросил барон Линдер.

— А с военными проблемами справится генерал от инфантерии барон Николай Каульбарс. Да вы же и так это знаете. Все назначения проходили через сенат. Или вы это специально, Константин Карлович? Злитесь, что вашего протеже Оскара Шаумана не назначили начальником штаба? И так в войсках слишком много Шауманов окопалось!

— Тогда почему вы не согласились на перевод в драгунский полк Маннергейма-младшего?

— Дра ат хельвете, этот жопошник! Мне эта девочка в войсках не нужна!

— Господа, господа, успокойтесь, — призвал к порядку и не дал разгореться ссоре Франц-Альберт Александрович Зейн. — Барон, вы лучше объясните что за судно отправилось отдельно от всего остального каравана, — обратился Зейн к Рамзаю.

— На этом судне мною были отправлены мелинитовые бомбы к нашим шестидюймовым мортирам. Если они по пути взорвутся, то хотя бы не угрожат моих солдат.

— Отдельно судно для нескольких снарядов? — удивился молчавший до сих пор Выборгский губернатор и сенатор Стен-Карл Тудер.

— Если бы их было несколько, Стен, — по-панибратски ответил ему начальник финляндских войск. — За последние несколько лет со всей империи в наш арсенал на хранение передавали эти снаряды. Семьдесят семь тысяч снарядов! Каждый начинен двенадцатью фунтами этого дьявольского мелинита! И это, практически, в центре города! Вот я всех их и отправил отдельным судном, за средства моего департамента. А снарядный арсенал закрыл на ремонт, чтобы не везли нам больше этого дерьма.

После слов генерала Рамзая на некоторое время в малом зале сената наступило молчанье. Начальник войск вытирал платком пот с лысины и недобро косился на сенатора Линдера. Остальные присутствовавшие что-то записывали или, добравшись до графинов с водой, утоляли жажду.

— Господа, — после затянувшегося молчания обратился к присутствующим градоначальник Гельсингфорса. — Нам надо как-то отметить наиболее отличившихся меценатов. Да, и, наверное, пришло время подумать о введении своих собственных наград.

— Отметим, — отозвался Зейн. — Я уже подготовил список на высочайшее утверждение. Часть меценатов наградят золотой медалью «За Усердие», а часть — серебряной. И можете не волноваться господин Мехелин, вашему юному протеже из Северной Остроботнии будет не только эта золотая медаль, но также и особая награда от генерал-губернатора. Николай Иванович Бобриков очень доволен тем, что благодаря своевременной инициативе одного юного гения, который пожелал помочь военным, удалось отправить и большинство наших смутьянов в Китай в составе добровольческого батальона.

— Хорошая идея, Леопольд Генрихович, — пророкотал со своего места барон Рамзай. — Давно уже пора ввести хоть пару своих медалей и орденов. Негоже зависеть от императорского военного министерства. Наши солдаты, нам их и награждать.

— Да. Вы правы, господа. Надо будет подумать на эту тему, — согласился с сенаторами директор департамента генерал-губернатора.

.....

Я сидел в своей комнате за своим столом и тупо рассматривал ряды золотистых патронов 7.65×25 купленных мной в прошлом году в Гельсингфорсе. Вот зачем я их купил? Что я с ними буду делать? Растачивать под них ствол? Так я не умею! Использовать в качестве ствола водопроводную трубу? Так их сейчас из такого говённого железа делают, что разорвет при первом же выстреле. Уподобился ворону и потащил себе в гнездо всё, что блестит? Скорее всего.

После сделанной мне противооспенной прививки меня немного знобило и колбасило. Даже знакомое тепло пристроившегося где-то рядом Хиири не особо помогало. Ну, я очень надеюсь, что это временно. У нас на хуторе всех привили и только я с Микки немного приболели. Остальным-то легче, у них это уже не первая прививка. Оказывается, в это время прививают от оспы через каждые десять лет. И это у нас в княжестве, а в остальной империи — итога чаще, через каждые семь лет. Зачем? Спрашивал, сказали — так надо.

Перед прививкой наш пастор сделал объявление на службе в церкви: мол, явка строго обязательна. В селе прививки делали наши врачи, а хутора и посёлки объезжали старый и ветхий даже на вид доктор и с ним две фельдшерицы из города.

Ещё одной странностью этой вакцинации было то, что делали её не на предплечье, а на спину, под лопатку. Одна женщина делала разрез ланцетом, с виду напоминавшим мой пукко, а затем брала стеклянную трубочку, макала её в баночку с чем-то и тыкала в разрез. А другая, после всех этих разрезов и тыканий, прижимала к ранке чистую ветошь и с минуту так держала, не отпуская. Прямо шаманство какое-то. Хорошо ещё ланцет в спирт макали и протирали. А дедушка-врач в сторонке сидел и то ли контролировал этот процесс со стороны, то ли дремал с открытыми глазами, фиг поймёшь.

Причём, местом вакцинации жителей хутора выбрали именно наш дом. И не просто так. Медикам был очень интересен я. Они даже привезли с собой несколько томиков моих книг и попросили оставить на них автограф. А уже после вакцинации долго болтали с матушкой и бабулями за чаепитием. Мне тоже пришлось сидеть за столом и отвечать на разные глупые вопросы. Еле-еле дотерпел пока они распрощаются и уедут вакцинировать жителей Кирпичного посёлка.

А на следующее утро у меня и у кузена поднялась температура, и я был принудительно оставлен дома. Бабули сварили мне какое-то горькое травяное пойло и заставляли пить его горячим каждый час. Ну, им виднее. Раз поят, значит знают как бороться с последствиями вакцинации. Опыт поколений.

Вот я сейчас и сидел за столом с расставленными патронами, и мелкими глотками вливал в себя этот отвар. Не знаю как он боролся с температурой, но то, что он был жутко мочегонным, это я уже понял. По идее, я сейчас должен был быть со своими пионерами в центре села на открытии парка и танцевального павильона. У бати подошло время перевыборов в главы кунты, и он старался как-то отличиться перед односельчанами-избирателями.

Хотя ему волноваться на этот счёт даже не нужно было. Хватило слов священника о том, что он поддерживает Магги Хухта и будет голосовать за него. Тем более, что и противник у него был так себе. Юрьи Каавен был неплохим человеком, хорошим семьянином и отличным предпринимателем, сумевшим за несколько лет стать чуть ли не монополистом колёсной торговли в нашем уезде. Но он был пришлым. Лет семь назад переехавшим к нам из Тавастгусской губернии. А кто же выберет пришлого, когда есть свой

кандидат?

Но отец решил всё же «дуть на воду», и устроил несколько предвыборных акций. За свой счёт разбил парк на месте пустыря, что был между храмом и сельской управой. И поставил танцевальный павильон, для которого даже прикупил патефон. По деньгам обе акции оказались не особо разорительными. Кирпич на дорожки, древесина на лавочки и павильон, и саженцы для парка, всё это было и так в наличии у нашего клана.

Я и мои пионеры должны были сегодня начать сажать пионерскую берёзовую аллею. И вот — я не с ними. Хотя, ещё неизвестно как на них подействовала вакцинация. Надеюсь, мой мастер-пионер Ялмар Стрёмберг справится и без меня.

В нашем отряде уже было два мастера-пионера. Так как желающих присоединится к нам и вступить в пионеры среди сельских мальчишек было очень много, то пришлось организовать второе звено нашего первого отряда. Специально для новичков. А над ними поставить Тойво Сайпанена, сына сельского кузнеца. И вот теперь они там, а я здесь. Сижу, хандрю и глотаю горькое пойло. Свободу мне, свободу!

Свободу? Ура! Точно! «Освободитель» (Liberator)! Однозарядный штампованный пистолет, которые будет клепать, как пирожки, США во вторую мировую войну. С ужасно малым сроком жизни — всего на пять, десять выстрелов. И с дальностью прицельной стрельбы — на два-три метра.

Надо только найти старый ствол под патроны 7.65 миллиметра. Подойдёт как пистолетный, так и винтовочный. А принцип заряжания, стрельбы и экстракции гильзы оставим как на американском «Освободителе». Будет однозарядный пистолет. Вот если сумею справиться с созданием такого простого чуда, то, отталкиваясь от этого проекта, можно будет замахиваться и на что-то более сложное.

Потратив на запись и рисование предполагаемого мной пистолета около часа, я отложил дневник со своими хотелками в сторону и взялся за написание ответов на письма. Поток посланий ничуть не ослабевал. Я надеялся, что интерес к моей персоне немного ослабнет из-за приезда и заявлений знаменитого норвежского путешественника Фритьофа Нансена.

Он заявил, что ему надоело ждать пока шведская королевская академия наук найдёт средства для создания «Международного совета по изучению моря», и он намерен присоединиться к финляндскому военному конвою чтобы начать изучение южных морей. Его заявление вызвало массу откликов от учёных из Санкт-Петербурга, Кристиании и Стокгольма. В Швеции внезапно вспомнили, что страна когда-то тоже имела колонии, и населяли их практически одни финны. Что вызвало только волну взаимных дипломатических выпадов между королевством и империей. Но даже эта шумиха не смогла ослабить интереса ко мне.

.....

— Матти! Матти! — донеслись до меня откуда-то сзади крики, если судить по голосу, то Микки, моего кузена и самоназначенного адъютанта.

А следом за криками появился и сам мальчишка, ехавший охлюпкой верхом на Альфе, громадном рыжем клеппере. Это что же дома должно было такого произойти, чтобы мелкий прискакал, забыв про седло?

— Матти! — проорал опять мой двоюродный брат таким запыхавшимся голосом, что складывалось впечатление, что будто это не он на Альфе приехал, а наоборот. — Там! Дед Кауко вернулся! С Ээро Экко! И с каким-то военным! Тебя требуют! Срочно! Садись, отвезу.

— Тыфу ты, пропасть! — я с сожалением отдал Стрёмбергу пистолет, на который угробил кучу времени, сил и средств. Назвал его «Пионер-1», хотя это была всего лишь разновидность того самого «Освободителя». И строго наказал Ялмару. — Держи, ещё одну пачку патронов расстреляете, затем пистолет почистите и мне принесёте, если я к этому времени и сам не освобожусь. Только правила соблюдай. Ясно?

— Так точно, мой диктатор! — вытянулся по стойке смирно мой помощник и отсалютовал правой рукой.

Мальчишка явно не ожидал, что им привалит такое счастье — без контроля с моей стороны пострелять по мишеням.

Пистолет у меня получился весьма неплохой. А всё благодаря стволу от разбитой винтовки, который я смог купить в городском оружейном магазине. Распилил его на три части и довольно легко собрал этот самострел. К моему удивлению, прицельная дальность держалась на уровне до десяти метров. А пристреляв его, я легко попадал с пяти-шести метров в центр самодельной мишени.

Моим пионерам тоже понравилось стрелять из «почти настоящего» пистолета. Даже возникла идея включить этот вид стрельбы в наши соревнования и создать очередную нашивку на форму. Я был только рад, но опасался, что долго пистолет не проживёт. После каждой стрельбы осматривал и ствол, и патронник в который ствол и был вкручен. На всякий случай составил список правил как можно и как нельзя стрелять из этого пистолета, и заставил всех своих мальчишек вы зубрить их наизусть. Вот сейчас и проверю, как они их будут соблюдать.

— И чего его принесло? — поинтересовался я у Микки. — Ведь обещал, что уезжает до сентября! — в ответ кузен только плечами пожал и протянул руку, явно собираясь помочь вскарабкаться на этого мамонта, которого по недоразумению считают конём. — Не, Микка, я бегом. Так быстрее получится, — и не дожидаясь его возмущённых воплей побежал в сторону нашего хутора.

Отказывался я от передвижения на Альфе не просто так. Этот монстр признавал в качестве хозяина только отца Микки, дядю Юниса. А его сына и всех остальных возил только шагом. Хоть у него и четыре ноги, и широкий шаг, но я всё равно добегу быстрее. Некстати вспомнился мультфильм «Ишь ты, Масленица!» и фраза из него «пока твой конь четырьмя ногами: раз, два, три, четыре, мальчишка на двух ногах: раз-два, раз-два», я засмеялся, потерял контроль за тропой и споткнулся. Только чудом не грохнулся на землю и, разозлившись сам на себя и заочно на деда, припустил ещё быстрее.

Мог и не спешить. Приезжие дули чай и кофе и заедали напитки блинами. На моё появление, эта троица отреагировала по разному.

— Ага! Припылил. А вот и наша знаменитость, — пробурчал в ответ на моё вежливое приветствие чем-то уже недовольный дед.

— Здравствуй, Матти! — поздоровался Ээро Эркко со мной за руку, не забыв предварительно вытереть её полотенцем.

— О! Здравствуйте! — подскочил из-за стола долговязый младший лейтенант (Aliluutnantti) в повседневной синей форме финских стрелков. — Я так рад вас видеть!

— Это Аймо Кахма, — перебил офицера глава аграриев. — Мой троюродный племянник и командир взвода в Санкт-Михельском стрелковом батальоне. Именно ему я и передал пулемёт который был куплен и на твои деньги в том числе. Вот, приехал лично засвидетельствовать свою благодарность.

Благодарность мне была выражена не только в рукопожатии и на словах, но и подкреплена двумя томами Редьярда Киплинга «Книга джунглей» на английском языке. В процессе общения я внезапно узнал, что стал совладельцем швейно-текстильной фабрики в Гельсингфорсе. Обращаясь в своём письме к Ээро Эркко по поводу заметности головных уборов наших стрелков, я и думать не мог к чему это приведёт. А привело это к открытому конкурсу на новый убор, который неожиданно даже для него самого выиграл Ээро Эркко. Он не придумал ничего лучше, чем отнести в конкурсную комиссию ушастое кепи, которое потихоньку шила наша хуторская швейная артель, и парочку которых он прихватил в прошлом году с собой на память.

А согласно условиям конкурса, кто победил, с тем и заключался договор на поставку в войска двадцати тысяч головных уборов четырёх разных размеров. А тут как раз в столицу и дед мой приехал. Вот они и спелись. За мои рубли с моего счёта приобрели обанкротившуюся фабрику, которая сама и ткань ткала и из этой ткани шила всякое и разнообразное.

Дед приехал не просто так, что бы сообщить мне эту «приятную» новость, сколько для того, чтобы повидать моего отца и получить от него подписи в уставных документах. Ибо моим душеприказчиком был и ещё долгое время будет, мой папахен. А господин председатель финляндской аграрной партии приехал не только как сопровождающий своего племянника, но и как проситель.

— Матти, я помню, что ты для своих пионеров написал неплохую песню. В столице на следующей неделе стартует конкурс на новую строевую песню для Китайской бригады. А то старый марш «Дорогая Родина» уже малость устарел. Не хочешь поучаствовать?

— Эээ, — я почесал в затылке, не поняв чем народ не устраивает красивый старый марш. — Дядя Ээро, у меня уже есть новая строевая песня для моих пионеров. Только не знаю, подойдёт ли она для конкурса? Я могу собрать своих ребят, и мы споём, а вы оцените.

На что и получил полное одобрение.

Выскочил на своё крыльцо и со всей дури дунул в свисток. Это я так Микки вызываю. От громкого и резкого свистка свалилась кошка с угла крыши нашего дома и, приземлившись на все четыре лапы, укоризненно на меня посмотрела. Через минуту свистнул снова. Если мой кузен и сейчас не появится, то придется самому бежать на стрельбище, в надежде, что мои пацаны ещё там. Но нет, прибежал. И радостным весёлым мячиком заскакал вокруг меня, маяча свежим фингалом под глазом.

— Не понял! Кто это тебе глаз подбил? — удивился я. — Полчаса назад ничего же не было.

— А! Батя случайной залепил. Ты чего звал? Случилось чего? Мы сегодня плавать пойдём? Или второй пистолет собирать будем? А ты мне дашь самому резьбу нарезать? А чего дед приехал? — засыпал он меня вопросами и, забравшись на нижнюю ветку росшей рядом с домом березы, повис на ногах вниз головой, радостно мне улыбаясь.

— И это я бесёнок? — спросил я у вышедшего на крыльцо деда и указал на чумазого Микки с подбитым глазом.

— Деда, здравствуй! — проорало это чудо, так и оставшись висеть вниз головой. — А ты мне что-нибудь привёз?

— Привёз. На, — и дед Кауко, выудив из кармана сосательную конфету в цветной бумажной обёртке, протянул её Микке. — Кто это тебе глаз подбил? Твой диктатор? — и он мотнул головой в мою сторону.

— Не. Шпашибо, — прощмакал мелкий нахал, засунув конфету за щеку, а фантик бережно спрятав в карман. — Это отец.

— Юнис? — поразился дед, как и я до этого. Только я смолчал, а дед — нет. — Это что же ты, чумазая бестолочь, натворил?

Микка, явно почувствовав что разговор с дедом заходит куда-то не туда, спрыгнул с дерева и, переместив конфету из рта в фантик, попытался подробно рассказать что случилось.

— Я ничего творил. Я отцу помогал жерди крепить в сарае. У него рука сорвалась, и он мне заехал. Вот, — и переключив внимание на меня, спросил. — Так чего ты свистел?

— На стрельбище сгоняй. Пусть наши все сюда придут. Ээро Эркко хочет новую строевую песню послушать.

— Ага, тьфу, всегда готов, — и он, отсалютовав, с пробуксовкой рванул в сторону леса.

— Опять патроны переводите? — недовольно пробурчал дед. — И на кого ты свою винтовку там оставил?

— Не, деда. Винтовка дома. Я пистолет сделал. Из него и стреляем. Сейчас принесут Я Стрёмберга там за старшего оставил.

— Пистолет? Ну-ну, посмотрим, — и развернувшись скрылся в доме, так и не подумав предложить мне конфету, как Микке.

Через час небольшой строй моих оболтусов застыл двумя шеренгами перед нашим домом, возле крыльца которого столпились все наши гости, дед, бабушки и сестра с мамой.

— Командуй, Ялмар, — приказал я своему мастеру-пионеру Стрёмбергу, а сам тоже встал в строй к другим ребятам.

— Звено! Равняйся! Смирно! На месте — шагом марш! Песню! Запевай!

Остался дом за дымкою лесною,
не скоро я к нему вернусь обратно.
Ты только будь, пожалуйста, со мною.
приятель правда, приятель правда!

Я все смогу, я клятвы не нарушу,
своим дыханьем землю обогрею.
Ты только прикажи — и я не струшу,
приятель время, приятель время!

Я снова поднимаюсь по тревоге.
И снова бой, такой, что пулям тесно!
Ты только не взорвись на полдороге,
приятель сердце, приятель сердце!

В большом дыму и полночи, и полдни.
А я хочу от дыма их избавить.
ты только все, пожалуйста, запомни,
приятель память, приятель память.

— Звено! Стой, раз-два! — скомандовал Ялмар, и мы замерли в строю, напряженно

смотря на взрослых.

Первой начала хлопать мама, а за ней аплодисменты подхватили сестра, бабули, дед и наши гости.

— Хорошая песня! — эмоционально признался Ээро Эркко. — Но давайте её ещё раз споём. Вместе. Аймо, иди сюда, — Позвал журналист своего племянника-военного и вместе с ним пристроился к нашему строю. — Командуйте, Стромберг. — обратился он к моему помощнику, немного переврав его фамилию.

И сразу после совместного повторного исполнения Ээро Эркко развернувшись ко мне и, присев на корточки, спросил:

— Мой диктатор, вы отдадите эту песню нашим военным?

На что я пожал плечами и в свою очередь поинтересовался:

— Дядя Ээро, а как? Мы все поедem в Санкт-Михель или в Гельсингфорс? Ведь что солдаты будут петь, если не слышали как? Или вы их к нам привезёте?

— Я думаю, что легче солдат сюда привезти, чем отлавливать твою банду по поезду и возвращать железнодорожникам то, что они открутили в вагонах на память, — столпившиеся вокруг нас мои пионеры подтверждающе захихикали. — Так что готовьтесь. Весь взвод с нашим лейтенантом не отпустят, но пару капральств мы привезём. Молодцы, ребята! — выпрямившись, он поблагодарил моих архаровцев.

А вечером у меня состоялся разговор с дедом. Мы с ним отошли недалеко от дома с моим пистолетом, и дед вволю из него пострелял.

— Точно сам сделал? — и дождавшись моего кивка, продолжил. — Интересное оружие получилось. Как думаешь? Его надо патентовать? Ну, эту, приньпальную, тьфу, принципиальную, перкеле, да как же её?

— Принципиальную схему?

— Да, точно! Напридумывают слов, а потом мучайся.

— Запатентуй, только на меня, — поддел я его.

— Гхм, ты прости меня, Матти, бес попутал. Держи, — он отдал мне пистолет и, дойдя до ближайшего пенька, кряхтя присел. — Я что у тебя спросить хотел. Мы вот эту швейную фабрику купили. Сейчас кепки военным пошьём, а что дальше шить? У тебя случайно идей никаких нет?

— Полотенца шейте...

— Пфф. Да кому они нужны? Я думал ты что-нибудь... — и осёкся, уловив мой укоризненный взгляд. — Опять перебил? Не дал договорить? Ну, извини, продолжай.

— Полотенца с вышивкой. Дорогому деду, любимой маме, отцу, брату или сестре. С Новым годом, с Рождеством, с Пасхой. На юбилей с вышивкой цифр — сколько лет. С различными пожеланиями: доброго пара, здоровья, удачи, любви и прочее, — дед Кауко, сначала выслушал, покивал, а затем заставил повторить, подробно всё записав.

— Ещё, что-то есть? Из придумок?

— Деда, а дай пятьсот марок.

— Кхм, — подавился тот он моего неожиданной наглости. — А тебе зачем столько?

— Что бы было. А то я иду к отцу просить, а он к тебе отсылает, так как мои деньги ты контролируешь. А тебя нет. А мне надо, чтобы ещё что-нибудь придумать.

— Ну, если на придумки, то на, держи, — как-то легко согласился родственник и, достав кожаное портмоне, отсчитал мне пять красненьких купюр достоинством сто марок. — Но к моему приезду придумай ещё что-нибудь. Ясно?

Пришлось кивнуть, соглашаясь. Уж это я смогу.

— Для награждения на сцену приглашаются дон Кихот Ламанчский и его верный оруженосец Санчо Панса! — объявил король Шведско-Норвежской унии Оскар II.

И я понял, что это сон, и в тот же момент проснулся. Какой король? Какие доны Ламанчские с Пансами? Всё ведь было совсем не так! Я помотал головой, прогоняя образы идалго, его слуги и осла по кличке «Серый». Откуда это у меня в голове взялось? А! Точно! Микка вечером читал и вопросы задавал, отвлекая меня от изучения странного предмета под названием «Космография». Думал, что это какая-то разновидность философии, а оказалось, что это смесь астрономии, геодезии, физической географии и метеорологии. Увесистый такой учебник на все три класса средней школы.

Вернее, лица. Мы с кузеном рассчитывали на народную школу, а попали в крутой лицей, находящийся на улице Каяани. Так называется небольшой городишко на юго-востоке нашей губернии, центр одноименного уезда. Когда в середине уже прошлого века так называли улочку на окраине Улеборга, никто не мог и предположить, что к концу века на ней расположится наш лицей, а по соседству и губернское управление, суд и местный сейм.

Кто нам так поспособствовал в безальтернативном выборе учебного заведения, я не знал. Вернее догадывался, так как зачислили меня вместе с моим кузеном. Явно Ээро Эрко постарался. Только он знал о том, что мы хотим учиться вместе. Всё случилось как-то спонтанно и быстро. Совсем как в первой книге про Гарри Поттера. Пришло письмо с зачислением меня, Матти Маттинпойка Хухта, и моего двоюродного брата Микки Юниспойка Йокинена в лицей города Улеборга в пятый дробь первый класс. Письмо, правда, не сова принесла, а отец.

— Вот. Письмо прислали о зачислении нашего Матти в городской лицей. Радуйся, мать, ты же сама хотела сына туда пристроить, — объявил отец перед ужином и передал конверт матушке.

— Как это так? Кто интересно поспособствовал? Ого! В первый пятый! Он же платный! А! Ага! Уже оплатили все четыре года обучения. Кто же это такой богатенький? Две с половиной тысячи марок за нашего Матти выложил?! — по мере чтения письма мама постоянно задавала вопросы, на которые никто не мог дать ответа. — Это возмутительно! Надо отказаться! Мы что? Нищebroды? И вообще, Матти хотел учиться в народной школе и вместе с Микки!

Я и сам был в полном обалдевании. Как же так? Планировал учиться три года, а затем, пять-шесть лет до возраста получения высшего образования заниматься своими пионерами и изобретениями. Кто тот козёл, что запихнул меня в элитную школу, где нужно было учиться четыре года, из них два года в выпускном седьмом? Что за извращение? Не хочу!

— Матти! — дверь с улицы распахнулась, и к нам ворвался растрёпанный Микка, а следом его мама — моя родная тетка Сусанна и сестра моей мамы. — Меня отправляют в какой-то лицей! Мы письмо получили! Что делать? Я без тебя не хочу!

Когда выяснилось, что мы тоже получили подобное письмо счастья, мелкий успокоился и обрадовался. Предки долго судили и рядили, но в итоге всё же решили для начала съездить в этот лицей и всё узнать. А заодно дождаться деда Кауко. А вдруг это он переиграл вопрос с образованием своих внуков, а они тут икру мечут? С него станется. У него вечно десять четвергов на месяц.

.....

Через неделю после исполнения нами песни, уехавшие Ээро Эркко и его племянник-офицер привезли двадцать два солдата, которых и разместили в двух домиках нашего кемпинга. И на протяжении полутора недель эти военные разучивали мою песню и маршировали, а вечерами пропадали в селе, привнеся своим появлением неожиданный хаос в размеренную сельскую жизнь. Дошло даже до драки с поножовщиной, после которой солдатиков-южан отправили обратно, сочтя, что они в достаточной мере выучили слова песни.

Вместе с солдатами Ээро Эркко привёз и ещё одного человека. Мальчишку. Того самого, который играл на своей скрипке в день моего награждения золотой медалью парижской выставки. И благодаря которому я вспомнил текст песни «Скрипач», которую сейчас распевали во множестве городских музыкальных салонов и кружков.

Двенадцатилетнего Олави Киннуена главный редактор «Финской правды» взял к себе в газету на работу, курьером. А вот сейчас привёз его к нам на летний отдых, предварительно договорившись с дедом Кауко. Мои предки тоже были не против приютить сироту на оставшиеся полтора месяца лета. Естественно, переложив обязанности по обеспечению его досуга на меня.

Первое время меня так и подмывало подойти к журналисту и заявить ему: «Дядя Ээро, скрипач не нужен». Но не поймут же! А вспомнив и сам фильм «Кин-дза-дза», целый месяц горел желанием ввести приветствие из фильма в обиход моих пионеров. Но всё же одумался. А то точно пришлось бы мне на старости лет бить себя по щекам, приседать и, разводя руки, приветствовать всех традиционным финским «ку». С меня хватит и «Муммимаски» с «Муммибусом», который недавно появился в Гельсингфорсе.

Давая советы Леопольду Мехелину о развитии электрического транспорта, я даже и думать не мог, что он так резко возьмётся за их осуществление. Статья о запуске ещё двух трамваев на электрической тяге компании Сименс и о пробном пуске тридцатиместного электробуса конструкции господина Романова появилась в конце июля в газете «Викинг». В статье описывалась программа администрации города по электрификации Гельсингфорса и отдельно, особо, уделялось внимание развитию электротранспорта. Из которой я и почерпнул для себя, что электрический омнибус назван «Муммибусом» в честь подобного транспорта из моих сказок.

Олави Киннуен, хоть и был городским мальчишкой, но оказался вполне компанейским. Через некоторое время мы его даже в пионеры-стажёры приняли. А ещё он очень классно играл на своей скрипке, и его частенько звали играть в сельский танцевальный павильон. Он даже сыгрался с одним местным парнем, который довольно умело играл на бандеоне, странной разновидности то ли баяна, то ли гармошки. Вообще, здесь, у селян, было довольно много различных музыкальных инструментов. Гитары, аккордеоны, баяны, флейты и даже, невесть как попавшая в финское поселение, шотландская волынка. Народ, в основном, танцевал довольно агрессивно, зачастую, заменяя умение на резкие движения и прыжки. Все танцы были парные: кароль, полька, кадрили, анкеллини, ну и разновидность шотландского кругового шоттиша. Вальс танцевали под граммофон и всего несколько пар — учителя и наши молодые врачи.

Посмотрев на танцующих, я решил осчастливить своих пацанов изобретением пионерского танца. А то мою мелочь и меня на танцпол не пускали, а хотелось бы тоже поучаствовать в местной дискотеке. Придумывать что-то особенное и сложное я не стал, а

просто взял за основу ту самую, знаменитую «летку-енку» из моего мира. Главное, что я помнил — принцип танцевать змейкой, держась друг за друга, прыжок вперёд, прыжок назад, затем три прыжка вперёд, дёрганье ногами вправо-влево — и всё повторяется.

За музыкальным сопровождением я обратился к нашему учителю-леснику Арто Маттила. У него был классического вида германский аккордеон «Hohner», которым он владел вполне виртуозно. Мужик долго отнекивался от моей просьбы — «сочинить музыку на слух», но потом всё-таки сдался. И мы с ним, и с подключившимся к этому процессу нашим пионерским скрипачом довольно быстро подобрали нужную и похожую мелодию на мои пам-пам-пампари-пампам.

Сначала я один попрыгал под эту музыку, вспоминая все элементы танца, который учил в своём мире в пионерском лагере «Жемчужина Кавказа», куда меня спихнули предки, достав путёвку от завода «Красный котельщик». Затем заставил прыгать рядом со мной, а затем и держась за мои плечи, Ялмара Стрёмберга. Дед Арто, поняв, что я хочу придумать новый танец, и сам загорелся идеей, и лихо играл на своём аккордеоне без всяких просьб.

За час я худо-бедно научил своих мальчишек, как первое, так и второе звено, этому немудрящему танцу. А уж какой фурор мы произвели на сельском танцполе, дробно стуча босыми пятками по полу, это вообще не передать. От обуви я отказался специально, чтобы её не попортить.

Всем присутствующим сразу захотелось научиться так танцевать, но взрослые танцоры постоянно путались в прыжках, отдавливали друг другу ноги и спотыкались, образуя уморительные людские кучи. А зрители прямо помирали от хохота, смотря на это бесплатное представление. Но постепенно, сначала молодёжь, а потом и более старшие жители села, научились двигаться змейкой. И к списку других танцев добавилась ещё и наша «пионерка» (pioneer).

.....

Моя песня на конкурсе заняла второе место. Ибо сам конкурс был на военный марш. На что надеялся Ээро Эркко, я так и не понял. Победил марш знаменитого финского композитора Яна Сибелиуса. Просто марш, без слов. А к словам моей песни музыку подобрали самую простую — барабан и флейту. Но даже и без музыки военным очень понравилась песня и командование решило сделать её основной строевой для всей Китайского бригады. Вот только жюри, набранное из деятелей культуры, решило по-своему, выбрав в качестве победителя Сибелиуса и его «Великую Финляндию».

На торжественном параде, устроенном перед началом погрузки войск на суда, звучали разные марши, но именно с моей песней финляндские батальоны проходили перед импровизированной трибуной, устроенной на ступенях церкви Святого Николая. Что и отметили практически все столичные газеты.

Вообще, меня описание парада в газетах очень поразило. То, как я представлял финляндские стрелковые батальоны с рассказов своего кузена Нильса Викстрёма совсем не походило на то, что отправлялось в Китай. И, ладно, пулемёты, к их появлению в местных войсках, я хотя бы сам руку приложил. Но откуда взялась артиллерия? Причём, не лёгкая полевая, а даже тяжёлая шестидюймовая! Но больше всего меня поразили стальные шлемы. И не простые стальные шлемы, а германские кавалерийские пикельхельмы с тканевыми чехлами.

Но уже из следующей статьи в другой газете я узнал, что шлемы были куплены Георгом Стокманном у баварской армии для защиты наших солдат от шрапнели. Тут я даже не знал

чему больше удивляться — стальным каскам, их наличию у Баварии, которая входила в состав Германской империи своих войск, или присутствию в княжестве старшего Стокманна? Ведь он с сыном должен быть сейчас в США, на выставке в Буффало. И спросить не у кого. Дед Кауко в Гельсингфорсе, а отец с матерью вообще не в курсе наших общих дел.

Долго предаваться сомнениям мне не позволили родные и впрягли меня в круговорот подготовки моего переезда в город. Если раньше предполагалось, что я, а затем и Микка, будем жить в мансарде дома моего старшего брата Кауко, который служил телеграфистом на железнодорожном вокзале, то после того как его Катарина родила двойню, и они выселили старших своих детей в мансарду, там просто не осталось для нас места.

И как бы я ни критиковал деда, и какими бы ни были наши отношения, а он, к нам, своим внукам, относился всегда с заботой. Внезапно оказалось, что подарок на повышение Нильса Викстрёма и не подарок никакой был, а оговоренная ранее плата за аренду его дома на пять лет. И в том доме предстояло жить мне, Микки и нашей общей бабушке Тейе, маме наших мам. А кого же ещё можно было отправить в город присматривать за нами без отрыва от хозяйства? Только её. Она и за братцем Кауко присматривала, когда он учился в народной школе. Ведь всё продумал, пенёк старый, прежде чем уехать в Гельсингфорс. Всё, кроме того, что мы попадём в другую школу.

Дом Викстрёмов располагался ровно посередине между вокзалом и нашим лицеем. Что было довольно неплохо. Новая народная школа, куда мы и должны были бы ходить, если бы нас не зачислили в лицей, располагалась намного дальше, в районе с названием «Береговые казармы» (Kasarmintanta). Тот район был рабочей слободкой, где жили пролетарии с различных заводов и фабрик, находившихся на правом берегу реки Оулу. Одним словом, проблемный район. Да ещё и путь к нему проходил через обширное городское кладбище.

Уезжая в Торнио, Викстрёмы оставили нам всю мебель, что упрощало нам переезд. Кроме того, в их одноэтажном доме было и электрическое освещение, и даже телефон. Сам домик был небольшой, с тремя спальнями, гостиной и кухней. Правда, удобства, находились во дворе, а не как у нас на хуторе, в пристройке к дому.

Но, самое главное, что мне понравилось больше всего — это громадный, кирпичный каретный сарай. По площади как бы не в половину жилого дома. Им долго никто не пользовался, но если провести куда электричество, сделать там небольшой ремонт, то получится отличная мастерская, в которой можно творить всё, что твоей душе будет угодно.

Сама губернская столица производила на меня двойственное впечатление. Городок с численностью населения в пятнадцать тысяч человек вроде бы и не мог похвастаться величием и по-настоящему городской жизнью. Большая деревня, где продолжали разводить скот и птицу, на девяносто процентов состоящая из деревянных и довольно убогих строений, но с электричеством, телефоном, водопроводом, а кое-где и с канализацией. Вокруг этого города-деревни дымили трубами полтора десятка заводов, заводиков и фабрик. В центре высились каменные, трех- и четырёхэтажные строения. А к его вокзалам приходили поезда и приплывали каботажные суда. Вроде и город, цивилизация, а можно, засмотревшись на это, и наступить на свежую коровью лепёшку.

Для посещения лицея нам требовалось купить комплект учебников и пошить форму. Так как лицей работал очень давно, то практически все швейные мастерские знали что нужно шить. Здесь форма, в отличие от остальной империи, не менялась с приходом каждого императора. Полукафтан, брюки и двубортную шинель нам пошили без проблем.

Башлык взяли готовый. С фуражкой тоже проблем не возникло, предки не стали заказывать нам новые, а взяли старые, с перетянутыми верхом и низом и с кокардой с нашим странным львом, протыкающим себе голову мечом.

.....

— Сегодня, как и планировалось, у нас будет разбор поэмы «Рассказы о прапорщике Столе» великого национального финляндского поэта Йохана Людвиг Рунеберга, — почти пафосно произнёс наш учитель финского и шведского языков Конрад Фредрик Кивекас. — Я очень надеюсь, что вы все успели прочитать эту поэму, — и он, обвёл своим строгим взглядом наш притихший маленький класс.

— Я тоже на это очень надеюсь! — подал голос и наш классный наставник Теодор Оскар Фростерус, примостившийся на стуле за нашими спинами.

Самое интересное, что я с этими двумя господами был знаком очень давно, как впрочем и они со мной. Оба — журналисты, оба — писатели-прозаики и оба — главные редакторы своих собственных газет. Причём, работа в лицее была их чуть ли не основным доходом. Откуда я это знаю? Да всё очень просто! Отец моего старшего пионера, Ялмара Стрёмберга, работал журналистом-корректором во всех четырёх печатных изданиях этого небольшого городишки и в газетах этих господ тоже.

И довольно много чего рассказывал про них Ээро Эркко на партийных конференциях, которые проходили в нашем кемпинге. Ну, и они сами приезжали на них. А херра Кивекас вообще был нашим постоянным клиентом, наезжая к нам на рыбалку почти каждый месяц.

Наш классный наставник мужиком был хоть и строгим, но справедливым. В детстве сполна хлебнул горя из-за пьющего отца. Их семья вела практически нищий образ жизни, ютясь в самодельной полуземлянке на окраине Улеборга. Пока, по его же собственным рассказам, которыми он очень любил с нами делиться, не произошло чудо. К его отцу обратился Бог и заставил того бросить пить.

Из-за чего благосостояние их семьи резко скакнуло вверх, и наш наставник смог получить образование, и в нашем лицее в том числе. Где его наставником на литературном поприще и стал, уже тогда работавший здесь, наш учитель финского и шведского языков Конрад Фредрик Кивекас. Прямо какой-то бразильский сериал. А если учесть, что наш наставник в этом же лицее познакомился и со своей будущей супругой, а их старший отпрыск Самули сидит от меня справа за соседней партой — то вообще пахнет «Болливудом».

В нашем лицее учились и девочки. Но в отдельном корпусе. Впрочем, как и начальная школа. Наш класс занимал кабинет на первом этаже с окнами, выходящими на четырёхэтажный учительский дом. В котором и проживали Кивекас и Фростерус. Правда, в разных подъездах и на разных этажах.

В этом лицее все классы оказались маленькими. Каждый не больше чем на дюжину учеников. В нашем и её не было, всего девять человек. Было десять, но одного уже выгнали из нашего класса, переведя во второй пятый. За исправление оценок в своём дневнике.

Учебный год в лицее начинался первого октября, а заканчивался пятнадцатого июня. Плюс, двое каникул, рождественские и пасхальные. Правда, последние длились всего четыре дня. До 1890 года лицей имел свой кампус, в котором могли проживать ученики. Но после того как это частное учебное заведение перешло на государственное финансирование, то стало чисто амбулаторным.

Так что, благодаря нестандартной дате начала обучения, я по полной программе успел

поучаствовать в уборке урожая картофеля. Этот год выдался очень урожайным, и картошкой с горохом были забиты все возможные места хранения. Наш участковый, старший констебль дядя Раймо Коскинен в этом году прикупил в складчину с моим родным дядькой Тапио новую картофелекопалку. Тоже германскую, но производства не Круппа, а Паулюса.

Новая картофелекопалка не раскидывала урожай по всему полю, а складывала клубни в аккуратный рядок, что значительно ускоряло и упрощало сбор урожая. Пока я ходил за этим агрегатом и наравне со всеми собирал картофель, бедный Микка нянчился с мелкими представителями нашего клана. И ещё неизвестно кто из нас больше уставал.

Зато на учёбу мы уезжали уже на поезде. За лето шведские подрядчики закончили строительство, и дядя Бьорк первым делом запустил пассажирское сообщение на нашей линии. Пока что только два раза в день, утром и вечером. Купленный в Або маленький танк-паровоз «тип-19» Коломенского паровозостроительного завода довольно легко и на одной заправке преодолевал две шведские мили (20 км), таща за собой три стареньких зелёных двухосных пассажирских вагона третьего класса.

Строительство вышло немного дороже, из-за того, что мост через речку Калимеэноя в селе Корвенкюля сделали не деревянным, а использовали десятиметровую стальную ферму, уложенную на кирпичные опоры. Но поскольку совещания по итогам строительства ещё не было, об удорожании проекта знало всего несколько человек. И я не думаю, что дед Кауко, когда вернётся из Гельсингфорса, прикажет разломать этот мост.

Зато я смог выбить у дяди Бьорка особую льготу для моих пионеров. Естественно, что никто из их предков не собирался тратить полмарки на полный проезд туда и обратно для своих детей. А им очень хотелось. И если на пустых платформах их иногда катали по грузовой станции кирпичного завода, то в город их не брали. Выбитая мной льгота заключалась в том, что именно пионеры, по предъявлению специального жетона, могли провозить багаж весом до сорока фунтов без оплаты. И их предки быстро оценили возможность бесплатно провести тот или иной груз, привлекая своих детей. А мне срочно пришлось озаботиться производством соответствующих жетонов.

.....

Награждение же меня на торжественном построении в лицее в первый же день учёбы было для меня полной неожиданностью. Я так растерялся, что даже и не запомнил кто и что мне говорил. Немного собрался и подуспокоился только после того как мне на шею повесили золотую медаль «За Усердие» на голубой андреевской ленте. И даже произнёс небольшую ответную речь. В основном состоявшую из благодарностей родному сенату и стране, и обещаний не ударить в грязь лицом и «учиться, учиться и ещё раз учиться, как завещал на великий финский литератор и мой земляк Захарий Топелиус».

На следующий день все газеты Улеборга и столичная «Финская правда» напечатали статью о моём награждении и моей ответной речи. А гад этакий, Ээро Эркко, в своей статье предложил завещание Топелиуса — «про учёбу», которое я на голубом глазу спёр у Ленина и приписал покойному литератору, сделать главным девизом для всех учебных заведений страны.

— Тебя вызывают, — толкнул меня в бок и прошептал Микки, вырывая меня из воспоминаний.

— Господин Хухта, вы там, часом, не заснули? — ехидно поинтересовался Конрад Кивекас под смешки из класса.

— Нет, господин учитель! — подскочил я с школьной лавки и, вытянувшись по стойке

смирно, застыл в проходе.

— Ну, тогда прошу вас к доске. Нам бы очень хотелось узнать ваше мнение о поэме Рунеберга. Вы всё же литератор, поэтому ваш взгляд на эту поэму может быть очень интересен.

— Господин Кивекас, это свободное обсуждение или в рамках учебного процесса? — решил я прояснить вопрос о рамках данного мероприятия. А то выскажу своё мнение, а мне кол влепят.

— Ха! Как вы хитро сформулировали свой вопрос. Вот! Берите пример с вашего соученика, — обратился педагог к моим одноклассникам. — Не то что вы, господин Лагту! Вышли, пробурчали и, получив тройку, на этом успокоились, — укорил он рыжеволосого пацана, младшего сына губернского директора полиции. — Господин Хухта, можете не беспокоиться, ваш ответ я оценивать не буду. Мне всё же интересно ваше личное мнение, как литератора. Да и вашему классному наставнику, я думаю, тоже, — и он кивнул в сторону господина Фростеруса.

— Прочитал я эту поэму давно, — начал я. — Ещё в шесть лет. И с тех пор перечитывал её ещё трижды. И я был крайне удивлён и поражён тем, что она считается патриотической и национальной. Ведь, на самом деле, это произведение можно отнести к сепаратистским и очень вредны.

В классе разлилась мертвая тишина, пацаны смотрели на меня, вылупив глаза, а наш классный наставник покачивал головой явно в жесте неодобрения.

— С чего вы это взяли, господин Хухта? Что за крамольные мысли? А хотя, ладно, продолжайте. Ведь я обещал выслушать, — господин Кивекас вначале возмутился, а затем, взяв себя в руки, позволил мне продолжать.

— В первой части поэмы рассказывается о некоем подростке-сироте по фамилии Стол. Который рассказывает, что все его предки погибли, сражаясь за короля и Швецию против России. Хочу всем напомнить, что мы с вами сейчас проживаем именно в Российской империи, — я обвёл взглядом притихший класс и преподавателей. Фростерус чесал подбородок, а Кивекас как-то зло ухмылялся. — Далее из повествования мы узнаём, что отца мальчика взяли в солдаты тоже в пятнадцать лет, и он погиб у него на глазах в битве при Лаппо за независимость Финляндии. И вот теперь ему тоже пятнадцать, и он хочет вступить в армию, чтобы вернуть свою любимую родину к ногам короля. Полный бред и неприкрытая ложь! Вот моё мнение об этой поэме. Её надо немедленно запретить в нашей стране! — я замолчал и повернулся к учителю языков, который, судя по его красному лицу явно прибывал в ярости.

— Ты! Вы! — вытолкнул он из себя и, внезапно закрыв глаза глубоко задышал, а заодно, выставив перед собой руку с растопыренной пятернёй, явно, жестом, призывая меня оставаться на месте.

— Великолечно, господин Хухта! — наш классный наставник поднялся со своего стула и отвесил мне небольшой поклон. — Ваш разбор краток и эмоционален. Но всё-таки не считите за труд, объясните нам всем про «бред и ложь».

— Господин Кивекас? — я покосился в сторону учителя-предметника, ведь сейчас его урок, а значит он здесь главный.

— Да. Объясните нам, — почти прошептал он, так и не открыв глаза.

— Тогда мне нужна небольшая ваша помощь, господин Фростерус, — обратился я к классному наставнику и, дождавшись его кивка, продолжил. — Господин Фростерус, со

сколько лет, у вас сохранились воспоминания о детстве?

— Хм, лет с четырёх, я думаю. А что?

— В поэме мальчик рассказывает о том, что его пятнадцатилетнего отца взяли в армию, и он видел как тот погиб. Мог ли одиннадцатилетний ребёнок стать отцом, и как на это отреагировали бы окружающие?

— Ха! Нет, конечно! Ну, вряд ли, — и он почему-то покосился на своего сына. — Но столь ранний брак невозможен. Ребенка записали бы как незаконнорожденного, а его малолетнего отца сослали бы в колонии по шведским законам. Вот жеж? Я с такой точки зрения никогда не смотрел на эту поэму. Действительно, бред.

— А ещё, они жили в Пори, который был занят русскими войсками за месяц до сражения у Лаппо. Ну и самое главное! Что это за война за независимость Финляндии? Разве герцогство Финляндское было свободным государством, разве оно не входило в состав королевства Швеция?

— Спасибо, господин Хухта, — наконец ожил и Конрад Кивекас. — Я думаю, что мы услышали достаточно, чтобы понять вашу точку зрения. Можете идти на место. Хотя нет. Пойдите. А почему вы всё-таки считаете поэму сепаратистской? Из-за вашей любви к Российской империи?

— Почему? — я пожал плечами. — Господин Кивекас, скажите, а в каком году и из-за чего город в котором мы сейчас находимся вошёл в состав княжества?

— Ну, насколько я знаю, Улеаборг и центральная с северной Остроботнии присоединены к нашему княжеству по итогам русско-шведской войны в 1809 году. Согласно Фридрихсгамского мирного договора.

— А если бы победила Швеция и отец того мальчика? Был бы сейчас Улеаборг и губерния в составе Финляндского герцогства?

— Я вас понял, — сухо ответил мужчина. — Можете сесть на своё место.

— Нет! — ответил я отказом, чем ещё больше удивил учителя. — Я всё-таки хочу прояснить для вас и для моих одноклассников причины моей некой любви к Российской империи, как вы выразились.

— Минуту, — Конрад Кивекас извлёк часы и, посмотрев время, кивнул мне. — У вас есть десять минут, справитесь?

— Спасибо! — поблагодарил я его. — Господин Феллман, вы не поможете мне? — обратился я к конопатому очкарику сидящему на первой парте.

— Всем чем смогу, — улыбнулся мне внук нынешнего Улеаборгского губернатора Густава Эсиаса Феллмана.

Мы вместе с ним расчертили на доске таблицу. Где было три столбца — Великое княжество Финляндское, герцогство Финляндское и королевство Норвегия.

— Господа, — я поклонился своим одноклассникам. — Сейчас я буду записывать в столбце нашего государства то, что у него и у нас есть. А господин Феллман, будет записывать или пропускать эти же пункты в столбцах Норвегии и исторической Финляндии в составе Шведского королевства. Мы все с вами знаем, как Маркус Феллман любит историю. Итак, начали. Валюта, у нас есть марка...

У бывшего герцогства своей валюты не оказалось, о чем и свидетельствовали прочерки в соседнем столбце. Из всего что я перечислил, у Норвегии нашёлся только парламент, валюта и собственная армия, а бывшее герцогство отметилось одними прочерками.

— Итак, господа, — обратился я к ученикам и двум обалдевшим от нашей таблицы

учителям, в какой стране вы бы захотели жить? Проголосуем?

— Я думаю, это излишне. Спасибо за ваш ответ, господин Хухта. И за вашу помощь, господин Феллман. Можете садиться на свои места. И я думаю, что всё-таки оценю вашу совместную работу на отлично.

Глава 29

— Сударь, а правда, что вам всего девять лет? — без тени смущения спросила моя первая партнёрша и, подхватив меня под локоток, закружила против часовой стрелки.

— Чистая правда, сударыня, — отозвался я и подставил свои ладошки под хлопки ладоней девочки.

— А по вашему росту и не скажешь. Вы меня точно не обманываете? — прошептала эта юная нахалка мне прямо в ухо, когда мы чинно вышагивали, держась за руки, в общем строю танцующих.

— Сердце крещо, — и я действительно перекрестил свободной правой рукой левую половину груди. — А что, это вас смущает, сударыня? — попытался подколоть свою партнёршу, когда мы закружились уже по часовой стрелке.

— Ничуть, — призналась та. — У меня папа младше мамы тоже на три года.

Ой-ой-ой. У этой пигалицы, походу, серьёзные намерения в отношении меня. Ишь как, со своими предками уже сравнивает. Но тут, наконец, произошла смена партнёров и доставшаяся мне серьёзная блондинка с ходу огорошила меня:

— А я, сударь, поэтесса. Хотите послушать мои стихи? — и подхватив друг друга под локоток мы с ней поскакали как два козлика, когда началась активная фаза в этом танце.

В общем, я кое-как дотерпел этот длинный контрданс и попытался смыться к столам с прохладительными напитками, мысленно проклиная создателей подобных развлечений. Ещё в самом начале Рождественского бала я обнаружил на этих столиках апельсиновый сок. Но успел угоститься только маленьким стаканчиком.

— Хухта! — меня дернула за рукав какая-то сила, и я оказался за колоннадой основного зала в окружении семиклассников. — Не смей танцевать и разговаривать с баронессой Клеркер! — Надо мной навис светловолосый и конопатый парень. — Ты меня понял?

— А кто из них была баронесса? А то они не представлялись, а на них не написано, — попытался я всё свести к шутке, попутно пытаясь вспомнить, кто это такой.

И это у меня почти получилось. Вокруг нас раздался смех, а семиклассник в прикольных прямоугольных очках заявил моему оппоненту:

— Ари! Ты тогда всех пятиклашек отлавливай и об этом предупреждай, — и я наконец вспомнил.

Это был Ари Сипиля, сын секретаря местного сейма. Они жили практически за городской чертой, и его привозили на занятия в личном экипаже.

— И баронессу приводи, а то может кто её, как наш Хухта, в лицо не знает, — и мальчишки зашлись в смехе.

— Чё уставился? Всё, вали отсюда! — И мне барственно помахал рукой тот, кто меня сюда и затащил.

— А то что? Где хочу, там и стою. На кого хочу, на того и смотрю, — переклинило меня от его жеста.

— В лоб получишь! Вот что! Тебе пинка отвесить для скорости? Так сейчас устрою, — и парень схватил меня за лацканы парадного полукафтана, намереваясь развернуть мою тушку для приведения в действие оговоренной угрозы.

Чем полностью передо мной открылся, и я пробил со всей своей силы ему по солнечному сплетению. Мальчишка хрюкнул и резко согнулся заставив меня отпрянуть назад. Спиной я в кого-то уткнулся и, подняв свой взгляд, наткнулся на весёлые глаза того самого очкарика в прикольных очках. Он мне неожиданно подмигнул и, схватив за плечи, вытолкал из-за колоннады в зал, а в спину бросил:

— Мы сами с ним разберёмся. Иди. Не бойся. Празднуй.

.....

Моя критика поэмы «Рассказы о прапорщике Столе» не прошла для меня даром. Через пару дней после того урока наш классный наставник Теодор Оскар Фростерус опубликовал в своей газете «Лоухи» статью с моей таблицей и критикой в отношении поэмы Рунеберга. Причем, очень хвалил моё критическое мышление и призывал финнов раскрыть себе глаза на насильственную шведскую пропаганду, которая, по его мнению, мешает самоопределиться финскому коренному населению.

На следующий день вышла гневная статья в газете «Каику», принадлежавшая нашему учителю финского и шведского языков Конраду Фредрику Кивекасу. В которой он обрушился с критикой на Фростеруса, не столько за поддержку моего мнения, сколько из-за того, что он нарушил педагогическую этику, вынеся обсуждение за стены лицея.

И всё бы ничего, но обе эти статьи перепечатило столичное издание шведской народной партии, газета «Викинг», с призывом положить конец нападкам на шведско-финскую литературу, как основу всей литературы в стране. Ой, чего тут началось! Народ только-только подуспокоился после отправки войск в Китай, а здесь такая шикарная тема. Свекоманы (Svekomaner) схлестнулись с Фенноманами (Fennomani) в извечном споре о национальном языке, эпосе и литературе.

Хорошо, что в этом споре не полоскали моё имя. Я как-то незаметно попал в категорию пострадавших. Особенно после статей в «Финской правде» и «Ежедневной газете» в мою поддержку и критики в непедагогическом поведении моих преподавателей. И Ээро Эркко, и Текла Хултин приложили все усилия, чтобы дистанцировать меня от происходящего. За что я им выразил искреннюю благодарность в личных письмах.

Сам я узнал о происходящем только из номера «Викинга», который притащил домой Микка с воплями «что там про тебя пишут». Местные, Улеаборгские газеты выписывала мама и они, естественно, приходили к нам домой, на хутор. А здесь, в городе, мне было пока не до газет. И, если бы не кузен, то я всё, наверное, узнал бы самым последним.

Через месяц, почти перед Рождеством, департамент образования распорядился изъять из учебной программы изучение поэмы Рунеберга, тем не менее оставив её в качестве книги для внеклассного чтения. Мне же пришлось поучаствовать в заседании этической комиссии, которую прислали из столицы для расследования поведения педагогов моего лицея. Я даже написал бумагу в адрес председателя этой комиссии о том, что не имею претензий к действиям моего классного наставника и учителя языков. Уж лучше они, я их, по крайней мере, знаю, а кого поставят взамен ещё неизвестно. А так они мне ещё и должны будут. Мало ли, что я ещё во время своей учёбы вытворю!

.....

— Дорогой, ты не сильно занят? — в рабочий кабинет Николая II тихонько заглянула его супруга Александра.

— Нет, моя любовь. Для тебя я всегда найду время, — император отложил последний отчёт о строительстве транссибирской магистрали и, выйдя из-за стола, проводил жену к

угловому диванчику возле курительного столика. — Что-то случилось? Ты выглядишь как-то взволнованно.

— Нет-нет, ничего серьёзного. Помнишь, я в прошлом году... или в позапрошлом году, — Александра Фёдоровна смешно наморщила носик, отчего у Николая приподнялось настроение, и он непроизвольно улыбнулся. — Не помню, — призналась она. — Я просила у тебя фотографию финляндского мальчика-сказочника. Его сказки ещё нравятся девочкам. Матвей Хухта.

— Помню. И про фотографию, и про этого мальчика. А что тебя так взволновало-то?

— Прочла статью про него в «Новом времени». И мне просто подумалось, а давай пригласим его следующим летом к нам, на остров Харппу. Было бы забавно пообщаться со столь юным писателем.

— Да, я тоже читал статью Суворина в «Новом времени» и тоже вспомнил этого ребёнка. Да и в докладах Витте, он упоминался несколько раз. Ты права, было бы интересно с ним пообщаться. Подожди, сейчас запишу в ежедневник чтобы не забыть.

.....

— День добрый, Николай Иванович, — поприветствовал финляндского генерал-губернатора Витте, входя в его кабинет.

— Добрый, добрый, Сергей Юльевич. Что же это вы нас не предупредили? Мы бы вас встретили, — проворно вскочил из-за своего стола Николай Бобриков.

— Не стоило. Я в Гельсингфорс прибыл по делам флотским и своего министерства. А к вам заглянул всего по одному вопросу. Кстати, а что это за митинг перед вашим представительством? Стоят какие-то люди с транспарантами, что-то выкрикивают. Опять революционеры завелись? Мы не всех в Китай отправили?

— Ой. Эти безвредны. Требуют запретить шведский язык в княжестве. И всё, опять, из-за мальчишки Хухты. Зря вы ему оплатили обучение в том лицее. Учился бы он в народной школе — ничего бы этого не было.

— Ну, почему зря? Очень даже и не зря. Читал я про его высказывания. Вполне они нам на пользу. Чем больше разделено местное общество, тем меньше угроза революции. Да и эта его таблица ведь наглядно показывает, что финляндцам с империей куда как лучше чем без неё.

— Это-то да, — согласно закивал генерал-губернатор. — Но ведь мы планируем всё это у них отобрать. Как бы это не вышло нам боком.

— Так мы сразу и не планируем всё отбирать. Это мой предшественник, кавалерийским наскоком хотел всё поломать. А ломать — это вам, батенька, не строить. Взять ту же отмену их валюты. Ведь придётся замещать её рублём, а это в бюджете не прописано. И ещё несколько лет будет невозможно. У нас и транссибирская магистраль, и новая программа строительства броненосцев. И на всё нужны деньги. Я их хоть и печатаю, но по мере поступления золота в казну. Вот, приезжал разбираться. Флотские хотели списать в учебные суда три старых броненосца. Но денег-то они будут кушать как боевые! Пришлось лично на них побывать. Два судна даже не на ходу. Вот зачем они им? Перевели их в артиллерийские мишени. А одно — вполне боеспособное. Да, старое! Но с хорошим новым вооружением, которое только десять лет назад заменили. Так они и его хотели списать, — эмоционально взмахнул рукой министр финансов. — Но нет, судари мои, не на того напали! Пусть ещё послужит России. Убедил отправить этот броненосец во Владивосток. Как же его? А, «Первенец».

— О! Это на нём капитаном Владимир Николаевич Миклуха, родной брат нашего известного путешественника Николая Миклухо-Маклая?

— Да. Он. Он даже обрадовался, переводу на Дальний Восток. А эти, из адмиралтейства, хотели вполне боеспособный броненосец переделать в баржу. Ладно. Это мои дела. Они вас особо и не должны касаться. Я здесь, у вас в кабинете, по другой причине. Всё из-за того же Матвея Хухты. Императорская чета приглашает его, а с ним и одно сопроводительное лицо, посетить царскую летнюю резиденцию на острове Харппу в первых числах августа следующего года. Вот официальное приглашение за подписью Владимира Борисовича Фредерикса, — и статс-секретарь Великого княжества Финляндского протянул генерал-губернатору конверт. — Не смотрите что распечатан. Это я распечатал чтобы понять что делать. Можете ознакомиться. И подготовьте транспорт, чтобы вовремя доставить мальчика. Впрочем, время ещё есть, и вы сами сообразите как лучше поступить. Да, и вот что ещё. Кто сейчас Улеборгский губернатор?

— Густаф Феллман, нынешний председатель сословного сейма. Губернатор неплохой, хоть и гражданский. Просился в прошлом году в отставку, но я пока не визировал его рапорт.

— А чего в отставку хочет уйти? — удивился Витте.

— Местные подковёрные игры. Не присвоили ему чин шестого класса, вот он и обиделся.

— Николай Иванович, переговоры с этим Феллманом. Скажи, что чин коллежского советника он получит в ближайшем времени. Тому я буду гарантией. А с него, кроме добросовестного выполнения своих обязанностей, потребуется ещё и опека над нашим юным гением. Пусть пылинки сдувает с него и его семьи. По крайней мере, до его летнего визита на финскую дачу нашего Государя.

.....

За два дня до Рождества из Гельсингфорса прикатил дед в компании с обоими Стокманнами, старшим и младшим. После окончания строительства дамбы на мой остров дед Кауко буквально переселился в столицу, занимаясь приведением в порядок дел и налаживанием выпуска продукции на швейной фабрике. В последний свой приезд он поинтересовался у меня:

— Ну, что? Не зря я тебе давал пять сотен? Придумал что-нибудь новенькое?

— А как же, конечно, — заверил я его, хотя даже особо и не старался что-то придумать, а просто взял несколько вещей из списка, составленного мной ещё года три назад.

Первыми шли обычные для моего прошлого мира тканевые сумки, как с пришитыми ручками, так и с прорезанными. Образцы мне сделала бабушка Тейя. И они ей сразу так приглянулись, что мне стоило больших усилий отговорить её использовать их до приезда деда. Какие-то подобия сумок я видел здесь и раньше, но, в основном, за покупками ходили с громоздкими корзинами и вязаными кошёлками.

— И ты думаешь, это будут покупать? — с сомнением спросил дед Кауко.

— С руками оторвут, старый, — вмешалась в мою презентацию баба Тейя. — Ты думаешь, женщинам с корзинами легко на рынок ходить? А тут свернул эту сумку (kassi), за отворот одежды сунул и пошёл. Погоди, ты не видел что ещё этот охламон придумал. Там вообще прелесть. Особенно за овощами ходить.

— А ну-ка, показывай, — тут же распорядился дед.

— Погоди, деда, — осадил я его. — На этих сумках можно рекламу напечатывать или нашивать. Дизайн такой.

— Что за дизайн за такой? — вытаращил глаза дед.

— Фирменная сумка с логотипом какой-нибудь пекарни. Да её хозяин сразу сотню их закажет. А сколько таких пекарен, магазинов, лавок и прочего по стране, представь?

— Ладно-ладно, хорошая придумка, не спорю. Попробуем шить. Погодь, слово это твоё новое, запишу.

— Ты не только шить, ты её ещё запатентуй...

— Не учи рыбу плавать! — неожиданно грубо перебил меня дед почему-то английским аналогом русской поговорки «яйца курицу не учат». — Вещь простая. Её сразу скопируют. Не так угол сделают или ручки другие и, попробуй что доказать.

— Так ты запатентуй не столько сумку, как нанесение на неё рекламы, — недовольно пробурчал я.

— Попробую. Не дуйся. Я просто устал с дороги, а тут сразу столько нового. Что ты там ещё такое придумал, что Тейя аж в не себе?

Второй «придумкой» была банальная авоська. Кусок старой мелкой сети, сшитой в полусферу и с двумя тканевыми ручками. Короче, то, с чем Коля Герасимов на плече отправился за кефиром, а попал в будущее.

— Интересненько, — пробормотал дед Кауко, пытаясь разобраться что за комок из ниток ему подсунули.

— Это не интересно! — опять влезла баба Тейя. — Это генерально! Тьфу! Ге-не-аль-но! — по слогам произнесла она для верности, чтобы не ошибиться. — Смотри, старый! — и она стала складывать в авоську картофель, капустину, луковицы и напоследок запихнула туда пустую бутылку из-под рыбьего жира. — Во! Всё поместилось! А пустая — в кулаке помещается! Генерально! Тьфу! Ну, вы поняли.

— Гхм, — почесал в затылке дед. — И правда, гениально. Просто-то как! И никто до этого до сих пор не додумался? Как ты её назвал?

— Сетчатая сумка или финка, — промямлил я, потому что не смог подобрать аналог в языке под русский «авось».

— Финка? Мне нравится! Это точно надо патентовать и не только у нас. Молодец, внук! Хвалю! Что-то ещё есть?

— Да, деда. Я вспомнил, как ты ругался, что в наших поездах только кофе есть, а чай не продают. И вот придумал. Для тебя. Ну, и, другим точно пригодится, — и я выложил перед ним несколько маленьких мешочков с чаем внутри, пошитых из марли, и с длинной ниткой, пришитой к одному из углов. — Микка! Чайник с кипятком тащи сюда! — отдал я распоряжение кузену, а деду пояснил, когда мой адъютант притащил всё необходимое. — Кладём пакетик в кружку, заливаем кипятком, и через минуту у тебя уже заваренный чай.

— И заварка по кружке не болтается, — добавил от себя и Микка.

— А как в одной кружке заварился этот пакетик, можно в следующую переложить и заварить. Вот такая вот придумка.

— Хм. Как интересно. И здорово, — дед отхлебнул заварившегося чая и подёргал за нитку пакетик, который заваривал чай во второй кружке. — И продуманно всё. Нитка вот, чтобы достать этот мешочек (pussi). С этим надо до Стокманнов идти, через них на этом можно большие деньги сделать.

.....

И вот пару месяцев спустя дед прикатил снова, но уже в компании Стокманнов.

Мы с Миккой как раз повторяли па из разучиваемого в лицее танца под названием

контрданс. И ввалившиеся к нам в дом взрослые застали момент, когда мы, взявшись за руки, отвечивали друг другу поклоны.

— А чего это вы тут делаете? — вытаращился на меня дед Кауко.

— Танцы разучиваем, — огрызнулся я. — У нас бал завтра в лицее. Здравствуй, деда. Здравствуйте, господа. — вовремя вспомнив о приличиях, поздоровался я с прибывшими.

— Здравствуй, здравствуй, герой! — эмоционально воскликнул Стокманн-младший. — А вот и твоя награда! Подставляй голову! — Он извлек откуда-то жёлтую медальку на красно-синей ленточке и водрузил её на мою шею. — Золотая медаль «Панамериканской экспозиции»! Гордись! Сертификат в рамке у твоего деда, потом посмотришь.

— Я знаю, что Мехелин тебе за скрепку подарил остров, — раздевшись, присоединился к разговору и старший Стокманн. — И мы с сыном решили тоже подарить тебе по острову. Здесь, в Улеборге. Вот, держи, — он положил на стол передо мной какую-то кожаную папку. Здесь документы на «Зелёный» и «Песчаный» острова. И квитанция об уплате земельного налога на десять лет.

— Это два острова за проливом Роммаконвяйля, — попытался объяснить мне где находятся мои новые владения дед Кауко. — С территории бондарного завода их хорошо видно. Оттуда же можно будет и железную дорогу протянуть. Хорошее место. Под порт отлично подойдёт.

— Мы уже начали производство роликовых кистей в Америке. Я выкупил старый слесарный заводик в Нью-Йорке и нашёл отличного управляющего, — продолжал делиться со мной новостями Карл Стокманн.

Уж даже и не знаю, зачем он это делал? Может, старики его просто игнорировали, а ему хотелось выговориться, но то что он рассказал далее, меня просто выбило из колеи.

— Когда отец прислал чертежи вашего древокола на патентирование в США, я их показал нашему управляющему, Генри Форду. Он хоть и ирландец, но очень хороший инженер...

— Простите, херра Стокманн, что перебиваю. Вы сказали Генри Форд? Это случаем не тот, что автомобили строил?

— Эээ, я не знаю. Наверное. У него был патент на керосиновый двигатель. И он был совладельцем «Детройтской автомобильной компании». А ты откуда его знаешь?

— Читал в одной американской газете про их автомобили, и там была эта фамилия. А почему он совладельцем автомобильной компании был?

— Он продал свои акции и вложил все деньги в наше совместное производство древоколов с его двигателем. Часть двигателей, кстати, будет поставляться и сюда.

Пока гости обедали, я сидел за столом как пыльным мешком по голове прихлопнутый. Это что же такое творится? Я своими действиями сорвал возникновение «Форд мотор компани»? А как же легендарный «Форд-Т»? И, не менее легендарный, первый конвейер? Может, это всё-таки не тот Форд?

Бамц! Вывел меня из размышлений сильный щелбан деда. Оказывается, гости уже ушли, а я так и просидел всё время с задумчивой моськой за столом, не замечая ничего вокруг.

— Ай! Деда! Ты чего дерёшься?

— А что с тобой такое? Сидишь как замороженный! Даже не вышел проводить гостей. Бесстыдник! Совсем здесь распоясался без меня! Всё! После Рождества со мной поедешь Сначала в Гельсингфорс, а затем в Стокгольм.

— Зачем?

— Затем! Мы фабрику швейную в отдельную компанию выделили. «Хухта Дизайн» назвали, тем новым словом, что ты придумал. Вы с отцом должны быть в столице и бумаги подписать. А затем в Швецию сплаваем. Я по делам, а вы Ахти проведаете! Ясно, внучек?

— Угу, — пробурчал я потирая ноющий лоб. — Вот зачем по лбу? У меня завтра бал, а я с синяком буду!

— Ну, извини. Сам напросился! Лёд приложи и ничего не будет.

Глава 30

Впервые с момента моего попадания в это время и место я встречал Рождество не дома, на хуторе, а в Улеборге. И, причем в довольно большой компании родственников. Бабушка Тейя, Микка, брат Кауко с супругой Катариной и приехавшая с хутора мама Микки, тётя Сусанна. Хорошо посидели за столом, поели вкусняшек и потанцевали под граммофон. А на следующий день, утром, я уже ехал в Гельсингфорс в компании с дедом и отцом.

По прибытию в столицу княжества я проводил время в компании кузена Томми Саари пока взрослые занимались оформлением всех необходимых документов по текстильной фабрике. Двоюродный брат уже почти окончил Гельсингфорский университет, обзавёлся дамой сердца и изящными усиками с бородкой, и нянчиться со мной, мелким, ему было неохота. Тем более, что я сразу отмёл все его поползновения подзаработать репутацию на моей знаменитости. Проще говоря, когда он предложил посетить вместе с ним несколько молодёжных литературных кружков, я категорически отказался.

Сначала мы посетили синемаграф в том самом здании гостиницы «Сеурахуоне», где проводилось награждение лауреатов «Парижской выставки», и где мне подарили остров. За целую марку с человека нам показали два коротеньких фильма, сопровождаемых игрой на пианино. Первый — «Душ после купания», производства студии братьев Люмьер. Короткая, не больше минуты, черно-белая и немая хрень, в которой несколько мужчин и женщин поливали себя и друг друга водой из вёдер. Второй, такой же короткий ролик с названием «Держи вора!». Вот в нём смысла было больше, хотя и странного: какой-то оборванец украл у мясника мясо и съел его сырым, пока за ним гонялись. Жуть какая-то. Даже и не знаю, что было в этих фильмах смешного, но публика, так же как и мой братец, просто угорали от смеха.

Затем я наконец прокатился на «Муммибусе», как назвал Леопольд Мехелин этот неказистый электробус, созданный инженером Романовым. В городе уже курсировало четыре подобных агрегата, по разным маршрутам. Которые закольцевали так, чтобы они начинались и заканчивались возле городской электростанции, где электробусы подзаряжали свои аккумуляторы.

Вот возле неё, на конечной остановке, куда мы и приехали с братом, я и увидел недавно вспоминаемого мной главу города в окружении нескольких мужчин, яростно с ним спорящих.

— Херра Мехелин, здравствуйте! — поприветствовал я главного либерала страны, буквально притащив на буксире за собой упирающегося кузена.

— О! Матти? Здравствуй! А ты откуда здесь? А это твой брат? Помню, помню. Вроде, Саари? Имя, извини, забыл, — обратил он внимание на нас так поспешно, что складывалось впечатление, что очень рад отвлечься от происходящего здесь разговора.

— Томми. Томми Саари, господин, — представился брат.

Но Мехелин на это только кивнул и обратился к остальным присутствующим здесь взрослым:

— Вот, господа, знакомьтесь. Это и есть наш юный гений Матти Хухта. А это, — он стал поочередно указывать на мужчин, представлять их мне. — Это господин Романов,

создатель того самого электрического омнибуса, который я назвал в честь твоего книжного героя. Рядом с ним его напарник и компаньон Александр Гусс.

— Очень приятно, господин Романов, господин Гусс, — и я слегка поклонился недовольно переглядывающимся мужчинам, которые даже и не подумали поздороваться в ответ.

— А это мой новый напарник и ещё один директор Нокии, а заодно и владелец Гельсингфорской фабрики резиновых изделий Эдуард Полон.

— Рад! Очень рад! — заулыбался мужчина лет сорока в модном высоком цилиндре и даже первым протянул мне руку для рукопожатий. — Мои дети просто влюблены в твои книги, да и я восхищаюсь столь юным талантом. И как изобретателя, в том числе! Господа, — перевёл он взгляд на хмурых Романова и Гусса. — Что вы кукситесь, право слово. Это не простой мальчик, а писатель и изобретатель. Ваши документы, кстати, скреплены скрепкой, которую он изобрёл.

Я же стоял, улыбался и кивал, а сам пребывал в очередном ступоре от того, что именно Нокия поглотила резинотехническую фабрику, а не наоборот, как это произошло в моём мире. Вывел меня из моей задумчивости толчок в спину.

— Пойдём, Матти! Я познакомлю тебя ещё с одним человеком, — Леопольд Мехелин подтолкнул меня в спину, явно призывая идти с собой. — Ведь это не просто электростанция! Которую мы тоже уже начали переводить на торф. Здесь находятся наши мастерские, где собирают «Муммибусы», и где мы хотим попробовать построить первый финский электрический трамвай.

— Как у тебя в книге! — подхватил его речь господин Полон. — В Солнечном городе. Ээро Эркко говорил, что рисунок трамвая там — твоей руки. Очень необычный трамвай.

Трамвай как трамвай. Что помнил, то и нарисовал. Самый обычный «КТМ-5», который ездил в моём Таганроге. Что может быть в нём восхитительного?

Меня с братом провели через шумные механические мастерские и завели в более тихое помещение, где был только один человек. Который что-то увлечённо считал на счётах, и на нашу ввалившуюся толпу посмотрел с нескрываемым раздражением.

— Карл! Смотри кого мы к тебе привели! — почти прокричал Эдуард Полон. — Ты же хотел пообщаться со своим земляком Матиусом Хухтой.

— Это Карл Эмиль Стольберг. Наш главный инженер в совместном транспортном предприятии, — представил нам с братом мужчину Леопольд Мехелин. — А заодно и старший брат нашего секретаря Сената, Карла Юхана Стольберга.

Мужчина наконец оторвался от расчётов и, заулыбавшись, поднялся со стула и пробасил:

— Так вот ты какой вживую. Здравствуй! — мне пожали руку в ответ на моё приветствие и тут же потащили к большому рисунку трамвая, висевшему на стене.

— Очень интересная конструкция! — вещал господин инженер. — Большие окна, самооткрывающиеся роликовые двери, электрическое освещение и отопление. Мы уже всё продумали. Всё, как описано в твоей сказке. Но вот это что? — и он указал на прямоугольник между колёс. — Просто для красоты? Часть колёсной тележки? Мы так и не смогли понять, а в твоей книге нет подсказок.

Я посмотрел на увеличенный рисунок из книги, на то место, на которое указкой показывал инженер. Там был просто прямоугольник между двух колёс и, только видевшие вживую трамвай из моего мира, могли догадаться что это. И то не все. Я даже усмехнулся от

этой мысли.

— Это рельсовый прижимной тормоз. Чтобы в случае гололёда трамвай не укатился вниз по склону на крутых участках. Солнечный город, в моей сказке, на холмах же стоит.

— Ааа! Ясно! Интересно! Надо будет попробовать такой сделать. Ведь ещё никто такие не придумывал. Это же новое изобретение! Леопольд, это надо патентовать, — обратился он к градоначальнику.

— Ну, раз надо, то запатентуем. И про тебя не забудем, — подмигнул он мне. — Твой дед частенько ко мне наведывается. Вот с ним всё и порешаем.

— Мы сейчас как раз бьёмся над проблемой установки таких больших стекол на двери, — Карл Стольберг опять указал указкой на рисунок. — Трамвай очень сильно вибрирует при движении и большие стёкла лопаются. Особенно в местах крепления деревянных рам.

— Так сделайте резиновые уплотнители, — ляпнул я не подумав.

— Резиновые? — удивился инженер. — Но, как это будет работать?

Пришлось брать в руки карандаш и заниматься рисованием уплотнителя и замка в виде резиновых клиньев. А затем ещё и объяснять как это должно работать.

— Александр, Эдуард? Это уже по вашей части. Можно такие изделия изготовить из резин? — обратился Стольберг к Гуссу и Полону.

В итоге, в обсуждение создания уплотнителя втянули даже моего братца, который, оказывается, учился на физико-математическом факультете, но мечтал стать химиком. В процессе этого обсуждения, я узнал, что Александр Гусс — это тот самый знаменитый химик, который создал «гусматик», наполнитель для автомобильных шин. И сначала даже не поверил — насколько я помнил, «гусматик» стали применять только во время первой мировой войны, а до неё ещё ого сколько лет. Но именно шины с «гусматиком» и стояли на всех Гельсингфорских электробусах. А Эдуард Полон даже уже начал производство подобных шин и для гужевого транспорта. Вот и думай, что хочешь...

.....

В столицу Шведско-Норвежской унии, город Стокгольм, мы попали на почтово-пассажирском пароходе. Я даже и представить не мог, что такое возможно в самый разгар зимы. А оказалось — возможно. Правда, мы сначала поездом добирались до Або, а уж из него и отчалили.

С начала ледостава ледоколы пробивали канал от Або до Стокгольма и сопровождали караваны судов, которые курсировали туда и обратно ежедневно. В Швецию везли зерно, керосин и нефть, пеньку и ткани, лес и различные масла. Обратно доставляли уголь, чугунные болванки и просто железную руду, станки и механизмы.

Стокгольм нас встретил ветром, метелью и небольшим морозцем. В крохотной каюте на шведском коммерческом авизо, на который мы и купили билеты, отец с дедом рубились в карты, а я, большей частью, пытался перевести «Книгу джунглей» Киплинга на финский. Я уже устал пересказывать Микки содержимое подаренных мне книг и решил перевести её, чтобы он сам читал.

Мы с дедом в очередной раз разругались. И всё из-за тех новинок, которые я подсказал Мехелину и его инженерам. После моего рассказа за ужином, как мы с кузеном провели день, дед наорал на меня, а затем ходил в городскую управу к Леопольду Мехелину улаживать совместные права на очередные придумки «глупого и несносного мальчишки», как он меня обозвал.

Так что на Новый год я от него не получил никакого подарка. Зато мне отдарился Томми, которого Александр Гусс взял к себе учеником.

— Вот! Это тебе! С Новым годом! Ты же любишь всякое стреляющее, — с этими словами кузен протянул мне какой-то свёрток.

Развернув его, я обнаружил небольшой револьвер, который при более тщательном рассмотрении оказался чугунным карманным и пятизарядным велодогом бельгийца Шарля-Француа Галана.

— Спасибо, Томми! Откуда он у тебя?

— Ай, не спрашивай. И взрослым особо не говори, что от меня.

Но самое главное я обнаружил вечером, когда разобрал револьвер. Этим главным оказались браунинговские патроны 7,65×17. Пять маленьких патрончиков с так долго мной искомой полностью цилиндрической формой. «Ай, моя же ты прелесть». Где бы мне их ещё прикупить — и можно заняться модернизацией моего «Пионера», переведя его на магазинное зарядание.

За два часа до прибытия в Стокгольм я уже торчал на палубе, натянув и завязав башлык. Уж лучше здесь, на ветру, чем в той тесной и прокуренной коробочке каюты.

Прямо за зданием таможни нас уже с нетерпением поджидал Ахти. Он, бедняга, так соскучился, что даже попытался взять меня на руки, но даже и приподнять не смог.

— Ну ты и вымахал, братец! — удивился он. — Чего же ты тяжёлый такой? Неужто железо беспощинно в карманах провозишь? — попытался пошутить он и оказался почти прав, в одном из карманов шинели у меня лежал подаренный револьвер.

Пока дед с отцом занимались поисками поставщиков анилиновых красителей, брат Ахти таскал меня по городу, знакомя с достопримечательностями и попутно выспрашивая у меня про домашние новости. Остановились мы, кстати, не у наших родственников, а в припортовой гостинице «Серые водоросли» (Gråalger). Длинное, кирпичное, одноэтажное здание было когда-то казармой шведской морской пехоты. Единственный плюс этой гостиницы был в хорошем отоплении. Всё остальное — газовое освещение, удобства на улице и довольно тонкие стены, которыми разделили общие спальни казарм, было сплошным минусом. Ну, взрослым виднее. С нашими доходами мы могли бы и в «Гранд-отель» заселиться.

Стокгольм оказался островным городом. Совсем как Гельсингфорс. Что, впрочем, и не удивительно, ведь столица нашего княжества и была построена шведами. Далеко мы с братом не путешествовали. Зимой много не напутешествуешь, да, к тому же Стокгольмская конка в рамках перехода на электричество была закрыта. И нередко приходилось брать извозчика, что довольно сильно било по моему карману, так как Ахти предпочитал путешествовать пешком и отказывался платить за такую роскошь.

С громадным удивлением узнал, что в Швеции левостороннее движение транспорта. Может, это всё-таки не мой мир? Насколько я помню, вся Скандинавия в моём будущем была правосторонней. Или они позже перешли на другую сторону?

Мне все эти помпезные здания были не особо интересны. Меня интересовали специализированные магазины. Измерительных и простых инструментов, оружейные и механические. Но больше всего денег я потратил в автомобильном магазине, где смог приобрести два магнето и десяток свечей германской компании «Бош», но почему-то в упаковке от фирмы «Даймлер-Моторен-Гезелльшафт».

Через три дня после нашего прибытия деньги у меня закончились, и мы с братом просто

гуляли по городу. А на обед отправились в один из трактиров возле «Южного театра», где и встретились с дедом и отцом. Батя при виде меня просиял лицом и шустро рванул на встречу.

— Сына! Скажи деду, что ты не против! Богом молю! Там такое! Если мы промедлим, то всё потеряем, — присев передо мною на корточки и приобняв, эмоционально зачастил родитель. — Он не соглашается! А это гарантированная прибыль! Он не понимает!

Я кое-как выкрутился из рук отца и, спрятавшись за не менее удивлённого Ахти, громко спросил у подошедшего деда Кауко.

— Деда, что это с ним? — и указал на отца, который поднялся на ноги и укоризненно на меня посмотрел.

— Деньги твои хочет. Мы на бирже были. А там объявление размещено, о продаже оборудования патронного завода. Матти! Не пугай сыновей! — прикрикнул он на отца. — Пойдёмте обедать, там всё и расскажем.

На обед у нас был уже поднадоевший мне гороховый суп и «пюттипанну» (pyttipannu) — смесь отваренных овощей, поджаренных с яйцом. Ну и чай с сухариками из «лимпы» (limpa) — сладкого хлеба. Отец удивил, взял себе тоже чай вместо пива, и старался пить его медленно и величаво, как дед Кауко, но было видно, что его что-то грызёт изнутри. Он постоянно елозил по лавке и стремился что-то сказать, но, натыкаясь на наши взгляды, сдерживал себя.

— Па, так что там такое продаётся, что ты сам на себя не похож? — первым не выдержал Ахти.

— Норма! Там продаётся Норма! — громко и торжественно прошептал отец и обвел нас возбуждённым взглядом.

— Норма, это которая патронный завод? — удивился я.

— Именно! Они сейчас переезжают из Норвегии в Швецию и продают часть своего производства! Вот! — обратился он к деду. — Матти знает, что такое Норма! Не то что ты!

— Ну, конечно! Вы же оба — чокнутые стрелки! Патронов сжигаете больше чем зарабатываете! Ну куда нам ещё и патронный завод? Где мы его размещать будем?

— Погоди, деда! А что конкретно они продают? И за сколько? Размещать-то есть где, Стокманны мне же острова подарили.

— Да на, читай, — протянул он мне машинописный текст. — Скажи спасибо, что я снял то объявление, — ехидно бросил он моему отцу. — А то бы ты наобъяснял.

Из текста я узнал, что патронный завод «Norma Projektilfabrik A/S» продаёт пороховой цех, капсюльный цех и цех полного цикла выпуска двух типов патронов стандарта 7,65×53 под винтовки «Mauser Argentino», и датский 8×58 под винтовки «Krag-Jørgensen». За всё про всё просили ровно десять тысяч британских фунтов.

— Деда. Я не против такой покупки! Я очень даже за! Но вот кто работать на этом оборудовании будет?

— Тьфу, заразил старший мелкого своими патронами, — сплюнул дед на пол и с опаской покосился в сторону раздаточного окна — не видел ли кто? — Работать как раз есть кому. Пока твой отец метался по всей бирже с криками «всё пропало», я кое-что разузнал. Есть две семьи инженеров-датчан. Они не хотят переезжать в Швецию. Вот можно их и попробовать переманить к нам. Ты другое мне скажи, внук! Зачем нам патроны под аргентинские винтовки и под старый патрон унии? Шведская армия же перешла на шестимиллиметровый патрон.

— Датский патрон подходит под их ружьё-пулемёт, которых передали нашим военным не менее двух десятков. Кроме всего прочего, переходя на новый патрон армии Швеции и Норвегии много винтовок старого калибра пустят в гражданский оборот.

— О как завернул! — восхитился дед. — Ну, ладно, принимается. А с аргентинским что тогда делать? Или просто не покупать эту линию?

— Надо покупать, деда. Ты не смотри что там написано, — постучал я ногтем по объявлению. — Настоящий калибр у этого патрона 7,94 миллиметра. Больше половины всех охотничьих винтовок «Винчестер», «Ремингтон», «Маузер» и «Маннлихер» используют именно этот патрон, — дотошно разъяснил я деду.

По крайней мере, попробую создать свой пулемёт под этот патрон, у аргентинца Фиттипальди это ведь получилось, чем я хуже?

— А чего тогда они эту линию на продажу выставили, если она такая хорошая? — задумчиво почесал свою редкую шевелюру дед Кауко.

— Может им деньги на переезд нужны или рассчитывают больше получить от продажи патронов шведского стандарта. В общем, можете смело тратить мои деньги на это. Я полностью одобряю... Ай! Папа! Ты чего! Не вздумай меня подкинуть, тут потолок низкий! — заголосил я, когда радостный родитель сгрёб меня в охапку и точно намеревался запустить в космос.

.....

Весна 1902 года выдалась дождливой, холодной и противной. Все очень надеялись, что после дня Святой Вальпурги наступят теплые и солнечные дни, чтобы приступить к севу. У меня же были другие проблемы, никак не связанные с погодой.

— Перкеле! Скеида! Да чего тебе ещё надо? Давай, Мауно! Толкай! Сильнее! Ааа! Да Есть! — я даже запрыгал от радости когда крыльчатка в своем кожухе оделась на коленчатый вал в картере. — Фух. Перерыв.

— Я тогда перекурю, — отреагировал на мои слова Мауно Уотила, мой помощник и командир Улеборгского пионерского отряда. — Я быстро.

— Да не спеши. Мне тоже успокоиться надо. Вон как руки дрожат, — и я, приподняв руки, растопырил грязные пальцы, которые после приложенных усилий к непослушным деталям заметно подрагивали.

Проводил взглядом своего помощника, выскочившего на задний двор бывшего каретного сарая, который я превратил в свою мастерскую. Во дворике места много не было, но бочку для песка и металлическую урну я пристроил, оборудовав место для курения. Всех курящих туда гоню, отца, братьев и даже деда. Пускай там дымят, а меня, здесь, не травят.

В ремонт этого сарая я вложил последние рубли, которые я снял с безвестных мертвых золотостарателей. Заново отштукатурили и побелили стены и потолок. Провели из дома электропроводку. Застеклили большие окна, которые долгое время были просто заколочены. Немного подлатали крышу и сделали водосток.

На полы денег уже не хватило. Мне хотелось деревянные полы для того чтобы к ним крепить фундаменты необходимых мне станков. Ибо после уборки накопившегося мусора и грязи оказалось, что полы гранитные. Из довольно редкого чёрного гранита с белыми прожилками. Красивые, но совершенно не подходящие для механической мастерской. Да и для каретного сарая тоже. Это кто же в каретном сарае такие полы отгрохал? Или здесь что-то другое планировалось?

Постелить полы мне пообещал отец за счёт семейного бюджета, но летом.

Приезжавший братец Эса снял размеры и заверил, что запас сосновых досок, которые можно пустить на полы, на складе у нашего дяди Каарло достаточный.

Из станков пока я смог прикупить только маленький токарный станок с ножным приводом и ручной механический пресс. Да с разрешения нашего управляющего кирпичным заводом Кевина Райта позаимствовал в его мастерской точильно-шлифовальный станок с ножным же приводом.

Были надежды запитать приводы обоих станков от электродвигателя, но Антон Кряков, наш заводской электрик, разбил все мои надежды, ткнув пальцем в договор предоставления услуг от местной электростанции. В котором было оговорено использование электричества только для освещения.

Вот я и решил попытаться собрать двигатель внутреннего сгорания для привода. После всех прикидок, рисунков и сравнения с нынешними технологиями обработки металла я пришёл к выводу, что замахиваться на китайский «Лифан» ещё рано. И решил попытаться сотворить одноцилиндровый, четырехтактный, карбюраторный, принудительного воздушного охлаждения, легендарный «ДМ-1».

Он, наверное, был самым массовым отечественным движком, который ставили на мотоблоки, и который нам в починку волокли граждане. А так как запчастей на это чудо постоянно не хватало, то многие вещи мы делали сами. Точили жиклёры, резали пружины для стартеров и подгоняли систему компрессии с других движков. В общем, я этот пятисильный двигатель знал очень хорошо. Но отталкиваться пришлось не от моих знаний, а от размеров имеющихся у меня подшипников.

И вот с этой самой системой компрессии у меня и случился затык. Долго и нудно перебирал в голове варианты пока не вспомнил про «Зид-4.5». Проще него из знакомых мне двигателей был только германский веломоторчик «MAW». Но к той крохе без алюминиевого литья подступится будет крайне сложно. Поэтому я свой выбор остановил на двигателе завода имени Дегтярёва.

Это даже представить трудно сколько бумаги, нервов и денег, я извёл чтобы получить от литейщиков и токарей необходимые мне части! Хорошо, что не стеснялся с деда стряхивать дополнительный кэш, когда он приезжал из столицы. А ещё больше терпения нужно было чтобы напильниками подогнать эти части под то, что мне требовалось.

В этой грубой работе мне большую помощь оказал Мауно Утила, которому я предложил работу с фиксированной почасовой оплатой. Так-то у него была и учёба, и его пионеры, и работа на бондарном заводе. Но он всё равно находил время по воскресеньям чтобы мне помочь, ну и подзаработать десять пенни в час.

— Поливает нещадно. Ты всё равно на вокзал пойдёшь? — спросил меня, вернувшийся с улицы, мальчишка.

— А куда деваться? Дед на вечернем поезде приедет. Надо встретить. И не пойду, а позвоню на телефонную станцию и вызову экипаж. Старый же с багажом будет.

— Телефон — это хорошо, — согласился со мной Мауно. — А мне что делать?

— Оставайся, приберись только. И начинай рокер зачищать. Или, если хочешь, поехали со мной, я тебя до приюта подброшу.

— Не. Я останусь.

— Ну, смотри сам. Только микрометром чаще измеряй, — отдал я последние распоряжения и поспешил в жилую часть дома.

Кто бы знал чего стоило мне найти точные измерительные инструменты в метрическом

исчислении в нашей глуши. Еле нашёл побитый жизнью микрометр американской фирмы «Браун и Шарп». Зато во время поездки в Швецию я оторвался по полной и приобрёл с запасом измерительного инструмента.

— Чего это у тебя ногти такие грязные? — неожиданно наехал на меня дед Кауко, когда мы наконец добрались с вокзала до дома и разгрузили его багаж.

— Двигатель мастерю, — буркнул я. — Не успел вычистить.

— Опять что-то патентовать придётся?

— Там всё надо будет патентовать. Не сейчас, а когда закончу, — успокоил я деда.

— Ну-ну, — пробормотал он и неожиданно огорошил меня. — Завтра с утра домой езжай! Там мать твоя вся в слезах и панике!

— Случилось чего? — обеспокоенно влезла в нашу беседу бабушка Тейя. — Помер кто?

— Тьфу на тебя, калоша старая! Ничего страшного. Письмо пришло! Требуют твоего внука к царю привезти. Летом.

— Ох, Святая Мария! За что? Зачем? Зачем им наш ребёнок сдался? — и бабуля неожиданно заплакала.

— Во! И дома такая же хрень! Все бабы плачут и рыдают! Так что утром на наш поезд садись и езжай домой, мать успокаивать. В лицей твой я записку напишу. Пусть отпуск тебе на пару дней дадут...

Не сказать, что после отъезда на учёбу в Улеборг я был дома редко, но моему приезду все очень обрадовались. Особо радовался мой тонтту, теплым облачком носящийся вокруг меня. Мама предъявила письмо-приглашение на посещение царской резиденции в августе месяце, за подписью министра императорского двора. Приглашение оказалось именным, лично мне, Матвею Матвеевичу Хухта, плюс ещё одно лицо для сопровождения. Естественно, таким лицом самоназначила себя мама и уже успела убедить всех, что никому не отдаст своего ребёнка. С чего она взяла, что меня собираются отбирать, я так и не понял. А при попытке её успокоить, ещё отхватил и подзатыльник.

— Мама! Да никто не собирается меня отбирать. Это, наверное, из-за моих книг. А если и решат чего, так ты же со мной. Я царю вружу, а ты царице — и убежи... Ой! — мне прилетела от родительницы крепкая затрещина.

— Даже не смей ничего плохого задумывать на наших монархов! Ты меня понял? — меня ухватили за шиворот и, приподняв, заглянули прямо в глаза.

— Дда, мам! Понял! Что с тобой? — меня ещё пару секунд подержали на весу, разглядывая в упор, после чего я был обнят и залит материнскими слезами.

По-моему, мне надо линять из этого дурдома как можно скорее. Зря меня дед сюда отправил. До августа ещё далеко, всё само собой успокоится и устанет.

А ночью мне приснился чудесный сон. Я летал над островом или полуостровом с множеством озёр, рек и водопадов. А вершина самого высокого холма была со старым вулканическим кратером, на дне которого лежал расколотый на две половинки рыжий камень-сейд. И даже, скорее, не расколотый, а разрезанный неизвестным способом, так как стенки разреза были идеально ровными. От этого странного камня исходило знакомое тепло, точно такое же, как и от моего домового и от сейда, под которым я пролазил в пятилетнем возрасте.

Проснулся с счастливой улыбкой и долго лежал в постели, вспоминая сон. Что же это я такое увидел? Или это проделки моего Хири? И он мне так показал где жил и родился? Тогда, получается, что сейды — это их домики или яйца, откуда они и вылупляются. Красивая и интересная гипотеза. Можно будет даже вставить в какой-нибудь рассказ.

За завтраком выяснилось, что всем обитателям дома приснилось что-то хорошее. Анью — её будущая свадьба. Бабушке Ютте — её мама, с которой она во сне собирала грибы. А отцу с мамой — какие-то хорошие эпизоды из их детства. В общем, похоже, Тонтту поработал семейным психологом, убрав у всех негатив из-за полученного письма.

Что тут же проявилось в том, что меня выперли из родного дома в город, продолжать и дальше грызть гранит науки. А я так надеялся остаться на пару дней, повидаться со своими пионерами и вволю пострелять. В городе просто негде было. Вернее, тир существовал и вход в него стоил немного, но по правилам посещать его могли лица только с четырнадцати лет.

Пока ждал поезд, наблюдал как в одном из соседних с вокзалом дворов мужик обжигает какую-то тушу паяльной лампой. Вроде только недавно предложил своим родственникам такой способ, а ты же смотри — уже и в селе лампами пользуются.

Эта лампа не выходила у меня из головы всю поездку в город. Я так и этак прикидывал как можно её использовать для пайки или даже для сварки. Медь точно можно при её помощи варить, а вот латунь или бронзу — даже не знаю. Интересно, а газовая сварка уже

есть? Что-то я ничего подобного ещё нигде не видел. Надо будет поинтересоваться, смогут ли Ньюберги мне в этом помочь. Ведь именно Карл Ньюберг, мой дальний родственник через супругу моего старшего брата Кауко, и был изобретателем и производителем паяльной лампы.

Но идти с этим вопросом напрямую к Ньюбергам я не стал. Спасибо, научен. Озаботил этим деда. Чтобы потом не было воплей и подзатыльников от этого старого пердуна об упущенной выгоде. Рисунок нарисовал, описал что и как по моей идеи должно было работать, да и отдал ему с просьбой не затягивать.

.....

Мой десятый день рождения отпраздновали в городе. Так как он пришелся на вторник, то всё ограничилось праздничным ужином и подарками. Дед Кауко, в складчину с приехавшим из Гельсингфорса Ээро Эркко, подарил, наверное, самый дорогой подарок из всех. Печатную машинку «Underwood-5» с шведской клавиатурой, с буквами «Å, Ä, Ö», что позволяло печатать и на шведском и на финском языках. Отсутствовали только лишь буквы «Š и Ž», но дорисовать гачек к стандартным S и Z можно было и от руки. Как позже рассказал мне дед Кауко, эта машинка в Гельсингфорсе стоила аж семьсот марок.

Мои бедные уши горели огнём наверное ещё пару дней после днюхи. И всё из-за моей недалёковидности. Не знаю почему, но в той местности, куда я попал, дёргать за уши на день рождения было не принято. Хотя, как я читал в книгах своего времени, в остальной империи, это традиция вполне себе существовала.

Ну, и ради прикола, я стал дергать за уши именинников из своей детской банды. Естественно и моим ушам тоже доставалось во время моих дней рождений. И как-то незаметно эта наша традиция распространилась сначала на всех детей в селе, затем перекинулась на взрослых и вместе с ними вернулась к нам на хутор. Бумеранг вернулся. Конечно, кто-то из гостей таскал мои уши нежно и осторожно, а кое-кто, как дед Кауко, приподнимал меня за мои ушки на полном серьёзе, даже слёзы на глазах наворачивались. Но я стойко терпел и дал себе слово, что отомщу ему на его днюхе.

Переводные экзамены в шестой класс через неделю после дня рождения я сдал, можно сказать — с лёгкостью. А вот Микки пришлось попотеть. Всё же по возрасту он, как и я, должны были ещё учиться в начальной школе. И если мне хоть частично помогали знания из первой жизни, то бедный кузен грыз тот самый гранит науки в прямом смысле. И иногда давился гранитными крошками. Поэтому мне и приходилось постоянно его опекать и направлять в нужную сторону.

Зря я строил планы на начавшие летние каникулы. Их похерил опять-таки дед, который назначил меня переводчиком к датчанам-инженерам. Микки тоже не повезло, его дед отправил поработать учётчиком по приему кирпичей на начавшей стройке на моём «Зелёном» острове. Деду вместе с покупкой части «Нормы» удалось сманить и две семьи датчан, работавших на заводе инженерами.

По какой-то неведомой причине эти датчане не захотели переезжать в Швецию и уж тем более возвращаться в Данию. Было их довольно прилично. Две старшие семьи и четыре младшие, семьи детей инженеров. И все, так или иначе, работали на патронном заводе.

Когда они жили в Норвегии, то у них не было причин изучать шведский язык. Дед, хоть и знал пару десятков датских слов, в основном матерно-морских, но общался с датчанами на английском языке, который главы семейств знали практически идеально. Но так как дед

Кауко не мог находиться сразу в нескольких местах, то в качестве переводчика привлек меня, дав наказ учить ещё и датский. Блин, не было печали. И зачем я согласился на просьбу отца купить завод в Стокгольме?

Не забыл дед похвастаться мной перед датчанами и как начинающим мастером-оружейником, предъявив им один из моих однозарядных «Пионеров». К моему глубокому удивлению Кристоффер Бондер — инженер-капсюльщик, мою поделку похвалил.

— Прекрасный учебный пистолет. И если, как вы говорите, сделан из обрезков старых винтовочных стволов, то и должен быть довольно дешев в производстве. Вы его патентовали, герр Хухта? — обратился он к деду.

— Да, герр Бондер. Но только в княжестве и в унии. Вы думаете, у этой поделки есть какой-то шанс на коммерческий успех?

— Ну, если немного доработать. Но это не ко мне. А вот юному мастеру нужно учиться. Хотите, я попробую уговорить одного старого мастера-оружейника стать учителем вашего внука? Тем более, что мне всё равно нужно будет ехать вербовать рабочих в родной Дании.

— Было бы неплохо. Если у вас это получится, то мы обеспечим такого мастера жильём и окладом.

Ну, вот, опять всё без меня порешали. Хотя обсуждали вроде меня и мой пистолет, а моего мнения так никто и не спросил, хочу ли я мастера-наставника себе? Да ещё старого! Чему он меня может научить? Как делать мушкеты и дуэльные пистолеты? Тьфу! Обидно!

Обидно было и другое — дед без моего ведома отдал «Песчаный» остров датчанам. Приехав первый раз посмотреть куда же их, собственно, зазывают работать и жить, они, по словам деда, прям влюбились в мой маленький остров и потребовали его себе под строительство домов. Короче, после долгих и жарких споров дед согласился отдать им остров в личное владение, но только после десяти лет с момента начала полной работы завода. В моём владении оставался лишь небольшой кусочек земли на юго-западной оконечности острова, через который должны будут пройти мосты.

Тогда же, во время споров за остров, было решено, что в первую очередь будет строиться капсульный цех и пороховой. Связанно это было с тем, что линия по выпуску капсулей производила бердановский стандарт. Что могло дать неплохую прибыль, так как все российские патронные заводы перешли на выпуск капсулей к патронам трехлинейного калибра.

Так же я узнал, что вместе с оборудованием нам достались ограниченные лицензии на патенты по производству пороха и патронов. По патронным лицензиям наши линии могли выпускать не более десяти тысяч патронов в сутки каждая. А пороховая лицензия вообще меня поразила. Даже не знаю каким способом «Норма» смогла получить лицензию на Нобелевский баллистит, патент от 1888 года за номером 1471. И самое главное — почему отдала вместе с производственной линией? Но эта бумага давала нам право на выпуск бездымного пороха в количестве не превышающим двухсот шведских фунтов в сутки. А это — восемьдесят пять килограмм пороха. Учитывая, что на патрон надо только два с половиной грамма пороха, то мы полностью перекрывали все наши потребности.

.....

— Государя императора и государыню императрицу величать только Ваше Величество, их дочерей, если они будут участвовать в этой встрече — Ваше Высочество. Это понятно? — спросил майор Ааро Корханен. Помнится, в прошлый свой приезд к нам, за моей фотографией, он был ротмистром. Растёт, однако.

— Да, господин майор, — почти синхронно ответили мы с матушкой.

— Сударыня и вы, молодой человек, вы хорошо знаете русский язык, поэтому общайтесь только на нём. Привычное вам обращение «херра» к кому либо из мужчин в русском языке имеет некоторую оскорбительную двусмысленность, — монотонно бубнил Ааро Корханен.

Эти многочисленные инструктажи уже немного начали раздражать. Первый инструктаж майор провел ещё у нас дома, когда подбирали одежду для визита к императорской семье. Меня, как куклу, переодевали трижды и остановились на самом первом варианте, повседневном мундире лица.

В вагоне генерал-губернатора, который специально прислали за нами, нас ещё и тщательно обыскали. Маму, естественно, обыскивала женщина и в отдельном купе, а я обошелся выворачиванием карманов и проверки двух томиков моих новых книг, которые я прихватил в качестве подарка. Книга — лучший подарок! А то у меня были мысли прихватить всякой всячины, вертушек для царевн, зимнюю удочку для царя и пакетики с чаем для царицы.

Мои поползновения на чай пресёк дед Кауко, который заявил:

— Даже не вздумай! Мы с Стокманнами уже подписали договор с Густавом Паулигом о производстве чая в мешочках. А что на ум царю взбредёт, один хийси знает. Отдаст кому ещё — и поминай наши доходы. И прочего ничего не тащи, не позорься. Вон, книжки свои последние со сказками возьми лучше. И, на, денег возьми, — протянул он мне две купюры по пятьдесят марок. — А то туда везут, а назад могут и забыть. Хоть на поезде доберётесь.

Из Улеборга наш маленький состав, состоящий всего из двух вагонов и паровоза, выехал вечером. С таким расчётом, чтобы прибыть в Котку рано утром и предстать перед императорской четой сразу после их завтрака. В этом году императорская чета отдыхала в «русской избе», на даче отца Николая II, Александра III. Как я понял из скупой информации, которой с нами делился господин майор, царская семья запланировала встречу со мной в свой последний день отдыха в княжестве. И сразу же после второго завтрака убывала на свою яхту. Интересно, а когда у них второй завтрак? А нас там кормить будут?

Но на мои вопросы у жандарма ответов не было. Выходит, что я как тот слон, которого по городу водили. Посмотрят на «неведомую зверушку», похвалят и забудут. Может, и правда, стоит Николашку попробовать завалить? Что-нибудь длинное и острое ему в глаз засадить, прям до мозга.

А толку? Что это даст? Кто царем станет? Михаил? Не думаю, что что-то изменится в политике государства. Меня, конечно, не казнят, мал ещё, да и общество в империи дурное, любит за террористов вступаться. А вот семью жалко, съедят её. Причем, свои же, финны. Не, нафиг, я и маме обещание дал, что не буду ничего дурного замышлять на наших монархов. Но вот когда они станут не монархами, вот тогда и можно с них профит поиметь, в лихую годину попробовать спасти царевен в обмен на деньги лежащие за границей. На этой мысли я и заснул под стук вагонных колёс.

Ранним утром, сразу после превосходного и обильного завтрака, господин майор опять включил свою пластинку инструктажа, как нам вести себя в присутствии монархов. Но толком не успел разойтись, как наш короткий поезд прибыл прямо внутрь крепости Кюминлинна, где нас уже ждали конные экипажи.

Пересадка из поезда в коляски и довольно быстрое движение в крепости и по дороге, не дали мне возможности рассмотреть получше эту крепость-звезду, построенную по указанию Суворова. Десять минут поездки — и мы въехали на территорию царской резиденции

в Лангинкоски. Сама дача Александра III располагалась на отдельном острове, куда вёл деревянный мост с воротами, охраняемыми двумя солдатами и целым штабс-капитаном.

Проверка нашего приглашения не заняла много времени, и я с мамой, в сопровождении штабса, вступил на мост. Наш майор остался за забором, надеюсь дожидаться нас, чтобы доставить обратно.

Дача представляла из себя деревянный дом из крашенного в коричневый цвет бруса, с мансардой и с длинным крытым крыльцом вдоль всего строения. Николай и Александра уже находились на крыльце. Императрица полусидела-полулежала в инвалидном кресле, укрытая клетчатым пледом, и курила длинную пахитосу. Император сидел рядом с ней на стуле и с жаром что-то ей доказывал, размахивая правой рукой с зажатой в ней дымящейся папиросой. А вот принцесс нигде видно не было. Может их позже позовут?

При виде подходящих нас, Николай прекратил свой монолог. Улыбнулся и после доклада штаб-ротмистра и передачи нашего письма-приглашения, сопровождавший офицер был отпущен.

— Здравствуйте, Ваши Величества, — по очереди поздоровались мы, а монаршие супруги переглянулись и заулыбались, не забыв поздороваться в ответ, поименовав маму — сударыней, а меня — милым мальчиком. Маме предложили стул, а меня оставили стоять пешком.

И тут же начали задавать множество вопросов. Императрицу в основном интересовало, как я в столь малом возрасте придумываю такие замечательные сказки и откуда беру сюжеты. Слава Богу, что мы получили приглашение заранее, и у меня было время подумать, что отвечать на подобные вопросы. Отдал ей привезенные с собой два томика с переделанными «Джингликами» на русском языке, которые специально напечатали в дорогом исполнении и с шикарной обложкой в типографии Стокманнов.

Николая же интересовала практическая часть моих литературных знаний и умений.

— Матвей, а ты можешь, вот прямо сейчас, что-нибудь сочинить? — улыбаясь в усы спросил меня самодержец.

— Ваше Величество, стихи, просто так, из неоткуда, не рождаются. Не пишутся...

И тут же, вспомнил подходящее стихотворение Андрея Вознесенского. И не сдержавшись, процитировал его:

Стихи не пишутся — случаются,
как чувства или же закат.
Душа — слепая соучастница.
Не написал — случилось так.

Александра Фёдоровна захлопала в ладоши, а взгляд императора потяжелел и он укоризненно мне бросил, перейдя в обращении на вы:

— С таким настроем, молодой человек, вас, как поэта, забудут очень быстро.

— Извините, Ваше Величество! Виноват, исправлюсь! Минутку.

Хотя исправляться даже и не собирался. Обидеться, так обидеться. Прикрыв глаза вспомнил стихи, написанные по мотивам «Наверное, это старость» Ольги Бакулиной. Читанные в прошлой жизни, в интернете и запавшие мне в душу. Чуть-чуть их подправив, выдал:

Глаза открываю — восемь,
Сходил на вокзал — среда,
Сварил себе кофе — осень,
Прилег отдохнуть — зима...

Вот так и летят мгновения,
Незримою чередой.
Вчера не обузданы рвения,
Сегодня старик седой.

А завтра меня не станет,
Такой мой земной удел.
И помнить, увы перестанут,
Ссылаясь на множество дел.

— А вот это намного лучше, — улыбнулся император и попросил. — Запишите мне эти стихи. — И вытащив из нагрудного кармана блокнот, вырвал лист и протянул вместе с карандашом. — Впрочем, на обратной стороне, запишите и первый ваш стих. Хотя он и был неуместен, но есть в нём что-то особенное.

Внезапно императрица показала супругу какой-то знак и, выхватив откуда-то колокольчик, зазвенела им. Появившаяся служанка, а может и фрейлина, фиг их знает, ухватила коляску с царицей и укатила в дом.

— Извините, Александре Федоровне нездоровится, — внезапно повинился перед нами царь.

Ну, ещё бы ей не здоровилось. За тот час, пока шел мой допрос, она скурила не меньше десяти папирос. Да и Николай от неё не отставал и дымил как паровоз.

— Какиенибудь просьбы или пожелания есть? — тем временем поинтересовался государь у моей матушки.

— Нет, Ваше Величество! Спасибо, Ваше Величество!

— А у вас молодой человек? — император так и не вернулся к общению на ты, как это было в самом начале встречи.

— Да, Ваше Величество, есть одна просьба. Верните нам в село в школу русский язык.

— Ммм. Не понял. Как это вернуть? — удивился Николай.

— Вот, мама лучше расскажет, как у нас в школе преподавали русский язык, а затем отменили.

И мама рассказала. Сначала немного смущаясь, но быстро избавившись от своего смущения, поведала самодержцу о истории появления у нас в школе учительницы русского языка и о том, что в дальнейшем произошло.

— Ясно. Насколько я знаю, в княжестве русский язык обязаны преподавать во всех гимназиях без исключения. Но у вас в селе только начальная школа. И вы, молодой человек, хотите, чтобы я поспособствовал открытию гимназии у вас в селе?

— Да, Ваше Величество. Но у нас эти школы называются не гимназиями, а народными средними школами, — зачем-то пояснил я, и тут же получил отлуп за свой слишком болтливый язык.

— А вы дерзки не по годам, юноша. Я не просил вас поправлять меня. Впрочем, раз я

сам спросил о просьбах, то постараюсь помочь вам.

На чём высочайшая аудиенция была окончена, и царь, распрощавшись с нами, ушёл в дом, а я с мамой потопал к мосту. Сразу за воротами штабс-капитан протянул нам бумажный свёрток и пояснил:

— Подарки от государя и государыни. Сейчас не открывайте, посмотрите в поезде.

Но зайдя в купе ожидавшегося нас поезда, вместо рассматривания полученных подарков, я был схвачен мамой за волосы на висках и подвергся лютой выволочке за дерзость в отношении царя. Больно было невероятно, но я сдержал себя — и так и не заплакал. Мда, мне эта встреча с монархами явно выйдет боком. И перкеле меня дернул заняться литературой? Ну, да ладно, прорвёмся какнибудь.

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net